

А.И. МАЗИН

ТАЕЖНЫЕ
ПИСАНИЦЫ
ПРИАМУРЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

А. И. МАЗИН

ТАЕЖНЫЕ
ПИСАНИЦЫ
ПРИАМУРЬЯ

Ответственный редактор
д-р ист. наук Е. И. Деревянко

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

М а з и н А. И. Таежные писаницы Приамурья.— Новосибирск: Наука, 1986.

В монографии рассматриваются писаницы таежной зоны Приамурья. Описываются наскальные рисунки, как ранее известные, которые вновь обследованы, так и новые, открытые за последние годы Североазиатской археологической экспедицией. Разрабатывается проблема хронологии наскальных изображений таежной зоны Приамурья и сопредельных территорий, анализируются их тематика, стиль, а также семантика с широким привлечением этнографических аналогий.

Книга рассчитана на археологов, искусствоведов, историков-

Р е ц е н з е н т ы В. И. Молодин, М. И. Рижский

**M—0507000000—826
042(02)—86 39—86—I**

© Издательство «Наука», 1986 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена замечательным памятникам древнего искусства — «писаницам» таежной зоны Приамурья. Они представляют ценнейший материал, из которого можно «почерпнуть» разносторонние сведения о древних обитателях бассейна р. Амура начиная с палеолита и кончая поздним средневековьем.

Первые данные о петроглифах Нижнего Амура у с. Шереметьевского по р. Уссури получены в середине XIX в. Р. К. Мааком. В конце XIX — начале XX в. ареал петроглифов Нижнего Амура расширился. Появились сведения о древних изображениях на скалах у с. Сакачи-Алян, стойбища Май и по р. Кии. Все эти памятники подробно описаны и интерпретированы в фундаментальном труде академика А. П. Окладникова «Петроглифы Нижнего Амура».

Красочные писаницы таежной зоны Приамурья из-за своей труднодоступности стали известны очень поздно. Отрывочные сведения о них носят в основном описательный характер, вопросами их интерпретации исследователи не занимались. Материалы, опубликованные автором совместно с А. П. Окладниковым в книге «Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья», не дают общего представления о писаницах таежной зоны Приамурья и не раскрывают всех проблем, связанных с ними.

Основной целью данной работы является введение в научный оборот и интерпретация имеющихся материалов по наскальным рисункам таежной зоны Приамурья.

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемой датировки наскальных рисунков сопредельных территорий. Приводятся местонахождение писаниц таежной зоны Приамурья и описание рисунков. Выясняются вопросы их хронологии, стиля, тематики, содержания и этнической принадлежности.

Ареал распространения писаниц таежной зоны Приамурья охватывает огромную территорию (более 0,5 млн. км²) между Яблоновым, Становым, Буреинским хребтами и долиной р. Амура.

Для съемки писаниц использовалась отработанная методика. Вначале производились топографическая съемка и фотографирование местности, затем — выявление рисунков, их фотографирование, копирование и, наконец, описание. Все рисунки нанесены красной охрой. Копировались рисунки на тушевую высветленную кальку или полиэтилен (для красочных рисунков это самый приемлемый способ фиксации).

Материалы по наскальным рисункам, описанные в книге, снимались и обрабатывались нами в конце 70-х — начале 80-х гг. В съемке рисунков автору помогали А. Зенин, В. Петров, И. Шунько, Е. Ковычев. Помещенный в работе иллюстративный материал выполнен И. Шунько и автором. Фотографии, компоновка и оформление рисунков и таблиц сделаны автором. Большую помощь в организации экспедиций по съемке наскальных рисунков Приамурья и во время обработки материалов оказал чл.-кор. АН СССР А. П. Деревянко.

Глава I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПИСАНИЦ ПРИАМУРЬЯ

Впервые известия° о писаницах Приамурья были получены в середине XIX в. от одного из первых исследователей Амура Р. К. Маака. В 1859 г. им были зафиксированы наскальные рисунки на правом берегу р. Уссури у с. Шереметьевского. Он подробно описал местонахождение памятника и часть его рисунков. «Здесь между прочим я видел изображение человека верхом на лошади, птицу, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся; также очерк человеческого лица с лучами, исходящими от него во всем направлении, высеченный в весьма грубых и неполных очертаниях»¹.

В 1860 г. в газете «Амур», издававшейся в Иркутске, появилось сообщение К. Ф. Будогоского о том, что на одном из утесов по р. Уссури «высечены изображения: голова тигра, рыбы, какие-то знаки»².

В 1894 г. шереметьевские наскальные изображения осмотрел Н. Альфтан. Он кратко описал рисунки и указал, что они расположены на правом берегу Уссури тремя группами. В статье Н. Альфтана помещены часть изображений и план городища, находящегося на скале³. В дальнейшем эти сведения о шереметьевских рисунках были использованы в обобщающей сводке по археологическим памятникам Дальнего Востока, составленной Ф. Ф. Буссе и Л. А. Кропоткиным⁴.

В 1895 г. в «Приамурских ведомостях» появилось первое известие о древних изображениях на скалах по правому берегу Амура вблизи с. Малышево и пос. Сакачи-Алян. В заметке описывалось местонахождение писаниц и помещались несколько рисунков — изображения орнаментированного лося и нескольких антропоморфных лицин. Указана также техника выполнения рисунков — «желобообразными линиями»⁵. Наиболее ранние сведения о Сакачи-Алянских писаницах имеются в неизданных еще дневниках Палладия Кафарова — выдающегося русского востоковеда XIX в., одного из пионеров исследования ранней истории Дальнего Востока. Кафаров получил сведения о камнях с древними изображениями на берегу Амура от этнографа Протодьяконова⁶. Эти данные также отражены в сводке археологических памятников Ф. Ф. Буссе и Л. А. Кропоткина⁷.

Первая заметка, специально посвященная Сакачи-Алянским писаницам, принадлежит видному американскому востоковеду

XIX в. Бертольду Лауферу, участнику этнографической экспедиции на Амур, организованной американским Музеем естественной истории в Нью-Йорке. В 1899 г. он опубликовал сведения о петроглифах Амура, отметив, что при слиянии рек Орды и Амура у гольдского поселка Сакачи-Алян на песчаном правом берегу находится много валунов, частью рассеянных, частью собранных в длинный вал, который производит впечатление искусственного укрепления. На некоторых из валунов имеются «курьезные петроглифы», очевидно — глубокой древности. Что же касается самих рисунков, то они представляют, по словам Лауфера, человеческие лица, а также фигуры животных. Затем Лауфер дает краткое описание самих рисунков⁸.

В конце XIX в. получил известность также и камень с древними изображениями у с. Калиновки на правом берегу Амура. О нем писал Г. Фоук, участник этнологической экспедиции американского Музея естественной истории в Нью-Йорке⁹.

В 1919 г. во время путешествия по Сибири сакачи-алянские рисунки осмотрел японский историк, этнограф и археолог Т. Рюдзо. Он описал местонахождение памятников и отметил, что рисунки нанесены на скальной поверхности естественного обнажения на берегу Амура и представляют собой изображения оленей, других животных, а также людей. Рюдзо замечает стилистическое сходство антропоморфных фигур на писаницах и глиняных статуэток, относящихся к каменному веку Японии¹⁰.

Сведения о петроглифах Сакачи-Аляна имеются также у В. К. Арсеньева¹¹, Л. Я. Штернберга¹², Н. Г. Харламова¹³, А. М. Золотарева¹⁴. Знаком был с ними и видный этнограф И. А. Лопатин¹⁵.

Первые известия о красочных наскальных рисунках Среднего Приамурья появились в 30-е гг. XX в. Это сообщение Саенко о «писаном камне» по р. Архаре, находящемся в 52 км на северо-восток от ст. Архара. Он представляет собой скалу, вертикально возвышающуюся над уровнем р. Архары на 7—8 м. Поверхность скалы довольно гладкая, на ней нарисованы красной краской какие-то «петроглифы». «Если зимой смотреть с реки на скалу,— писал Саенко,— некоторых знаков нельзя разобрать, настолько сильно они стерлись. Рядом с этими знаками имеется русская надпись: „Экспедиция 1902 года“ и какая-то фамилия. Среди населения распространена легенда о том, что надпись принадлежит японцам, которые делали изыскания в этом районе»¹⁶.

В 1925 г. впервые появились данные о писаницах Верхнего Приамурья. Их описал А. К. Кузнецов в своей известной работе о развалинах Кондуйского городка. Писаница расположена в урочище Мехачинихе, в четырех верстах от с. Хутор и в трех верстах севернее Коноваловки. Попутно он высказал и свои предположения о смысле этих рисунков. В одном из них А. К. Кузнецов увидел «изображение священного медведя, которому поклонялись аборигены»¹⁷.

В 1935 г. петроглифы Сакачи-Аляна и у стойбища Май были осмотрены, частично скалькованы и скопированы на эстампатах участниками Нижнеамурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР в составе А. П. Окладникова и М. Я. Черемных. Результаты знакомства с петроглифами Нижнего Амура отражены в сборнике научно-популярных статей А. П. Окладникова «Раскопки на севере», где была высказана мысль о том, что на

большой фигуре лося в Сакачи-Аляне отразилось влияние скифо-сарматского искусства. Основанием для такого предположения явилось изображение фигуры, вписанной в бедро лося¹⁸.

Большая работа по исследованию наскальных рисунков Приамурья была проведена в 1953—1970 гг. участниками Дальневосточной археологической экспедиции сначала Института археологии АН СССР, а затем Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова.

В 1954 г. отряд ДВАЭ в составе А. П. Окладникова (руководитель), В. Е. Ларичева, Ю. А. Завитухина, Э. В. Шавкунова произвел археологическую разведку по рекам Ингоде, Онону, Шилке и Амуру. В результате были обследованы и отсняты писаницы около г. Читы по левому берегу р. Ингоды — Титовская сопка и Сохатинский камень¹⁹, а также писаницы возле с. Усть-Карска по р. Каре в 10 км выше устья и в 10 км ниже с. Саблино в устье р. Шайкино²⁰, по Амуру в устье Джалинды в распадке Ключевом, в устье Калиновки и в 112 м выше с. Смирновки на берегу Амура²¹.

В августе этого же года по поручению А. П. Окладникова В. Е. Ларичев скальковал и сфотографировал наскальные рисунки по р. Архаре²².

В 1959 г. М. И. Рижский обследовал писаницу в районе с. Бутиха. Рисунки были обнаружены жителем пос. Верхняя Хила И. Р. Рязанцевым. Расположена писаница в 15 км от с. Бутиха, в пади Оля, отпадке Попова на останце высотой 8—10 м. На ней «красной краской (кровавиком) нарисованы охотник с луком, целящийся в оленя, и группа зверей: три кабана, левее олень или лань»²³.

В том же году Благовещенский педагогический институт организовал историко-этнографическую экспедицию. В результате поисков в верховьях р. Зеи по правому ее притоку — ключу Онени, по сообщению В. С. Евдокимова, был обнаружен писанный камень: «Писанный камень № 1 на р. Онени, у которого работала экспедиция, находится на правом ее берегу, приблизительно в 40 км от устья. Он представляет собой небольшую скалу. Высота ее 5 м, длина 6,5 м, ширина 5 м.

Камень обвалился во многих местах. Рисунки, нанесенные бордово-оранжевой краской, распались на куски. Обвалились большие глыбы, весом в несколько центнеров, и, видимо, большинство рисунков погребли под собой. Наиболее ясно видно изображение задней части оленя на нижней стороне упавшей глыбы. На северной стороне камня такой же краской нанесен целиком сохранившийся рисунок, но, что именно на нем изображено — определить трудно. Старый эвенк, каюр экспедиции, утверждал, что это изображение «камлающего шамана». Краска впиталась в камень настолько, что ее невозможно выдолбить даже геологическим молотком»²⁴.

Сведения о втором писаном камне записаны В. С. Евдокимовым со слов старого эвенка Улукчитканы: «В 5—6 км выше первого обследованного экспедицией камня в Онени впадает ключ Хэкивдек. На косогоре, который клином вдается между ключом и речкой, возвышается большой конусообразный камень высотой до 15 метров. На лицевой стороне его, повернутой к речке и обращенной на закат, нанесены бордово-бурый краской изображения мужчин и женщины с ребенком между ними. Остальные стороны камня покрыты рисунками зверей, птиц, рыб. Краска настолько впиталась в камень, что ее невозможно выдолбить топором. Писаница имеет целый ряд вхо-

дов въутрь. Один из них ведет в настоящую комнату, внутри которой тоже якобы имеются рисунки»²⁵.

Со слов служащего Зейского райисполкома Завьялова В. С. Евдокимов описал писаницы в устье ключа Чаповского — правого притока Урканы: «При поисковых работах на правом берегу реки Урканы, несколько выше устья ключа Чаповского, на скале были обнаружены высеченные в натуральный рост фигуры оленей.

Рисунки, видимо, высечены очень давно, так как видны следы большого выветривания камня, но фигуры зверей выбиты глубоко и хорошо сохранились»²⁶.

Во время этнографической экспедиции по Джелтулакскому району в 1960 г. В. А. Туголуков осмотрел и частично зафиксировал наскальные рисунки около бывшего пос. Средняя Нюкжа и по р. Геткан. В опубликованной статье он указал их местонахождение, характеризовал технику исполнения рисунков и описал камни, на которых они были нанесены. К статье приложено пять рисунков, которые, правда, далеко не соответствуют реальной действительности. Что касается возраста писаниц, то, судя по высказыванию В. А. Туголукова, он не считает их очень древними²⁷.

В 60-х — начале 70-х гг. А. П. Окладниковым были обследованы и отсняты писаницы Кирочи, Токтуй и Судуктуй в бассейне р. Онона (правый приток Шилки) и писаница Барауун-Кондуй в верховьях р. Урулюнгуй.

Писаница Кирочи расположена в долине р. Онона, в 1,5 км выше с. Кирочи. На своде и на стенах грота изображены антропоморфные фигурки и пятна, выполненные красной охрой (в настоящее время грот с наскальными рисунками взорван на строительный материал.— A. M.).

Наскальные рисунки на горе Токтуй находятся в Агинском Бурятском автономном округе, в Оловянненском р-не, севернее поселка колхоза Ахтогочан. Изображения выполнены красной охрой. На скальной поверхности изображены антропоморфные фигуры и изогнутые линии.

Судунтуйская писаница расположена в 15 км к западу от районного центра Судунтуй в местности Наран-Хун-Хэр, в 2 км к северу от молочной фермы, на скалистом холме, носящем название Шулутай. Рисунки — антропоморфные фигурки, изображения животных, крестов и точек — выполнены красной охрой.

Рисунки Барауун-Кондуй расположены в устье пади Барауун-Кондуй двумя группами, по обеим ее сторонам. Изображения животных, антропоморфных фигурок и пятен выполнены красной охрой²⁸.

Обследованные наскальные рисунки в бассейнах рек Ингоды, Онона и Урулюнгая А. П. Окладников опубликовал в двухтомнике по писаницам Забайкалья, выделив их в особую таежную группу писаниц: «Особо следует выделить некоторые рисунки, которые по технике исполнения краской сходны с селенгинской группой, но по сюжетам и стилю, а также по топографии существенно отличаются от нее. Эту группу забайкальских писаниц можно назвать лесной, или таежной, охотничьей»²⁹.

«Сюда относятся типично лесные местонахождения... на Сали в бассейне Витима, Бутиха на Шилке... наскальные изображения в долинах Онона и Шилки, в том числе самое богатое по представленным в нем сюжетам местонахождение около Судунтая, в Ачинском округе, на речке Хиле, Саган-хильин шулутай. Отсюда, с Оно-

на и Шилки, по существу, начинается новый культурно-исторический мир Верхнего Приамурья, хотя наскальные изображения Восточного Забайкалья в целом имеют еще много общего с селенгинскими степными писаницами»³⁰.

Датирует А. П. Окладников писаницы Верхнего Приамурья путем стилистического сравнения с писаницами Прибайкалья и Лены. «Древнее других, старше, должны быть петроглифы, более близкие к реалистическим таежным,— петроглифам Прибайкалья и Якутии. Более поздние рисунки те, в которых сильнее сказывается струя схематизма и условности»³¹. Далее А. П. Окладников все реалистические фигуры лосей относит к неолиту, а остальные изображения — к эпохе металла.

С 1958 по 1969 г. наскальные рисунки у с. Сакачи-Аляна ³² изучались Дальневосточной археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова. В это время были исследованы петроглифы на берегу Уссури ниже дер. Шереметьево ³³ и по р. Кии (приток Уссури)³⁴. Первое сообщение о петроглифах Кии появилось в 1966 г. в статье В. Яхонтова ³⁵.

Писаницы Нижнего Амура А. П. Окладников делит по стилю и содержанию на две хронологические группы: 1) архаическую, древнейшую и 2) более позднюю, мохэскую. Основная масса рисунков принадлежит к первой группе — архаической, в полной мере первобытной. Все эти древнейшие изображения выполнены техникой выбивания или, как иногда пишут археологи, «точечной ретушью»³⁶.

Архаическая группа петроглифов Нижнего Амура, в свою очередь, разделена А. П. Окладниковым на четыре фазы. К первой, мезолитической, фазе отнесены примитивные по технике исполнения и стилю фигуры лосей, быков, лошадей, лесных птиц, личины парциального типа и череповидные. Вторая фаза — расцвета неолитической культуры — представлена скульптурно трактованными личинами и личинами со сложным геометрическим заполнением их внутреннего пространства. Датированы они путем стилистического сравнения со сходными изображениями на сосудах из Вэзнесеновки и Малышево. Третья фаза характеризуется усилением орнаментализующих тенденций и развитием абстрактности. Кроме исполненных в такой манере личин, к ней отнесены и два изображения лосей с орнаментальным заполнением. К четвертой фазе отнесены вырезанные личины, датированные рубежом нашей эры ³⁷.

Вторая группа рисунков, отнесенная А. П. Окладниковым к мохэскому времени, выполнена резными линиями, некоторые изображения выплифованы или слегка протерты. Основные сюжеты этой группы — рисунки животных, змей, тигров, всадников, людей, лодок, сцен охоты и т. д.³⁸

Мохэскую группу рисунков А. П. Окладников делит на три неоднородных комплекса. «В первую стилистическую группу из всей массы резных рисунков можно выделить изображения животных с круто выгнутым „кошачьим“ туловищем, заполненным внутри поперечными полосами. Рисунки второй группы обнаруживают противоположную тенденцию. Существо ее в стремлении передать форму тела животного не округлыми, а прямыми линиями... И наконец, в третий стилистический комплекс резных рисунков входят самые простые, примитивные изображения типа граффити: всадники, линейные человечки-прутики, женский символ»³⁹.

Следует отметить, что в стиле и технике рисунков, а также в их сюжетах много общего: изображены в основном лодки, схематически трактованные животные. Такое единство может свидетельствовать о непрерывности как формальной, так и смысловой⁴⁰.

С учетом возраста обнаруженных недалеко от писаниц поселений (они относятся к I тысячелетию н. э.), техники и стиля нанесения рисунков А. П. Окладников относит вторую группу рисунков также к началу I тысячелетия н. э.⁴¹

Сопоставляя данные археологических раскопок, мифологии и этнографический материал, А. П. Окладников приходит к выводу, что древние художники Сакачи-Аляна — это предки некоторых малых народов, проживающих на этой территории.

Второй район писаниц Верхнего Приамурья — ниже слияния рек Шилки и Аргуни — был обследован автором в 1964—1972 гг. Материалы исследований опубликованы в нескольких статьях⁴² и совместной монографии с А. П. Окладниковым⁴³.

Писаницы Верхнего Приамурья расположены в долине Верхнего Амура, в бассейне Нюкжи, в среднем течении Олекмы и в верховьях Зеи и Гилюя. Они резко отличаются от петроглифов Прибайкалья, Забайкалья, Нижнего Амура, северо-восточной части Дальнего Востока и, в свою очередь, по стилю и содержанию относятся к двум локальным районам. В первый входят памятники, расположенные в долине Верхнего Амура и по р. Арби (приток Уркана), во второй — находящиеся в среднем течении Олекмы и в бассейнах рек Нюкжи, Гилюя и Зеи.

Рисунки в первом районе нанесены красной охрой на отвесные плоскости береговых скал. Выполнены сплошными контурными линиями, а также сплошной заливкой по контуру краской. В основном на писаницах изображены различные сцены, в которых действуют антропоморфные, зооморфные и змееобразные существа. Композиции небольшие: они состоят обычно из двух-трех фигур и изображают, например, борьбу змееобразных существ с зооморфными; зооморфное существо, глотающее шар, стоящее в окружении «драконов» с раскрытыми пастью; лодки с человеческими фигурами, нарисованными в виде стерженьков, и др.

Характерно, что у первой группы — рисунков животных, змееобразных, антропоморфных и зооморфных существ изображена раскрытая пасть. Все они датированы рубежом нашей эры⁴⁴.

Если наскальные рисунки первого локального района Верхнего Приамурья относятся только к раннему железному веку, то рисунки второго локального района датируются начиная с неолита и кончая поздним средневековьем.

Наскальные рисунки второго локального района Верхнего Приамурья, расположенного в устье р. Онени (приток Нюкжи), датируются IV тыс. до н. э. К ним относятся первый и второй слои изображений около бывшего пос. Средняя Нюкжа. В основном это рисунки животных, и только на рубеже III тыс. до н. э. на писаницах появляются антропоморфные изображения.

К III тыс. до н. э. отнесена писаница, расположенная по р. Геткан. Изображения животных на этой писанице начинают терять свою былую реалистичность; они уже не главные в композиционном сюжете. На арену выходит сам человек со своими колдовскими обрядами и сценами охоты; но в написании животных по-прежнему остается еще много архаических особенностей.

Памятники II тыс. до н. э. расположены на левом берегу Олекмы, в 15 км ниже устья Нюкжи, по р. Большой Онон и около пос. Средняя Нюкжа (четвертая группа рисунков). Они представлены антропоморфными фигурами, лодками, оленеводческими и мифическими сценами.

К памятникам раннего железного века второго района Верхнего Приамурья отнесены наскальные рисунки, расположенные по рекам Тунгурче, Тунгурчакану и ключу Горелому.

Памятники раннего железного века второго локального района продолжают сохранять традиции предшествующих памятников наскальной живописи данной территории. Кроме мифических сцен, на них, как и на более ранних памятниках, показаны сцены оленеводства: загон оленей и верховая езда на оленях. Сохраняется традиционная стилистическая особенность предыдущего периода — изображения животных с клиновидными головами. По сравнению с предшествующими памятниками в композициях раннего железного века появляется и совершенно новая техника нанесения животных сплошными линиями.

К средневековым писаницам Верхнего Приамурья отнесены наскальные изображения в верховьях р. Онени, правого притока Зеи, и третий слой рисунков Средненюкжинской писаницы. На них изображены животные, птицы и антропоморфные божества, которые представляют сцены магических обрядов, направленных на размножение диких и домашних животных, а также на добывчу диких животных и птиц⁴⁵.

Анализ источников показывает, что в древнем искусстве народов Приамурья по стилистической манере нанесения рисунков и тематике можно выделить два обособленных района. Это территория Нижнего Амура, петроглифы которого выделяются как сюжетами — преобладанием в тематике личин, так и характерным стилем — тенденцией к абстракции, к орнаментализму, и территория Верхнего и Среднего Амура, для наскального искусства которого свойственна охотничья и оленеводческая тематика. Если петроглифы Нижнего Амура достаточно полно представлены в литературе, то судьба красочных писаниц таежной зоны Приамурья совершенно иная. Имеющиеся публикации не дают общего представления об этих писаницах и не снимают проблемы их дальнейшего исследования.

Глава II

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ

Знакомство с писаницами Сибири и Дальнего Востока и накопление сведений о них начинаются с XVII в. В настоящее время о древнем наскальном искусстве этой территории в литературе собран богатейший арсенал сведений, который систематизирован и введен в научный оборот. Наиболее проблематичным звеном всех имеющихся публикаций являются вопросы хронологии.

В настоящей работе основное внимание уделяется проблемам датировки, которая является одним из наиболее важных критериев для дальнейшей работы с писаницами. Только после датировки этих памятников можно в полную меру использовать их в качестве исторического источника. В обзор вошли только те исследования, авторы которых в той или иной мере касаются проблем датировки. В данный раздел не вошли материалы по писаницам Восточной Сибири и Дальнего Востока, носящие описательный характер. Они детально рассматриваются в монографических работах по наскальным рисункам академика А. П. Окладникова (см. литературу к данной главе).

В исследовании писаниц Восточной Сибири и Дальнего Востока вопроса об их хронологии первым коснулся Э. Р. Рыгдылон. Исследовав писаницы в долине р. Куды и около дер. Арсеньевой, он связал их хронологически с могильными памятниками поздних кочевников. Основанием для такого предположения послужило то обстоятельство, что рисунки часто встречаются в местах, где есть захоронения кочевников¹.

В дальнейшем вопросами хронологии занимались М. П. Полесских, В. В. Свинин, П. П. Хороших, Н. Н. Диков, А. П. Окладников и автор настоящей книги. М. Р. Полесских и В. В. Свинин писаницы около с. Заваль по р. Оке, на горах Булак и Улан-Хада в 10 км от с. Хогот Иркутской обл., датируют путем стилистического сравнения с памятниками по Енисею, ранее датированными И. Т. Савенковым, Ангаре и Лене — датированными А. П. Окладниковым, и на горе Манхай — П. П. Хороших².

Большая работа по изучению и классификации наскальных рисунков проведена П. П. Хороших. Исследованные им писаницы Прибайкалья он относит к трем историко-хронологическим группам: неолиту, раннему железному веку и средневековью. По его мнению, неолитическими являются реалистичные фигуры лосей Большекадинской писаницы. Он датирует их на основе стилистического сопо-

ставления с аналогичными изображениями по р. Оке и на Каменных островах, которые в свое время датировались А. П. Окладниковым. Мелкие изображения лосей, рисунки оленей, лошадей, водоплавающей птицы и антропоморфных фигур писаницы Большого Кадинского порога П. П. Хороших относит к раннему железному веку. Аргументов, подтверждающих такую датировку, он не приводит³. Наскальные изображения на горах Булук⁴, Байтог⁵, Укыр, Манхай, в пределах Кудинских степей около улусов Старо-Хоготский, Хандагай и Маралтуйский П. П. Хороших датирует средневековьем. «Сравнивая рисунки на писанице Манхай с верхнеленскими писаницами, можно предполагать, что значительная часть рисунков на горе Манхай относится к древнетюркским изображениям курыканской группы. К этой же группе относятся и рисунки на горах Булук и Байтог, открытые мною в 1924 и 1928 гг. Часть рисунков на горе Манхай, вероятно, более позднего происхождения и относится к числу древних бурятских начертаний. Местные буряты, согласно родословным, живут в Кудинских степях 17 поколений, т. е. около 550 лет»⁶.

Анализируя писаницы Саган-Заба, Ая, Орсо и Сахюртэ в Забайкалье, П. П. Хороших на основании сравнения рисунков с изображениями оленей на «оленых камнях» (VII—II вв. до н. э.) с бронзовыми фигурками тагарского времени (VII—I вв. до н. э.) относит их ко второй половине I тыс. до н. э.⁷

Н. Н. Диковым изучались писаницы Забайкалья и Чукотки. Давая общую характеристику писаниц Забайкалья, он датирует их (со ссылкой на А. П. Окладникова) путем стилистического сравнения рисунков людей, птиц и лошадей с подобными изображениями на бронзовых ножах карасукского типа из могилы, обнаруженной близ Нерчинска, на бронзовых ножах ордосско-суйюаньского типа и с изображениями лошадей на Иволгинском оленном камне⁸.

В 1965 г. геолог И. М. Саморуков обнаружил и Н. Н. Диков исследовал петроглифы в Заполярной Чукотке на р. Пегтымель, в 50—60 км от ее впадения в море. Эти петроглифы в настоящее время являются самыми северными наскальными рисунками в Азии⁹. Наиболее распространенный сюжет — охота на оленя. «Особенно настойчиво повторяется такой сюжет: олень, а за ним лодка с человеком, который вонзил в оленя копье или гарпун. Наша интерпретация этой сцены не вызывает больше сомнений. Конечно, это изображение охоты на дикого оленя во время его переправы через реку»¹⁰. Встречаются также изображения сцен морской охоты, песцов, волков, человекоподобных фигурок мужского и женского пола (среди них выделяются своим необычным видом антропоморфные изображения с грибами над головой)¹¹.

Н. Н. Диков расчленил пегтымельские петроглифы на пять групп, которые укладываются в хронологические рамки между началом I тыс. до н. э. и серединой I тыс. н. э.¹²

Нижнюю временну́ю границу пегтымельских петроглифов Н. Н. Диков определяет на основании возраста найденных неподалеку от рисунков трех охотничих стоянок. Верхняя граница датируется путем привязки культурного слоя из пещеры; радиоуглеродный анализ слоя показал, что ее возраст — 1460 ± 70 лет¹³.

Н. Н. Диков на основании данных мифологии и этнографического материала считает, что авторами наскальных рисунков по р. Пегтымель были предшественники коренного населения Чукотки¹⁴.

Особенно большой вклад в изучение наскальной живописи Восточной Сибири и Дальнего Востока внес академик А. П. Окладников. Его работы мы рассмотрим по выделенным областям. Это Прибайкалье, Забайкалье и Южная Якутия¹⁶.

Первый, наиболее тщательно изученный им памятник наскальной живописи — Шишкинские писаницы выше Верхоленска. Работы по изучению Шишкинских писаниц начались в 1929 г., когда А. П. Окладникову и М. Я. Черемных удалось изготовить эстампы и сделать зарисовки ряда наиболее интересных рисунков и сцен. Рисунки эти были затем частично использованы как иллюстративный материал в «Очерках из истории западных бурят-монголов XVII—XVIII вв.»¹⁶.

В 1934—1937 гг. Ангарской археологической экспедицией Иркутского краеведческого музея (руководитель А. П. Окладников) обследованы, частично описаны, зарисованы и сфотографированы наскальные изображения на Первом, Втором и Третьем Каменных островах у деревни Егоровой. Этой экспедицией были также открыты наскальные рисунки на о-ве Марактуй, у с. Свирского, у дер. Бали, у порога Долгого ниже Братска в местности Манзя; вновь обследованы писаницы, обнаруженные в 1888 г. Д. Н. Клеменцем у с. Рыбинского¹⁷.

В 1941 г. были продолжены работы по изучению писаниц около дер. Шишкино; они привели к ряду новых находок и открытий. Самым важным открытием явилось изображение дикой лошади, которое отнесено к эпохе палеолита¹⁸.

Изучение Шишкинских писаниц продолжено в 1947 г. Бурят-Монгольской археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Научно-исследовательским институтом культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР. В 1947 г. удалось полностью обследовать Шишкинские скалы и скопировать рисунки на кальку. В. Д. Запорожская осуществила фотографирование отдельных участков Шишкинских скал и важнейших изображений¹⁹.

В 1951 г. работы проводились Братской археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР. Одной из задач, стоявших перед экспедицией, было изучение наскальных изображений, находящихся в зоне затопления Братской ГЭС. Сюда входили все наскальные рисунки, выявленные к тому времени в долине Ангары от устья Белой до устья Оки. Братской экспедицией в течение нескольких летних сезонов осуществлены детальное описание, зарисовка, фотографирование и эстампирование многих десятков наскальных рисунков в долинах Ангары и Оки.

В ходе работ экспедицией вновь обследованы писаницы у дер. Верхняя Буреть, в долине Оки в местности Большая и Братская Када, ранее изученные Пласковицким и М. Р. Полесских.

В 1957 г. после длительного перерыва Ангарская археологическая экспедиция вновь обследовала петроглифы около дер. Шишкино²⁰. В 1960 г. обнаружены новые рисунки в Сухой Бале и на Каменных островах, уточнены описания и проведено дополнительное калькирование рисунков.

Зимой 1962 г. когда уже произошло затопление значительной части намеченной площади водохранилища Братской ГЭС, на Каменных островах снова работал небольшой отряд, направленный сюда для завершения обследования писаниц, которые еще были до-

ступны для осмотра. Он выявил ряд новых наскальных рисунков на Каменных островах и на Сухой Бале²¹.

В 1968—1971 гг. исследовались писаницы Байкала²², а в 1975 г. были открыты уникальные наскальные изображения на правом берегу Ангары, на Долгом, или Дубынинском, пороге. На протяжении нескольких десятков лет А. П. Окладников неоднократно возвращался к писаницам Верхней Лены²³.

В своих работах он делит Шишкинские писаницы на пять основных хронологических групп²⁴.

Первая — палеолитическая — группа рисунков представлена тремя изображениями (два изображения лошадей и одно — быка), датированными путем сравнения с палеолитическими росписями Европы и с учетом местных природных условий конца ледниковой эпохи²⁵.

Ко второй — неолитической — группе А. П. Окладников относит наиболее крупные фигуры животных и некоторые антропоморфные изображения²⁶. Наиболее ранним рисунком этой группы А. П. Окладников считает изображение благородного оленя (531). «В целом перед нами великолепное, подлинно реалистическое произведение первобытного художника. Его смело можно поставить в один ряд с лучшими образцами искусства каменного века, при этом скорее ориякскими, чем мадленскими; сравнительно с последними, однако, ему не хватает динамики и порыва. В этом отношении ближе к нему стоят скорее огромные фигуры оленей (Бола, Бардаля и др.), которые скандинавские археологи относят к мезолиту. Не исключено, что и наш ленский рисунок тоже стоит на грани искусства палеолита и неолита», — пишет он об этом рисунке. Кроме оленя, автор «по степени сохранности, крупным размерам и способу выполнения — широкими контурными полосами красной охрой — и в особенности по своим стилистическим признакам» относит к тому же периоду две фигуры лосей (16 и 17).

В данную группу он включает и ряд других «реалистически трактованных фигур лося», выполненных красной краской, а также вышлифованных, особенно наиболее крупные из них (117, 550, 707, 843, 859, 921)²⁷.

Для датировки неолитических рисунков Шишкинских скал А. П. Окладников привлекает бесспорно датированные изображения лосей, обнаруженные И. Т. Савенковым в погребении серовского времени в Базаике на Енисее, неолитическом погребении на острове Жилом, в долине Ангары, ниже Братска, в вещевых погребальных комплексах китайского времени, найденных П. П. Хороших в районе Кайской горы, в Иркутске, в могильнике Циклодром, или Локомотив.

К концу неолита отнесены и некоторые антропоморфные изображения на Шишкинских скалах. Их отличает одна особенность: «они имеют специфический изгиб туловища, придающий им сходство с сидящей или танцующей фигурой». К ним А. П. Окладников относит антропоморфные фигурки, изображенные на рис. 34 и на табл. 633, 636, 792. Он считает, что «возраст этих наскальных рисунков определяется совпадением их специфической позы, характерной для других археологических объектов, для скульптурных изделий из рога, камня и глины, найденных на Енисее, а также в Прибалтике».

Очень близкие по трактовке с антропоморфными изображениями Шишкинских скал статуэтки автор отмечает в Базаике, Пернове,

Хонканиеми в Финляндии, Кубенино в Каргапольском районе, на «незвестном поселении у реки Чадобца, в древнем могильнике около г. Нальчика на Северном Кавказе»²⁸.

К третьей группе изображений на Шишкинских скалах А. П. Окладников отнес рисунки бронзового и раннего железного веков. Это группа изображений, состоящая из восьми лодок, пяти рогатых пляшущих человечков и лани с повернутой назад головой. К ней он относит также изображения животных, у которых туловища пересечены косыми, поперечными линиями и полосами, антропоморфные фигуры, фантастическое хвостатое чудовище с раскрытой пастью и дискообразные фигуры с отходящими лучами. Рисунки выполнены красной охрой.

Все вышеперечисленные изображения датированы путем стилистического сравнения с хорошо известными и датированными венцами, найденными у с. Коряково по Енисею, у с. Шиверка по Ангаре, в Аньяне, в Усть-Уде, Новом Качуге, в Усть-Ине, по р. Куллаты в Якутии²⁹.

На основании наскальных изображений бронзового и раннего железного веков А. П. Окладников сделал вывод, что в это время у народов, заселявших верховья Лены, продолжает развиваться патриархально-родовой строй и усиливаются связи как с Востоком, так и с Западом³⁰.

Четвертая группа рисунков Шишкинских скал является самой многочисленной. В нее вошли так называемые Курыканские писаницы. «Техника выполнения Курыканских писаниц в Шишино обычно всегда одна и та же. Для этого брали камень или другой какой-либо твердый предмет и терли им по гладкой поверхности песчаника, потемневшего от времени. В результате на темной плоскости скалы появлялось резко выделяющееся пятно. Иногда, но очень редко, рисунок дополнительно оконтуривали неглубоким, тщательно вышлифованным желобком. Отмечаются также примеры нанесения рисунков тонкими резными штрихами, еле заметными на фоне скалы»³¹.

Основными сюжетами Курыканских писаниц являются изображения лошадей, всадников, всадников со знаменами, верблюдов, лосей, косуль, волков, птиц, людей и верховых сцен охоты³².

Датированы Курыканские писаницы путем сопоставления с точно такими же рисунками на плитах песчаника, на альчиках, служивших для игры, на керамике, обнаруженной при обследовании курыканских городищ на горе Манхай и в устье р. Унги около г. Балаганска, а также с металлическими плоскими фигурками из Минусинского края и Забайкалья³³.

К пятой группе рисунков Шишкинских скал отнесены послекурыканские писаницы. По технике выполнения, а также по общему их характеру А. П. Окладников делит их на три группы³⁴. «В первую группу входят изображения, выполненные старой, чисто курыканской техникой, т. е. вытертые сплошным пятном на скале, во вторую — изображения, зашлифованные внутри и оконтуренные сплошной углубленной линией или желобком, в третью входят резные, линейные рисунки, иногда переходящие в простые царапины-граффити»³⁵. Основным сюжетом послекурыканских писаниц являются изображения всадников, схематично выполненных животных, групповые изображения людей, сцен охоты и перекочевки. Датирует автор их II тыс. н. э. «Точная датировка всех этих сцен пока невозможна. Некоторые из этих рисунков могут быть одновременно

курыканскими рисунками худшего стиля и оставлены менее опытными рисовальщиками, неумело подражавшими произведениям художников своего времени. Но остальные производят впечатление более поздних изображений, принадлежавших людям того времени, когда древнейшая культура курыканов уже перестала существовать в прежних высоких ее формах. Их можно поэтому суммарно отнести ко II тыс. н. э., примерно начиная от X в. и кончая временем прихода русских, XVII столетием, а может быть, в какой-то их части и позже, т. е. XVIII в.»³⁶

При изучении рисунков Шишкинских скал А. П. Окладников отметил, что в них отражена сложная и многокрасочная история Ленского края на протяжении многих десятков веков. Он наглядно показал основные исторические этапы, пройденные обитателями Ленского края и Прибайкалья начиная с древнекаменного века и кончая тем относительно недавним временем (XVII в.), когда на Ангаре и Лене появились русские землепроходцы.

Писаницы Ангары и ее притоков А. П. Окладников подразделил на четыре больших историко-хронологических периода: палеолит, мезолит, неолит и бронзовый век.

К палеолитическим наскальным изображениям Ангары А. П. Окладников относит изображения носорогов с острова Ушканьего³⁷.

К мезолитическим, или переходным, рисункам от палеолита к неолиту он отнес крупные фигуры оленей-маралов (рис. 13) и своеобразно трактованные изображения лосей с копытами в виде ступни из г. Свирска (табл. 6, I, A — E) и из Бали Озерной. Датированы они на основании их стилистического сходства с наскальными изображениями Скандинавии и Западной Европы, которые относятся к мезолиту³⁸.

Основную же массу выбитых писаниц с Каменных островов, Сухой Бали, Большекадинских порогов, на глыбах траппа у порога Долгого и на острове Ушканьем в низовьях Ангары, на которых в реалистической манере изображены лоси, А. П. Окладников относит к неолитической эпохе; их объединяют общий стиль и своеобразие монументального реализма таежных племен каменного века. Неолитические рисунки Ангары наносились на скалы путем выбивки или красной охры.

А. П. Окладников неолитическую группу рисунков делит на ранне- и поздненеолитическую.

В ранненеолитическую группу рисунков входят наиболее реалистические изображения лосей, рыб и змей на скалах Второго Каменного острова, Сухой Бали и Большекадинского порога. «И те и другие выполнены одинаково реалистично. Но реализм этот не стереотипен. От лосей Каменных островов исходит ощущение почти телесной полнокровности. Они выглядят почти объемно, как скульптуры. Их собратья с Большого Верхнего фриза в Сухой Бали очерчены, напротив, подчеркнуто сухо. Контуры их острее и графичнее, с какой-то особой, хочется сказать, аскетической сдержанностью. И это — при одной и той же в основе технике исполнения рисунков — выбивкой»³⁹. Датирована более ранняя группа рисунков путем стилистического сравнения со скульптурными фигурами лосей и рыб, обнаруженными в неолитических поселениях и захоронениях в Базаике в районе Красноярска и на о-ве Сосновом на Ангаре.

Ко второй, поздненеолитической группе рисунков автор относит менее реалистичные изображения лосей и сцены охоты. Датированы они на основе сравнения с ретушированными скульптурами,

обнаруженными в поселениях Туой-Хая С. А. Федосеевой и under. Патроны Ангарской археологической экспедицией⁴⁰.

К четвертой группе рисунков — периода бронзового века — А. П. Окладников относит более мелкие, чем неолитические, рисунки, выполненные в иной, отличающейся от предыдущих групп технике.

Эту группу рисунков отличают следующие особенности:

- 1) выполнение их красной краской;
- 2) небольшие размеры, их миниатюрность;
- 3) наличие стилизованных изображений лодок с сидящими в них людьми;
- 4) изображение антропоморфных фигурок в полусидячей позе, с изогнутыми туловищами и подогнутыми ногами;
- 5) выраженный итифаллический характер человеческих фигурок. Признак мужского пола часто представлен у них в преувеличеннном виде;
- 6) выраженное тяготение к схематизму в трактовке форм тела людей и животных.

Далее автор отмечает, что в эпоху бронзового века усложняются сюжеты писаниц, зверь утрачивает в сознании художника господствующее положение, преобладающее место начинают занимать разнообразные изображения человека. Если раньше рисунки изображались строго в профиль, то в эпоху бронзы древний художник начинает их разворачивать, на полотнах появляются антропоморфные личины, люди изображаются только в фас.

Возраст писаниц эпохи бронзы А. П. Окладников определяет путем сравнения личин и полусидячих человечеков с хорошо датированными аналогиями из могильника Тас-Хаза в долине Енисея против устья р. Томи и каменными стелами Минусинских степей⁴¹.

Петроглифы Байкала А. П. Окладников датирует начиная с неолита и вплоть до средневековья.

К самым ранним рисункам отнесены два изображения лосей, обнаруженные на горе Сахюртэ, которые датированы «анalogиями с петроглифами Ангары и Лены — каменным веком»⁴².

Вторая, наиболее обширная масса рисунков Байкала датирована бронзовым веком. В нее включены антропоморфные изображения, показанные лицом к зрителю и как бы в полусидячем положении. Датированы они путем стилистического сравнения с антропоморфными фигурами на обломках глиняных сосудов с Самусь IV, которые отнесены ко II тыс. до н. э.⁴³

I тыс. до н. э. датированы часть антропоморфных фигур, изображение оленя с подтянутыми ногами, рисунки, выполненные в «скелетном» стиле, птицы, змеи, животные, следующие друг за другом в одном направлении⁴⁴.

На средневековых писаницах Байкала представлены изображения лошадей, всадника, верблюда и рисунки с незамкнутым контуром. Наиболее ранние из них выполнены выбитыми линиями; поздние, как отмечает А. П. Окладников, «сделаны резными тонкими линиями». Их датировка основана на стилистическом сравнении с Куряканскими писаницами⁴⁵.

Завершением исследования петроглифов Прибайкалья А. П. Окладниковым является третья монография по писаницам Верхней Лены, из которых многослойная Тальминская писаница явилась эталоном для датировки наскальных изображений Прибайкалья. На основании изображений Тальминской писаницы А. П. Оклад-

ников в писаницах Прибайкалья выделил восемь культурно-хронологических комплексов (за эталон для датировки взято многослойное скальное полотно) (см. табл. 56).

К наиболее ранним палеолитическим рисункам отнесены изображения быка и лошади с Шишкинских скал и носорогов с о-ва Ушканьего и р. Тальмы.

Ко второму — мезолитическому, или ранненеолитическому, времени отнесены большие, тщательно отшлифованные реалистические изображения благородных оленей.

Третий ранненеолитический комплекс рисунков представлен лосями, следующими друг за другом.

Четвертый поздненеолитический культурно-хронологический комплекс выражен красочными изображениями лосиных голов.

К пятому историческому этапу — эпохе металла — отнесены стилизованные антропоморфные изображения, профильные и в фас, в том числе как бы присевшие. Датированы они путем сопоставления с костяными и каменными скульптурками из глазковских и окуневских захоронений и с изображениями на глиняных сосудах глазковского времени.

Шестой культурно-исторический слой выделяется в массе выбитых рисунков, на которых изображены зооморфные фигуры (лоси), а также условные знаки-символы.

Седьмой и восьмой этапы, выделенные в изображениях верхнеленских писаниц, отображают курыканское время. Сюжеты этих писаниц — всадники, кони и охота на различных животных⁴⁶.

Писаницами Забайкалья А. П. Окладников начал заниматься с 1926 г. В 1926 г. во время археологической разведки в Кабанском р-не им была обнаружена писаница у дер. Фофаново⁴⁷, но систематическое исследование писаниц Забайкалья осуществлено в 1947—1958 гг. участниками Бурят-Монгольской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Института культуры Бурят-Монгольской АССР, работавшей под руководством А. П. Окладникова.

Работы велись в долинах рек Селенги (от Наушек до устья), Онона, Джиды, Ингоды, Шилки. Большая работа по уточнению ранее собранных материалов о писаницах Байкала и Забайкалья была проделана в 1968 г. Результаты исследований писаниц по Байкалу и в Забайкалье частично освещены в работах⁴⁸. А. П. Окладников писаницы Забайкалья делит на четыре группы: селенгинские, кяхтинские, средневековые и лесные.

Селенгинская группа писаниц самая многочисленная. Из 88 учтенных памятников к ней относятся 71. Рисунки выполнены красной охрой, изображают круглые или прямоугольные оградки, заполненные внутри пятнами, часто сопровождаемые антропоморфными рисунками, изображениями птиц, животных, крестообразных знаков⁴⁹.

Селенгинскую группу писаниц А. П. Окладников датирует карасукским временем на основе стилистического сравнения человечков, птиц, лошадей с хорошо датированными аналогичными изображениями на ножах, обнаруженных у Нерчинска, в долине р. Мурина, двух ножах, купленных в Пекине, а также с изображениями на плиточных могилах в урочище Ульба на Ононе, Хонгор-Баторе в Оронгое, на Селенге, в районе с. Арсентьева, на оленном камне с р. Иволги⁵⁰.

Вторая группа писаниц — лесные, или охотничьи — выполнены, как и селенгинские, красной охрой, но по сюжетам и стилю,

а также по топографии существенно отличаются от них. Основными на этой группе писаниц я являются изображения оленей, лосей, человечков и антропоморфных фигур.

Двух лосей из долины р. Ангирь А. П. Окладников относит к неолиту, а остальные писаницы лесной группы — к бронзовому веку Забайкалья. Датировка основана на стилистическом сравнении с ранее открытymi писаницами Прибайкалья⁵¹.

Кяхтинская группа писаниц выполнена точечной и резной, линейной техникой. На писаницах этой группы изображены символы солнца, а также козлы, олени, лошади, волки, верблюды и человечки. Сравнивая наскальные изображения кяхтинской группы с петроглифами Центральной Азии и Южной Сибири, А. П. Окладников приходит к выводу, что кяхтинская группа писаниц моложе селенгинских и относится к VI—III вв. до н. э.⁵²

Средневековые писаницы выполнены желтой краской. На них изображены пятна, оградки, всадники, верблюды, лошади, антропоморфные фигуры.

Проблемы хронологии писаниц Якутии рассматривались А. П. Окладниковым при интерпретации наскальных рисунков Средней Лены, изученных в 1940—1944 гг.⁵³, и автором настоящей книги, исследовавшим в 1971—1976 гг. писаницы бассейнов рек Чары, Олекмы, Алдана и Маи⁵⁴.

Все наскальные рисунки Якутии выполнены красной охрой и в редких случаях гравированы. Изображаются сцены охоты, фигуры человечков, лошадей, быков, оленей и другие зооморфные фигуры. Датированы на основе находок из культурных слоев жертвоприношений и путем стилистического сравнения со скелетами и изображениями на сосудах, обнаруженных при раскопках поселений и могильников Сибири и Дальнего Востока.

К палеолитическим рисункам Якутии отнесены изображения оленя, лошади и быков Токкинской писаницы⁵⁵.

Неолитические наскальные рисунки представлены идущими друг за другом лосями на писаницах в Чуру, Суруктаах-Хая по Мархе, выше с. Петровского⁵⁶, изображениями лосей в устье р. Крестях⁵⁷, в устье р. Чары, по рекам Токко, Жуе, Мае напротив о-ва Сыгдарья, по Амге ниже устья р. Бес-Юрэх, в устье рек Сибиктэ, Тыымпы, Укаан⁵⁸.

Стилизованное изображение лося, окруженное массой падающих на него сверху сплошным дождем коротких косых полосок на скале Чопчу-Бага, сцены ловли животных сетями и при помощи загонов на писанице в местности Бадаранне, три фигурки лосей на писанице вблизи с. Тайон-Арын, сцену, изображающую лося, человеческую фигурку с луком в руках, кружок и антропоморфные рисунки на р. Синей при впадении ее в Лену у с. Синского, изображение фантастического переплетения линий в Бадаранихе около Крестяха на Лене и человекообразную фигуру с короной над головой в Мархинской Суруктаах-Хая А. П. Окладников отнес к эпохе бронзы⁵⁹. Сюда же можно отнести наскальные рисунки выше бывшего пос. Хатыстах, выше устья р. Басынай, вторые слои рисунков в устье р. Крестях, по р. Жуе, в устье Чары и некоторые изображения на скалах по р. Токко. Они представлены изображениями сидящих в один ряд птиц, животных с валенкообразными ногами, рогатых антропоморфных существ, антропоморфных фигурок в полусидячем положении, лодок и личин⁶⁰.

В бассейне Алдана II—I тыс. до н. э. датируются антропоморфные фигурки с рогатыми, в виде развилок, головками, изображенные на писаницах ниже устья р. Бес-Юрэх по Амге, в третьей и четвертой группах рисунков по р. Мае. Сопутствуют им композиции, состоящие из пятын, сплошных линий, крестообразных фигур, летящих в разных положениях птиц, антропоморфных фигурок, кружков, квадратов, антропоморфных фигурок в позах «рожающих женщин», отдельных животных и животных с телятами, а также рисунки на сосудах и ножах. К этой же группе рисунков относятся изображения животных с валенкообразными ступнями на писаницах Бес-Юрэх, Сиибиктэ, Сылгылыры, Илим-Орго-Юрэх, а также изображение оленя в позе, характерной для тагарской бронзы и оленных камней Забайкалья, и фантастическое животное с массивным туловищем из Бес-Юрэх⁶¹.

К поздним рисункам в бассейне Алдана отнесены композиции, состоящие в основном из двух-трех фигур. Главными персонажами их являются антропоморфные и зооморфные существа, но имеются и композиции, где главное действующее лицо — человек и его деятельность. Это изображения загона оленей, верховой езды на олене, охоты на животных с собаками, с лодкой и с помощью сетей. Антропоморфные фигурки на этой группе рисунков отличаются округлыми головами, приподнятыми руками, расставленными ногами. Туловища переданы сплошными линиями и путем заливки внутри контура. Некоторые фигурки с фаллосами и трехпалыми руками. Расположены в фас и профиль. В изображениях животных этого периода сохранились еще древние реалистические традиции, но возникают и новые тенденции — передача животных прямыми сплошными линиями. Появляются рисунки фантастических зооморфных существ с клювообразными головами и туловищами животных.

Второй пласт рисунков, относящихся к нашей эре, представлен окружностями, треугольниками, прямоугольниками, крестиками, трезубцами, всевозможными ломанными линиями, точками и мазками, а также сидящими антропоморфными фигурками, изображенными в профиль.

Наиболее поздними являются изображения, нанесенные углем и карандашами⁶².

К I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. в долине Лены А. П. Окладников относит рисунки-идеограммы в сочетании с буквенными знаками тюркских племен. Подобные изображения расположены на скальных плоскостях в устье р. Сахабыт у Бэстээха, в устье р. Суруктаах-Аартые, у дер. Давыдово, с. Петровского, Суруктаах-Хая (Марха), Олекминска, Еланки, Тойон-Ары⁶³.

Из рисунков на скале вблизи устья р. Малой Катэмэ описаны две человеческие фигурки: первая с поднятыми вверх руками, вторая одета в кафтан; около дер. Еланской изображен шаман в широкой одежде, свисающей подобно юбке-колоколу до самых колен. Они отнесены А. П. Окладниковым ко времени прихода русских в Якутию. Подобные рисунки отмечены в местностях Мохеоголлох-Хая и между деревнями Еланской и Тиит-Арын⁶⁴.

Подводя итог, можно выделить два периода в истории изучения наскальной живописи Восточной Сибири и Дальнего Востока. Начальный период охватывает промежуток времени с момента появления первых упоминаний в литературе о памятниках наскальной живописи и примерно до середины 50-х гг., когда шло накопление материалов и частичное их описание.

Второй период начинается с середины 50-х гг. и продолжается до наших дней. Он ознаменован более тщательным изучением наскальной живописи не отдельными энтузиастами-краеведами, а академическими экспедициями, возглавлявшимися А. П. Окладниковым, в результате которых был собран, обобщен и введен в научный оборот большой фактический материал по наскальной живописи Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В результате многолетних исследований петроглифов Восточной Сибири и Дальнего Востока А. П. Окладников разработал методику датировки памятников наскальной живописи. Датировка производится по следующим основным пунктам:

- 1) по предметам, изображенным на самих рисунках;
- 2) по произведениям мелкой пластики, полученным в результате археологических раскопок;
- 3) по аналогиям с наскальными рисунками в смежных районах;
- 4) по технике нанесения рисунков;
- 5) по нанесению рисунков поверх других, более древних;
- 6) по расположению фигур на плоскостях;
- 7) на основании находок из культурных слоев жертвенных писаниц, расположенных около писаниц.

Методов датировки наскальной живописи Восточной Сибири и Дальнего Востока, обоснованных А. П. Окладниковым, придерживаются М. Р. Полесских⁶⁵, В. В. Свинин⁶⁶, Н. Н. Диков⁶⁷, П. П. Хороших⁶⁸, А. И. Мартынов⁶⁹, Г. И. Пелих⁷⁰.

В последние годы развернулись дискуссии по хронологии отдельных писаниц Сибири и Дальнего Востока⁷¹. Так, А. А. Формозов, делая критический анализ датировки писаниц Восточной Сибири и Дальнего Востока, полностью отвергает датировку А. П. Окладникова и считает, что обоснованно датированы лишь Курыканские писаницы со всадниками и сопутствующими им сюжетами⁷².

Не соглашаясь с датировкой тех или иных памятников, данной А. П. Окладниковым, А. А. Формозов, однако, придерживается его методики и делает попытку на основании гравировок из могильника Черновая VIII выделить в Восточной Сибири пласт писаниц эпохи бронзы. К этому времени он относит лосей и быков с «отсеченными головами поперечной чертой», личины в трехрогом головном уборе, фигурку лыжника, «возможно, лодки и фантастических хищников»⁷³.

Мы считаем, что приведенные факты, взятые за основу для датировки писаниц эпохи бронзы А. А. Формозовым, неубедительны. Во-первых, на писаницах Верхнего Амура «отсеченные головы по-перечной чертой» у животных наблюдаются в I тыс. и даже в XVII в. н. э. (писаницы около бывшего пос. Средняя Нюкжа и по Онону, правому притоку Зеи). С чем можно связать подобную деталь изображения? Она, скорее всего, связана с появлением животноводства, приручением диких оленей. В настоящее время для того, чтобы было удобнее ловить и различать домашних оленей, на вожаков табунов, культовых и рабочих оленей надевают ошейники. На писаницах, по-видимому, тоже изображены ошейники у домашних животных. Этот признак мог указываться на писаницах с появлениями животноводства и до позднего времени. Во-вторых, фантастический хищник, глотающий круг (которого А. А. Формозов также относит к эпохе бронзы), очень близок к шишкинскому, изображен также в верхнеамурских писаницах по р. Арби, левому притоку Уркана. Датируется памятник I тыс. н. э. В-третьих, датируя эпохой бронзы

фигурки лыжников на писаницах в Шалоболине, по Томи и на Втором Каменном острове на Ангаре, А. А. Формозов отрывает их от окружающих изображений. Он не принимает во внимание, что один из лыжников преследует лося, а другой «едет» за конем, держась за повод. Скорее всего, эти эпизоды выросли на местной почве и отражают соответствующий образ жизни.

Предложенная А. П. Окладниковым схема датировки писаниц представляет собой закономерный итог существующего уровня знаний о наскальных рисунках Сибири. Если данная схема будет заменена более совершенной, то это произойдет лишь после значительного накопления новых научных знаний и проведения конкретных исследований.

В настоящее время существенным пробелом в разработанной хронологической схеме для писаниц Сибири и Дальнего Востока является отсутствие сплошной датировки, что затрудняет интерпретацию основной массы рисунков и использование их в качестве исторического источника. Проблема эта требует дальнейшего изучения.

На наш взгляд, частично эту задачу можно решить двумя путями. Первый — определить пласт твердо датированных наскальных рисунков (например, антропоморфные фигурки с рожками, лосиные головки и т. д.) и на основании техники нанесения (способ выбивки, протирки, цвет краски и т. д.) попытаться отыскать сопутствующие им сюжеты и фигуры. Второй — датировка писаниц жертвениками. В последние годы при изучении писаниц Южной Якутии и таежной зоны Приамурья выяснилось, что практически все они сопровождаются жертвениками, ранние слои которых соответствуют появлению первых рисунков на памятнике. Датировка рисунков по жертвеникам дает целостное представление о писаницах, предоставляет в наше распоряжение, как мы ниже увидим, совершенно неожиданные данные по периодизации. К тому же, отработав хронологическую схему датировки писаниц жертвениками, путем стилистического сравнения можно будет датировать большую часть наскальных рисунков смежных и сопредельных территорий, период возникновения которых пока неясен.

Глава III

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ТАЕЖНЫХ ПИСАНИЦ ПРИАМУРЬЯ

В настоящее время на территории таежной зоны Приамурья известен 51 памятник древнего наскального искусства. Они разбросаны по глухим таежным местам в бассейнах рек Ингоды (Титовская сопка, Сохатинный камень, Бараун Чулутай, Кирочи, Токтуй), Шилки (Бутиха, Кара, Джалинда, Средне-Шайкино), Аргуни (Чандайча, Доно, Копчинский, Копчил, Кондуй 16 км, Цорон I, Цорон II, Цорон III, Усть-Цорон, Бараун Кондуй I, Бараун Кондуй II, Усть-Бараун Кондуй, Могойтуй, Мехачиниха, Калашниково, Малый Улистай, Маргуцек, Урулунгуй I, Урулунгуй II, Урулунгуй III, Нортуй I, Нортуй II, Казачий I, Казачий II, Казачий III, Казачий IV, Бырка, Дровянной), Амура (Калиновка, Смирновка, Архара), Зеи (Онени, Горелый, Геткан, Большой Онон, Араби), Олекмы (Средняя Нюкжа, Нюкжа, Ковуйбут, Олекма, Тунгурчакан, Тунгурча) (рис. 1).

В описании наскальных рисунков мы будем пользоваться терминами «плоскость», «композиция», «рисунок». Плоскость — поверхность скалы, покрытая рисунками или знаками и оконтуренная естественными границами. Композицией называем группу рисунков, связанных между собой стилем исполнения и содержанием. На одной скальной плоскости может быть нанесено несколько композиций.

од рисунком мы подразумеваем любую фигуру, нанесенную рукой человека и связанную одним контуром. Это могут быть изображения, например, лодки с ребцами, всадника, сплетение линий, антропоморфная фигурка, цепочка пляшущих антропоморфных фигурок и т. д. Рисунками мы также считаем всевозможные геометрические начертания или группы начертаний, связанных между собой (линия, овал, пятно, группа пятен и т. д.). На писаницах таежной зоны Приамурья часто встречаются антропоморфные фигурки, нанесенные в одной манере. Голова, шея и туловище у них переданы вертикальной сплошной линией, ноги расставлены, руки приподняты. При их описании мы будем указывать, что они выполнены в традиционной манере. Если в нанесении рисунков будут отклонения, то они будут описываться дополнительно.

Титовская сопка. Памятник открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым. Расположен вблизи г. Читы у мясокомбината. Рисунки, представленные точками, аморфными пятнами, ломанными линиями, антропоморфными изображениями, нанесены на отвесные скалы крас-

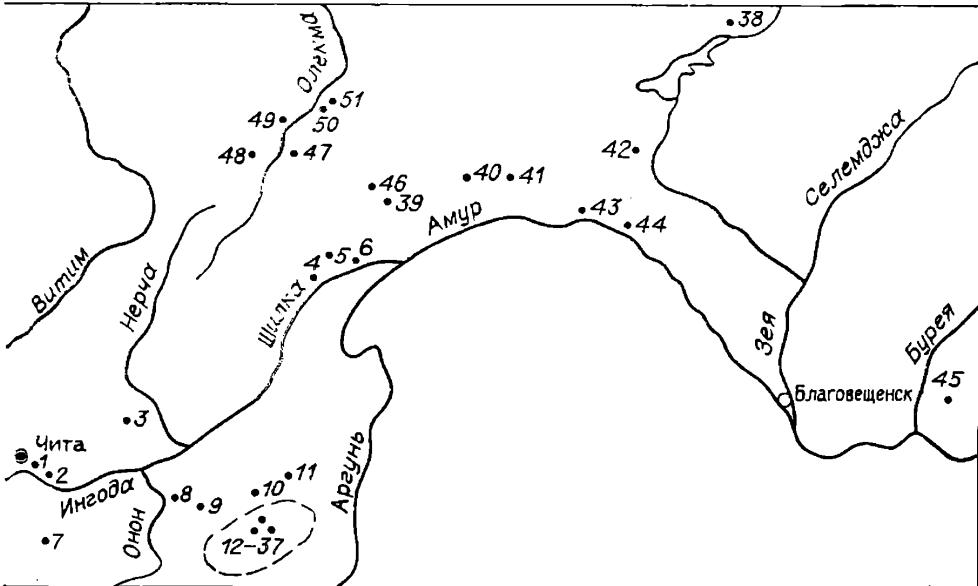

Рис. 1. Местонахождение писаниц таежной зоны Приамурья.

1 — Титовская сопка; 2 — Сохатинный камень; 3 — Бутиха; 4 — Кара; 5 — Джалинда; 6 — Средне-Шайкино; 7 — Бараун Чулутай; 8 — Кирочи; 9 — Токтуй; 10 — Чандайча; 11 — Доно; 12 — Копчинский; 13 — Копчил; 14 — Кондуй 16 км; 15 — Цорон I; 16 — Цорон II; 17 — Цорон III; 18 — Усть-Цорон; 19 — Бараун Кондуй I; 20 — Бараун Кондуй II; 21 — Усть-Бараун Кондуй; 22 — Могойтуй; 23 — Мехачиниха; 24 — Калашниково; 25 — Малый Улистай; 26 — Маргуцек; 27 — Урулонгуй I; 28 — Урулонгуй II; 29 — Урулонгуй III; 30 — Нортуй I; 31 — Нортуй II; 32 — Казачий I; 33 — Казачий II; 34 — Казачий III; 35 — Казачий IV; 36 — Бырка; 37 — Дровянной; 38 — Онёни; 39 — Горелый; 40 — Геткан; 41 — Большой Онон; 42 — Арби; 43 — Калиновка; 44 — Смирновка; 45 — Архара; 46 — Средняя Нюкжа; 47 — Нюкжа; 48 — Ковуйбут; 49 — Олекма; 50 — Тунгурчакан; 51 — Тунгурчака.

ной охрой. Памятник не датирован. В настоящее время разрушен карьером¹.

Сохатинный камень. Открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым в юго-западной оконечности Титовской сопки, над Ингодой у г. Читы. Рисунки нанесены красной охрой на отвесные скалы. Изображены антропоморфные фигурки, точки, черточки, крестики и аморфные пятна. Писаница не датирована. В настоящее время изображения утрачены из-за надписей туристов и маркировки плоскостей гидрологами².

Бутиха. Памятник открыт в 1957 г. жителем пос. Верхняя Хила И. Р. Рязанцевым. В 1959 г. обследован М. И. Рижским. По материалам М. И. Рижского часть рисунков опубликована А. П. Окладниковым. Писаница не датирована³. В 1984 г. памятник исследован автором. Расположен в Шилкинском р-не Читинской обл. в вершине первого левого распадка ключа Попова (левый приток р. Оли) на 8-метровом скальном гранитном обнажении серого цвета, как бы вписанном в скульптурную террасу. Рисунки на нем представлены двумя плоскостями. Нанесены на поверхность камня темно-красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 1, 2) расположена с восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. Сохранность рисунков различная. В левой части плоскости они сильно выветренные и чуть заметны, с правой стороны плоскости сохранились хорошо.

Рис. 1—5, 9—15, 20, 22, 23 — вертикальные сплошные линии, нанесенные по всей плоскости.

Рис. 6 — бегущее животное с эллипсовидной, чуть приподнятой головой. Намечена холка. Спина с небольшой горбинкой. Круп-

и задние ноги описаны дугообразной линией. Грудина приопущена, живот подтянут. Ноги разбросаны в стороны. Животное расположено в профиль и по контуру залито охрой.

Рис. 7 — округлое пятно.

Рис. 8 — фигура, напоминающая стилизованное изображение взлетающей птицы с тяжелой овальной головой, изогнутой шеей и небольшим клиновидным крылом. Птица передана в профиль и по контуру залита охрой. Подобные изображения встречаются в шаманской атрибутике эвенков-орочонов и символизируют вместилище шаманской души⁴.

Рис. 16 — изображение человека, стреляющего на бегу из лука в самца изюбра. Человек выполнен в реалистической манере. Повернут спиной к зрителю. Голова овальная, туловище от плеч к поясу сужено. Левая нога прямая, правая согнута в коленном суставе и подана по ходу туловища вперед. В правой руке он держит слегка изогнутый лук. Левая рука не видна, но, судя по вставленной в лук стреле, он натягивает тетиву. По контуру фигура залита краской (рис. 2).

Рис. 17 — изображение изюбра, стоящего в спокойной позе. У него клинообразная, на конце заоваленная голова, от которой отходят характерные для этого животного ветвистые рога и ухо. Четко выделены тонкая шея, крутая холка и прямая спина. Круп описан под прямым углом. Грудина и брюхо переданы чуть выпуклой линией. Прямые ноги к копытам слегка расширяются. Животное по контуру залито охрой и расположено строго в профиль. Ветвистые рога и тонкая шея изюбра указывают на весеннее или ранне-летнее время года. В августе изюбр «накачивает» шею, и в сентябре, ко времени гона, она у него делается мощной и толстой (см. рис. 2).

Рис. 18, 19, 21 — изображения кабанов с клинообразными головами, небольшими под треугольными ушами. Верхние части туловища описаны выпуклыми линиями. У двух брюшин при опущены, у одного подтянута. Показаны по две прямые, чуть расставленные ноги. Животные по контуру залиты охрой и переданы в профиль (см. рис. 2).

Плоскость 2 (табл. 3) расположена с восточной стороны скалы на высоте 0,5 м.

Рис. 1 напоминает стилизованное изображение птицы, характерное для шаманской атрибутики. У нее под треугольная голова, длинная вытянутая шея и небольшие овальные крылья. Фигура по контуру залита краской.

Рис. 2, 6—8 — аморфные красочные пятна.

Рис. 3, 4 — вертикальные сплошные полосы.

Рис. 5 — изображение изюбра. По манере написания оно копирует рисунок изюбра с первой плоскости, только у данной фигуры нанесены два рога и ухо с левой стороны головы. Создается впечатление, что голова животного повернута от зрителя.

Во время обследования памятника у плоскостей с рисунками был заложен раскоп размером 2×1 м. Стратиграфия такова: дерновый слой с примесью корешков травы (2—3 см); темная гумусированная супесь (20—25 см); желтая супесь, в которой на глубине 20—25 см встречены угольки от кострища (25—30 см). Далее идет еще один слой желтой супеси с добавлением светло-желтых глинистых прослоек, в котором на глубине 28 см у скалы было обнаружено второе кострище (35—45 см); ниже — скала с небольшим покатом.

Рис. 2. Бутиха. Сцена охоты.

Рис. 3. Кара. Первая плоскость.

В темно-гумусированной супеси на глубине 15—20 см от поверхности почвы были обнаружены железный наконечник стрелы с пальлистной формой, от которого отходит округлый насад (табл. 4, 2).
и три фрагмента керамики ручной лепки (табл. 4, 2).

Во втором слое желтой супеси в районе кострища на глубине 47 см обнаружено пять каменных двусторонне-ретушированных наконечников стрел. Три из них удлиненной треугольной формы

с дугообразной выемкой в основании (табл. 4, 3—5), один — такой же формы с небольшим черешком (табл. 4, 6) и один — под треугольной формы с асимметричной дугообразной выемкой в основании (табл. 5, 24).

Во втором слое желтой супеси, изрезанной глинистыми прослойками, в районе костища на глубине 75—80 см обнаружены: долотовидное орудие (табл. 5, 1); 22 наконечника стрел с черешковым насадом, изготовленные из ножевидных пластин (из них два наконечника целые (табл. 5, 2—3), остальные представлены фрагментарно (табл. 5, 5—12, 15, 16, 18); один наконечник стрелы иволистной формы, изготовленный из ножевидной пластины (табл. 5, 4); шесть ножевидных пластин (табл. 5, 13, 14, 17, 19—21) и два подработанных отщепа (табл. 5, 22, 23).

Кара. Памятник открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым (в отчете указано только его месторасположение)⁵. В 1984 г. исследован автором. Расположен в Стретенском р-не Читинской обл. по левому берегу р. Кара (левый приток р. Шилки), в 10 км от ее устья, на 10-метровом гранитном останце серого цвета. Рисунки нанесены на четыре плоскости, выполнены сплошными линиями из вишневой охры.

Плоскость 1 (табл. 6, рис. 3) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — четыре округлых пятна, расположенных в одну строчку.

Рис. 2—4, 7, 9, 10, 15, 16 — вертикально расположенные линии.

Рис. 5 — скопление округлых пятен.

Рис. 6 — вертикальная линия с отростком.

Рис. 8 — округлое пятно.

Рис. 11 — две параллельно расположенные строчки округлых пятен.

Рис. 12 — напоминает изображение трех антропоморфных фигурок, несущих на себе огромного змея, у которого свисают эллипсовидная голова и длинный хвост.

Рис. 13 — изображение антропоморфной фигуры в движении. У нее клинообразная птичья голова, туловище чуть изогнутое. Ноги расставлены, единственная рука выставлена вперед. Передана в профиль.

Рис. 14 — антропоморфное профильное изображение, выполненное в традиционной манере. Показан фаллос.

Рис. 17 — пять параллельно расположенных строчек округлых пятен.

Рис. 18 — три вертикально расположенных мазка.

Рис. 19 — аморфное красочное пятно.

Плоскость 2 (табл. 7, I) расположена ниже первой плоскости на высоте 0,5 м с юго-восточной стороны.

Рис. 1 — профильное изображение головы животного с овальной мордой и небольшим клинообразным ухом. Левее изображения — овальное пятно.

Рис. 2 — конусообразное изображение с отходящими вниз двумя прямыми линиями.

Рис. 3 — изображение, напоминающее летящую птицу. У нее длинная голова; шея, туловище и хвост описаны чуть изогнутой линией. От туловища отходит небольшое прямое крыльышко.

Плоскость 3 (табл. 7, II) расположена с южной стороны скалы на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — безрукая бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 2 — вертикально расположенная линия.

Плоскость 4 (табл. 7, III) расположена с южной стороны скалы на высоте 2 м. Представлено профильное изображение одной антропоморфной фигуры с клинообразной звериной головой. Руки выставлены вперед, имеется фаллос.

Во время обследования писаницы вдоль первой плоскости был заложен раскоп $3 \times 1,5$ м. Стратиграфия раскопа такова: завал, состоящий из щебня гранита и крупных глыб (90—95 см); темная гумусированная супесь с удалением от поверхности постепенно освещается (слой 10—12 см); желтоватая супесь (2—3 см); ниже — скала.

Во время разборки завала в разных местах на глубине от 15 до 20 см были обнаружены части оленей сбруи. На глубине 25—40 см в расщелинах завала найдены восемь фрагментов трубчатых костей лося, 12 фрагментов костей косули, 13 железных пластинок, кованый гвоздь (табл. 4, 14), бронзовая подвеска (табл. 4, 8), чешуйчатый наконечник стрелы с раздвоенным жалом (табл. 4, 12). У основания завала на поверхности гумусированной супеси обнаружены 24 фрагмента керамики ручной лепки и два железных наконечника стрел. Некоторые фрагменты керамики имеют орнамент из отпечатков параллельных рядов гребенчатым штампом (табл. 8, 3), затертых прямоугольничков (табл. 8, 5) и типа вафельного (табл. 8, 2).

Наконечники стрел (?) удлиненно-треугольных форм с выемками в основании, один имеет шесть отверстий по тулову (табл. 4, 13), второй — два (табл. 8, 8). Возможно, они служили в качестве нашивок.

На границе темной гумусированной и желтоватой супеси обнаружены три бронзовые пуговицы (табл. 4, 9—11), два костяных наконечника стрел с насадом (табл. 8, 6—7) и двусторонне ретушированный наконечник стрелы иволистной формы из темного кремня (табл. 4, 7), с одной стороны он надломан.

Джалинда. Первые сведения получены в 1954 г. от бакенщика М. Б. Иванова, жившего на скале «Полосатик» выше пос. Усть-Карска по р. Шилке. В этом же году по поручению А. П. Окладникова памятник обследован Ю. А. Завитухиным, а в 1968 г.— автором. Расположен в Стретенском р-не Читинской обл. в распадке р. Бечига (левый приток Джалинды) на 8-метровом гранитном останце серого цвета.

Представлены схематичные изображения антропоморфных фигурок, животных, крестообразные знаки, вертикально расположенные линии; у некоторых линий на концах имеются трезубцы. На основании обнаруженной керамики датирован концом I тыс. до н. э.⁶

Средне-Шайкино. Открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым (в отчете имеется лишь описание местонахождения)⁷. В 1983 г. обследован автором. Расположен в Могочинском р-не Читинской обл. на 162-м километре створного знака в 200 м ниже устья р. Средне-Шайкино по р. Шилка. Рисунки нанесены на отвесные гранитные скалы серого цвета. Представлены десятью плоскостями. По цвету охры и по стилистическим особенностям нанесения рисунков памятник разновременный (рис. 4).

Плоскость 1 (табл. 9, I) расположена с юго-западной стороны скалы, изображения нанесены светло-красной охрой. Рисунки представлены двумя вертикально расположенными линиями,

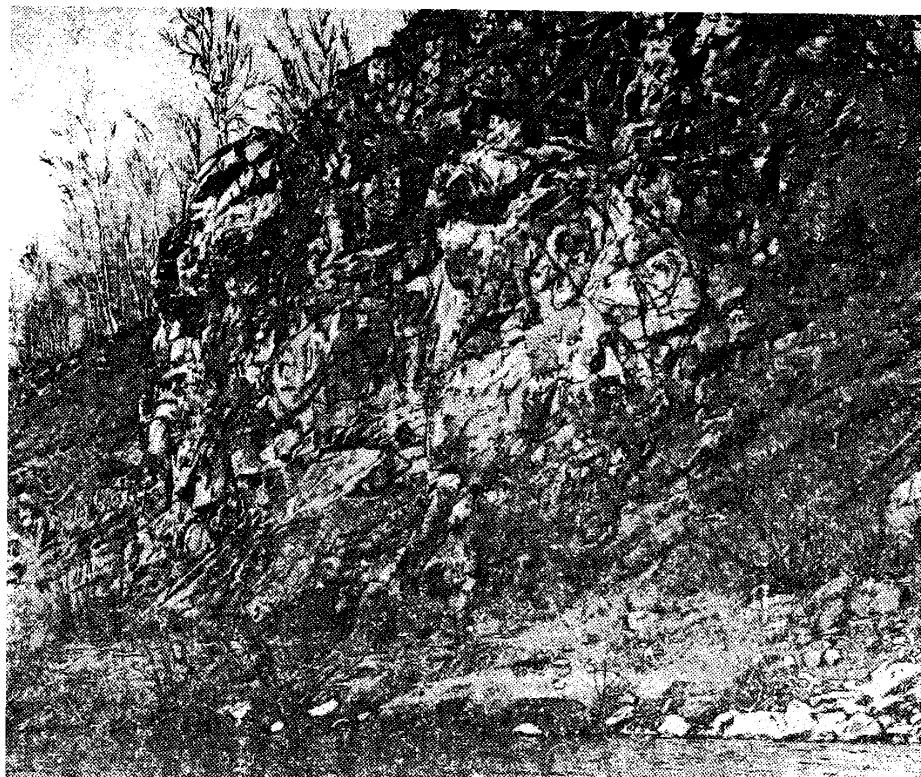

Рис. 4. Средне-Шайкино. Общий вид скалы с рисунками.

овальным пятном и скоплением полос, связанных между собой. Плоскость 2 (табл. 9, II) расположена с юго-запада на востоке скалы на высоте 1 м. Рисунки переданы сплошными линиями светло-красной охрой.

Рис. 1 — животное, у которого голова, шея, туловище и хвост соединены одной выпуклой линией. Четыре прямые ноги расположены вертикально к туловищу. Зверь изображен в профиль.

Рис. 2 — два ряда овальных пятен.

Рис. 3 — изображение антропоморфной фигуры, выполненной градиционной манере. Показан фаллос.

Рис. 4 — животное с длинным клинообразным ухом или рогом, овальная, шея передана более тонкой линией, холка членовидная, спина с небольшим прогибом, брюшина подтянута, имеется хвост. Ноги нарисованы прямыми вертикальными линиями. Животное нарисовано в профиль.

Рис. 5 — вертикальный охристый мазок.

Плоскость 3 (табл. 9, III) расположена с юго-запада на востоке скалы на высоте 2 м. Рисунки нанесены светло-красной охрой. Овальными очертаниями изображена личина с двумя глазами и носом, а также два охристых мазка и вертикальная сплошная линия.

Плоскость 4 (табл. 7, IV) расположена с северо-запада на востоке скалы на высоте 2 м.

Рис. 1 — четыре пятна овальной формы, выполненные боярской охрой.

Рис. 2 — три безрукие антропоморфные фигурки с изогнутыми туловищами и расставленными ногами. Переданы светло-красной охрой.

Рис. 3 — животное, расположенное головой вверх, с овальной головой; у морды клиновидный шип. Выделена шея, холка приподнята, спина чуть прогнута, круп описан дугой, брюшина приопущена, две короткие прямые ноги. Изображение профильное, нанесено сплошной контурной линией бордового цвета и как бы одним взмахом руки. Выше головы животного вдоль спины и под шеей — 10 овальных бордовых пятен.

Плоскость 5 (табл. 9, IV) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере светло-красной охрой.

Рис. 2, 4 — антропоморфные изображения с округлыми головами, утончением намечены шеи, туловища нанесены прямыми линиями. Ноги расставлены, руки приподняты. Переданы светло-красной охрой в фас.

Рис. 3 — антропоморфная фигура с рогатой головой, обозначенной шеей и массивным подпрямоугольным туловищем. Ноги расставлены, одна рука приподнята, вторая намного длиннее и поднята вверх. Нанесена светло-красной охрой и показана в фас.

Рис. 5 — скопление округлых пятен, переданных светло-красной охрой.

Рис. 6 — изогнутая сплошная линия, нанесенная светло-красной охрой.

Рис. 7 — окружность с отходящими лучами, нанесенная светло-красной охрой.

Рис. 8 — антропоморфная рогатая фигура, выполненная в традиционной манере. Изображена светло-красной охрой в фас.

Рис. 9 — бегущее животное с округлой головой и саблеобразным рогом. Шея, холка и спина нанесены одним прямым начертанием. Брюшина передана выпуклой линией. Передняя нога подана вперед, задняя отброшена. Рисунок нанесен как бы одним взмахом руки, вторым прикосновением добавлен рог. Передан тонкой бордовой линией в профиль.

Рис. 10 — выполнен в такой же манере, как и вышеописанное животное, нанесены крест-накрест сплошные линии.

Рис. 11 — четыре вертикально расположенных мазка, нанесенных бордовой охрой.

Рис. 12 — изображение животного, у которого голова, шея и туловище показаны как бы одним эллипсоидом, затем добавлены две небольшие ноги. Передано бордовой охрой в профиль. Позднее поверх фигуры нанесены две сплошные полосы светло-красного цвета.

Плоскость 6 (табл. 10, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 4 м. Рисунки выполнены сплошными линиями светло-красной охрой.

Рис. 1 — профильное изображение антропоморфной фигурки с рожками. Голова, шея, туловище нанесены прямой сплошной линией. Ноги сдвоены и показаны как бы в полусогнутом состоянии. Руки расставлены в стороны.

Рис. 2 — волнистая сплошная линия.

Рис. 3, 8 — изображения лодок с антропоморфными фигурками. Лодки переданы вогнутыми линиями, человечки — вертикальными стерженьками.

Рис. 4 — профильное изображение антропоморфной фигурки, выполненное в традиционной манере.

Рис. 5 — стилизованное изображение птицы с массивной головой; туловище и хвост переданы прямой линией, показана одна нога.

Рис. 6 — изображение антропоморфной фигурки, выполненной в традиционной манере. Показан фаллос.

Рис. 7 — переплетение линий.

Рис. 9 — окружность, рассеченная сплошной полосой.

Плоскость 7 (табл. 10, II) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки выполнены бордовой охрой. Представлены изображение животного и четыре сплошные линии. Фигура передана как бы одним взмахом руки. У животного параболоидная голова, шея и туловище описаны одной выпуклой линией, брюхо подтянуто, ноги показаны двумя вертикальными мазками. Фигура по контуру залита краской.

Плоскость 8 (табл. 10, III) расположена с северо-западной стороны скалы на высоте 4 м. Рисунки выполнены бордовой охрой.

Рис. 1, 4 — сплошные вертикальные мазки.

Рис. 2—3 — изображения животных, расположенных головой вниз. По стилистической манере они схожи с рисунками животных с восьмой плоскости, различие только в том, что рассматриваемые животные больших размеров и нанесены сплошными контурными линиями.

Рис. 5 — животное с клинообразной массивной головой, морда заовалена. Верхняя часть шеи, холка и спина переданы прямой линией, круп — дугообразной. Ноги нанесены двумя вертикальными мазками. Передано в профиль.

Плоскость 9 (табл. 11, I) расположена с западной стороны на высоте 3 м. Рисунки переданы бордовой охрой. Сохранность рисунков плохая. Изображено животное, у которого сохранились только туловище и ноги. Нанесено контурной линией в профиль.

Плоскость 10 (табл. 12, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 4 м. Сохранность плохая.

Рис. 1 — часть животного с длинной шеей, клинообразной головой; уши и другие признаки, указывающие на принадлежность к виду, отсутствуют. Передано розоватой контурной линией в профиль.

Рис. 2—3 — изображения скачущих лошадей. У них приподнятые массивные головы, верхние части туловища описаны прямыми линиями, брюшины приоткрыты. Ноги расставлены, хвосты отброшены назад. Головы и шеи животных по контуру залиты краской, туловища переданы сплошными контурными линиями. Показаны в профиль.

Плоскости с наскальными рисунками в Средне-Шайкино расположены так, что удобных площадок для жертвеника нет, но возле восьмой и десятой плоскостей оказались небольшие задернованные уступы, которые при зачистке дали обильный материал.

Уступ у восьмой плоскости $1,2 \times 0,3$ м. Стратиграфия раскопа такова: слой дернового покрытия (2—3 см), гумусированная супесь (8—12 см), темная гумусированная супесь (5—6 см), серая супесь (2—5 см), ниже — выходы скалы.

Обнаруженный на этом уступе материал представлен 243 артефактами, найденными на двух ярко выраженных горизонтах. Первый горизонт с находками был сосредоточен в темной гумусированной супеси. В нем обнаружена основная масса находок (198 предметов из железа: наконечники стрел, обломки ножей, предметы искус-

ства, пуговицы, подвески, стержни, заклепки, накладки и большое количество кусочков железа различных форм).

Все представленные наконечники — черешковые. По форме и назначению их можно отнести к пяти типам: четырехгранные с удлиненно-треугольным пером, ромбические в сечении (табл. 13, 1); двухжальных, плоские в поперечном сечении (табл. 13, 2, 3, 6—8, 12); шилообразные, ромбические или прямоугольные в поперечном сечении (табл. 13, 4, 11); листовидные, плоские в поперечном сечении (табл. 13, 5); долотовидные, плоские в поперечном сечении (табл. 13, 9).

Обнаруженные части от ножей — все с односторонней заточкой (табл. 13, 15—17).

Предметы искусства представлены: двумя лунарными знаками (табл. 13, 21, 22); двумя рыбами, у одной часть хвоста, у второй — весь хвост обломаны (табл. 13, 23, 24); птицей, напоминающей орла (табл. 13, 25); фигуркой духа-охранителя (*ментая*) со звериной клинообразной головой, которая отделена от туловища двумя небольшими бороздками (табл. 13, 23); двумя безголовыми антропоморфными фигурками (головы отломаны), одна напоминает, по представлениям эвенков-орононов, хозяйству огня (*энекан того*), вторая — вместилище души-мугды умершего предка (*мугдыгра*) (табл. 14, 1, 4); летящей птицей с одним обломанным крылом (табл. 14, 5).

Обнаружены подвески различных форм, одни из них пришивались или привязывались (табл. 13, 18—20; табл. 14, 19, 20, 25); другие — зажимались (табл. 14, 3, 6—9).

Стерженьки прямоугольные или квадратные в поперечном сечении, основная их масса с одной стороны заострена; некоторые из них — с расклепанными концами (табл. 14, 13, 26), — другие — с туными (табл. 14, 11, 14—16).

Артефакты второго горизонта находились в серой супеси уступа. Обнаружено 29 фрагментов керамики ручной лепки от двух сосудов, шесть латных пластин, трое бус, бронзовая накладка, нашивка, одна золотая галька и четыре бронзовых обломка.

Оба сосуда представлены фрагментами венчиков и тулов. Один сосуд со слегка отогнутым венчиком, по которому нанесен налепной валик, орнаментированный резными крестовидными линиями, туло не орнаментировано (табл. 8, 1). Второй сосуд — баночной формы, с отвернутым наружу венчиком орнаментирован по всему тулову небольшими затертными прямоугольниками (табл. 8, 4).

Латные пластины — прямоугольные; пять из них по краям и центру имеют отверстия (табл. 13, 14), а шестая — с волнообразной выемкой с одной стороны (табл. 13, 13). Бусы изготовлены из халцедона, снаружи граненые (табл. 8, 14—16). Бронзовая накладка прямоугольная, углы слегка заовалены, выпуклая, по краям имеет две заклепки (табл. 8, 17). Бронзовая нашивка ребристая по бокам, с тыльной стороны имеет две петли для крепления (табл. 8, 11).

Уступ у 10-й плоскости — $0,9 \times 0,6$ м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (2—3 см), гумусированная супесь (15—22 см), желтоватый суглинок (10—14 см), ниже скала.

Находки на уступе обнаружены в двух горизонтах: в гумусированной супеси на глубине 15—17 см от поверхности и в желтоватом суглинке почти на самой скале. В гумусированной супеси располагались: одна бронзовая пряжка или подвеска, две бронзовые пуговицы, бронзовый наконечник стрелы, бронзовая бусина, скребочек и обломок наконечника стрелы.

Пряжка (подвеска) листовидно-вытянутой формы, с внутренней стороны имеет две петли для крепления. С наружной стороны нанесен рисунок, напоминающий стилизованную личину животного или человека (табл. 8, 12). Пуговицы округлые по очертанию, одна с выпуклостью наружу, вторая прямая. С внутренних сторон — следы вставок для отливания проушин (табл. 8, 9, 10). Наконечник стрелы трехлопастной втульчатый (табл. 8, 18). Бусина круглой формы (табл. 8, 13). Скребок и обломок наконечника стрелы изготовлены из красноватого кремния. Фрагмент наконечника имеет двустороннюю отжимную ретушь (табл. 15, 4). Скребок выполнен на отщепе односторонней отжимной ретушью (табл. 15, 3).

В желтоватом суглинке обнаружено пять одноплощадочных заготовок нуклеусов (табл. 15, 1, 2, 5; табл. 16, 1, 2) с хорошо оформленными клиньями по бокам для зажима. Все перечисленные артефакты сильно патинезированы и пришлифованы. Они были сгруппированы в одном месте явно в связи с каким-то ритуалом.

Бараун Чулутай. Памятник открыт в 1950 г. и частично опубликован А. П. Окладниковым ⁹. В 1984 г. обследован автором. Были уточнены и досняты наскальные рисунки и обнаружен жертвеник. Писаница расположена в Ачинском р-не Ачинского Бурятского национального округа Читинской обл. на левом берегу р. Бараун Чулутай в 12 км от пос. Судунтай. Рисунки нанесены на гранитный останец 15-метровой высоты. Представлена 15-ю плоскостями. Судя по окрасу охры, которой нанесены изображения, писаница разновременная. Изображения переданы сплошными линиями и заливкой по контуру.

Плоскость 1 (табл. 17, I) расположена с южной стороны скалы на высоте 2,5 м. Рисунки выполнены вишневой охрой.

Рис. 1 — X-образный знак.

Рис. 2, 4 — вертикальные сплошные линии.

Рис. 3, 6 — антропоморфные фигуры, выполненные в традиционной манере.

Рис. 5 — изображен черешковый наконечник стрелы с удлиненно-треугольным пером.

Плоскость 2 (табл. 17, II) расположена на потолке карниза, нависающего над первой плоскостью на высоте 3 м. Рисунки, переданные вишневой охрой, представлены X-образным знаком, семью сплошными вертикальными линиями и четырьмя точками.

Плоскость 3 (табл. 17, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 2,5 м. Рисунки нанесены вишневой охрой, представлены тремя горизонтальными полосами, X-образным знаком, треугольником с точкой в середине и двумя соприкасающимися изогнутыми линиями. В самом низу расположено изображение, напоминающее летящую птицу.

Плоскость 4 (табл. 7, IV) расположена с южной стороны скалы на высоте 2 м. Рисунки выполнены вишневой охрой.

Рис. 1 — изображение, напоминающее взлетающую птицу.

Рис. 2 — бегущая птица, с каким-то предметом в клюве. Голова у птицы округлая, шея изогнутая, туловище и расставленные ноги переданы сплошными линиями.

Рис. 3 — цепочка антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Рис. 4 — вертикальные линии.

Рис. 5 — антропоморфная фигурка с предметом в руках, выполненная в традиционной манере.

Рис. 6 — X-образный знак.

Рис. 7 — рогатая антропоморфная фигурка без рук, у которой от головы к тазу подрисована выпуклая линия.

Рис. 8 — сплошная вертикальная линия.

Плоскость 5 (табл. 17, V) расположена с южной стороны скалы на высоте 1,5 м. Здесь изображена окружность и X-образный знак, выполненные вишневой охрой. Чуть правее их в нише нарисовано животное с вертикальной полосой, подходящей к спине. Животное нанесено светло-красной охрой.

Плоскость 6 (табл. 17, VI) расположена с южной стороны скалы на высоте 2 м на потолке карниза четвертой плоскости. Рисунки выполнены вишневой охрой, представлены тремя точками и стерженьком с отходящими вниз двумя линиями.

Плоскость 7 (табл. 18) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены вишневой охрой. В центре рисунки сильно смыты и прослеживаются с трудом, только при косых лучах солнца.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с рожками на голове, выполненная в традиционной манере.

Рис. 2 — три вертикальные сплошные линии.

Рис. 3 — бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 4 — профильное изображение антропоморфной фигурки, выполненной в традиционной манере.

Рис. 5 — скопление овальных пятен и мазков.

Рис. 6 — нагнувшаяся антропоморфная фигурка с клиновидной звериной мордой, массивным туловищем. Ноги расставлены, руки нанесены небольшим выступом.

Рис. 7 — антропоморфная фигурка с округлой головой, намеченной шеей и туловищем. Руки не указаны, ноги расставлены.

Рис. 8 — окружность с отходящим вниз мазком.

Рис. 9 — антропоморфное изображение, выполненное в традиционной манере.

Рис. 10 — выпуклая сплошная полоса с семью отростками.

Рис. 11, 16 — круглые пятна.

Рис. 12 — горизонтальная сплошная линия.

Рис. 13 — изогнутая сплошная линия.

Рис. 14 — напоминает фантастическое животное с низко опущенной головой на длинной шее. Туловище и длинный хвост обозначены выпуклой полосой. Две ноги расположены вертикально.

Рис. 15 — бесформенное сплетение сплошных линий.

Рис. 17 — изображение антропоморфной фигурки с округлой головой, намеченной шеей и горбатым туловищем. Руки выставлены вперед, ноги расставлены.

Рис. 18 — профильное антропоморфное изображение с округлой большой головой, небольшим прямым туловищем. Ноги расставлены, руки отсутствуют.

Рис. 19—20 — безрукие антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Рис. 21 — профильное изображение антропоморфной фигурки, выполненное в традиционной манере.

Рис. 22 — изображения животного с ажурным туловищем и антропоморфной фигуры. Животное с клинообразной головой, двумя небольшими ушками, туловище прямоугольное. Две передние ноги касаются другого животного, изображенного ниже, задние

ноги отставлены, от брюшины отходит отросток с развилкой. Хвост животного больше естественных размеров, на нем нарисована стоящая антропоморфная фигурка с округлой головой, намеченной шеей и оформленным туловищем. Ноги расставлены, руки приподняты. На одной руке указаны три пальца.

Рис. 23 — скопление округлых пятен.

Рис. 24 — животное, напоминающее изображенное на рис. 14; отличается тем, что у него приподнята голова и показаны четыре ноги.

Рис. 25 — изображение животного, по манеру написания сходное с рис. 24, только с двумя ногами.

Рис. 26 — реалистическое изображение животного с клиновидной головой, двумя ушами. Верхняя часть шеи, холка и спина описаны прямым начертанием. Намечен хвост, брюшина подтянута. Ноги расставлены.

Рис. 27 — изображение антропоморфной фигурки, выполненной в традиционной манере, только с распростертыми вверх руками.

Рис. 28 — изображение животного, напоминающее рис. 25; к нему подрисованы две антропоморфные фигурки.

Рис. 29 — X-образный знак.

Рис. 30 — скопление округлых пятен.

Плоскость 8 (табл. 17, VII) расположена с южной стороны на высоте 0,6 м. Рисунки, нанесенные темно-бордовой охрой, представляют животное и скопление пятен. Голова и туловище животного обрисованы эллипсовидным очертанием. От спины отходят семь вертикальных отростков. Передняя нога прямая, задняя с намеченым коленным суставом и чуть отставлена.

Плоскость 9 (табл. 19, I) расположена с южной стороны скалы на высоте 2,5 м. Рисунки, переданные вишневой охрой, представлены пятнами, кавычками и тремя сплошными вертикальными линиями.

Плоскость 10 (табл. 19, IV) расположена с южной стороны скалы на высоте 2 м. Рисунки выполнены светло-красной охрой, сохранность плохая; представляют округлые пятна, мазки, X-образный знак и два антропоморфных изображения.

Первая антропоморфная фигура с овальной головой, от которой отходят два длинных клинообразных уха. Четко выделены шея и эллипсовидное туловище. Ноги расставлены, руки выставлены вперед. У второй антропоморфной фигуры голова и шея показаны в виде небольшого стерженька, массивное туловище передано овалом. Ноги расставлены, руки приподняты.

Плоскость 11 (табл. 19, III) расположена с южной стороны скалы выше десятой плоскости. Рисунки выполнены светло-красной охрой, сохранность плохая; они представлены шестью точками и безрукой антропоморфной фигуркой, выполненной в традиционной манере.

Плоскость 12 (табл. 19, VII) расположена с восточной стороны скалы на высоте 2 м. На нее нанесен светло-красной охрой рисунок антропоморфной фигурки. Фигурка в согнутом положении, с округлой головой, от которой отходит клиновидный отросток, намечена шея, туловище книзу резко сужается, вместо рук небольшие отростки, единственная нога согнута в коленном суставе.

Плоскость 13 (табл. 19, V) расположена с восточной стороны выше 12-й плоскости. На ней светло-красной охрой нанесено изображение животного, у которого шея, туловище и задняя нога переданы выпуклой линией, передняя нога прямая. Голова показана мазком, перпендикулярным к туловищу.

П л о с к о с т ь 14 (табл. 19, II) расположена с южной стороны скалы на высоте 2 м. Рисунки выполнены вишневой охрой. Изображены 83 овальных пятна, три вертикальные линии и фигура, состоящая из сплетения мазков и черточек.

П л о с к о с т ь 15 (табл. 19, VI) расположена с южной стороны скалы на высоте 1,5 м. Изображена непонятная елкообразная фигура с окружным начертанием внизу, от которого отходит вертикальная сплошная линия.

При обследовании писаницы с юга и юго-запада скалы обнаружены жертвенные.

Жертвенный с юго-западной стороны скалы расположен у 1—5-й плоскостей. Размеры его $1,2 \times 1,4$ м, по контуру ограничен каменной кладкой в виде оградки. Жертвенный до наших исследований был разрушен и материалов в нем практически не осталось. Стратиграфия раскопа следующая: гумусированная супесь по всей поверхности площадки до скалы (3—10 см); в юго-западном углу обнаружено углубление, заполненное темной гумусированной супесью до скалы, размерами 18×36 см, глубиной 43—48 см.

С западной стороны у стенки оградки обнаружен долотовидный черешковый наконечник стрелы без упора, перо от жала плавно сужено. Ширина жала 0,8 см, длина прямоугольного в поперечном сечении пера — 2,5 см, длина круглого черешка — 2,2 см.

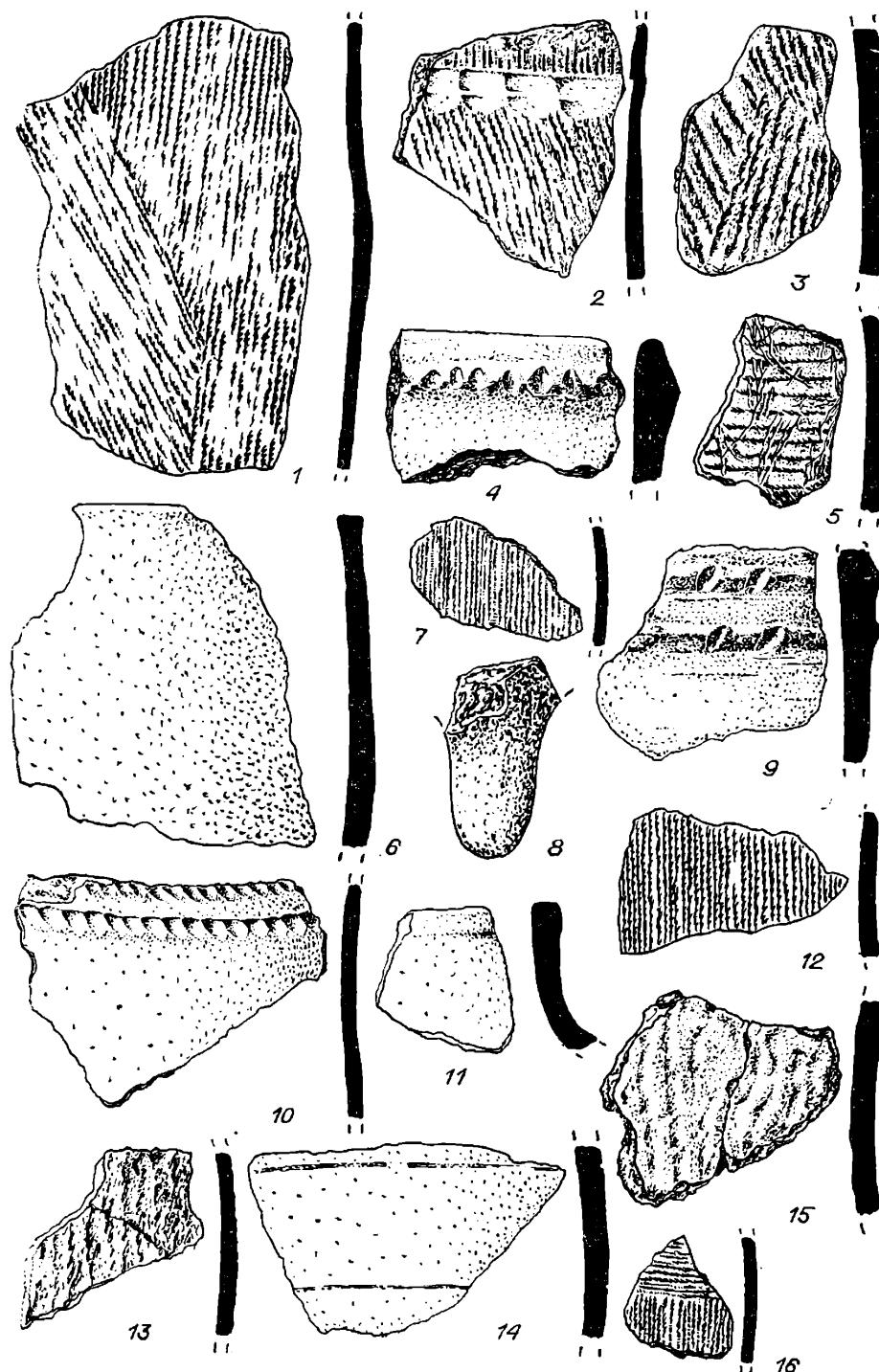
В углублении, заполненном темной гумусированной супесью, почти у самой скалы было обнаружено пять фрагментов керамики ручной лепки. Один фрагмент по краю орнаментирован двумя рядами слегка наклоненных вертикальных вдавлений (рис. 5, 10).

Жертвенный с юго-восточной стороны расположен на карнизе в трещине размерами $0,8 \times 0,25$ м. Стратиграфия раскопа следующая: гумусированная супесь (20—25 см); желтовато-бурая супесь (3—4 см); ниже — скала. Артефакты обнаружены в желтовато-буровой супеси. Представлены 12-ю отщепами, два из них с подправкой (табл. 16, 4, 7), одной ножевидной пластиной, подработанной с одной стороны (табл. 16, 3), и тремя фрагментами керамики ручной лепки, орнаментированной отпечатками перевитого шнура.

Кирочи. Открыт в 1967 г. И. И. Кирилловым. Расположен в Шилкинском р-не Читинской обл. на правом берегу р. Онон в 1,5 км выше с. Кирочи на лобовой части грота. Красной охрой нанесены антропоморфные изображения и группы округлых пятен. По фотографиям И. И. Кириллова был опубликован А. П. Окладниковым. Памятник не датирован¹⁰. При обследовании писаницы в 1983 г. автором выяснилось, что грот с наскальными рисунками взорван.

Токтуй. Памятник открыт А. П. Окладниковым. По его сведениям, расположен севернее поселка колхоза Ахтогочан Оловянинского р-на Агинского Бурятского автономного округа Читинской обл. В 1983—1984 гг. автор пытался отыскать местонахождение памятника. Выяснилось, что Оловянинский р-н никогда не входил в Агинский автономный округ, и поселка с таким названием не было. Во время революции существовала Ахтогочанская партизанская коммуна, расположенная в Борзинском р-не Читинской обл. Опубликованные А. П. Окладниковым рисунки представлены антропоморфными фигурками и ломанными линиями. На основании антропоморфных фигурок с рожками писаница датирована эпохой бронзы¹¹.

Чандайча. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. в 155 км по трассе Александровский за-

Рис. 5. Материалы из жертвенников.
 1, 2 — Маргудек; 3, 4, 12 — Малый Улистай; 5, 9, 11, 13 — Нортуй II; 6, 8 — Бараун Кондуй II; 7, 15, 16 — Уралонгуй I; 10 — Бараун Чулутай; 14 — Копчил.

вод — Нерчинский завод в устье распадка Чандайча. Рисунки нанесены на лобовой останец, сложенный из известняка, у самой вершины сопки. Писаница представлена семью небольшими плоскостями. Рисунки переданы сплошными линиями коричневатой охры. Плоскость 1 (табл. 11, II) расположена с юго-западной

стороны на высоте 2 м. На ней изображены две антропоморфные фигуки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 11, VI) расположена с восточной стороны скалы на высоте 2,5 м. На ней обнаружены две фигурки животных в окружении 63 пятен. У одного животного голова, шея и туловище переданы прямой линией, слегка расставленные ноги показаны мазками. У второго животного ухо, верхняя часть головы, шея, туловище и задняя нога переданы одним выпуклым очертанием, клинообразная морда и прямая передняя нога как бы подрисованы.

Плоскость 3 (табл. 11, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1,5 м. На ней изображена антропоморфная фигура, у которой шея и туловище выполнены вертикальной прямой линией, ноги расставлены, руки выставлены вперед, к ним подрисована сплошная линия. Голова рисунка как бы повернута назад, выполнена вертикальным мазком.

Плоскость 4 (табл. 11, IV) расположена с восточной стороны на высоте 1,5 м. Изображена антропоморфная фигура, выполненная в традиционной манере, и три овальных пятна.

Плоскость 5 (табл. 11, V) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м.

Рис. 1, 4 — вертикально расположенные сплошные линии, от которых отходят с левой стороны горизонтальные отростки.

Рис. 2 — изображение животного, расположенного головой вверх, у которого шея, туловище и хвост показаны прямой линией. Две ноги в виде небольших отростков расположены перпендикулярно к туловищу. Опущенная вниз голова подрисована мазком.

Рис. 3 — животное, у которого шея, туловище и хвост изображены выпуклым очертанием. Массивная голова эллипсовидна. Небольшие прямые ноги как бы сведены.

Плоскость 6 (табл. 11, VII) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображена группа антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 7 (табл. 12, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Изображены пять овальных пятен, изогнутая линия и животное. У животного клинообразная головка, замечена шея, туловище передано выпуклой линией, ноги прямые.

Доно. Памятник открыт в 1983 г. автором. Расположен в Нерчинско-Заводском р-не Читинской обл. в 95 км по трассе Нерчинский Завод — Александровский Завод на лобовом останце на вершине сопки по правому берегу р. Доновской Борзи. Местность называют Доно. Эвенки-орочоны этим словом называют духов и божеств, разве враждебных, но покоренных шаманом и ставших его добродетельными помощниками. Рисунки расположены на входе в грот. Высота грота 3,5 м, ширина 1,6 м, длина 4,2 м. Вход ориентирован на юго-восток. Рисунки нанесены бордовой охрой, сохранность плохая. Изображения с южной стороны представлены мазками и овальными пятнами. Вторая плоскость ориентирована на запад, на ней нанесены сплошные линии, овальные пятна и фигура, напоминающая лицину, залитая по контуру охрой, кроме глаз, носа и рта (табл. 20, I).

Копчинский. Памятник открыт в 1974 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. у с. Цаган-Олуй по левую сторону устья распадка Копчинский на лобовом гранитном останце. Рисунки нанесены на четырех плоскостях вишневой охрой.

П л о с к о с т ь 1 (табл. 20, V) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м. Изображены две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

П л о с к о с т ь 2 (табл. 20, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображены скопления пятен, М-образный знак, две бегущие антропоморфные фигурки, две бегущие антропоморфные фигурки, взявшись за руки, и две группы фи- гурок, расположенных цепочками. Все антропоморфные фигурки переданы в традиционной стилистической манере.

П л о с к о с т ь 3 (табл. 20, IV) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Изображены шесть антропоморфных фигурок: три поодиночке и три — цепочкой. Все выполнены в тра-диционной манере.

П л о с к о с т ь 4 (табл. 20, III) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 0,5 м. На ней переданы две бегущие антро-поморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Копчил. Открыт в 1984 г. автором. Расположен в Борзенском р-не Читинской обл. в 20 км по трассе Кондуй — Цаган-Олуй в центре распадка Копчил на двух гранитных останцах высотой 6 и 7 м. Представлен 19-ю плоскостями. По цвету краски и стилистическим особенностям рисунки разновременные. Все изображения выполнены сплошными линиями.

П л о с к о с т ь 1 (табл. 21, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. Охрой малинового оттенка изображены четыре овальных пятна, X-образная фигура и три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

П л о с к о с т ь 2 (табл. 21, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. На ней охрой малинового оттенка изображены десять круглых пятен и четыре антропоморфные фигуры, выполненные в традиционной манере.

П л о с к о с т ь 3 (табл. 21, III) расположена с восточной сто-роны скалы на высоте 1 м. Ярко-красной охрой на ней нанесены 36 овальных пятен, где бегущие антропоморфные фигурки поодиночке и семь — расположенные цепочкой. Все переданы в традиционной манере.

П л о с к о с т ь 4 (табл. 22, I) расположена с восточной сторо-ны скалы на высоте 1 м. Ярко-красной охрой изображены семь на-клонных мазков, круглое пятно и шесть бегущих антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

П л о с к о с т ь 5 (табл. 22, II) расположена с восточной сторо-ны скалы на высоте 1 м. Светло-красной охрой изображены X-образ-ный знак с отростком и безрукая антропоморфная фигурка со зве-риной овальной головой и расставленными ногами.

П л о с к о с т ь 6 (табл. 22, III) расположена с восточной сто-роны на высоте 1 м. Светло-красной охрой нанесены шесть мазков, X-образный знак и стилизованное изображение животного, у кото-рого голова, шея и туловище переданы наклонной линией, две пря-мые ноги подрисованы перпендикулярно к туловищу.

П л о с к о с т ь 7 (табл. 22, VI) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 0,5 м. Ярко-красной охрой изображены три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, с фаллосами.

П л о с к о с т ь 8 (табл. 22, IV) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2,5 м. Светло-красной охрой нанесены че-тыре круглых пятна и два X-образных знака.

Плоскость 9 (табл. 22, V) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. На нее светло-красной охрой нанесены два X-образных знака.

Плоскость 10 (табл. 23, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. Светло-красной охрой нанесены треугольный знак, X-образный знак, пять округлых пятен и три сплошные линии.

Плоскость 11 (табл. 23, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 0,5 м. Светло-красной охрой нанесены два округлых пятна и три X-образных знака.

Плоскость 12 (табл. 23, II) расположена с северо-западной стороны скалы на высоте 0,5 м. Светло-красной охрой выполнены два знака в виде кавычек, сплошная линия и два X-образных начертания.

Плоскость 13 (табл. 23, VI) расположена с северо-западной стороны скалы на высоте 1 м. Светло-красной охрой нанесены сплошная линия и X-образный знак.

Плоскость 14 (табл. 24, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Светло-красной охрой нанесены 16 округлых линий, четыре сплошные линии, знак в виде буквы У в зеркальном изображении и три X-образные начертания.

Плоскость 15 (табл. 23, VII) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 0,5 м. Светло-красной охрой выполнены пять X-образных знаков и четыре округлых пятна.

Плоскость 16 (табл. 23, IV) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 0,5 м. Светло-красной охрой выполнены X-образный знак, кавычки и волнистая линия.

Плоскость 17 (табл. 24, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м. Бордовой охрой нанесены пять антропоморфных фигурок, у четырех фигурок головы округлые, у одной — в виде стерженька. Выполнены в традиционной манере.

Плоскость 18 (табл. 23, V) расположена с южной стороны на высоте 0,5 м. Бордовой охрой нанесены X-образные знаки и кавычки.

Плоскость 19 (табл. 24, III) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены бордовой охрой.

Рис. 1 — три вертикальные сплошные линии по горизонтали пересечены выпуклой линией. Выше их 20 округлых пятен.

Рис. 2 — ломаная линия и округлое пятно.

Рис. 3 — округлая фигура, от которой отходят три полосы. Ниже ее мазок, выше — шесть округлых пятен.

Рис. 4 — овальное пятно с отходящей линией.

Во время обследования писаницы у плоскостей с наскальными рисунками были заложены три раскопа и защищена трещина наверху большой скалы.

Трещина на скале размерами 35×80 см, на глубину 8—10 см заполнена гумусированной супесью. В трещине обнаружены два железных орла и железный предмет неизвестного назначения.

Обе фигурки орлов изготовлены в одной стилистической манере, с расставленными крыльями и распущенными хвостами. У одного головка овальная (рис. 6), а у второго — изображенная в профиль, с клиновидным клювом (рис. 7). Железный предмет неизвестного назначения изготовлен из кованого железа, с одной стороны изогнут в виде рыболовного крючка (рис. 8, 1).

Первый раскоп размерами $1,5 \times 2$ м был заложен у 12-й плоскости. В этом месте скала имеет удобную площадку, с северо-запада

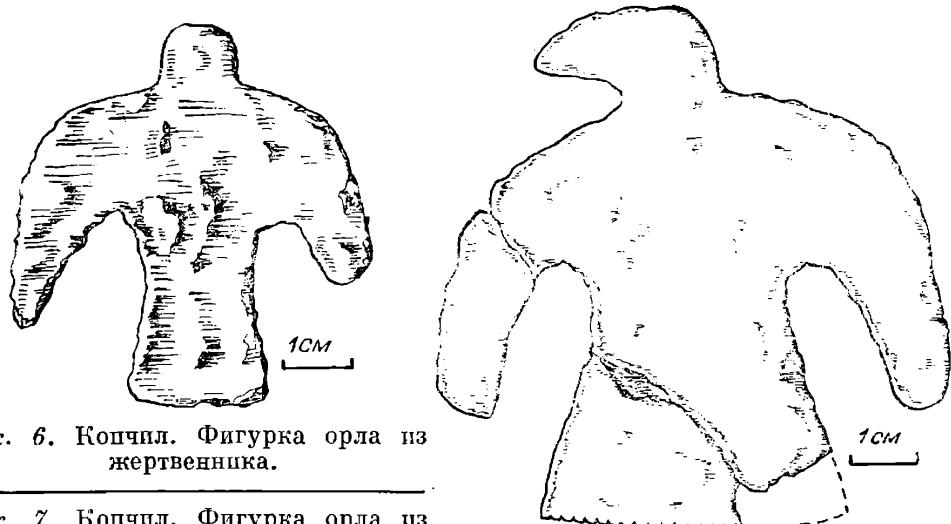

Рис. 6. Копчил. Фигурка орла из жертвениника.

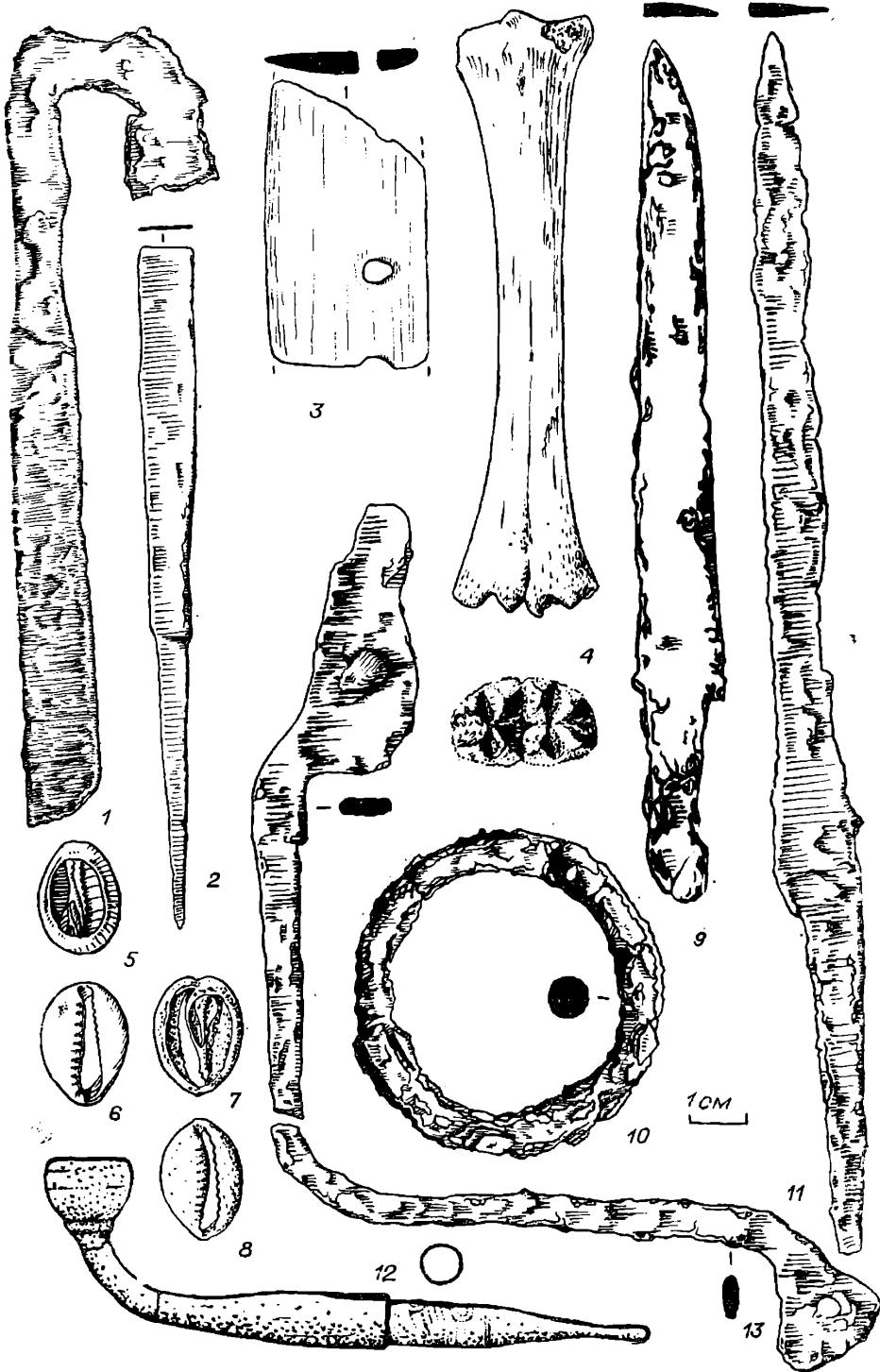
Рис. 7. Копчил. Фигурка орла из жертвениника.

и юго-востока ограниченную двумя плоскостями, сверху нависает огромный карниз. При зачистке выяснилось, что площадка вплоть до скалы (на глубину 85—90 см) забита большими каменными глыбами, пространство между которыми заполнено гумусированной супесью. После съема верхних камней на стыке плоскостей проявилось темное гумусированное пятно овальной формы (наибольший диаметр 92 см). При зачистке пятна выяснилось, что оно является контуром могильной ямы (глубиной 48 см до скалы) вторичного захоронения (рис. 9). Ритуал похорон происходил следующим образом: вначале был положен череп с ориентацией на запад, затем без всякого порядка брошены все остальные кости, а сверху положены долотовидный чешковый наконечник стрелы (рис. 8, 2) и небольшой железный нож с односторонней заточкой (табл. 14, 31). Все это сверху было заложено крупными глыбами. Рассматриваемый раскоп был представлен только захоронением, дальнейшая зачистка материала не дала.

Второй раскоп заложен у третьей плоскости между скальными выходами. Его размеры $0,6 \times 1,2$ м. Стратиграфия следующая: гумусированная супесь (10—12 см); желтоватый суглинок (3—4 см); ниже — скала. На глубине 6—8 см были обнаружены шесть фрагментов неорнаментированной керамики серого цвета ручной лепки и один сосок от трипода.

Третий раскоп заложен у 17-й плоскости в единственном удобном для этого месте. Размеры раскоша 2×3 м. Ориентирован по направлению плоскости. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (2—3 см); гумусированная супесь (10—12 см); темная гумусированная супесь (5—7 см); серый песок (8—12 см); ниже — скала.

Все находки, обнаруженные в раскопе, сосредоточены в нижней части темной гумусированной супеси у самой скалы с рисунками. Они представлены двухплощадочным нуклеусом (рис. 10), срединным резцом, изготовленным на отщепе (табл. 16, рис. 7), склерболовидными орудиями, изготовленными из отщепов (табл. 16, 8; табл. 25, 3; табл. 26, 4, 6; табл. 27, 2, 5; табл. 28, 1—3, 6), двумя обломками двухсторонне ретушированных ножей (табл. 26, 5; табл. 27, 8), подработанными ножевидными пластинами (табл. 26, 4, 6, 7) и 16-ю отщепами. Два из них подработаны и по поверхности имеют следы краски такого же цвета, что и рисунки на плоскости (табл. 26, 1, 3).

Рис. 8. Материалы из жертвенников.
1, 2 — Копчил; 3 — Маргуцек; 4, 9, 13 — Малый Улистай; 5—8, 10—12 — Усть-Цорон.

Кондуй 16 км. Памятник открыт в 1984 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. в устье небольшого безымянного распадка, в 16 км по трассе Кондуй — Цаган-Олуй. Писаница найдена в двух пунктах на обнажениях в овраге и на скале. По стилистическим особенностям и цвету краски рисунки разновременные.

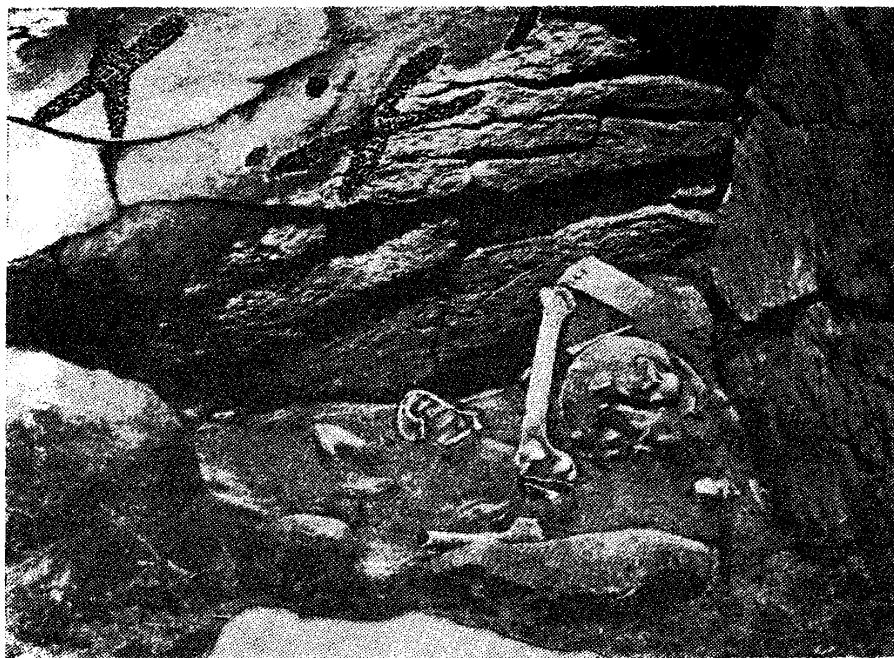

Рис. 9. Копчил. Общий вид захоронения после зачистки.

Изображения первого пункта расположены на двух обнаженных плоскостях в овраге. Изображения выполнены светло-красной охрой, сплошными линиями. Расположены с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м.

Плоскость 1 (табл. 29) передает изображения округлых пятен, вертикальных сплошных линий, трех антропоморфных фигурок, двух солярных знаков и одного животного. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере. Солярные знаки переданы в виде окружности с отходящими лучами.

Животное расположено в профиль с повернутой головой, переданной округлым пятном. Шея и передняя нога изображены прямой вертикальной линией, туловище — горизонтальной линией; к нему вертикально подставлена задняя нога.

Плоскость 2 (табл. 30) расположена правее первой. На ней представлены солярные знаки округлых очертаний, группы округлых красочных пятен и вертикальные сплошные линии.

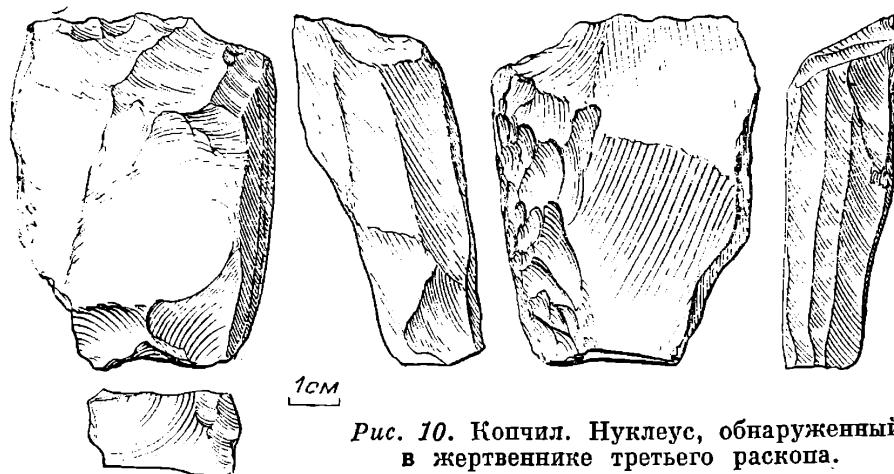

Рис. 10. Копчил. Нуклеус, обнаруженный в жертвенике третьего раскопа.

Наскальные рисунки второго пункта расположены на скальных выходах сопки в 50 м юго-западнее первого скопления рисунков. Представлены пятью плоскостями. Рисунки нанесены сплошными линиями красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 31, I) расположена с южной стороны скалы на высоте 2 м. На ней начертаны два округлых красочных пятна, подковообразная фигура и антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 31, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображены шесть вертикальных линий, К-образный знак и антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Плоскость 3 (табл. 31, IV) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображены вертикальные сплошные линии, округлые красочные пятна, крючкообразное начертание и антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Плоскость 4 (табл. 31, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Нарисованы вертикальные линии и округлые красочные пятна.

Плоскость 5 (табл. 32) расположена с западной стороны скалы на высоте 2 м. В центре нанесено животное, у которого голова, шея, туловище и задняя нога переданы овальным контуром, как бы одним начертанием. Передняя нога подрисована небольшим мазком. В центре туловища животного — круглое красочное пятно. С левой стороны навстречу животному и в правой верхней части композиции бегут антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Во время исследования писаницы у плоскостей с наскальными рисунками произведены зачистки в обоих пунктах писаницы. В первом пункте зачистка произведена на карнизе у первой плоскости. Это единственное место, где могли задержаться материалы жертвеника. Размер карниза $0,3 \times 1,4$ м. Стратиграфия раскопа следующая: дерновое покрытие (2–3 см); гумусированная супесь (7–10 см); темная гумусированная супесь (3–5 см); желто-серый суглинок (2–5 см); ниже — скала.

В темной гумусированной супеси были обнаружены два нуклеуса и фрагмент керамики. Один нуклеус относится к одноплощадочным коническим (табл. 26, 2), второй, оббитый со всех сторон, — к многоплощадочным (табл. 25, 1). Фрагмент керамики орнаментирован мелкими отпечатками материи.

Во втором пункте зачистка была произведена по всей площадке у плоскостей с рисунками. С западной и южной сторон площадка ограничена плоскостями скалы, с северной — обвалами карниза, с восточной — склоном сопки. Размеры площадки $1,5 \times 2,1$ м. Стратиграфия раскопа следующая: темная пыль с крупнообломочным материалом (10–15 см); гумусированная супесь (15–25 см); желто-затая супесь (2–5 см); ниже идет скала.

Материал раскопок содержался в темной гумусированной супеси в юго-западной части площадки. При жертвенному ритуале были положены две передние части туш лошадей, берестяная сумочка размерами 25×30 см, спитая жильными нитками, и стонка железных пластинок размерами 1×6 см. Пластинки очень плохо сохранились, и их назначение не определено.

У второй группы рисунков была обнаружена бронзовая пряжка (табл. 14, 28).

Цорон I. Памятник открыт в 1984 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. по правую сторону распадка Цорон, в 6,5 км от устья, на 12-метровом гранитном останце. Сам распадок Цорон своим устьем выходит на 9-й километр трассы Кондуй — Цаган-Олуй. Писаница представлена одной плоскостью (табл. 31, V), расположенной с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. Рисунки переданы сплошными линиями красной охрой. Сохранность плохая. Изображены округлые пятна, одна небольшая полоска, извилистая линия и безрукая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

У плоскости обнаружен жертвенный. Внешне он представлял окружную кладку из небольшого плиточника диаметром около 60 см. При зачистке выяснилось, что на глубине 10 см, за слоем темного гумусированного заполнителя, кладка прекращается. Здесь, внутри, обнаружены небольшой концевой скребок (табл. 33, рис. 5), обломок кремневого ножа (табл. 33, рис. 7), ножевидная пластина (табл. 33, рис. 3) и подработанный отщеп (табл. 33, рис. 8).

Цорон II. Памятник открыт в 1984 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. по левую сторону распадка Цорон, в 6,5 км от его устья, на 4-метровом гранитном останце. Писаница представлена одной плоскостью, расположенной с западной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены сплошными линиями светло-красной охрой. Изображены овальные пятна, вертикальная сплошная полоса и антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

У плоскости с рисунками был заложен раскоп размерами 1,5 × × 2 м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (2—3 см); гумусированная супесь (8—10 см); желтая супесь (4—5 см); ниже — скала.

В конце слоя гумусированной супеси, на границе с желтой супесью, у самой скалы были обнаружены: нож, изготовленный из кремнистого отщепа (табл. 33, 1), двухплощадочный нуклеус (табл. 33, 2), скребловидное орудие, изготовленное на отщепе (табл. 25, 2), оббитая галечка (табл. 27, 11) и подработанные ножевидные пластины (табл. 33, 4, 6, 9, 10, 12).

Цорон III. Открыт в 1984 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. по левую сторону распадка Цорон, в 5 км от его устья, на гранитном 8-метровом останце, стоящем на лобном месте сопки. Представлен 16-ю плоскостями. Рисунки нанесены сплошными линиями ярко-красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 34, I) расположена с северной стороны скалы на высоте 2,5 м. Изображены округлые пятна, сконцентрированные в виде прямоугольного скопления, и две антропоморфные фигурки с фаллосами, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 35) расположена с северной стороны скалы на высоте 1 м. Изображены округлые красочные пятна, расположенные поодиночке и рядами, антропоморфные фигурки, нанесенные поодиночке, по парам, цепочками, и стилизованные профильные изображения животных (в одном случае расположена одна фигура, во втором — две).

Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере. Изображения животных можно отнести к двум стилистическим манерам, но выполнены они одной и той же рукой. Две нижние фигурки на плоскости в левом и правом углах нанесены как бы двумя начертаниями: дугообразной выпуклой линией — туловище и задняя по-

га, изогнутой вертикальной линией — высоко поднятая голова, шея и передняя нога.

Изображение животного, расположенного в правом углу выше первого, передано совершенно в иной манере. У него голова, шея, туловище и хвост нанесены выпуклой линией, а ноги как бы подрисованы прямыми мазками.

Плоскость 3 (табл. 36, I) расположена с северной стороны скалы на высоте 1,8 м. На нее по всей площади нанесены округлые красочные пятна и в левом нижнем углу — четыре антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 4 (табл. 36, II) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображены вертикальные сплошные линии и округлые красочные пятна. В двух случаях они расположены как бы в виде квадратных оградок и в одном — волнистой цепочкой по жильному выходу кварцитов.

Плоскость 5 (табл. 34, V) расположена с северной стороны скалы на высоте 2,5 м. Изображены ряды вертикальных сплошных линий, группы и цепочки округлых красочных пятен и по низу плоскости — антропоморфные фигурки и два животных. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере. Животные переданы как бы двумя начертаниями: голова, шея, туловище и задняя нога — выпуклой линией, передняя подставлена прямым мазком.

Плоскость 6 (табл. 34, III) расположена с северной стороны скалы на высоте 2 м. На ней представлены два округлых красочных начертания, изображения животного, фантастического птицеобразного существа и антропоморфной фигурки.

Антропоморфная фигурка и животное выполнены в той же стилистической манере, что и рисунки на пятой плоскости.

Фантастическое птицеобразное существо с окружной приопущенной головой; раскрытым клювом; двумя линиями вниз от головы показана серьга, шея изогнута, туловище наклонено вперед, единственная нога передана вертикальной линией.

Плоскость 7 (табл. 34, IV) расположена с северной стороны скалы на высоте 2 м. На ней переданы округлые красочные пятна и антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере.

Плоскость 8 (табл. 37) расположена с северной стороны скалы на высоте 1,5 м. Левая верхняя часть плоскости покрыта округлыми красочными пятнами, вверху, по центру и с правой стороны внизу нанесены антропоморфные фигурки. Все они переданы в движении и выполнены в традиционной манере.

Плоскость 9 (табл. 34, VI) расположена с северной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображен ряд вертикальных сплошных линий, цепочка округлых пятен и антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 10 (табл. 38, I) расположена с северной стороны скалы на высоте 0,5 м. На ней нарисована группа округлых красочных пятен и шесть антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 11 (табл. 38, V) расположена с восточной стороны скалы на высоте 1 м. На ней отображены две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 12 (табл. 38, III) расположена с восточной стороны скалы на высоте 1 м. На ней переданы две цепочки округлых пятен, две вертикальные сплошные линии и три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 13 (табл. 39) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м.

Рис. 1, 20 — подковообразные фигуры, напоминающие стилизованное изображение лётящих птиц.

Рис. 2, 4, 10, 25 — сплошные линии.

Рис. 3, 6, 9, 11—15, 18, 19, 21—23, 26, 28 — антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Рис. 5 — профильное изображение антропоморфной фигуры, выполненной в традиционной манере.

Рис. 7 — безрукая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 8, 27 — профильные изображения животных, нанесенные как бы двумя начертаниями. Первым начертанием в виде выпуклой линии воспроизведены голова, шея, туловище и задняя нога, вторым — подрисована передняя нога.

Рис. 16 — антропоморфная фигурка, стреляющая из лука. У нее голова, шея и туловище нанесены сплошной линией. Ноги расставлены, руки выставлены вперед и держат лук.

Рис. 17, 24 — прямоугольные оградки из округлых красочных линий.

Плоскость 14 (табл. 34, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Изображены скопление округлых пятен, три антропоморфные фигурки и животное. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере. Животные с клинообразными головами, слегка выгнутыми туловищами, к которым подставлены небольшие прямые ножки.

Плоскость 15 (табл. 38, II) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. На ней изображен ряд антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 16 (табл. 38, IV) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 3 м. На ней представлены овальные пятна, сплошные ломаные линии, антропоморфная фигурка и изображение животного. Антропоморфная фигурка выполнена в традиционной манере.

Фигура животного ориентирована головой вверх и нанесена как бы двумя начертаниями, в той стилистической манере, которая присуща этому памятнику. Голова, шея, туловище и задняя нога переданы одним выпуклым начертанием, нога подрисована вторым.

При осмотре скалы в ее расщелинах было обнаружено около 80 колотых кусков кварцита и с северо-восточной стороны в расщелине — двухплощадочный нуклеус со склоненными площадками (табл. 25, 4).

В этом же месте, где был обнаружен нуклеус, у 1—5-й плоскостей с наскальными рисунками располагался жертвеник. Раскоп был заложен на имеющейся площадке у скалы. Его размеры $0,8 \times 2$ м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (2—3 см); гумусированная супесь (10—15 см); серая супесь (2—3 см); желтая супесь (8—10 см); ниже — скала. Все обнаруженные артефакты были сосредоточены в верхней части желтой супеси и вдоль скалы. Найдены скребловидные орудия, изготовленные на отщепах (табл. 40, 1, 6, 8), срединный резец (табл. 40, 2), ножевидные пластины с подработкой (табл. 40, 3—5, 7), комбинированное орудие — провертка-скребло, изготовленное на отщепе (табл. 33, 11), торцовый нуклеус (табл. 33, 13) и более двух десятков кремневых отщепов.

Усть-Цорон. Открыт в 1954 г. и частично опубликован А. П. Окладниковым. Памятник не датирован¹². В 1983 г. писаница обследована автором. Расположена в Борзинском р-не Читинской обл. в левой стороне распадка Цорон в самом его устье на гранитных обнажениях террасы. Писаница представлена 20-ю плоскостями. Из-за обвала скалы много плоскостей погибло. По стилистическим особенностям нанесения рисунков и по цвету краски видно, что писаница разновременная.

Плоскость 1 (табл. 41, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены сплошными линиями из красной охры. Изображены шесть антропоморфных фигурок, расположенных одной цепочкой, и три полоски круглых пятен. Они выполнены в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 41, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Рисунки выполнены сплошными линиями красной охры.

Рис. 1, 2—4, 7—10 — антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Рис. 5 — антропоморфная фигурка, необычная по своему облику. У нее короткое массивное туловище, переданное вместе с головой и шеей сплошной вертикальной линией. Длинные ноги широко расставлены, руки приподняты. В одной руке он держит лук. Имеется фаллос. Ниже фигурки — две горизонтально расположенные линии, одна из них слита с ногой.

Рис. 11 — антропоморфная фигурка, на голове которой — коническая шапочка с завернутыми полями. На плечах накидка. Туловище небольшим изгибом как бы подано вперед. Ноги расставлены, руки не показаны.

Плоскость 3 (табл. 42, I) расположена на высоте 2,5 м. Рисунки нанесены сплошными линиями охрой трех цветов. Разбросанные круглые пятна и мазки переданы вишневой охрой, группа антропоморфных фигурок — темно-красной, все остальные изображения — желтовато-красной.

Рис. 1 — группа антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Рис. 2, 4 — X-образные знаки.

Рис. 3 — X-образный знак с отходящей вертикальной линией.

Рис. 5 — безрукая антропоморфная фигура с окружной головой, от которой отходят пять отростков. Шея и туловище выполнены сплошной линией, ноги расставлены.

Рис. 6 — сплошная вертикальная линия, в верхней части раздвоена.

Рис. 7 — антропоморфная фигурка, у которой голова, шея и туловище переданы вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены, фаллос выставлен вперед. Руки, переданные одной сплошной линией, подняты вверх.

Плоскость 4 (табл. 42, II) расположена с северо-западной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены сплошными линиями темно-красной охры, сохранность плохая. Изображена сплошная линия и непонятное сплетение линий.

Плоскость 5 (табл. 38, VI) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2,5 м. Рисунки выполнены сплошными линиями вишневой охры.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере. Впереди фигурки изображены две сплошные линии и два круглых пятна.

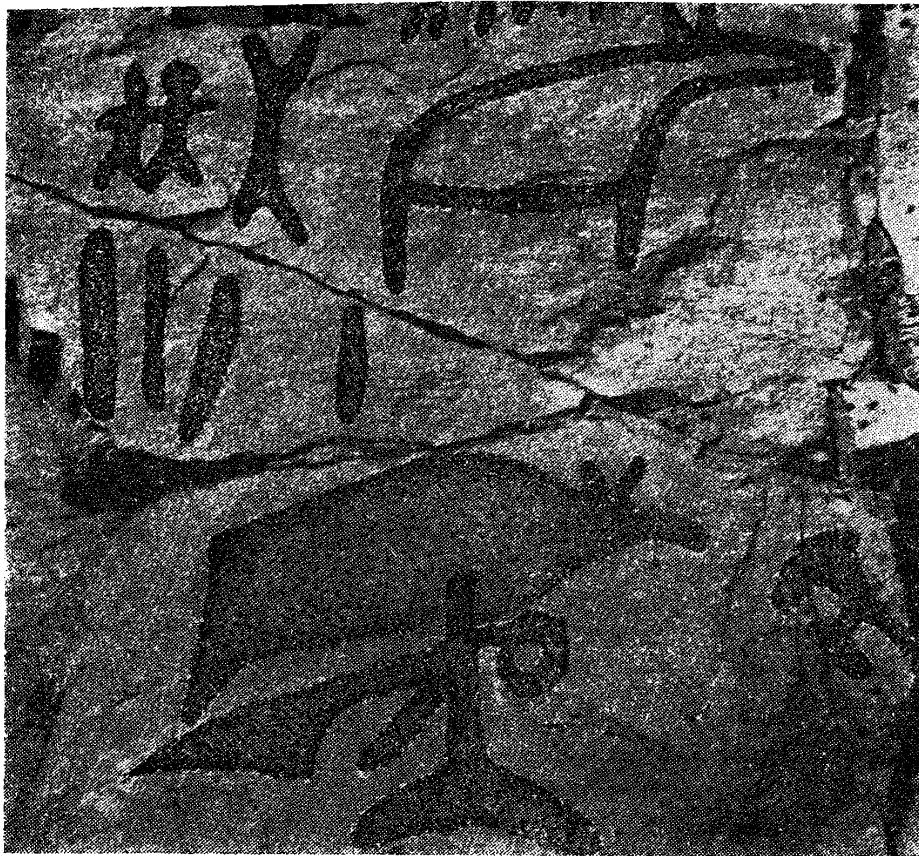

Рис. 11. Усть-Цорон. Фрагмент седьмой плоскости.

Рис. 2 — профильное изображение бегущей антропоморфной фигурки, выполненное в традиционной манере. Впереди фигуры — три овальных пятна.

Рис. 3 — изогнутая сплошная линия.

Рис. 4 — изображение антропоморфной фигурки, у которой голова, шея и туловище нанесены сплошной линией. Ноги расставлены, одна рука приподнята, вторая расположена горизонтально и держит лук.

Плоскость 6 (табл. 42, IV) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. Сплошными линиями красной охрой нанесены два округлых начертания, округлые красочные пятна, сплошные линии и сплетение сплошных линий, напоминающее соединенные между собой антропоморфные фигурки, одна из которых имеет на голове рожки.

Плоскость 7 (табл. 43) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Стилистические особенности написания. цвет охры и то, что одни рисунки нарисованы поверх других, показывают, что изображения на ней разновременные (рис. 11).

Рис. 1 — бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 2 — вертикальная сплошная линия из красной охры поверх изображения лося.

Рис. 3 — антропоморфная фигурка с рожками на голове, нанесенная поверх изображения лося. Выполнена в традиционной манере. Имеется фаллос.

Рис. 4 — реалистически выполненное изображение лося. У него клинообразная голова, на конце изогнутая, уши переданы развилкой, холка приподнята, спина имеет небольшой прогиб, круп намечен дугой, грудина при опущена, живот подтянут. Ноги не сохранились. Голова и шея залиты по контуру темно-вишневой охрой. Туловище передано сплошной линией.

Рис. 5, 6, 13—16 — вертикальные сплошные линии из красной охры.

Рис. 7—9 — непонятные фигуры, выполненные сплошными линиями из красной охры.

Рис. 10 — семь вертикальных черточек, переданных вишневой охрой.

Рис. 11 — изображения антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Рис. 12 — антропоморфная фигурка с рожками на голове. Выделены голова и туловище. Ноги расставлены, руки приподняты. Выполнена красной охрой.

Рис. 17 — изображения лося. У него клиновидная голова с отвисшей верхней губой. Небольшие уши выполнены развилкой. Шея, туловище и круп, начиная от головы, описаны выпуклой линией, грудная клетка и живот — прямой горизонтальной линией, ноги прямые. Выполнена сплошными линиями вишневой охрой.

Рис. 18 — изображение лося с клиновидной, на конце заоваленной головой, имеются два небольших уха. Четко выделена шея. Холка, спина и круп описаны выпуклым очертанием. Грудина при опущена, брюхо подтянуто. Единственная задняя нога отставлена. По контуру залито бордовой охрой.

Рис. 19 — антропоморфная фигурка, нанесенная поверх изображения лося. Голова, шея и туловище выполнены вертикальной сплошной линией, ноги широко расставлены. Одна рука приподнята, вторая расположена горизонтально и держит круглый предмет. Сзади изображения нанесено клинообразное начертание, напоминающее разевающуюся накидку, выполненное красной охрой.

Рис. 20 — антропоморфная фигурка с клинообразной звериной головкой. Шея, туловище и ноги переданы прямой сплошной линией. Руки выставлены вперед и как бы держат лук. Выполнена красной охрой.

Плоскость 8 (табл. 42, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями красной охрой нанесены окружность, пересеченная крест-накрест сплошными линиями, и антропоморфная фигурка с луком. Сохранность удовлетворительная. У антропоморфной фигурки клинообразная звериная головка, шея и туловище переданы вертикальной линией. Ноги расставлены, руки приподняты.

Плоскость 9 (табл. 44, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями красной охрой изображены две сплошные вертикальные линии и антропоморфная фигурка. Антропоморфная фигурка с круглой головой. Шея, туловище и одна нога нанесены одной сплошной широкой полосой. Вторая нога и хвост (?) более узкие. Ноги расставлены, руки переданы одной линией и выставлены вперед, в них находится лук.

Плоскость 10 (табл. 44, II) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2,5 м. Рисунки нанесены сплошными линиями темно-красной охрой.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с круглой головой, длинным Т-образным носом. Туловище эллипсовидное. Ноги широко рас-

ставлены, руки не указаны. Выше рисунка округлое пятно, ниже — широкая сплошная линия.

Рис. 2 — антропоморфная фигурка с большой круглой головой, как бы положенной на туловище. Туловище изображено в профиль и залито по контуру. Ноги расставлены. Одна рука приподнята до горизонтального положения, вторая придерживает преувеличенных размеров фаллос.

Рис. 3, 4 — бегущие друг к другу антропоморфные фигурки. У них голова, шея и туловище переданы сплошными линиями. Ноги широко расставлены, руки приподняты. У правой фигурки в руках лук (?). Между изображениями нанесены девять овальных пятен.

Плоскость 11 (табл. 45, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены сплошными линиями темно-красной охрой, сохранность плохая.

Рис. 1 — X-образный знак.

Рис. 2 — зооантропоморфная фигурка, у которой голова, шея, туловище и одна нога переданы одной сплошной линией, а торчащий хвост и вторая нога — второй. Руки выставлены вперед и держат лук.

Рис. 3 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 4 — изображение сидящей антропоморфной фигурки, выполненное в традиционной манере.

Рис. 5, 6 — изображения антропоморфных фигурок с луками, выполненные в традиционной манере.

Рис. 7 — безрукая антропоморфная фигурка с круглой головой, намеченной небольшой шеей, эллипсовидным туловищем. Ноги расставлены.

Рис. 8 — частичное изображение антропоморфной фигурки с круглой головой, длинным, торчащим вверх хвостом. Шея и туловище переданы сплошной линией. Ноги не указаны. Руки показаны одной прямой линией, в них — щит или лук преувеличенных размеров.

Рис. 9 — антропоморфная фигурка с круглой головой, намеченной шеей, объемным туловищем. Ноги расставлены, руки приподняты. Ниже изображена сплошная линия, выше — три круглых пятна.

Рис. 10 — изображение как бы летящей антропоморфной фигурки. У нее круглая голова, намечена шея, туловище. Выполнена в реалистической манере. Длинные ноги отброшены назад, руки приподняты. За спиной изображения нарисована сплошная линия.

Плоскость 12 (табл. 44, V) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями вишневой охрой нанесены две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере. Сохранность плохая.

Плоскость 13 (табл. 44, VI) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями вишневой охрой изображены две круглые фигурки, сплошная вертикальная линия и оградка, рассеченная двумя вертикальными линиями и одной горизонтальной.

Плоскость 14 (табл. 46, I) расположена с юго-восточной стороны на высоте 2 м. Сплошными линиями вишневой охрой изображены овальные пятна и сплошная линия, нанесенная по всей плоскости, эллипсовидный знак, фигура, состоящая из сплетения сплошных линий, и два антропоморфные изображения, переданные в состоянии движения.

Вышерасположенная антропоморфная фигурка с клиновидной звериной головой, повернутой назад. Шея и туловище переданы сплошной линией. Ноги широко расставлены. Руки поданы вперед, в одной руке находится окружлый предмет. Вторая антропоморфная фигурка без рук, голова, шея переданы вертикальной сплошной линией, туловище овальное. Ноги широко расставлены, одна нога со ступней.

Плоскость 15 расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. На ней представлены овальные пятна, нанесенные вишневой охрой.

Плоскость 16 (табл. 44, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями вишневой охрой изображены четыре окружных пятна и три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере.

Плоскость 17 (табл. 44, IV) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями красной охрой нанесены окружные пятна и три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере. Две из них имеют фаллосы.

Плоскость 18 (табл. 45, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. Сплошными линиями красной охрой изображены три антропоморфные фигурки, соединенные между собой в районе рук и ног. Фигурки подрисованы к красочному пятну, на которое нанесен рисунок, напоминающий деревце. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере.

Плоскость 19 (табл. 47, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2,5 м. Сплошными линиями вишневой охрой нанесены окружные пятна, мазки и две антропоморфные фигурки.

У верхней антропоморфной фигурки голова, шея и туловище описаны изогнутой линией. Ноги расставлены, руки приподняты. У второй антропоморфной фигурки на голове имеются рожки. Голова, шея и туловище очерчены изогнутой сплошной линией. К спине подрисовано эллипсовидное начертание. Ноги расставлены. Руки поданы вперед, одна приподнята, другая простерта вверх. Имеется фаллос.

Плоскость 20 (табл. 46, II) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. Вишневой охрой нанесены сплошные линии и три антропоморфные фигурки, различающиеся по стилистике написания.

У первой фигурки голова, шея и туловище переданы вертикальной линией. Ноги расставлены, руки приподняты. Вторая фигурка — с массивной птичьей головой, шея и туловище нанесены вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены, указан фаллос. Руки приподняты. У третьей фигурки, как и у первой, голова, шея и туловище нанесены вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены. Выставленные вперед руки переданы одной сплошной линией, в них находится лук.

Плоскость 21 (табл. 45, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м. Сплошными линиями красной охрой нанесены два окружных пятна и две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере.

Плоскость 22 (табл. 45, IV) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями красной охрой переданы прямоугольная оградка из окружных пятен и две антропоморфные фигурки, одна из которых положила руку на плечо второй,

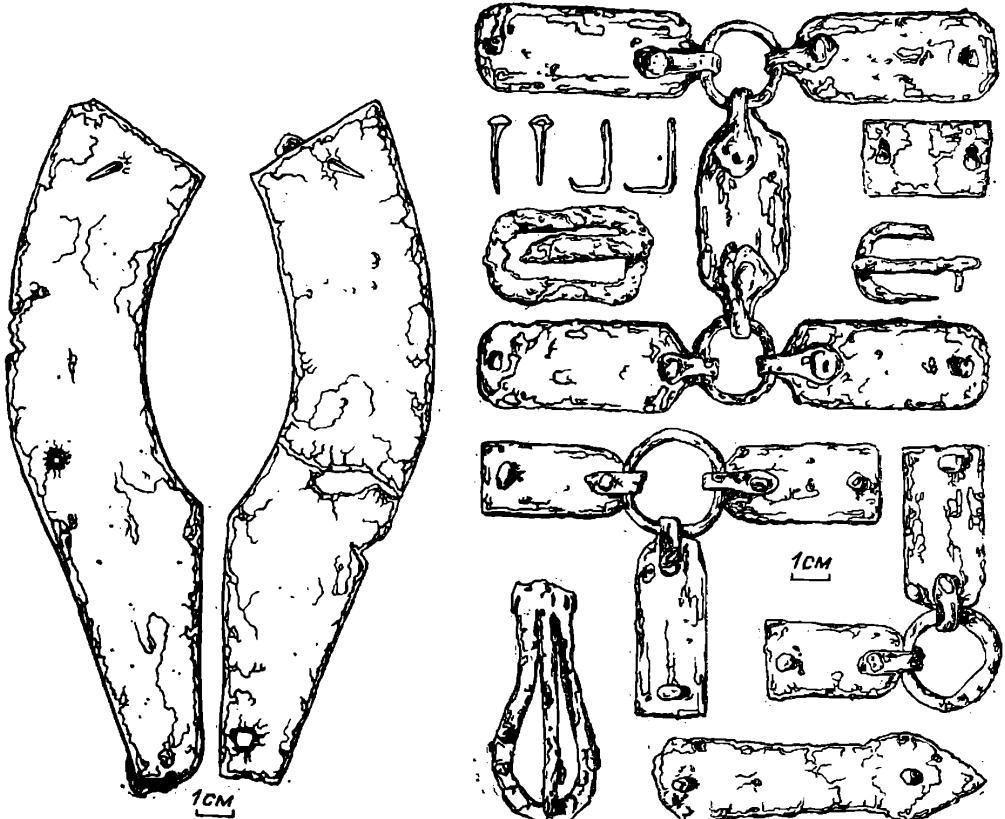

Рис. 12. Усть-Цорон. Металлические накладки лука конского верхового седла.

Рис. 13. Усть-Цорон. Металлические предметы от сбруи конского верхового седла.

у которой на голове расположен грибообразный предмет. В остальном они переданы в традиционной манере.

Плоскость 23 (табл. 45, V) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки, выполненные сплошными линиями красной охрой, передают окружные пятна и окружную фигуру с вписаным в нее крестообразным начертанием.

Во время обследования памятника в трех местах у плоскостей с наскальными рисунками заложены раскопы. Первый раскоп расположен у 10-й и 11-й плоскостей. Это место, по нашему предположению, казалось наиболее удобным для жертвеннника. Размеры раскопа 3×2 м. Стратиграфия следующая: крупные глыбы скалы, перемешанные с мелким плиточником и примесью гумусированной супеси (70—80 см); искусственная каменная кладка (30—40 см); гумусированная супесь с примесью плиточника (25—30 см); желтая супесь (5—7 см); ниже — скала.

После разбора завала мы вышли на искусственную каменную кладку вытянуто-ovalных очертаний, размерами с севера на юг 1,8 м, с запада на восток — до 2,5 м. Толщина кладки по центру — до 40 см. Камни навалены в два-три слоя. Под каменной насыпью был обнаружен костяк погребенного. Погребенный был положен на спину в вытянутом положении, головой на запад. Сохранность костяка очень плохая. Размеры могилы $0,45 \times 1,95$ м.

В могиле обнаружены фрагменты материи из грубых волокон. Вероятно, это была подстилка могилы, или покойник был в нее за-

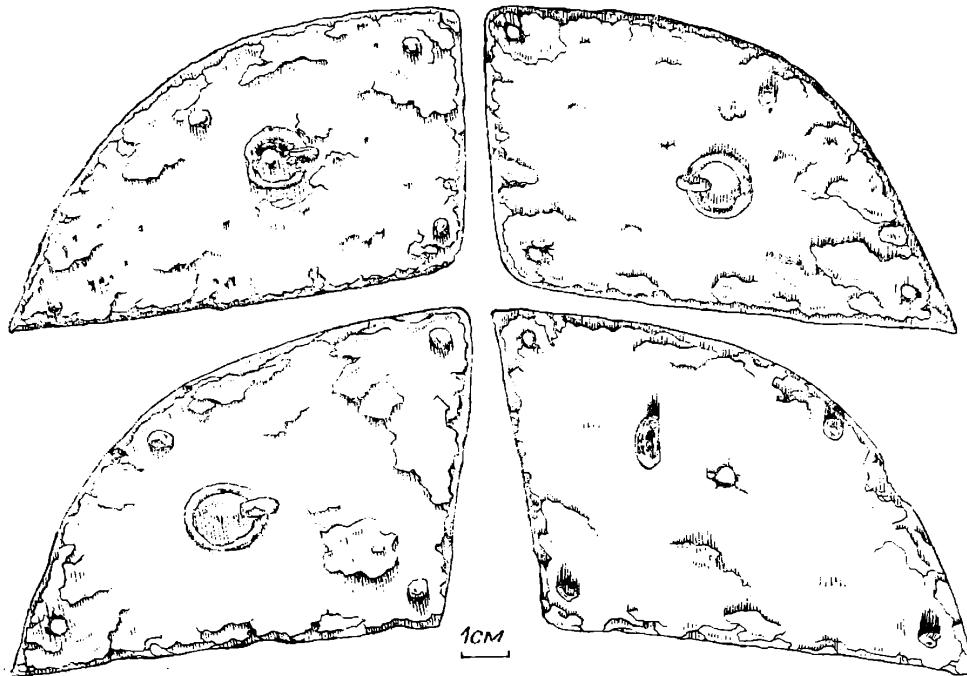

Рис. 14. Усть-Цорон. Металлические накладки от верхового конского седла.

вернут. В изголовье костяка, вправо и влево от черепа, располагались металлические фрагменты верхового конского седла и сбруи (рис. 12—14). В районе плечевого пояса и таза находилось около 30 раковин каури (см. рис. 8, 5—8), у пояса обнаружен нож с односторонней заточкой (рис. 8, 11; рис. 15), на тазовых костях и у коленного сустава левой ноги найдены две пряжки (рис. 15), с внутренней стороны бедренных костей в вертикальном положении стояли два железных кольца (рис. 8, 10; рис. 15), а у берцовой кости правой ноги располагалась курительная трубка (рис. 8, 12). Костяк лежал на специально выложенной каменной кладке.

Ниже костяка в верхней части гумусированной супеси обнаружены 34 фрагмента керамики бурхатуйского времени Забайкалья. А на границе гумусированной и желтой супеси у самой скалы располагался двусторонне ретушированный каменный наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы с дугообразной выемкой у основания (табл. 40, рис. 11). В этом же месте у наконечника стрелы располагались шесть фрагментов керамики с мелкими отпечатками материи.

Второй раскоп заложен у 11-й плоскости. Стратиграфия следующая: крупные гранитные камни с мелким плиточником и гумусированной супесью (35—40 см); гумусированная супесь с грубообломочным материалом (25—30 см); желтая супесь (6—8 см); ниже — скала.

При вскрытии раскопа в верхней части гумусированной супеси обнаружено 12 фрагментов неорнаментированной керамики ручной лепки и у самой скалы, на уступе — целый сосуд ручной лепки, в котором сохранилась красная охра, перемешанная с супесью (рис. 16).

Третий раскоп был заложен у 18-й плоскости на карнизе, размеры $0,8 \times 0,7$ м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (1—2 см); гумусированная супесь (8—12 см); желтая супесь (5—6 см); ниже — скала.

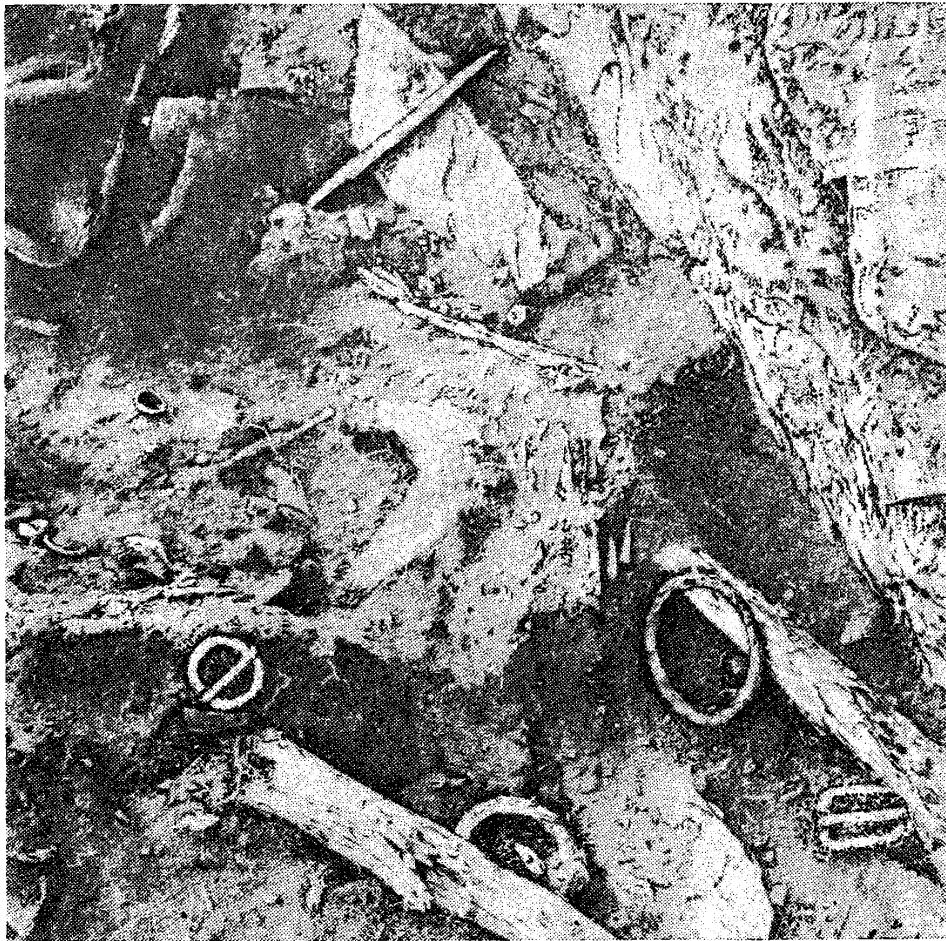

Рис. 15. Усть-Цорон. Материал погребения после зачистки.

При зачистке карниза обнаружена почти целиком верхняя часть баночного сосуда ручной лепки (рис. 17). С внешней и внутренней сторон керамика красноватого цвета, на изломе — серого. Венчик слегка затянут вовнутрь. Ниже венчика по туловоу сосуда нанесен налепной валик, орнаментированный резными линиями крест-накрест.

Бараун Кондуй I. Памятник открыт в 1983 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. по левую сторону распадка Бараун Кондуй, в 8 км от его устья, на гранитном останце серого цвета, являющемся лобовым камнем сопки. Рисунки нанесены на шесть плоскостей сплошными линиями коричневой охрой.

Плоскость 1 (табл. 47, V) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м.

Рис. 1 — антропоморфная фигура с овальной головой, намеченной шеей и реалистически выполненным, сужающимся к поясу туловищем. Ноги широко расставлены. Руки подняты вверх и изогнуты в кистях.

Рис. 2 — фигура животного, переданного как бы двумя начертаниями. Голова, шея, туловище и задняя нога очерчены дугообразной линией, передняя нога — прямой.

Рис. 3 — Н-образный знак.

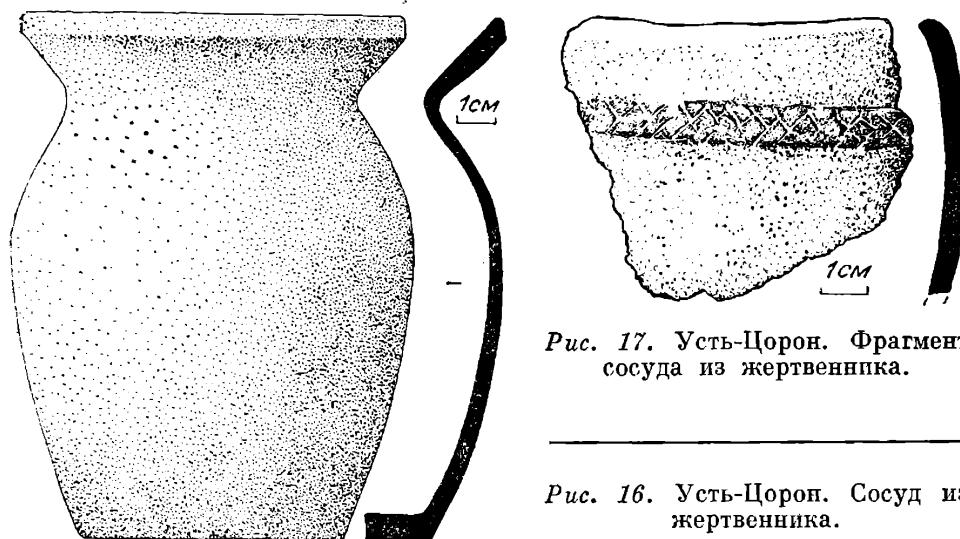

Рис. 17. Усть-Цорон. Фрагмент сосуда из жертвенника.

Рис. 16. Усть-Цорон. Сосуд из жертвенника.

Рис. 4, 5 — антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 48, I) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. Представлена шестью овальными пятнами, двумя сплошными линиями и антропоморфной фигуркой, выполненной в традиционной манере.

Плоскость 3 (табл. 47, VI) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1,8 м. На нее нанесены две сплошные линии и два X-образных знака.

Плоскость 4 (табл. 47, IV) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. На нее нанесены шесть овальных пятен, две сплошные линии и две антропоморфные фигурки, различающиеся по стилистическим особенностям.

Первая фигурка расположена в горизонтальном положении в фас. Голова овальная, с двумя небольшими рожками. Шея, туловище и фаллос нанесены одной чуть изогнутой линией. Ноги расставлены, руки приподняты. Вторая антропоморфная фигурка как бы «идет» на зрителя. Ее голова, шея и туловище выполнены сплошной линией. Ноги расставлены. Трехпалые руки подняты до горизонтального положения.

Плоскость 5 (табл. 48, II) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1,5 м. На ней изображены антропоморфные фигурки. Одна из фигур — огромного размера, с фаллосом — занимает всю плоскость и является главным элементом композиции. Правее ее расположены одиночная фигурка и две цепочки — каждая из четырех фигурок, соединенных между собой в районе рук и ног. Все антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере.

Плоскость 6 (табл. 48, III) расположена с восточной стороны на высоте 1 м. На нее нанесены две антропоморфные фигурки, изображенные в традиционной манере.

При обследовании писаницы у четвертой плоскости обнаружен жертвенник. Размеры раскопа $1,5 \times 2,5$ м. Ориентирован в соответствии с ориентацией плоскости. Стратиграфия раскопа следующая: гумусированная супесь с грубообломочным скальным материалом (20—30 см); темная гумусированная супесь (8—12 см); бурая супесь (15—20 см); ниже — скала.

Весь обнаруженный материал был сосредоточен в нижней части темной гумусированной супеси. Это 26 отщепов, скол с нуклеуса (табл. 40, 9), двусторонне ретушированный вкладыш от ножа (табл. 40, 10), подработанные ножевидные пластины (табл. 27, 1; табл. 40, 12, 14), концевой скребок на пластине (табл. 27, 2) и обкованный кремневый желвачок, измазанный охрой (табл. 40, 15).

Бараун Кондуй II. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. по левую сторону распадка Бараун Кондуй, в 4 км от его устья. Сосредоточен в двух пунктах: на гранитном лобовом останце сопки и на останце по ее хребту.

Первый пункт представлен одной плоскостью (табл. 49, I), расположенной с западной стороны скалы на высоте 0,5 м. Рисунки переданы сплошными линиями светло-красной охрой.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с овальной головой, намеченной шеей и оформленным туловищем. Ноги расставлены. Одна рука приподнята, вторая простерта вверх и напоминает крыло птицы.

Рис. 2 — профильное изображение антропоморфной фигурки. Голова отброшена назад, туловище сгруженное, коротенькие прямые ноги широко расставлены. Одна рука выставлена вперед, вторая, чрезмерно длинная, простерта вверх.

Рис. 3, 5, 6 — антропоморфные фигурки, нанесенные поодиночке и цепочками. Выполнены в традиционной манере.

Рис. 4 — изображение животного. Голова, шея, туловище и хвост переданы выпуклой линией, ноги — прямыми.

Второй пункт с рисунками, расположенный на расстоянии 200 м от первого по хребту сопки, представлен тремя плоскостями, закрытыми общим скальным навесом сверху. По стилистическим особенностям и цвету охры видно, что рисунки разновременные.

Плоскость 1 (табл. 47, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Вишневой охрой нанесены крестообразная фигура и изображение животного. Голова, шея и туловище животного очерчены удлиненно-треугольным клином. Ухо и небольшие ножки подрисованы овальными мазками. По контуру фигура залита краской.

Плоскость 2 (табл. 47, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены сплошными линиями светло-красной охрой, сохранность плохая. Изображены две антропоморфные фигурки и овальное красочное пятно. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере. Одна без рук.

Плоскость 3 (табл. 49, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 0,5 м. Рисунки нанесены сплошными линиями светло-красной охрой.

Рис. 1, 6 — стилизованные изображения животных, у которых голова, шея, туловище и хвост выполнены выпуклыми линиями. Ноги прямые.

Рис. 2 — изображение, напоминающее антропоморфную фигурку с массивной клинообразной головой, чрезмерно большим ухом. Туловище клиновидных очертаний, сужается к тазу. Ноги широко расставлены. Руки выполнены одной сплошной линией и выставлены вперед.

Рис. 3, 4 — знаки, напоминающие цифру 1.

Рис. 5 — ломаная линия и округлое пятно.

Во время обследования писаницы в первом пункте у плоскости с наскальными рисунками были обнаружены 43 фрагмента неорн-

ментированной керамики, относящиеся к одному сосуду-триподу. Среди них — части венчика (рис. 5, 6) и один сосок-ножка (рис. 5, 8).

Вокруг плоскости с наскальными рисунками нет удобной площадки для жертвеника. От ее подножия сразу начинается склон, покрытый глыбами и скальными выходами. Между камнями со временем накопились рыхлые отложения. В верхней части до глубины 8—12 см идет гумусированная супесь, ниже — буроватые суглинки мощностью до 5—7 см, которые непосредственно ложатся на коренные породы. Вся керамика сосредоточена между глыбами и скальными выходами на площадке размером 1 м² у самой плоскости в верхней части буроватых суглинков.

Усть-Бараун Кондуй. Памятник открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым. Расположен в Борзинском р-не Читинской обл. с левой стороны распадка Бараун Кондуй в самом его устье на обнаженных плоскостях сопки. Изображены аморфные пятна, черточки, сплетения ломаных линий и животные. Рисунки нанесены красной охрой, не датированы¹³. При обследовании этой местности автором в 1983 г. писаницы не оказалось, скалу взорвали.

Могойтуй. Открыт в 1984 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. в левой стороне распадка Могойтуй в самом его устье на гранитных обнаженных плоскостях сопки. Рисунки переданы на восьми плоскостях сплошными линиями темно-красной охрой, сохранность удовлетворительная.

Плоскость 1 (табл. 48, VII) расположена с западной стороны скалы на высоте 4 м. Нанесены четыре сплошные вертикальные линии и две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 48, IV) расположена с западной стороны на высоте 1,5 м.

Рис. 1 — змееобразная фигура с волнистым туловищем, огромной головой и открытой пастью.

Рис. 2, 3 — изображения животных, нанесенные как бы двумя начертаниями. Голова, шея, туловище переданы выпуклой линией, передняя нога — прямой.

Рис. 4 — П-образный знак.

Плоскость 3 (табл. 48, VI) расположена с западной стороны на высоте 2 м. На ней находятся две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 4 (табл. 50, II) расположена с западной стороны на высоте 2 м. Нарисованы семь бегущих антропоморфных фигурок. Шесть из них выполнены в традиционной манере, седьмая отличается профильным разворотом, очертанием вытянутых вперед рук.

Плоскость 5 (табл. 50, IV) расположена с западной стороны на высоте 1,5 м. Изображены пять округлых пятен и три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере. Одна без рук.

Плоскость 6 (табл. 48, V) расположена с юго-западной стороны на высоте 4 м. Здесь изображены две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, и фигура животного. Животное с приподнятой овальной головой, сливающейся с шеей, спина с небольшим изгибом, круп показан дугообразной линией. Прямые ноги нанесены вертикально к туловищу.

Плоскость 7 (табл. 50, I) расположена с западной стороны скалы на высоте 0,5 м. На нее нанесены аморфное красочное пят-

Рис. 18. Могойтуй. Восьмая плоскость.

Рис. 19. Калашниково. Четвертая плоскость, изображение антропоморфной фигурки.

но и антропоморфная фигурка. У антропоморфной фигурки голова и шея переданы овалом, от головы отходят девять отростков, напоминающих лучи. Туловище выполнено сплошной линией. Широко расположенные ноги изогнуты и имеют валенкообразные ступни. Приподнятые руки напоминают крылья птицы. Показан фаллос. По контуру залита красной краской, гораздо более темной, чем предыдущие рисунки этой писаницы.

Плоскость 8 (табл. 50, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 2 м. Изображена антропоморфная фигура; выше ее головы нанесены пять округлых пятен. У антропоморфной фигуры округлая голова, выделена короткая шея. Туловище к тазу сужается. Различные по величине ноги расположены. Приподнятые руки напоминают крылья птицы. Показан фаллос. Изображение по контуру залито охрой (рис. 18).

Мехачиниха. Памятник открыт и исследован А. К. Кузнецовым. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. в трех верстах севернее Коноваловки, в левой стороне распадка Мехачиниха. Красной охрой нанесены окружные пятна, животные и ряд антропоморфных фигурок¹⁴. По публикации А. К. Кузнецова рисунки писаницы Мехачиниха были вторично опубликованы А. П. Окладниковым¹⁵.

Памятник не датирован. Во время обследования автором в 1983 г. этой местности писаницы не оказалось. Она взорвана местным населением на камень.

Калашниково. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл., в устье распадка Калашниково, в левой стороне на обнаженных плоскостях сопки. Рисунки нанесены на четыре плоскости светло-красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 50, V) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 0,5 м. На ней изображены окружные пятна, вертикальные сплошные линии, одна сплошная линия с развилкой вверху и стилизованное изображение птицы. У птицы овальная небольшая голова. Шея и туловище переданы вертикальной линией. Ноги расположены. Нанесенное одно крыло приподнято. Птица показана с небольшим разворотом.

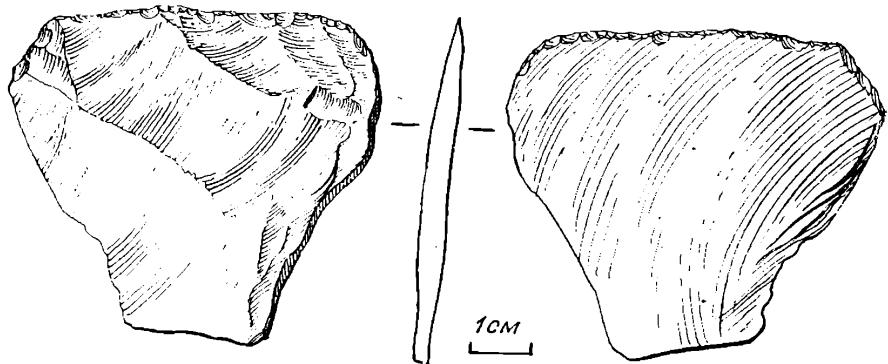

Рис. 20. Калашниково. Каменный нож из жертвенника.

Плоскость 2 (табл. 50, VI) расположена с юго-западной стороны на высоте 0,5 м. Изображены два округлых пятна и X-образный знак.

Плоскость 3 (табл. 51, I) расположена с юго-западной стороны на высоте 2 м. Нанесены два ряда и группа округлых пятен, а также антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Плоскость 4 (табл. 51, II) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. На ней изображены девять округлых пятен, две сплошные линии и антропоморфная фигурка с круглой головой и широкими плечами. Туловище изображено сплошной линией. Короткие ноги, не пропорциональные фигуре, расставлены. Длинные руки повисли (рис. 19).

У четвертой плоскости был заложен раскоп размерами $1,5 \times 2,5$ м. Размеры раскопа соответствовали площадке у плоскости. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие, сильно насыщенное птичником и щебнем (5–6 см); гумусированная супесь (30–35 см); темная гумусированная супесь (8–12 см); желтая супесь (10–14 см); ниже — скала.

Все обнаруженные артефакты были сосредоточены в подошве темной гумусированной супеси и частично в верхней части желтой супеси у самой плоскости с наскальными рисунками на площадке 80×70 см. Они представлены ножом, изготовленным на кремневом отщепе двусторонне отжимной ретушью (рис. 20), двумя концевыми скребками, изготовленными на отщепах (табл. 27, 5; табл. 28, 8), восемью ножевидными пластинами, одна из которых подработана (табл. 28, 10), 14-ю отщепами и семью фрагментами керамики с мелкими отпечатками материи.

Малый Улистай. Открыт в 1984 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. с левой стороны в устье распадка Малый Улистай на обнаженных плоскостях сопки. Рисунки выполнены на пяти плоскостях сплошными линиями. По цвету охры и стилистическим особенностям рисунки разновременные.

Плоскость 1 (табл. 51, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки нанесены вишневой охрой. Изображены округлые пятна, сплошные черточки и антропоморфные фигурки. Все фигурки находятся как бы в движении и развернуты в разном ракурсе. Выполнены в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 51, IV) расположена с юго-западной стороны на высоте 2 м. Рисунки выполнены вишневой охрой. Изображены пятна, антропоморфные фигурки, над которыми нанесены

две строчки округлых линий. Антропоморфные фигурки выполнены в двух манерах.

У двух фигурок круглые головы, намечены шея и плечи, туловища отражены сплошными линиями. Ноги расставлены. Короткие руки приподняты и напоминают крылья птицы. Три фигурки переданы в обычной манере.

Плоскость 3 (табл. 52, I) расположена с южной стороны скалы на высоте 3 м. Рисунки выполнены красной охрой. Изображены пять групп округлых пятен, расположенных строчками, и антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками. Выполнены в традиционной манере.

Плоскость 4 (табл. 52, II) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. Красной охрой выполнены пять округлых линий и пять антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 5 (табл. 50, VII) расположена с западной стороны скалы на высоте 0,5 м. Рисунки, выполненные красной охрой, представлены вертикальным мазком, антропоморфной фигуркой с луком и группой антропоморфных фигурок, стоящих цепочкой. Выполнены в традиционной манере.

Рельеф местности вокруг плоскостей с наскальными рисунками крутой, она покрыта огромными глыбами. Только у третьей плоскости между многотонными обвалившимися глыбами имелась площадка $1,5 \times 2$ м, также покрытая крупными камнями. На этой площадке и был заложен раскоп. Стратиграфия его следующая: обвал скалы, состоящий из крупных камней, щебня и серой супеси (20—25 см); слой горелых плах (4—6 см); темная гумусированная супесь (6—8 см); ниже — скала.

Во время разборки завала в северо-западном углу площадки обнаружена искусственная кладка из плиточника округлых очертаний (80 см в диаметре). Мощность кладки 25—30 см, камни насыпаны в два-три слоя. При зачистке сразу же под каменной кладкой найдены железная пряжка прямоугольных очертаний (табл. 14, 29), монета эпохи правления Чунин (1102—1106 гг.; табл. 53, 22), два железных предмета неизвестного назначения (рис. 8, 13; рис. 21) и штамп, изготовленный из трубчатой кости барана (рис. 8, 4). Сняв артефакты и сделав зачистку, обнаружили темное гумусированное пятно, как впоследствии оказалось, — контуры могильной ямы вторичного захоронения. В результате зачистки выяснилось, что могильная яма была шириной 48 см, длиной 53 и глубиной 45 см. Вначале былложен череп, ориентированный на запад, затем в беспорядке сложены все остальные кости. Завалив могилу землей, поместили вышеуказанные предметы и все заложили камнями.

При дальнейшей работе над раскопом выяснилось, что жертвенник трехслойный с четко выделенными культурными горизонтами.

Артефакты первого культурного горизонта были сосредоточены по всей площадке раскопа по углистому слою горелых плах. Обнаружены железный нож с односторонней заточкой (рис. 8, 9), пять черешковых наконечников стрел с четко выделенными упорами, из них четыре с долотовидными перьями (табл. 53, 2—5) и один — с удлиненно-треугольным пером, ромбический в поперечном сечении (табл. 53, 1), кремневая бусина овальных очертаний (табл. 53, 6), сережка с подвеской (табл. 53, 18), точильный камень удлиненно-овальной формы с отверстием для ножения (рис. 22), колотая галька, баночный сосуд ручной лепки с двумя налепными валиками по

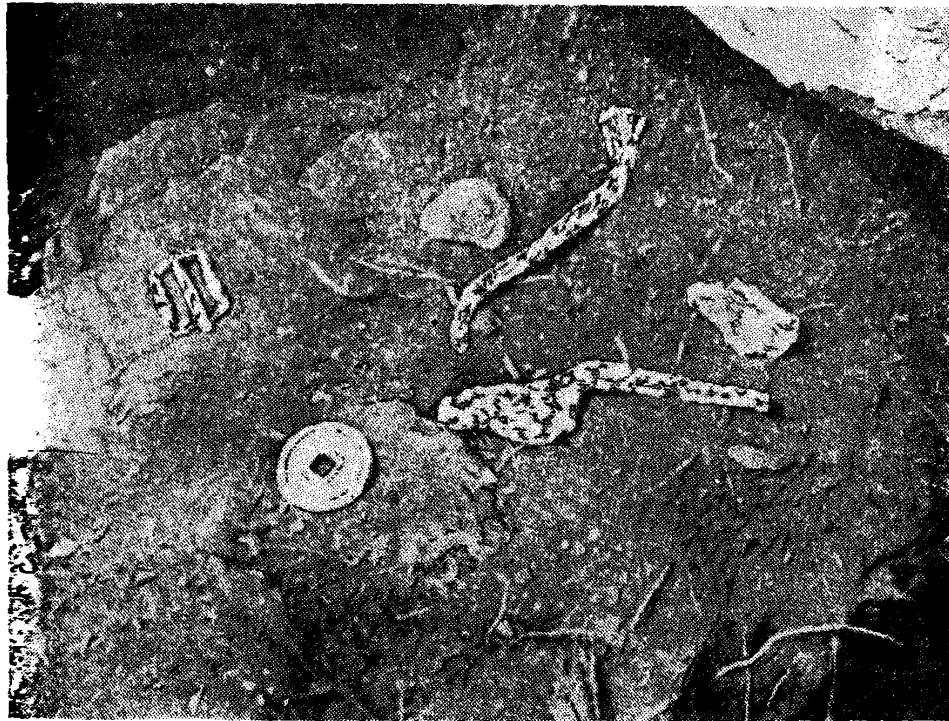

Рис. 21. Малый Улистай. Материал погребения после зачистки.

горловине, орнаментированный вертикально рассеченными резными линиями (рис. 23), и сосуд без венчика и дна, изготовленный на гончарном круге (рис. 24). По верхней части горловины сосуд имел налепной валик с орнаментацией из вертикально рассеченных линий. По верхней части тулова он орнаментирован двумя лентами, а с

Рис. 22. Малый Улистай. Точильный камень из первого культурного горизонта жертвенника.

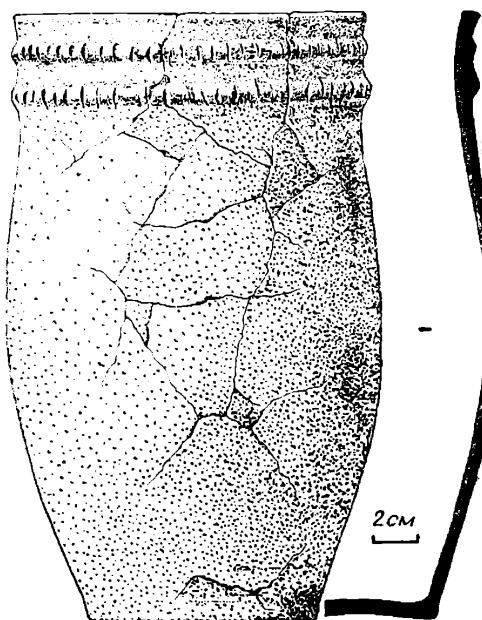

Рис. 23. Малый Улистай. Сосуд из первого культурного горизонта жертвенника.

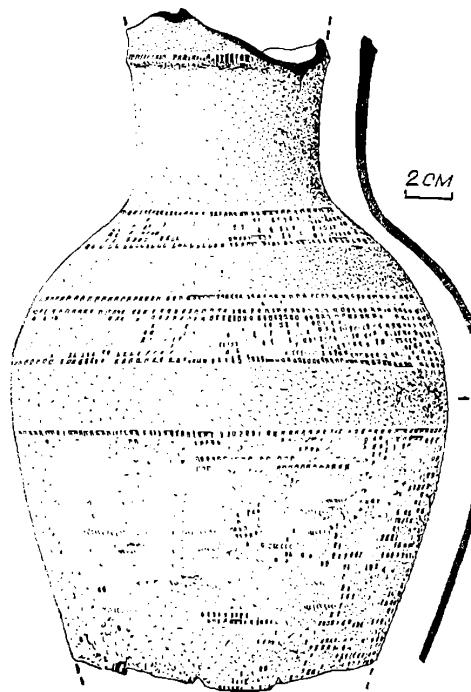

Рис. 24. Малый Улистай. Фрагмент сосуда, изготовленного на гончарном круге, из первого культурного горизонта жертвенника.

середины вплоть до дна — горизонтально расположены прямыми угольными вдавлениями.

Находки второго культурного горизонта располагались в нижней части темной гумусированной супеси, основная их масса была сосредоточена у самой плоскости с рисунками. Найдено 27 фрагментов одного сосуда-трипода, для которого удалось установить аналог, близкий по форме (рис. 25). Венчик с небольшим отгибом наружу. По верхней части туловы расположен массивный налепной валик, орнаментированный вертикально рассеченными линиями.

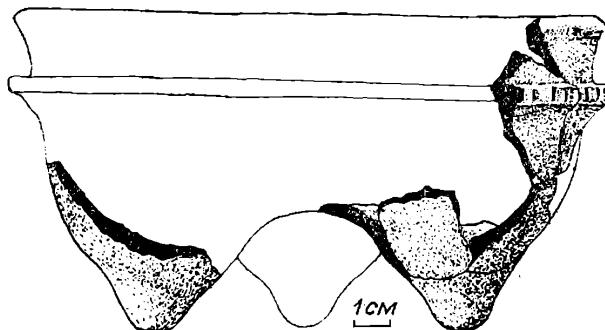
Материал из третьего культурного горизонта сосредоточен в верхней части желтого суглинка в северо-восточном углу раскопа. Обнаружено 42 фрагмента керамики, судя по замесу и технологии изготовления — от трех разных сосудов. Среди них — фрагменты венчика одного из сосудов, прямого в профиле, с налепным валиком, орнаментированным рассеченными вертикальными полосами (рис. 5, 4). Найдены фрагменты керамики от туловы сосудов, орнаментированные мелкими отпечатками ткани и перевитых нитей (рис. 5, 3, 12).

Маргуцек. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на лобовом останце сопки по левому берегу р. Урулюнгуй, около водонапорной станции, в 5 км выше пос. Маргуцек. Рисунки нанесены на восемь плоскостей сплошными линиями светло-красной охры.

Плоскость 1 (табл. 54, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 2 м. Изображены три округлых пятна и антропоморфные фигурки, нанесенные группами и поодиночке. Выполнены в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 55, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 3 м. Изображены группы пятен и антропоморфные фигурки, стоящие группами и поодиночке, нанесенные в традиционной манере.

Рис. 25. Малый Улистой. Реконструкция формы трипода из второго культурного горизонта.

Плоскость 3 (табл. 56) расположена с западной стороны скалы на высоте 2,5 м. На ней нарисованы X-образный знак, ряды овальных пятен, сплошные вертикальные линии и антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и группами, выполненные в традиционной манере. Некоторые имеют фаллосы. Из общего стиля выделяется одна фигура. Расположена она выше других, в горизонтальном положении, как бы лежа на спине. У нее овальная голова, туловище с горбинкой сужено к тазу, переданному выпуклой линией. Ноги со ступнями нанесены одной линией. Руки выставлены вперед. Имеется фаллос, нанесенный сплошной линией и оканчивающийся треугольным начертанием.

Плоскость 4 (табл. 54, I) расположена с западной стороны на высоте 2 м. Представлены округлые пятна, мазки и антропоморфные фигурки, переданные группами. По стилистической манере написания они сходны с антропоморфными фигурами первой плоскости.

Плоскость 5 (табл. 54, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 2,5 м. На ней нарисованы три сплошные линии, знак в виде кавычки и группа округлых пятен.

Плоскость 6 (табл. 52, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. На ней обнаружены сплошные вертикальные мазки, Ч-образный знак и бегущая антропоморфная фигурка с вытянутыми вперед руками.

Плоскость 7 (табл. 55, III) расположена с западной стороны скалы на высоте 2 м. По всей плоскости нанесены округлые пятна и в центре — три бегущие антропоморфные фигурки, переданные в традиционной манере, только с разным положением рук. У одной руки приподняты, у второй вытянуты вперед, у третьей одна рука приподнята, вторая простерта вверх.

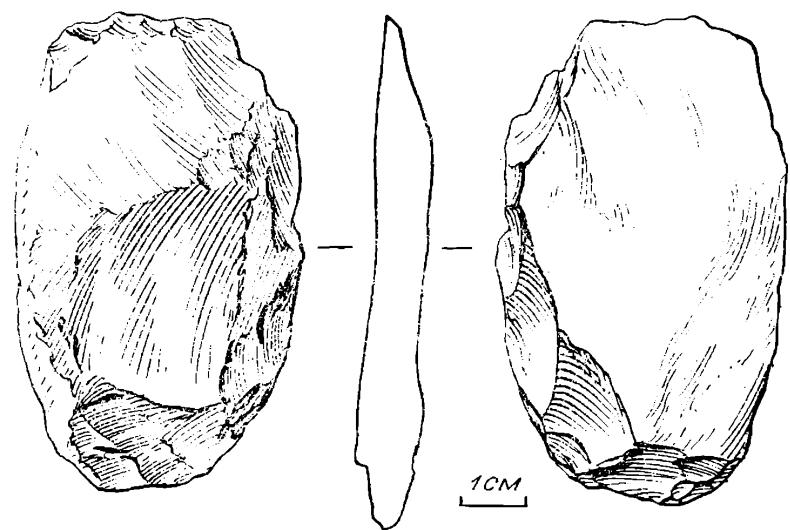
Плоскость 8 (табл. 57, I) расположена с западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Изображены округлые пятна, вертикальные мазки, одна антропоморфная фигурка и пять начертаний животных.

Антропоморфная фигурка нанесена в движении и в профиль. У нее голова, шея и туловище очерчены вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены. Руки влиты в единую линию, вытянуты вперед.

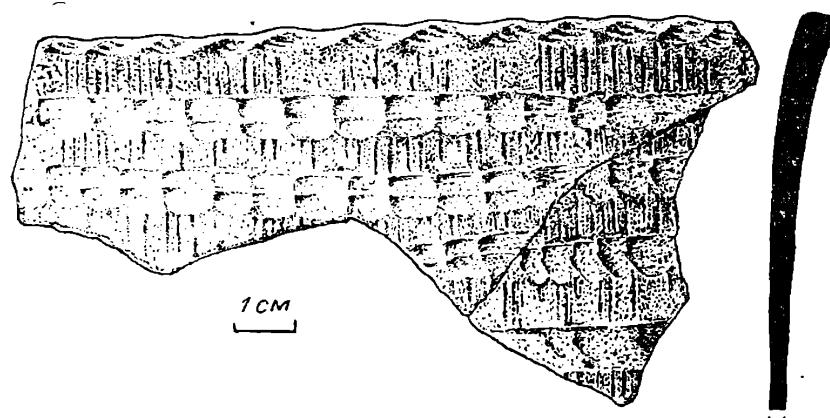
Животные выполнены как бы двумя начертаниями. Одним выпуклым нанесены голова, шея, туловище и задняя нога, вторым — прямая передняя нога.

Под карнизом вдоль плоскостей с наскальными рисунками заложен раскоп размерами 1×4 м. Вдоль площадки раскопа расположены семь больших камней обвала скалы. Стратиграфия раскопа следующая: серая пыль с примесью камней и щебня (5—7 см); гумусированная супесь (12—18 см); темная гумусированная супесь (6—8 см); желтая супесь (15—20 см); ниже — скала.

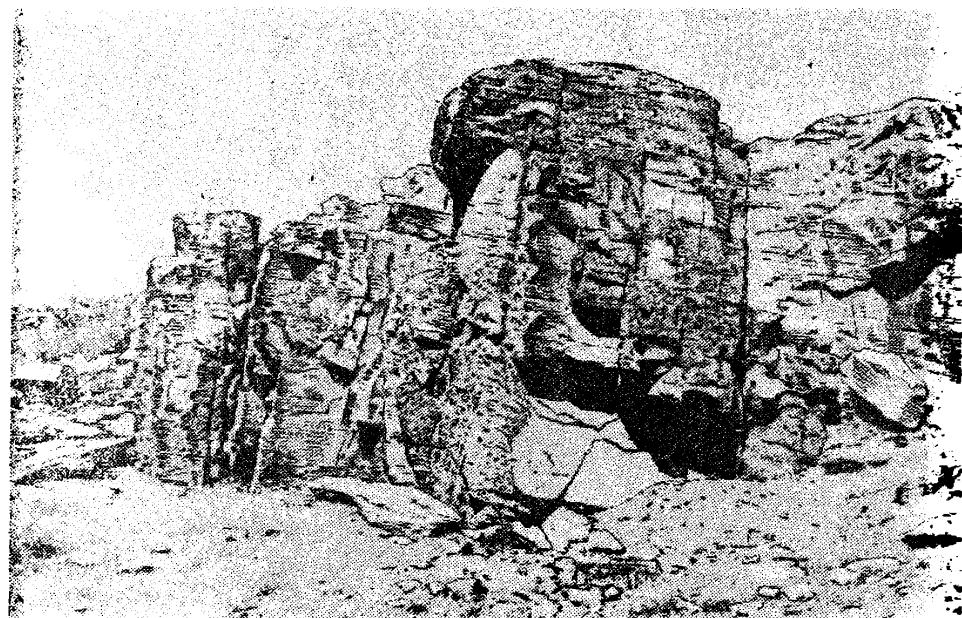
В юго-восточном углу раскопа в слое пыли обнаружены три ножевидные пластинки и 32 цилиндрические бусины из пирофилита (табл. 53, 11—13). В верхней части гумусированной супеси в северо-восточной части жертвеника располагались восемь крупных фрагментов неорнаментированной керамики ручной лепки, халцедоновая граненая бусина (табл. 53, 8), долотовидный черешковый наконечник стрелы из железа (табл. 53, 21), кусочек железа и шесть халцедоновых отщепов. По центру раскопа в нижней части темной гумусированной супеси находились бронзовая накладка (табл. 53, 7), бронзовая пуговица с орнаментом в виде завитка (табл. 53, 9), бронзовый втульчатый наконечник стрелы, две бронзовые бусины или подвески

Рис. 26. Маргуцек. Заохранное скребловидное орудие из слоя желтой супеси

Рис. 27. Маргуцек. Фрагмент венчика сосуда из слоя желтой супеси.

Рис. 28. Урулонгуй I. Общий вид скалы с рисунками.

(табл. 53, 15, 16), бусина из кремня (табл. 53, 17), два кремневых наконечника стрел, изготовленных из отщепов (табл. 58, 5, 6), ретушированная с четырех сторон ножевидная пластинка (табл. 28, 9), пять скребловидных орудий, изготовленных из отщепов (табл. 58, 1, 3, 10—13), обломок массивного наконечника стрелы или дротика из кремня (табл. 58, 4), шлифованная плитка с отверстием (рис. 8, 3) и 18 фрагментов керамики с отпечатками на внешней поверхности перевитого циура. На этом же уровне в юго-восточной части раскопа располагались 12 ножевидных кремневых пластин и три отщепа (табл. 58, 2, 7, 9).

В верхней части желтой супеси в центральной части раскопа находились около 20 ножевидных пластин, заостренное грубое скребловидное орудие, изготовленное на кремневом массивном отщепе (рис. 26), и 12 крупных фрагментов керамики ручной лепки от одного сосуда (рис. 5, 1, 2; рис. 27). Снаружи и изнутри фрагменты керамики красноватого цвета, на изломе — серого. Сосуд был тонкостенным со слегка отвернутым наружу венчиком. Орнамент сложный. По краю венчика нанесены косые отпечатки как бы веревочных оттисков. По горловине вначале прочерчены вертикальные прямые линии, затем воспроизведены четыре ряда овальных вдавлений. Тулово сплошь орнаментировано отпечатками перевитого шнура.

Урулюнгуй I. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. в 1 км выше пос. Урулюнгуй, по левую сторону р. Урулюнгуйчик на скальных обнажениях сопки (рис. 28). Представлен тремя плоскостями.

Плоскость 1 (табл. 59) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Рисунки выполнены светло-красной охрой в виде сплошных линий.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с крестообразным начертанием в руках, выполненная в традиционной манере. Показан фаллос.

Рис. 2 — изображение животного, выполненное двумя начертаниями. Выпуклой линией переданы голова, шея, туловище и задняя нога; затем прямой линией «подставлена» передняя нога.

Рис. 3, 12, 13 — антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Рис. 4, 7, 11, 15, 22 — округлые пятна, нанесенные строчками.

Рис. 5 — ломаная сплошная линия с округлыми пятнами по сторонам.

Рис. 6 — аморфные пятна, связанные ломаными линиями.

Рис. 8, 10, 21 — стилизованные изображения птиц, у которых голова, шея, туловище и хвост переданы вертикальными сплошными линиями, крылья — выпуклыми.

Рис. 9, 14, 16, 18—20 — антропоморфные фигурки, расположенные цепочками. Выполнены в традиционной манере. У некоторых имеется фаллос.

Рис. 17, 24, 25 — стилизованные изображения змей с эллипсивидными головами, изогнутыми туловищами, выполненными сплошными линиями. У одной фигуры открыта пасть.

Рис. 23 — квадратная оградка с круглыми красочными пятнами в середине. В верхней части оградки вписаны три вертикальные прямые линии и изображены три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 57, II) расположена с юго-восточной стороны скалы, ниже первой плоскости. Была перекрыта завалом. Рисунки нанесены сплошными линиями светло-красной охрой. Пред-

ставлена цепочка антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 3 (табл. 60, IV) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. На нее нанесено стилизованное изображение, напоминающее очертания головы барана в фас. Нанесено бордовой охрой.

При обследовании писаницы у первой и второй плоскостей с наскальными рисунками был заложен раскоп размерами 1×2 м, по ориентации плоскостей. Обнаружилась следующая стратиграфия: камни и щебенка, перемешанные с гумусированной супесью, обвал скалы (75—80 см); гумусированная супесь (30—40 см); темная гумусированная супесь (15—20 см); светло-желтый суглинок (8—12 см); ниже — скала.

Найденные при раскопках материалы распределены в трех культурных горизонтах. Первый располагался в нижней части гумусированной супеси. В нем обнаружены девять фрагментов серой керамики ручной лепки от одного сосуда, орнаментированного грубыми отпечатками перевитого шнура (рис. 5, 15), и сильно затертое рубящее орудие из продолговатой гальки, лежащее на уступе у самой скалы (рис. 29). Рабочий край орудия сильно оплавлен.

Второй культурный горизонт располагался в верхней части темной гумусированной супеси. В нем представлена керамика ручной лепки с матерчатым орнаментом (рис. 5, 7, 16).

Совершенно неожиданные, довольно архаичные находки дал третий культурный горизонт. Материал был расположен в одной кучке у самой скалы с рисунками в слое светло-желтого суглинка. Обнаружены рубящее орудие (рис. 30), двухплощадочный призматический нуклеус (рис. 31) и заготовка для двухплощадочного призматического нуклеуса (рис. 32).

Урулонгуй II. Памятник открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл., в 2 км выше пос. Урулонгуй, в верхней развилке р. Урулонгуйчик на 8-метровом останце серого цвета. Рисунки нанесены на две плоскости сплошными линиями красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 60, V) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Изображены три ряда антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 61, I) расположена с восточной стороны на высоте 1 м. На ней также переданы одни антропоморфные фигурки, стоящие поодиночке. По стилистическим особенностям они схожи с рисунками первой плоскости. Среди них отличается только центральная фигура с изогнутым туловищем, которое очерчено одной линией вместе с ногами. Расставленные руки напоминают крылья летящей птицы.

Урулонгуй III. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл., в 5 км выше пос. Урулонгуй, на правом берегу р. Урулонгуйчик на 5-метровом гранитном останце. Рисунки нанесены на одну плоскость на высоте 1,5 м сплошными линиями светло-красной охрой. Изображены антропоморфные фигурки, стоящие друг за другом с небольшим интервалом. За исключением одной фигурки, у всех нанесен фаллос. Переданы в традиционной манере.

Нортай I. Открыт в 1984 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. по левому берегу ключа Нортай на обнаженных плоскостях сопки, в 2 км от вершины. Представлен одной

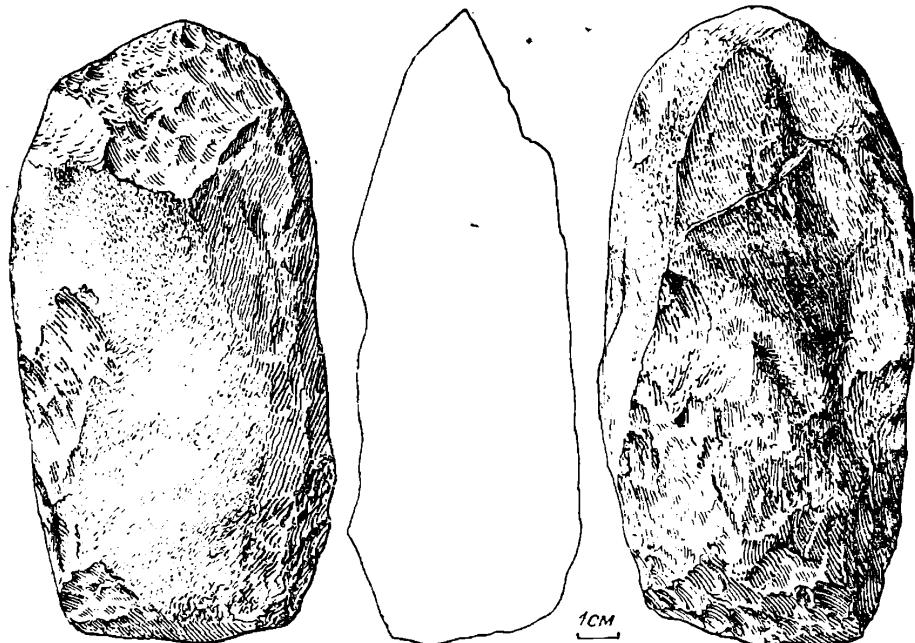

Рис. 29. Урулюнгуй I. Рубящее орудие из первого культурного горизонта жертвенника.

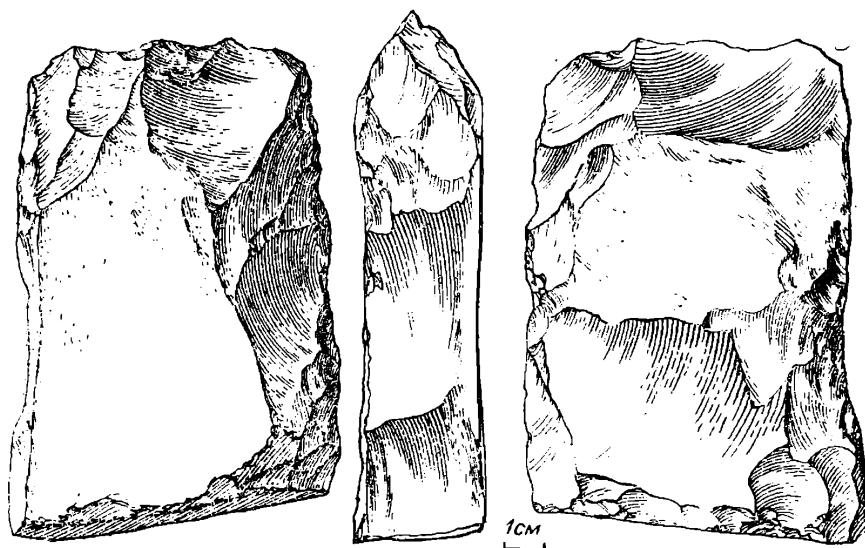

Рис. 30. Урулюнгуй I. Рубящее орудие из третьего культурного горизонта жертвенника.

плоскостью, содержащей несколько композиций, ориентированной на юго-запад. Рисунки нанесены сплошными линиями ярко-красной охры, расположены на высоте 2 м. Нанесены три композиции.

Первая композиция (табл. 57, III) расположена с левой стороны плоскости, передает группу антропоморфных фигурок и горизонтальную полосу, нанесенную над ними. Фигурки расположены цепочкой, выполнены в традиционной манере.

Вторая композиция (табл. 62, I) расположена правее первой на расстоянии 1 м. Изображены два ряда антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере, но с небольшими различиями. У всех фигурок в первом ряду имеется фаллос, у крайней фигуры

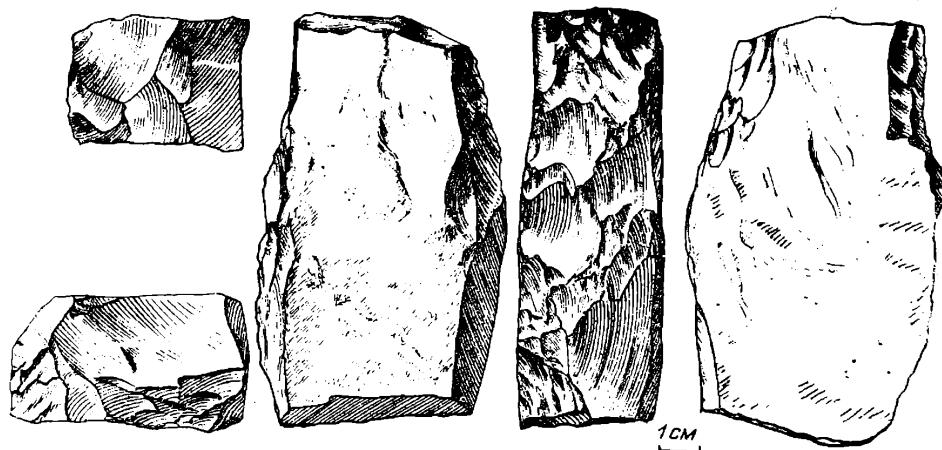

Рис. 31. Урулюнгуй I. Нуклеус из третьего культурного горизонта жертвенника.

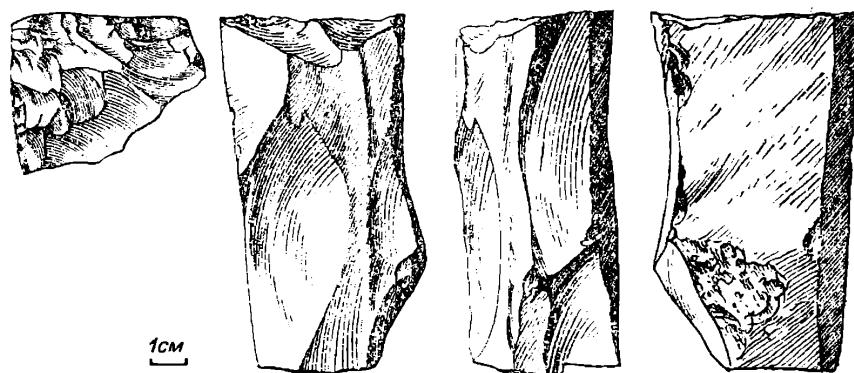

Рис. 32. Урулюнгуй I. Нуклеус из третьего культурного горизонта жертвенника.

к руке подходит сплошная изогнутая линия. Во втором ряду ноги и руки у изображений подчеркнуто вытянуты и между головами нанесено пять округлых линий.

Третья композиция (табл. 62, II) расположена на одной высоте со второй, но правее. Нанесены строчки, округлые пятна, пять антропоморфных фигурок и животное. Антропоморфные фигурки переданы в традиционной манере. У животного голова, шея и туловище показаны выпуклой линией. Ноги подрисованы прямыми мазками.

У плоскостей с наскальными рисунками специально был сооружен жертвенник. На цоколе скалы из вертикально поставленных плит сооружена оградка размерами 120×140 см. В юго-западном углу оградки обнаружено небольшое углубление с остатками кострища, а с противоположной стороны у самой скалы — двусторонне ретушированный дисковидный нож, изготовленный из кремневой плитки (рис. 33). Оградка жертвенника сверху перекрыта одним рядом плит.

Нортуй II. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на обнаженных плоскостях сопки, в устье распадка Нортуй, с левой стороны. Рисунки нанесены на три плоскости сплошными линиями красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 63, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. Изображены два крестовидных знака, три строчки и два скопления округлых пятен, а также четыре антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

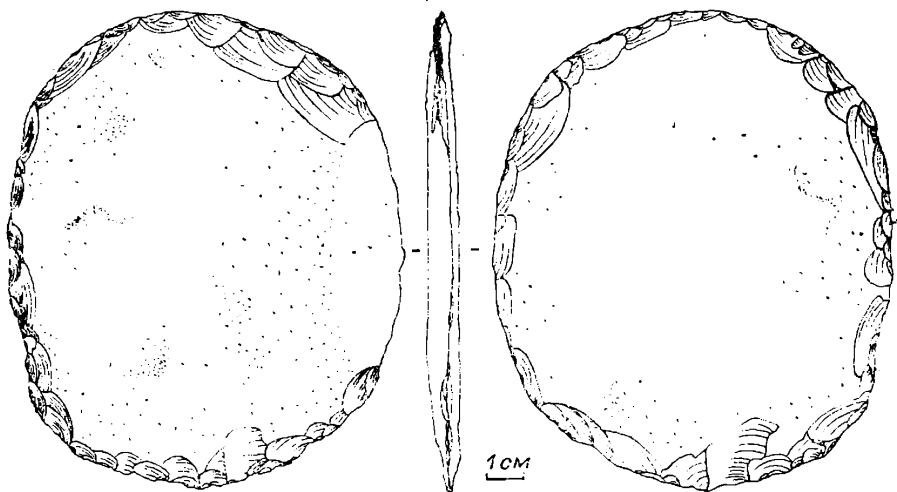

Рис. 33. Нортай I. Дисквидный нож из жертвенника.

Плоскость 2 (табл. 63, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. На нее нанесены четыре ряда округлых пятен и пять бегущих антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере.

Плоскость 3 (табл. 60, I) расположена с юго-восточной стороны скалы. Рисунки представлены двумя антропоморфными фигурками, переданными в традиционной манере, и одной антропоморфной фигуркой, отличающейся от них длинными крылообразными руками, описанными выпуклой сплошной линией.

У плоскостей с наскальными рисунками на имеющейся площадке был заложен раскоп размерами $0,8 \times 2$ м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (3—5 см); гумусированная супесь с крупными обломками камня (30—35 см); темная гумусированная супесь (10—15 см); желтая супесь (5—8 см); ниже — скала. В средней части гумусированной супеси обнаружены шесть фрагментов неорнаментированной керамики, среди них — один прямой венчик с утолщением на конце (рис. 5, 11). В нижней части темного гумусированного слоя располагались 12 фрагментов керамики ручной лепки и подработанный отщеп, измазанный охрой (табл. 58, 8). Среди керамики имеются фрагменты, орнаментированные отпечатками материи (рис. 5, 5), отпечатками перевитого шнура (рис. 5, 13) и горизонтально расположенными налепными валиками (рис. 5, 9).

Казачий I. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на перевале между ключами Дровяным и Казачьим на 8-метровом гранитном останце. Рисунки нанесены на одну плоскость сплошными линиями светло-красной охры на высоте 1 м с юго-восточной стороны скалы. На плоскости представлены (табл. 64, I) антропоморфные фигурки, клинообразный знак и два округлых пятна.

Антропоморфные фигурки с круглыми головами, перечерченные крестовидным начертанием. Шея, туловище выполнены сплошными вертикальными линиями. Ноги расставлены. Руки не указаны. Под плоскостью с наскальными рисунками в трещину был воткнут драчевый современный напильник. Это место малопосещаемое и труднодоступное, случайно напильник попасть туда не мог.

Казачий II. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на перевале между ключами Дровяным

и Казачьим на 6-метровом останце, в 300 м на северо-восток от писаницы Казачий I. Представлен одной плоскостью. Рисунки нанесены с западной стороны скалы на высоте 2 м сплошными линиями темно-красной охрой. Изображены солярный знак, антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, и семь вертикальных сплошных линий.

Казачий III. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на 12-метровом останце, при слиянии Казачьего ключа с Безымянным. Рисунки воспроизведены на пяти плоскостях сплошными линиями темно-красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 64, III) расположена с северо-западной стороны скалы на высоте 1 м. Изображены три цепочки округлых пятен и шесть антропоморфных фигурок, стоящих цепочкой и выполненных в традиционной манере.

Плоскость 2 (табл. 65, I) расположена с западной стороны скалы на высоте 2 м. На нее нанесены соединенные между собой три антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

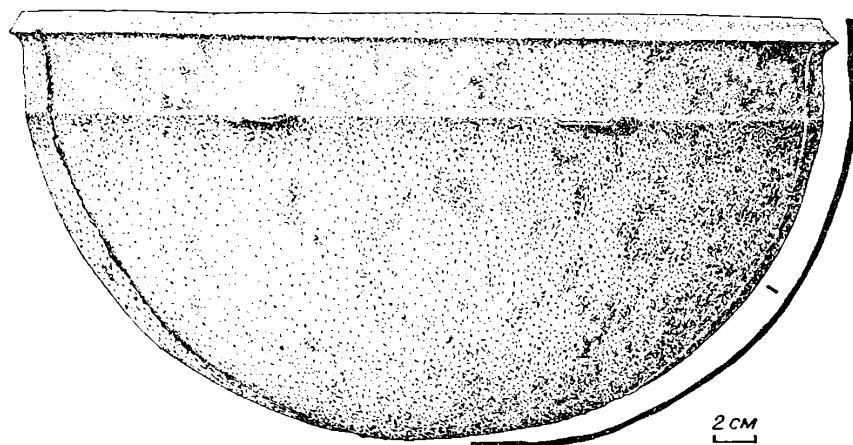
Плоскость 3 (табл. 65, II) расположена с западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Представлена двумя антропоморфными фигурками, выполненными в традиционной манере. Показаны фаллосы.

Плоскость 4 (табл. 65, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1 м. На нее нанесены два ряда округлых пятен и четыре антропоморфные фигурки, стоящие попарно и выполненные в традиционной манере. У правой пары нанесены фаллосы.

Плоскость 5 (табл. 65, IV) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 1,5 м. Нанесен ряд округлых пятен и четыре антропоморфные фигурки с фаллосами, стоящие цепочкой и выполненные в традиционной манере.

Казачий IV. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на 7-метровом гранитном останце на левом берегу Казачьего ключа, в 2 км ниже слияния с Безымянным ключом. Рисунки выполнены сплошными линиями светло-красной охрой на одной плоскости с западной стороны скалы на высоте 2 м. На плоскость нанесены (табл. 63, III) ряд округлых пятен и две бегущие антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Здесь же у скалы в одной кучке лежали фрагменты от трех чугунных котлов, один из которых удалось восстановить полностью (рис. 34).

Rис. 34. Казачий IV. Котел из жертвенника.

Бырка. Памятник открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. в 6 км от пос. Бырка, на перевале между ключами Ноготуй и Дровяной. Рисунки нанесены в северной части гранитного останца, стоящего вертикально на вершине перевала (рис. 35). Длина останца около 200 м, ширина до 15 м, высота до 30 м. Ориентирован с севера на юг. С северо-восточной стороны останца имеются площадки, удобные для обитания человека. На памятнике представлено 20 плоскостей с изображениями. По стилистическим особенностям нанесения рисунков и отпечаткам краски писаница разновременная.

П л о с к о с т ь 1 (табл. 66, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2,5 м. Нанесены три начертания ломанных сплошных линий, выполненные красной охрой.

П л о с к о с т ь 2 (табл. 66, II) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. На нее нанесена антропоморфная фигурка с фаллосом, выполненная в традиционной манере, сплошными линиями красной охрой.

П л о с к о с т ь 3 (табл. 66, III) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. Изображена фигура животного, напоминающего медведя, с клиновидной горбоносой мордой, небольшим под треугольным ухом. Холка приподнята, спина с небольшим изгибом. Круп описан дугообразной линией. Грудина при опущена, живот подтянут. Две прямых ноги переданы вертикально по отношению к туловищу. По контуру рисунок залит бордовой охрой.

П л о с к о с т ь 4 (табл. 67, I—II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м. Нанесены сплошные вертикальные линии красного цвета и изображение бизона.

Бизон выполнен бордовой охрой, сплошными контурными линиями. Голова и шея у него описаны в виде одного закругленного на острие клина. Холка слегка приподнята, спина с небольшим изгибом, круп овальный. Грудина при опущена, брюхо подтянуто. Короткий хвост нанесен прямой линией. Длинный рог на конце заострен. Ноги нарисованы неполностью. К холке животного подрисована прямая линия. Изображение дано в профиль. В более позднее время поверх изображения зверя нанесены две прямые сплошные линии красного цвета (рис. 36).

П л о с к о с т ь 5 (табл. 68, I) расположена с юго-западной стороны на высоте 1 м. Нанесены изображения птицы и сплошные вертикальные линии, переданные красной охрой. Голова, шея, туловище и хвост птицы переданы сплошной вертикальной линией, крылья — выпуклой.

П л о с к о с т ь 6 (табл. 67, III) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. Содержит пять вертикальных сплошных линий, нанесенных красной охрой.

П л о с к о с т ь 7 (табл. 66, IV) расположена с южной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями красной охрой нанесены вертикальные сплошные линии, пятна, округлая фигура, изображение орла и антропоморфная фигурка.

Орел изображен парящим в воздухе. Голова, шея, туловище и хвост у него показаны сплошной линией, крылья — эллипсовидным начертанием. Антропоморфная фигурка выполнена в традиционной манере.

П л о с к о с т ь 8 (табл. 67, IV) расположена с юго-восточной стороны на высоте 1 м. Нанесена сплошная линия с двумя отростками.

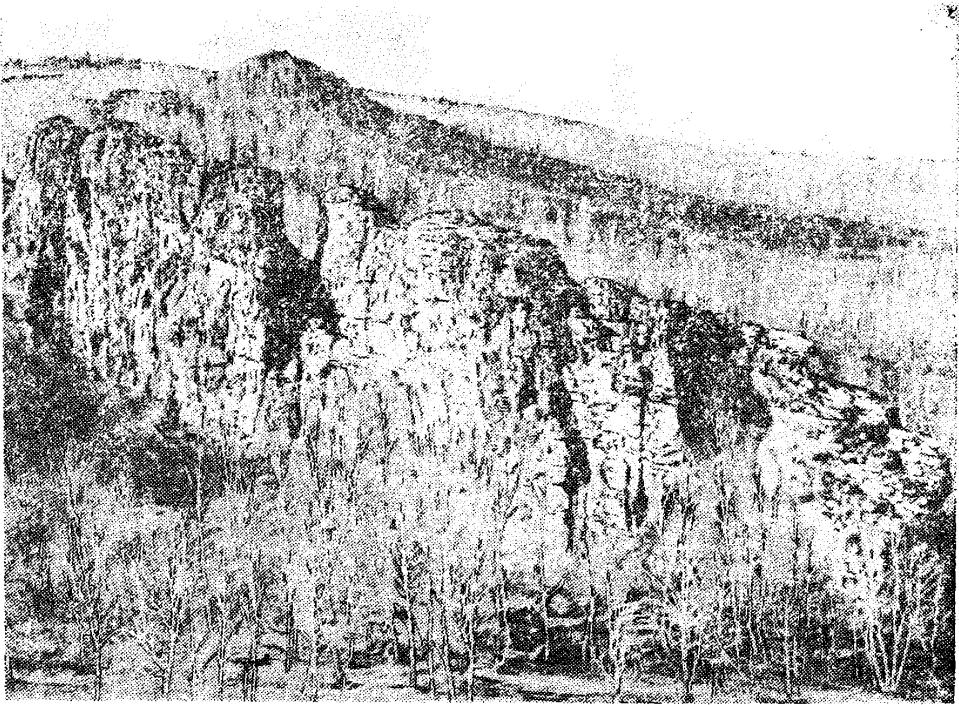

Рис. 35. Бырка. Общий вид останца с наскальными рисунками на фоне распадков Ноготуй и Дровянай.

Рис. 36. Бырка. Изображение бизона на четвертой плоскости.

Плоскость 9 (табл. 67, V) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Красной охрой изображена антропоморфная фигурка в традиционной манере.

Плоскость 10 (табл. 68, III) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. Сплошными линиями красной охрой нарисованы антропоморфная фигурка, две параллельные сплошные линии, изогнутая сплошная линия и эллипсовидное начертание.

Антропоморфная фигурка с округлой головой, выделенной шеей. Туловище и фаллос переданы вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены, руки не показаны.

Плоскость 11 (табл. 67, VI; табл. 68, II) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 0,5 м. Светло-красной охрой изображены аморфные пятна, вертикальные сплошные линии, птица и животное.

У птицы голова, шея, туловище и хвост переданы вертикальной сплошной линией, крылья — выпуклой.

Животное с клиновидной приподнятой головкой. Холка и спина показаны прямой линией. Круп описан выпуклым начертанием. Грудина приопущена, живот подтянут. Рога животного переданы трезубцем. Имеется подшейный клок. По контуру фигурка заполнена охрой.

Плоскость 12 (табл. 68, IV) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1 м. Сплошными линиями бордовой охрой изображены пятна, мазки, округлое начертание с отростком и антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Плоскость 13 (табл. 68, V) расположена с северо-восточной стороны на высоте 1 м. Рисунки нанесены сплошными линиями бордовой охрой. Показаны две вертикальные сплошные линии, фигура с фаллосом, выполненная в традиционной манере, и стилизованное изображение животного, у которого голова, шея, туловище переданы вертикальной сплошной линией, а три ноги — перпендикулярно к туловищу.

Плоскость 14 (табл. 69, II) расположена с северо-восточной стороны на высоте 1 м. Рисунки выполнены бордовой охрой. На ней отражены два круглых пятна, три сплошные линии и животное.

У животного овальная с горбоносой мордой голова, треугольное ухо. Клинышком передан подшейный клок. Чуть приподнятая холка. Спина с небольшим прогибом. Круп и задняя нога описаны выпуклым очертанием. Передняя нога прямая и передана вертикально к туловищу. Животное по контуру залито охрой, показано в профиль.

Плоскость 15 (табл. 69, I) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 2 м. Изображены ломаные линии, пятна, антропоморфная фигурка и животное.

У антропоморфной фигурки округлая голова с длинным ухом, намечена шея, туловище с небольшой горбинкой. Ноги сведены вместе. Руки выставлены вперед и выполнены сплошной линией. Фигурка нанесена бордовой охрой. У животного небольшая овальная голова, как бы слитая с туловищем, ветвистые рога. Холка приподнята. Спина и круп описаны прямой линией. Имеется хвост. Брюхо приопущено. Короткие прямые ноги. Фигура нанесена сплошной контурной линией красной охрой.

Плоскость 16 (табл. 70, I) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 2,5 м. Рисунки переданы красной охрой.

Рис. 1, 3, 7, 10 — вертикальные сплошные линии.

Рис. 2 — изображение животного с небольшой клиновидной на конце заоваленной головой и прямым длинным ухом. Шея, холка, спина и круп описаны выпуклой линией. Мощная грудная клетка приопущена, живот подтянут. Нанесены три коротких ноги. Две передних имеют валенкообразные ступни. Фигура показана контурной сплошной линией.

Рис. 4 — изображение животного с массивной параболоидной головой, небольшим треугольным ухом. Шея, холка, спина и круп

описаны выпуклой линией. Показана глубокая грудина, живот подтянут. Возле туловища нарисован крючкообразный знак. Имеется три небольших прямых ноги — две передних, одна задняя. Зверь передан контурным начертанием.

Рис. 5 — антропоморфная фигурка с откинутой назад головой и изогнутым туловищем. Руки поданы вперед. Ноги широко расставлены.

Рис. 6 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 8 — овальная фигура, нарисованная контурным начертанием, с отходящими двумя отростками.

Рис. 9 — окружность, от которой отходят семь сплошных линий.

Плоскость 17 (табл. 69, III) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1 м. На нее нанесены бордовой охрой две сплошные линии, одна из них с отростком.

Плоскость 18 (табл. 69, IV) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. Изображены два овальных пятна, три сплошные линии, круглый знак и антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере. Рисунки нанесены красной охрой.

Плоскость 19 (табл. 71) расположена с западной стороны скалы на высоте 1 м. Красной охрой нанесены девять вертикальных сплошных линий, у крайней правой линии сверху подрисовано эллипсовидное начертание.

Плоскость 20 (табл. 72—78) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 2 м (длина плоскости 3,8 м, высота 1,85 м). По стилистическим особенностям и оттенкам краски изображения разновременные.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с отброшенной назад головой, поданным вперед туловищем. Ноги широко расставлены. Руки выставлены вперед и приподняты. Впереди антропоморфной фигурки нанесены горизонтальная сплошная линия и округлое пятно.

Рис. 2 — животное с клиновидной на конце заоваленной головой, небольшим под треугольным ухом. Холка приподнята, спина прогнута. Круп описан выпуклой линией. Брюхо провисшее. Две прямых ноги переданы вертикально к туловищу. Нанесено контурной светло-красной линией.

Рис. 3 — животное с параболоидной головой, небольшим треугольным ухом. Верхняя часть шеи, холка, спина и круп описаны выпуклой линией, брюхо — прямой. Две прямых ноги нанесены вертикально к туловищу. Фигура нарисована светло-красной охрой.

Рис. 4, 10, 12, 13, 15, 19, 20, 25, 28, 33, 35, 37, 39—42, 45 — красочные пятна, прямые, ломаные и сплетенные сплошные линии, выполненные светло-красной охрой.

Рис. 5 — две бегущие антропоморфные фигурки, выполненные сплошными светло-красными линиями. Поверх них нанесены два красочных пятна и вертикально расположенная волнистая линия.

У первой фигурки массивная звериная голова, длинная шея. Туловище от плеч к тазу сужается. Ноги широко расставлены. Руки приподняты до горизонтального положения.

У второй фигурки голова отброшена назад. Туловище выполнено вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены. Руки, сведенные вместе, выставлены вперед.

Рис. 6—9, 12, 16, 19, 36 — округлые начертания, выполненные контурными светло-красными линиями.

Рис. 11 — бегущая антропоморфная фигурка с массивной развернутой назад головой. Шея и туловище переданы выпуклой линией. Ноги расставлены. Руки приподняты.

Рис. 14 — изображение носорога, по контуру залитое темно-красной охрой. Показан в профиль. У него массивное туловище, высокая холка, короткая шея. Небольшим утолщением выделена длинная плоская голова с двумя клинообразными рогами. Рог на конце морды пересекает изогнутую линию с четырьмя отростками (рис. 37, 38).

Рис. 17, 18, 21—24, 26, 27, 29, 31 — изображения бизонов. Все переданы красной охрой и в одной стилистической манере, как бы тремя начертаниями. Вначале выпуклой линией изображались рог, верхняя часть головы, шея, холка, спина и хвост. Затем одним штрихом подрисовывались морда, нижняя часть шеи, грудь и брюшина. И в конце двумя мазками очерчены ноги. Отражены строго в профиль (см. рис. 38).

Рис. 30 — изображение бизона, выполненное совершенно в иной манере по сравнению с вышеописанными. У него голова, туловище и хвост очерчены одним взмахом руки, затем добавлены ноги и рог. Животное с клиновидной головой, массивной короткой шеей. Холка приподнята, спина, круп и хвост описаны выпуклым очертанием. Показана глубокая грудина и подтянутый живот. Ноги под небольшим углом сведены внутрь (см. рис. 38).

Рис. 32 — изображение оленя с клиновидной высоко поднятой головой, ветвистыми длинными рогами, почти прямоугольным вытянутым туловищем, расставленными короткими ногами. Изображение по контуру залито красной охрой (см. рис. 38).

Рис. 34 — фигура животного, у которого голова, шея и туловище переданы эллипсом, ухо и ноги — прямыми черточками. Передано светло-красной контурной линией.

Рис. 38 — антропоморфная фигурка, выполненная красной охрой в традиционной манере.

Рис. 43 — изображение задней части животного, по контуру залитое темно-красной охрой. На него наложилось изображение солнечного знака в виде личины (рис. 39).

Рис. 44 — окружность, от которой отходят четыре прямые линии (см. рис. 39).

Рис. 46 — фигура, напоминающая зоантропоморфные изображения писаницы с верховьев р. Зеи. У нее голова ромбовидного очертания с отходящими двумя рогами. Нанесена красной контурной линией (см. рис. 39).

Рис. 47 — солнечный антропоморфный знак. Его касается рукой антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере. Переданы красной охрой (см. рис. 39).

У 19-й и 20-й плоскостей с наскальными рисунками вдоль скалы заложен раскоп размерами 1×9 м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (5—6 см); темная гумусированная супесь (20—25 см); осветленная гумусированная супесь (3—5 см); темная гумусированная супесь (10—15 см); осветленная гумусированная супесь (4—5 см); темная гумусированная супесь (2—3 см); осветленная гумусированная супесь (3—5 см); темная гумусированная супесь (28—30 см); светло-желтый суглинок (10—15 см); ниже — скальные выходы.

Обнаруженные в раскопе артефакты распределены в пяти культурных горизонтах. Первый располагался в средней части верхнего слоя темной гумусированной супеси. В нем находились два

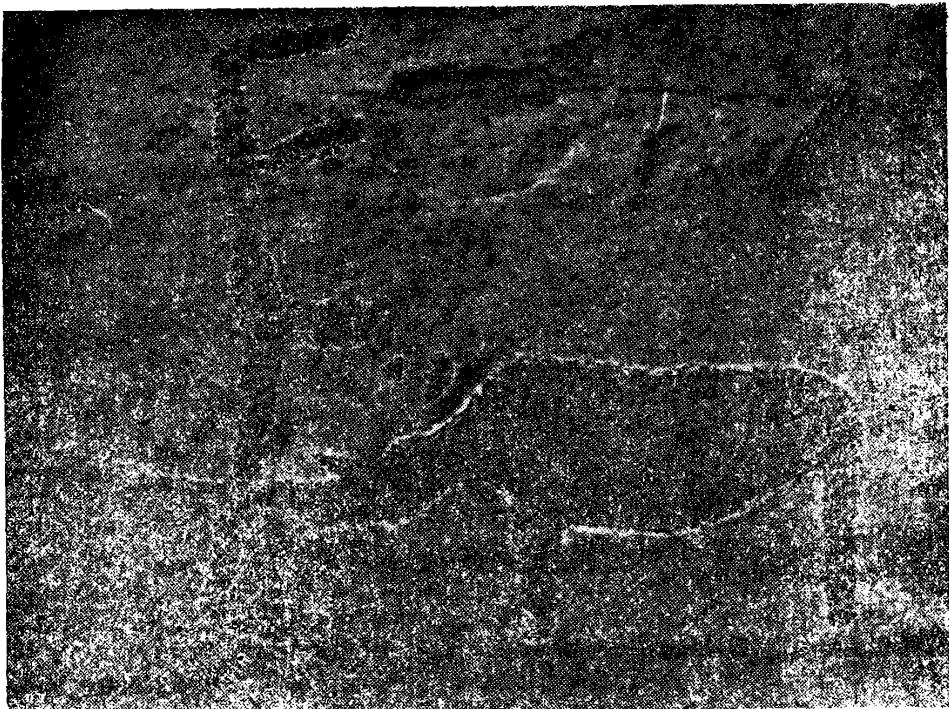

Рис. 37 . Бырка. Изображение носорога.

Рис. 38. Бырка. Фрагмент 20-й плоскости.

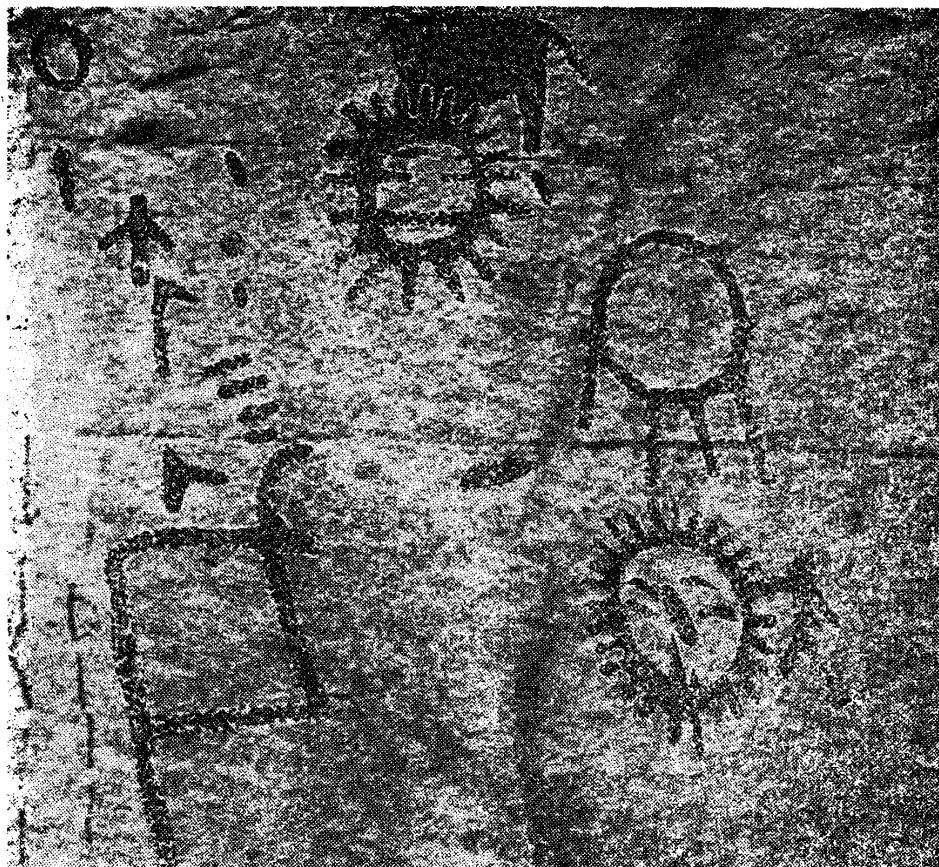

Рис. 39. Бырка. Фрагмент 20-й плоскости.

рехлопастных втульчатых наконечника стрел (табл. 53, 20), два фрагмента керамики ручной лепки с орнаментацией отпечатком крученого шнура, а также 14 целых наконечников стрел, изготовленных из кремня, и несколько фрагментов. Все наконечники под треугольно-удлиненных форм, с выпуклыми, прямыми и выемчатыми основаниями (табл. 79, 5, 10, 17, 18).

Второй культурный горизонт расположен в подошве первого слоя темной гумусированной супеси и в кровле первого слоя освещенной гумусированной супеси. В нем найдены восемь фрагментов керамики ручной лепки с орнаментацией продольными матерчатыми отпечатками и девять двухсторонне ретушированных наконечников стрел удлиненно-треугольных форм с дугообразными выемками в основании (табл. 79, 2, 7; табл. 80, 1, 3, 5, 16, 18).

Третий культурный горизонт располагался во второй прослойке темной гумусированной супеси. В нем обнаружены: концевой скребок из халцедоновой пластины (табл. 80, 21), проколка, изготовленная из халцедонового отщепа (табл. 80, 27), и 43 двухсторонне ретушированных наконечника стрел с угловидными, трапециевидными, дугообразными симметричными и асимметричными выемками в основании (табл. 79, 3, 6, 11, 13—15, 19; табл. 80, 2, 4, 6, 10, 11, 13, 18). По форме наконечники стрел или близкие к удлиненно-треугольным, или под треугольные с выпуклыми боками. Некоторые наконечники стрел со стороны жала имеют резцовые сколы (табл. 79, 8, 9, 12, 21; табл. 80, 19).

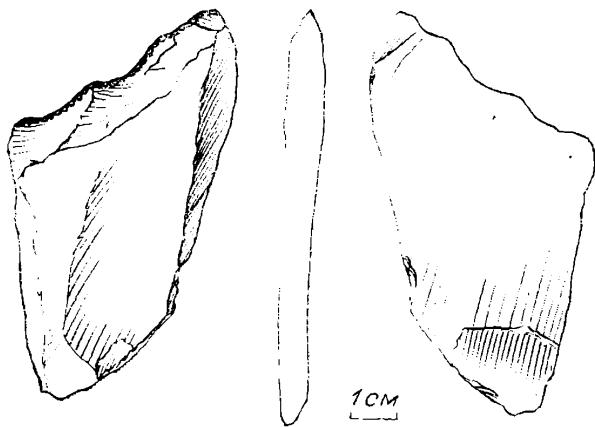

Рис. 40. Бырка. Скребловидное орудие из пятого культурного горизонта.

с асимметричными выемками в основании (рис. 7, 8, 12, 14, 15, 17).

Пятый культурный горизонт связан с подошвой четвертой темной гумусированной прослойки супеси и с кровлей светло-желтого суглинка. В нем находились четыре куска охры, одно скребловидное орудие, изготовленное на массивном отщепе, с рабочим краем, вымазанным охрой (рис. 40), скол с площадки нуклеуса, вымазанный охрой, эллипсовидный нож, изготовленный из бивня мамонта (табл. 53, 19), подработанные отщепы (табл. 27, 10; табл. 28, 4, 5), ножевидные пластины (табл. 16, 5; табл. 27, 9; табл. 28, 7), острие на ножевидной пластине, подработанное со стороны брюшка (табл. 79, 4), два подретушированных отщепа, похожие на наконечники стрел, один с резцовым сколом в острие (табл. 79, 16; табл. 80, 23), комбинированные орудия скребок-проколка (табл. 80, 24) и скребок-нож (табл. 80, 20) и два предмета, напоминающих стилизованные изображения животных, одно целое (рис. 41), второе с отломанной задней частью.

Дровянной. Памятник открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на среднем останце по левую сторону ключа Дровянной. Рисунки переданы на одной плоскости (табл. 70, II) сплошными линиями желтоватой охрой. На ней изображены пять антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере. Три средние фигурки соединены между собой в районе рук. Между головами фигурок изображены четыре круглых пятна. выше их — две наклонные линии.

Онёни. Первые сообщения получены со слов эвенков пос. Бомнак в 1959 г. В. Е. Евдокимовым¹⁶. В 1964 г. памятник отыскал и исследовал автор. Расположен в Зейском р-не Амурской обл. на правом берегу р. Онёни (в 70 км от ее впадения в р. Зею) на 20-метровом гранитном останце. Представлен семью плоскостями. Рисунки, выполненные красной охрой, передают изображения антропоморфных и зоантропоморфных фигурок, пятен, полос и животных. На основании материалов из жертвенника и обнаруженной в нем монеты Шянь правления Юаньфэн (1078—1085 гг.) датирован началом II тыс. н. э.¹⁷

Горелый. Открыт в 1968 г. автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. с правой стороны ключа Горелого (левый приток р. Геткан) на 10-метровом останце. Представлен двумя плоскостями. Рисунки нанесены красной охрой, это крестообразные фигурки, антропоморфные фигурки и изображение животного, пойманного в сети. Датирован памятник I тыс. н. э.¹⁸

Материалы четвертого культурного горизонта находились в верхней части четвертого слоя темной гумусированной супеси. Представлены подтреугольно-удлиненными двусторонне ретушированными наконечниками стрел (табл. 79, 1, 20; табл. 80, 7, 8, 12, 14, 15, 17).

Пятый культурный горизонт связан с подошвой четвертой темной гумусированной прослойки супеси и с кровлей светло-желтого суглинка. В нем находились четыре куска охры, одно скребловидное орудие, изготовленное на массивном отщепе, с рабочим краем, вымазанным охрой (рис. 40), скол с площадки нуклеуса, вымазанный охрой, эллипсовидный нож, изготовленный из бивня мамонта (табл. 53, 19), подработанные отщепы (табл. 27, 10; табл. 28, 4, 5), ножевидные пластины (табл. 16, 5; табл. 27, 9; табл. 28, 7), острие на ножевидной пластине, подработанное со стороны брюшка (табл. 79, 4), два подретушированных отщепа, похожие на наконечники стрел, один с резцовым сколом в острие (табл. 79, 16; табл. 80, 23), комбинированные орудия скребок-проколка (табл. 80, 24) и скребок-нож (табл. 80, 20) и два предмета, напоминающих стилизованные изображения животных, одно целое (рис. 41), второе с отломанной задней частью.

Дровянной. Памятник открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском р-не Читинской обл. на среднем останце по левую сторону ключа Дровянной. Рисунки переданы на одной плоскости (табл. 70, II) сплошными линиями желтоватой охрой. На ней изображены пять антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере. Три средние фигурки соединены между собой в районе рук. Между головами фигурок изображены четыре круглых пятна. выше их — две наклонные линии.

Онёни. Первые сообщения получены со слов эвенков пос. Бомнак в 1959 г. В. Е. Евдокимовым¹⁶. В 1964 г. памятник отыскал и исследовал автор. Расположен в Зейском р-не Амурской обл. на правом берегу р. Онёни (в 70 км от ее впадения в р. Зею) на 20-метровом гранитном останце. Представлен семью плоскостями. Рисунки, выполненные красной охрой, передают изображения антропоморфных и зоантропоморфных фигурок, пятен, полос и животных. На основании материалов из жертвенника и обнаруженной в нем монеты Шянь правления Юаньфэн (1078—1085 гг.) датирован началом II тыс. н. э.¹⁷

Горелый. Открыт в 1968 г. автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. с правой стороны ключа Горелого (левый приток р. Геткан) на 10-метровом останце. Представлен двумя плоскостями. Рисунки нанесены красной охрой, это крестообразные фигурки, антропоморфные фигурки и изображение животного, пойманного в сети. Датирован памятник I тыс. н. э.¹⁸

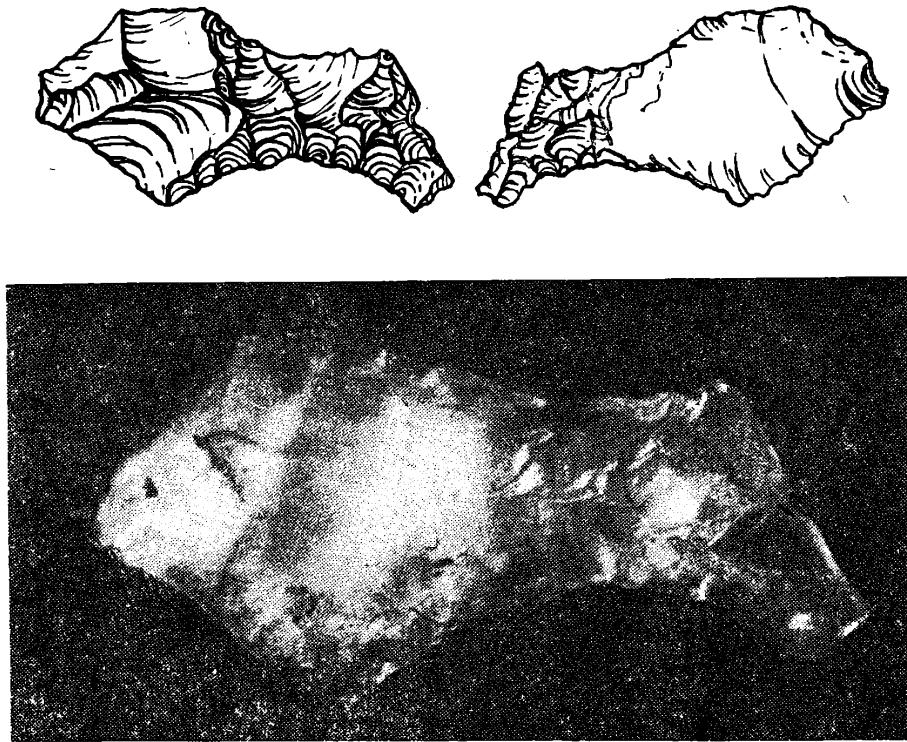

Рис. 41. Бырка. Скульптура животного из пятого культурного горизонта.

Геткан. Открыт в 1960 г. В. А. Туголуковым¹⁹. В 1967 г. обследован автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. по правому берегу р. Геткан (правый приток р. Тынды) на 8-метровом гранитном останце, в 40 км от г. Тында. Рисунки расположены на четырех плоскостях, нанесены красной охрой. Изображены красочные пятна, полосы, антропоморфные фигурки и животные. На основании жертвенника памятник датирован концом III тыс. до н. э. (рис. 42)²⁰.

Большой Онон. Открыт в 1968 г. автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. по правому берегу р. Большой Онон, в 500 м от трассы Большой Невер — Якутск, на 8-метровом останце. Рисунки нанесены красной охрой на двух плоскостях. Изображены антропоморфные фигурки, птицы, лягушки, пятна и полосы. На основании жертвенника датирован II тыс. до н. э.²¹

Арби. Открыт в 1967 г. автором. Расположен в Зейском р-не Амурской обл. на обнаженных плоскостях левого берега р. Арби (левый приток р. Урканы) в 17 км выше устья. Рисунки нанесены красной охрой на 26 плоскостях. Основные сюжеты писаницы — изображения людей, животных, птиц, лодок, личин, змей, изгородей, сцен ловли животных при помощи сетей, антропоморфных и зооморфных существ. На основании материалов жертвенника и обнаруженной в нем монеты Ван Мана (9—24 гг.) датирован рубежом нашей эры²².

В 1978 г. при посещении писаницы автором была обнаружена 27-я плоскость (табл. 81). Расположена она с западной стороны скалы на высоте 2 м, ниже 25-й плоскости. Рисунки нанесены сплошными линиями и залиты по контуру темно-красной охрой.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с овальной головой, намеченной шеей. Туловище передано сплошной линией. Ноги расставлены

Рис. 42. Геткал. Изображение, символизирующее вселенную.

ны. В одной вытянутой руке держит предмет, переданный вертикальной линией, в другой — как бы бубен. Изображение напоминает человека, бьющего колотушкой в бубен.

Рис. 2 — сплетение сплошных линий, напоминающее изображение змея с открытой огромной пастью, лежащего на головах стилизованно выполненных антропоморфных фигурок.

Рис. 3 — фигура, напоминающая по очертаниям рыбу.

Рис. 4 — шесть вертикальных линий, пересеченные горизонтальной.

Калиновка. Памятник открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. в устье р. Калиновки (левый приток р. Амура) на прибрежных останцах. На трех плоскостях красной охрой нанесены антропоморфные и зооморфные существа, человечки, змеи и прямые линии. Датирован началом I тыс.²³

Смирновка. Памятник открыт в 1954 г. А. П. Окладниковым. Расположен в Шимановском р-не Амурской обл. в 112 м ниже дер. Смирновки, на берегу р. Амур. Рисунки нанесены красной охрой на трех каменных плоскостях. Изображены животные, змеи, человечки, зоантропоморфные существа, трезубцы и солярный знак. Датирован началом I тыс.²⁴

Архара. Открыт в 1930 г. Саенко²⁵. В 1954 г. памятник обследован А. П. Окладниковым²⁶, а в 1968 г. — автором. До настоящего времени писаница не опубликована. Расположена в Архаринском р-не Амурской обл. на скальных обнажениях правого берега р. Архары в 17 км выше пос. Татыкан. Рисунки переданы на 21 плоскости сплошными линиями, редких случаях — заливкой по контуру, нанесены красной или светло-красной охрой. Несмотря на

имеющиеся различия в технике передачи изображений и цветовую неоднородность охры, памятник по манере написания однороден и относится к одному временному периоду.

Плоскость 1 (табл. 82, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2,5 м. Изображены крюкообразный знак, мазок, две бегущие антропоморфные фигурки и человек (?), едущий верхом на животном.

Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере, различаются только расположением рук. У одной рука приподнята до горизонтального положения, другая простерта вверх. У второй руки разбросаны в стороны.

У животного голова, шея и туловище переданы горизонтальной сплошной линией, две ноги прямые. Есадник, располагающийся на спине животного, нанесен вертикальной сплошной линией.

Плоскость 2 (табл. 82, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м. На ней нарисованы окружность с вписаным X-образным знаком, трапециевидная фигура и ломаные линии.

Плоскость 3 (табл. 82, III) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 3 м.

Рис. 1, 11 — непонятные, но четко оформленные фигуры.

Рис. 2 — бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, только с клиновидной звериной головой.

Рис. 3 — профильное изображение антропоморфной фигурки.

Рис. 4—6, 10 — ломаные сплошные линии.

Рис. 7, 8 — фигуры, напоминающие восьмерки, выполненные прямыми линиями.

Рис. 9 — профильное изображение летящей птицы, выполненное двумя выпуклыми начертаниями.

Плоскость 4 (табл. 83, I) расположена с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м.

Рис. 1 — безрукая антропоморфная фигурка с круглой головой, расширяющимся к тазу коротким туловищем и расставленными ногами.

Рис. 2 — фигура, напоминающая восьмерку, выполненную прямыми линиями.

Рис. 3 — стилизованное начертание сидячей антропоморфной фигурки. У нее голова нанесена горизонтально расположенной выпуклой линией, шея и туловище — вертикальной прямой, ноги — горизонтальной прямой. Небольшие руки выставлены вперед.

Рис. 4, 6 — фигуры из двух линий, образующих угол.

Рис. 5 — четырехугольник с точкой в центре и отходящими от углов по диагонали прямыми линиями.

Плоскость 5 (табл. 83, III) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 1,5 м. На ней обнаружены пять скоплений сплошных ломанных линий.

Плоскость 6 (табл. 83, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 3 м.

Рис. 1 — зооморфное существо с клинообразной головкой, двумя небольшими прямыми ножками. Шея, туловище и длинный хвост описаны вертикальной выпуклой линией.

Рис. 2, 4 — зооантропоморфные фигурки, расположенные в профиль. У них горизонтально расположенные клиновидные головки, намечены шеи. Туловища переданы вертикальными сплошными линиями. Ноги расставлены. Руки сведены вместе и вытянуты вперед.

У одного изображения в районе таза и ног — начертание, напоминающее антропоморфную фигурку.

Рис. 3 — бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 5 — ломаная сплошная линия с отходящим стрелообразным начертанием.

Рис. 6 — изображение животного с развернутой к зрителю овальной головой, небольшими повисшими ушами. Шея, туловище и одна задняя нога выполнены выпуклой линией, три остальных ноги — вертикальными.

Плоскость 7 (табл. 84, I) расположена с юго-восточной стороны на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — ломаная сплошная линия.

Рис. 2 — М-образное начертание.

Рис. 3 — вертикальная сплошная линия, пересеченная горизонтальной.

Рис. 4 — сплетение сплошных линий.

Рис. 5 — вертикально расположенное изображение животного, соединенное с антропоморфной фигуркой сплошной линией, направленной от хвоста к тазу. У животного округлая голова. Шея, туловище и хвост переданы вертикальной прямой линией. Короткие прямые ноги расположены горизонтально к туловищу. Антропоморфная фигура выполнена в традиционной манере.

Рис. 6 — Х-образное начертание.

Рис. 7 — антропоморфная фигурка, касающаяся рукой ноги животного. У фигурки голова, шея, туловище и ноги переданы вертикальной сплошной линией. Руки приподняты. У животного голова, шея, туловище нанесены также вертикальной линией. Две коротких ноги расположены перпендикулярно к туловищу.

Рис. 8 — переплетение сплошных линий.

Рис. 9 — сидящая антропоморфная фигурка с вытянутыми вперед ногами и руками. Голова передана горизонтальным изогнутым мазком, шея, туловище — вертикальной сплошной линией.

Рис. 10 — животное с овальной головой, преувеличенным клиновидным ухом. Шея, туловище и хвост нанесены вертикальной изогнутой линией. Имеются две небольших ноги.

Рис. 11, 12 — стрелкообразные начертания.

Рис. 13 — изображение трех антропоморфных фигурок, соединенных между собой в районе рук. Выполнены в традиционной манере.

Плоскость 8 (табл. 84, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 5 м.

Рис. 1, 5—11 — Х-образные фигуры очерчены внизу изогнутыми дугообразными или под треугольными линиями.

Рис. 2, 4, 12 — сплошные, переплетенные между собой линии и мазки.

Рис. 3 — окружность с вписанным крестовидным начертанием.

Рис. 13 — антропоморфная фигурка, у которой рука соединена с передней ногой животного. У антропоморфной фигурки голова, шея, туловище и фаллос переданы вертикальной прямой линией. Ноги показаны П-образным начертанием. Руки выполнены одной линией и поданы вперед. У животного голова передана наклонным прямым мазком, шея и туловище — вертикальной линией. Имеются две небольших прямых ноги.

Плоскость 9 (табл. 85, I) расположена с южной стороны скалы на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — окружность с вписанным крестовидным начертанием.

Рис. 2 — овальное контурное изображение.

Рис. 3 — треугольная фигура с отходящими из одного угла двумя линиями.

Рис. 4 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, держит в одной руке рыбу, в другой — пушного зверька.

Рис. 5, 7 — два овальных пятна.

Рис. 8 — X-образная фигура, снизу и сверху подчеркнутая горизонтальными сплошными линиями.

Рис. 9 — зооантропоморфная фигурка с овальной горизонтально расположенной головой. Шея, туловище и ноги выполнены вертикальной прямой линией. Руки сведены вместе и выставлены вперед. Имеется высоко поднятый длинный хвост.

Рис. 10 — стилизованное изображение животного. Голова, шея и туловище выполнены вертикальной сплошной линией, две небольших ноги — горизонтальными мазками.

Плоскость 10 (табл. 85, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 8 м.

Рис. 1 — трезубец с прямоугольным начертанием сверху.

Рис. 2 — животное с овальной горбоносой головой, двумя подтреугольными длинными ушами. Туловище передано двумя параллельно расположенными выпуклыми линиями. Имеется четыре небольших ноги.

Рис. 3 — профильное изображение летящей птицы. Голова, шея, туловище и хвост переданы выпуклой линией, крылья — вертикальной прямой.

Плоскость 11 (табл. 86, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 8 м.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка со звериной длинной головой. Шея и туловище выполнены вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены. Руки приподняты. В районе таза сзади имеется небольшой выступ.

Рис. 2 — изображение антропоморфной фигурки со звериной головой, выполненной наклонной сплошной линией. Шея, туловище и ноги переданы вертикальной линией. Руки сведены вместе и выставлены вперед.

Рис. 3 — антропоморфная фигурка, по стилистическим особенностям аналогичная вышеописанной, только наклонена вперед.

Рис. 4 — бегущая сверху вниз антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, только с выставленными вперед руками.

Рис. 5 — сплошная линия и округлое пятно.

Рис. 6 — антропоморфная фигурка с фаллосом. Голова нанесена наклонной сплошной линией. Указаны шея и короткое туловище. Ноги расставлены. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 7 — сидящее антропоморфное существо со звериной горбоносой головой, длинным подтреугольным ухом. Шея и туловище показаны вертикальной сплошной линией, ноги и руки — горизонтальными.

Рис. 8 — М-образное начертание.

Рис. 9 — округлое пятно.

Рис. 10 — антропоморфное изображение, переданное в традиционной манере, с добавлением круглой головы, круглого предмета в руке и фаллоса.

Плоскость 12 (табл. 86, II) расположена с южной стороны скалы на высоте 4 м. На нее нанесено X-образное начертание.

Плоскость 13 (табл. 87, I) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 3,5 м.

Рис. 1 — изображение бегущей антропоморфной фигурки, выполненное в традиционной манере.

Рис. 2 — профильное изображение антропоморфной фигурки, выполненной в традиционной манере, только с выставленными вперед руками. В одной руке у нее показан предмет. Вокруг изображения нанесены три окружных пятна и сплошная линия.

Рис. 3 — треугольник с отходящей изогнутой сплошной линией.

Рис. 4 — четырехугольник, нанесенный контурной линией.

Рис. 5 — овальные пятна.

Плоскость 14 (табл. 87, V) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 3 м. На ней изображены ломаная сплошная линия, треугольник и окружность с вписаным крестообразным начертанием.

Плоскость 15 (табл. 87, II) расположена с южной стороны на высоте 5 м.

Рис. 1 — асимметричная пятиконечная звезда.

Рис. 2 — сидящая антропоморфная фигурка с округлой головой. Шея и туловище переданы вертикальной линией. Ноги сведены вместе и показаны под углом. Руки приподняты до горизонтального положения и соединены между собой дугообразным начертанием.

Рис. 3 — профильное изображение антропоморфной фигурки, выполненное в традиционной манере, только с выставленными вперед руками.

Рис. 4 — антропоморфная фигурка без ног с овальной головой, подпрямоугольным туловищем, залитым по контуру охрой. Одна рука чрезвычайно длинная и выставлена вперед. Вторая достаточно пропорциональная, согнута в локтевом суставе и положена на таз.

Плоскость 16 (табл. 87, III) расположена с восточной стороны скалы на высоте 5 м.

Рис. 1, 4, 6 — непонятные начертания, переданные ломаными сплошными линиями.

Рис. 2 — антропоморфное существо, выполненное в традиционной манере, только с выставленными вперед руками.

Рис. 3 — безрукая антропоморфная фигурка с округлой опущенной вниз головой. Туловище и фаллос выполнены одной вертикальной линией. Ноги расставлены. К одной ноге подходит вертикальная линия.

Рис. 5 — бегущая антропоморфная фигурка, переданная в традиционной манере, только с выставленными вперед руками. Одна рука приподнята, вторая простерта вверх.

Плоскость 17 (табл. 87, IV) расположена с юго-восточной стороны на высоте 3 м. Изображены овальное начертание с тремя отростками и две птицы, выполненные в разной стилистической манере. У первой птицы крылья переданы выпуклым начертанием, а все остальное — вертикальной по отношению к крыльям сплошной линией. Второе изображение более реалистичное. У птицы оформлена голова; шея, туловище и хвост очерчены сплошной линией, крылья — выпуклым начертанием.

Плоскость 18 (табл. 88, I) расположена с северо-восточной стороны скалы на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — грибообразная фигура.

Рис. 2 — ломаная сплошная линия.

Рис. 3 — антропоморфная фигурка как бы в сидячем положении. У нее голова передана горизонтальным мазком, оконтуриена шея. Туловище выполнено вертикальной сплошной линией. Одна рука приподнята, другая доведена до горизонтального положения. Ноги отражены выпуклым очертанием, указывающим на сидячее положение.

Рис. 4, 9 — округлые пятна.

Рис. 5 — птицеобразное существо с овальной головой, прямой короткой шеей. Верхняя часть туловища передана прямоугольным очертанием, нижняя часть туловища и хвост — изогнутой линией. Имеется массивная короткая трехпалая нога. Изогнутые крылья выставлены вперед.

Рис. 6 — горизонтальная прямая линия с двумя расставленными отростками снизу.

Рис. 7 — животное с клиновидной головой, отделенной от туловища вертикальной черточкой. Туловище подпрямоугольное. Две коротких ноги переданы вертикальными прямыми начертаниями.

Рис. 8 — антропоморфное изображение, у которого голова, шея, туловище и ноги переданы вертикальным сплошным мазком. Руки, оканчивающиеся округлым пятном, выставлены вперед.

Рис. 10 — зоантропоморфное существо с массивной длинной головой, двумя торчащими ушами. Туловище чрезмерно короткое. Изображена одна приподнятая рука. Длинные изогнутые ноги расставлены.

Плоскость 19 (табл. 88, II) расположена с юго-восточной стороны скалы на высоте 2 м.

Рис. 1 — безрукое антропоморфное существо с округлой огромной головой, длинным клювовидным носом. Туловище передано изогнутой линией. Ноги расставлены. Показано в профиль.

Рис. 2—4, 6 — изогнутые сплошные линии.

Рис. 5 — изогнутая линия с отростком.

Рис. 7 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 8 — квадрат с отходящими четырьмя линиями, одна из которых длиннее и имеет в конце излом.

Плоскость 20 (табл. 89) расположена с юго-восточной стороны на высоте 2,5 м.

Рис. 1 — стилизованное изображение зоантропоморфной фигурки, у которой голова передана горизонтальным мазком, шея и туловище — вертикальной линией. Руки приподняты до горизонтального положения. Ноги переданы сплошной линией и отброшены назад. Создается впечатление, что фигурка летит.

Рис. 2 — округлое пятно.

Рис. 3, 4 — сплошные линии.

Рис. 5 — безрукая антропоморфная фигурка. Голова нанесена горизонтальной линией, шея и туловище — вертикальной. Ноги расставлены.

Рис. 6 — антропоморфное существо с округлой головой, от которой отходят два горизонтальных мазка, напоминающих поля шляпы. Шея выполнена вертикальной сплошной линией, туловище — эллипсовидное. Короткие ноги расставлены. Руки приподняты до горизонтального положения. Одна рука с припущенными вниз кистью. Вторая рука чрезмерно длинная, оканчивается овальным очертанием с двумя отростками.

Рис. 7 — безрукая антропоморфная фигурка с прямоугольной головой. Шея и туловище переданы небольшой перемычкой, от которой отходят расставленные ноги и фаллос.

Рис. 8 — антропоморфная фигурка, копирующая рис. 5, только добавлены руки, приподнятые до горизонтального положения.

Рис. 9 — стилизованное изображение человека, стреляющего из лука. Голова, шея, туловище и ноги переданы вертикальной изогнутой линией. Ноги имеют ступни. Руки, держащие лук, выставлены вперед.

Плоскость 21 (табл. 90) расположена с юго-восточной стороны на высоте от 2,5 до 7 м. Эта плоскость заполнялась не одновременно и не одним, а разными художниками. На это указывают манера написания и различия цветовых оттенков охры. Но по содержанию и стилистическим особенностям она относится к одному временному периоду и принадлежит одной этнической группе. Рисунки на плоскости переданы скученными группами, несмотря на то, что размеры плоскости позволяли нанести их одним скоплением. Для удобства написания мы условно выделим композиции и опишем их по отдельности.

Первая композиция (табл. 91, I) расположена в верхнем левом углу плоскости на высоте 7 м.

Рис. 1 — бегущая антропоморфная фигурка с овальной, наклоненной вперед головой. Шея, туловище и одна нога выполнены вертикальной прямой линией. Вторая нога отброшена назад. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 2 — безногая антропоморфная фигурка с головой, переданной горизонтальной черточкой. Шея и туловище показаны вертикальной прямой линией. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 3 — подпрямоугольное очертание.

Рис. 4 — антропоморфная фигурка с грибообразной головой, сидящая спиной к зрителю. Шея и туловище отражены вертикальной прямой линией. Ноги расставлены. Показана одна рука, выставленная вперед.

Рис. 5, 7—9, 12, 15 — ломаные сплошные линии.

Рис. 6 — округлое начертание.

Рис. 10 — прямоугольник с вписанным в него Т-образным знаком.

Рис. 11 — стилизованное антропоморфное изображение с выставленной вперед длинной головой. Шея, туловище отражены вертикальной линией. Ноги расставлены. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 13 — овальное начертание с вписанным крестообразным знаком.

Рис. 14 — эллипсовидное пятно.

Вторая композиция (табл. 92) занимает центральную и правую стороны верхней части композиции. Расположена на высоте 7 м.

Рис. 1, 41 — фигуры из ломанных сплошных линий, напоминающие букву А.

Рис. 2, 37, 38, 54 — фигуры, переданные сходящимися двумя сплошными линиями, образующими угол.

Рис. 3 — животное с округлой головой, у которого шея, туловище и хвост переданы изогнутой линией. Четыре ноги отражены в виде небольших выступов.

Рис. 4 — животное с клиновидной головкой. Шея, туловище и

хвост нанесены изогнутой сплошной линией. Три ноги представлены клинышками.

Рис. 5 — фигура в форме четырехугольника.

Рис. 6 — окружность.

Рис. 7, 10, 15, 19, 23, 27, 47, 48, 50, 60 — округлые пятна, мазки и изогнутые сплошные линии.

Рис. 8, 24, 29, 30, 49 — антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Рис. 9 — изображение животного, у которого голова, шея, туловище и хвост переданы изогнутой линией, три расставленных ноги — прямыми. Сверху нанесен треугольник с отходящим стреловидным начертанием, которое присоединено к голове животного.

Рис. 11 — ромбовидная фигура, внутри рассеченная двумя линиями.

Рис. 12 — начертание иволистной формы с отходящими двумя прямыми линиями, напоминает безрукую антропоморфную фигурку.

Рис. 13 — грибовидная фигура.

Рис. 14 — профильное изображение летящей птицы. У нее реалистически выполненная клиновидная головка, длинная горизонтально расположенная шея. Туловище и хвост переданы выпуклым начертанием. Опущенное вниз крыло в виде треугольника.

Рис. 16 — звезда асимметричных очертаний.

Рис. 17 — летящая птица, переданная тремя выпуклыми очертаниями.

Рис. 18 — профильное изображение летящей птицы с развернутой головой вверх. По манере написания повторяет рис. 14.

Рис. 20 — круглое начертание с отходящей прямой линией.

Рис. 21 — ломаная сплошная линия с двумя выступами.

Рис. 22 — овальное пятно с двумя отростками.

Рис. 25, 26 — Х-образные начертания.

Рис. 28 — зооморфное существо с округлой головой, изогнутой длинной шеей. Туловище и задняя нога переданы выпуклой линией, две расставленных передних ноги — мазками.

Рис. 31 — реалистически выполненное изображение, напоминающее гуся или лебедя. У него клиновидная головка, длинная изогнутая шея, туловище передано овалом. Небольшим выступом намечен хвост.

Рис. 32 — треугольник, вертикально пересеченный изогнутой линией.

Рис. 33 — летящая двуглавая птица. У нее две развернутые клиновидные головки. Намечены шеи. Туловище и крылья переданы овалами.

Рис. 34, 52 — А-образное очертание, выполненное в перевернутом на бок положении.

Рис. 35 — фигура, напоминающая изображение восьмерки.

Рис. 36 — безногая антропоморфная фигурка с округлой головой. Шея и туловище выполнены вертикальной сплошной линией. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 39 — грибообразное начертание.

Рис. 40 — профильное изображение летящей птицы с овальными пятнами на конце хвоста и крыла.

Рис. 42 — стилизованное изображение безрукой антропоморфной фигурки с треугольной головой, небольшим прямым туловищем и двумя расставленными ногами.

Рис. 43 — бегущая сверху вниз безрукая антропоморфная фигурука. У нее клиновидная головка, наклоненная вперед. Шея, туловище и одна нога переданы прямым начертанием, другая нога отброшена назад.

Рис. 44 — антропоморфная фигурка, сидящая спиной к зрителю. У нее клиновидная голова, толстая, сужающаяся к туловищу шея, туловище прямое. Ноги расставлены. Одна рука касается ступни, другая приподнята.

Рис. 45 — ломаная сплошная линия с отростками.

Рис. 46 — прямая линия с петлей на конце.

Рис. 51 — вертикальная сплошная линия, пересеченная двумя горизонтальными.

Рис. 53 — зооморфное сидящее существо. У него эллипсовидная голова с длинным прямым ухом. Туловище прямоугольное. Ноги выполнены небольшим выступом.

Рис. 55 — зоантропоморфное существо с эллипсовидной головой. Шея, туловище и ноги переданы вертикальной сплошной линией. Ноги со ступнями. Руки выставлены вперед. Нанесен фаллос.

Рис. 56 — антропоморфная фигурка с головкой, нанесенной горизонтальным мазком. Шея и туловище изображены прямой линией. Ноги расставлены. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 57 — горизонтальный мазок с отходящими тремя прямыми линиями.

Рис. 58 — прямоугольное начертание с отходящей сплошной линией.

Рис. 59 — профильное изображение сидящей антропоморфной фигурки. Голова, шея и туловище нанесены выпуклой линией. Ноги выставлены вперед, руки подняты вверх.

Рис. 61 — летящая птица. Головка отражена эллипсовидным начертанием. Шея, туловище и хвост нанесены вертикальной прямой линией. Два крыла приоткрыты и исполнены изогнутыми линиями.

Третья композиция (табл. 91, II) расположена чуть ниже и правее второй на высоте 4 м.

Рис. 1 — асимметричная звезда.

Рис. 2 — овальное пятно.

Рис. 3 — три сплошные линии, пересекающиеся в одной точке.

Рис. 4, 5 — изогнутые сплошные линии.

Рис. 6 — горизонтально расположенное выпуклое красочное пятно с девятью отростками, нанесенными снизу.

Четвертая композиция (табл. 93) расположена в центре плоскости, правее третьей, на высоте 4 м.

Рис. 1, 2, 5, 9, 10, 23, 26, 39, 40 — пятна и сплошные линии.

Рис. 3 — фигура с приподнятой клиновидной головой. Шея и туловище выполнены изогнутой линией. Четыре ноги расставлены.

Рис. 4 — безрукая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере.

Рис. 6 — две безрукые антропоморфные фигурки, соединенные между собой в районе таза сплошной линией. У одной фигурки овальная голова, намечена шея, туловище и ноги показаны выпуклой вертикальной линией. У второй фигурки голова с шеей передана вертикальной черточкой. Эллипсовидное туловище. Ноги расставлены.

Рис. 7 — изогнутая линия с выступом.

Рис. 8 — летящая птица, у которой голова, шея, туловище и хвост показаны эллипсовидным начертанием. Расставленные крылья изображены выпуклой линией.

Рис. 11 — изображение животного с клиновидной, на конце заovalенной головкой, двумя ушами, из которых одно передано клиновидным выступом, второе — изогнутой линией. Короткая шея чрезмерно тонка. Туловище и хвост нанесены выпуклым начертанием. Имеющиеся две ноги показаны сплошными мазками.

Рис. 12 — изображение безрукой антропоморфной фигурки с наклоненной вперед головкой, нанесенной мазком. Шея и короткое туловище переданы прямой линией. Изогнутые ноги широко расставлены.

Рис. 13—16 — окружные контурные фигуры.

Рис. 17 — четырехугольник.

Рис. 18, 35 — антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, с добавлением фаллосов.

Рис. 19 — грибовидное начертание.

Рис. 20 — животное с всадником. У животного голова, шея и туловище нанесены горизонтальной сплошной линией. Две ноги расположены вертикально к туловищу. Всадник сидит на спине животного в районе лопаток. Голова, шея и туловище у него переданы вертикальной линией. Руки расставлены.

Рис. 21 — животное с всадником. Животное с клиновидной головой, раздвинутой переданы два уха и подшерстный клок. Шея, туловище и хвост выполнены горизонтальной сплошной линией. Небольшие четыре ноги расставлены. Всадник расположен в районе лопаток. У него округлая голова. Туловище изображено вертикальным стержнем.

Рис. 22 — изображение животного с всадником. У животного овальная голова с под треугольным ухом. Шея, туловище и хвост выполнены сплошной линией. Четыре ноги расставлены. У всадника голова, шея и туловище показаны вертикальной линией. Руки расставлены.

Рис. 24 — животное с окружной головкой. Шея, туловище и хвост выполнены горизонтальной прямой линией. Две имеющихся ноги расположены вертикально к туловищу.

Рис. 25 — животное, у которого голова, шея и туловище переданы изогнутым очертанием. Четыре ноги расставлены.

Рис. 27 — бегущая антропоморфная фигурка. Голова нанесена горизонтальным мазком, шея, туловище и одна нога — вертикальной линией. Вторая нога отброшена. Руки приподняты до горизонтального положения. Имеется фаллос.

Рис. 28 — изображение, передающее очертание цифры 8.

Рис. 29 — окружная фигура с вписанным крестовидным начертанием.

Рис. 30 — цепочка антропоморфных фигурок с окружными головами, выполненных в традиционной манере. У одной фигурки к тазу и ноге подрисованы черточки.

Рис. 31 — антропоморфная фигурка с окружной головой, тонкой прямой шеей, эллипсовидным туловищем. Ноги с преувеличенно большими ступнями расставлены. Имеется фаллос.

Рис. 32 — овальное контурное начертание.

Рис. 33 — летящее птицеобразное существо с огромной окружной головой и открытым ртом. Снизу свисают две кисточки. Шея и туловище выполнены горизонтальной сплошной линией, крылья — выпуклым очертанием.

Рис. 34 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере с выставленными вперед руками.

Рис. 36 — бегущая безрукая антропоморфная фигурка. Голова отражена горизонтальным мазком. Шея, туловище и одна нога выполнены вертикальной сплошной линией. Вторая нога отброшена назад. Показан фаллос.

Рис. 37 — антропоморфная фигурка, выполненная в той же стилистической манере, что и вышеописанная, только дополнительно нанесены приподнятые руки и фаллос изогнут.

Рис. 38 — бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, только с клиновидной выставленной вперед головкой.

Рис. 41 — четырехугольное начертание с отходящими по диагонали четырьмя сплошными линиями.

Пятая композиция (табл. 94, III) расположена чуть выше и правее четвертой.

Рис. 1 — антропоморфная фигурка с рожками на голове. Шея, туловище и одна нога у нее переданы вертикальной сплошной линией, другая нога отставлена назад. Одна рука приподнята, другая простерта вверх.

Рис. 2 — антропоморфная фигурка, у которой голова, шея, туловище и фаллос выполнены вертикальной прямой линией. Ноги расставлены. Имеющиеся две пары рук приподняты до горизонтального положения. Одна пара рук имеет трехпалые кисти.

Рис. 3 — антропоморфная фигурка с рожками на голове. Шея, туловище и фаллос переданы вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены до горизонтального положения. Одна рука приподнята, вторая простерта вверх и держит округлую фигурку с вписаным крестообразным начертанием. Ноги и фаллос у изображения заканчиваются трехпалыми начертаниями.

Рис. 4, 5 — X-образные начертания, напоминающие летящих птиц.

Рис. 6 — безрукая антропоморфная фигурка с длинной, выставленной вперед головой, похожей на звериную. Туловище передано вертикальной линией. Ноги расставлены.

Шестая композиция (табл. 94, II) расположена правее и ниже четвертой композиции на высоте 3,5 м.

Рис. 1, 2, 6, 10 — грибообразные начертания.

Рис. 3, 5 — изображение, напоминающее цифру 1.

Рис. 4, 7, 11—14, 17 — овальные пятна и сплошные линии.

Рис. 8, 9 — окружные контурные начертания.

Рис. 15 — треугольная контурная фигура.

Рис. 16 — X-образное начертание.

Седьмая композиция (табл. 95, I) расположена в центре плоскости ниже вышеописанных композиций на высоте 3 м.

Рис. 1, 2, 7 — грибообразные начертания.

Рис. 3, 6, 10, 11, 13, 14, 31 — изображения, напоминающие летящих птиц. Головы у них переданы горизонтальными сплошными мазками, шеи, туловища и хвосты — вертикальными прямыми линиями, крылья — выпуклыми или прямыми очертаниями.

Рис. 4 — изображение бегущей птицы, подчеркнутое снизу изогнутой линией. Высоко поднятая голова описана овалом. Выделены контуры шеи и клиновидного туловища. Изогнутые длинные ноги широко расставлены.

Рис. 5, 29 — овальные контурные фигуры.

Рис. 8 — округлое контурное очертание с вписанным Т-образным знаком.

Рис. 9 — лукообразное начертание, рассеченное вертикальной сплошной линией, раздваивающейся сверху.

Рис. 12 — антропоморфная фигурка с эллипсовидной контурной головой. Шея и туловище переданы вертикальной линией. Ноги расставлены. Руки выставлены вперед.

Рис. 15 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, только с овальной головкой.

Рис. 16, 22—24, 26, 28, 30, 34 — округлые пятна, мазки, сплошные линии.

Рис. 17 — животное, у которого ноги и туловище переданы одной выпуклой линией. Голова и шея добавлены прямым мазком.

Рис. 18 — бегущая антропоморфная фигурка с овальной, горизонтально расположенной головкой. Шея и туловище выполнены вертикальной сплошной линией. Ноги расставлены, руки выставлены вперед.

Рис. 19, 44 — прямоугольные контурные фигуры с вписанными Т-образными начертаниями.

Рис. 20 — стилизованное изображение птицы с преувеличенно большой головой, копирующей голову парнокопытного животного, клиновидных очертаний. Переданы два подтреугольных рога и два уха. Птица расположена выше антропоморфного изображения. Шея, туловище и хвост у птицы переданы выпуклой линией. Вертикально к туловищу нанесены два крыла клиновидных очертаний.

Рис. 21 — антропоморфная фигурка, как бы упавшая от нападения вышеописанной птицы. У нее округлая небольшая головка, горбатое туловище. Ноги со ступнями выставлены вперед.

Рис. 25, 31, 37 — Х-образные фигуры.

Рис. 27 — антропоморфная фигурка с окружной контурной головой. Шея, туловище и одна нога переданы вертикальной сплошной линией. Вторая нога отставлена. Руки приподняты до горизонтального положения. В одной руке окружная контурная фигура с вписанным Т-образным очертанием. Подрисовано фаллическое изображение с окружным контурным окончанием.

Рис. 32 — бегущая антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, только с вытянутыми вперед руками и фаллосом.

Рис. 33 — округлое контурное начертание с отходящей ломаной линией.

Рис. 35 — животное, у которого туловище и ноги выполнены выпуклой линией. Высоко поднятая вверх голова и шея добавлены вертикальными изогнутыми мазками.

Рис. 36 — солярный знак, выполненный в виде окружности с отходящими сплошными линиями.

Рис. 38 — реалистически выполненное изображение птицы с клиновидной развернутой назад головкой, длинной изогнутой шеей. Крылья широко расставлены. Переданы две ноги.

Рис. 39 — треугольник с отходящими двумя изогнутыми линиями.

Рис. 40 — изображение антропоморфной фигуры с окружной головой, намеченной тонкой шеей. Туловище от плеч сужается к тазу. Ноги расставлены. Имеется фаллос. Одна рука передана выпуклым начертанием, опущена. Во второй руке подпрямоугольный предмет, напоминающий щит. От этого предмета отходит горизонтально расположенная линия с двумя выступами.

Рис. 41 — зооантропоморфная фигурка, напоминающая ряженого человека. У нее треугольная голова, рассеченная горизонтальной линией. Туловище изогнуто, и на него одета накидка квадратных очертаний с треугольным вырезом. Ноги сведены вместе. Руки приподняты до горизонтального положения. В одной руке — зооморфная фигура с подтреугольной головой, у которой два небольших уха и овальный глаз. Верхняя часть этой фигуры описана изогнутым счертанием, нижняя — тремя треугольными выступами.

Рис. 42 — стилизованное изображение антропоморфной фигуры. У нее эллипсовидная голова, шея, туловище и ноги со ступнями переданы выпуклой вертикальной линией. Плечевой пояс показан горизонтальной полосой. Имеется выставленный вперед фаллос. Нанесена только одна рука, которая как бы тащит за собой непонятную фигуру, переданную сплошным красочным пятном с отходящими линиями.

Рис. 43 — изображение летящей птицы, у которой голова, шея, туловище и хвост выполнены вертикальной сплошной полосой, а крылья — подтреугольными начертаниями.

Рис. 45 — антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, только с вытянутыми вперед руками.

Восьмая композиция (табл. 94, I) расположена ниже шестой на высоте 2,5 м.

Рис. 1—5, 7—11, 13 — круглые пятна, мазки, сплошные полосы и сплетение сплошных полос.

Рис. 6 — летящее зооморфное существо с подтреугольной головой и открытой пастью. Длинная шея и туловище переданы изогнутой горизонтальной линией, небольшое крыло — вертикальным мазком.

Рис. 12 — животное со всадником. Животное по сравнению со всадником показано чрезвычайно маленьким. У него голова, шея и туловище выполнены горизонтальной прямой линией, две ноги — вертикальными мазками. Всадник расположен на спине животного в районе лопаток. Голова, шея и туловище у него выполнены вертикальной сплошной линией, руки — дугообразным начертанием.

Рис. 14 — зооантропоморфное существо со звериной головой, нанесенной изогнутой линией, выделенной шеей, овальным туловищем с двумя круглыми пятнами. Имеются две изогнутых ноги и небольшой хвост.

Рис. 15 — выпуклая горизонтально расположенная сплошная полоса с двумя отходящими отростками.

Рис. 16 — летящая птица, у которой голова, шея, туловище и хвост переданы вертикальной линией. Крылья показаны выпуклым начертанием.

Рис. 17 — горизонтально расположенная линия с двумя отходящими вниз мазками.

Рис. 18 — ромбовидная фигура, слитая с треугольным начертанием, от которого отходят две прямые линии.

Рис. 19 — изображение оленя с всадником. У животного — приподнятая голова с двумя рогами. Шея, спина и круп описаны изогнутой линией, продолжением которой нанесены хвост и задняя нога. Второй линией, проведенной ниже первой, показаны нижняя часть головы, грудь, живот и вторая задняя нога. Две передних ноги переданы наклонными начертаниями, указывающими на движение животного. Всадник расположен на спине животного в районе лопаток. У него округлая голова, вертикально расположенная

прямое туловище. Руки приподняты до горизонтального положения.

Рис. 20 — солярный знак, переданный окружностью с отходящими сплошными мазками.

Девятая композиция (табл. 96) расположена правее восьмой на высоте 2,5 м.

Рис. 1, 5—8, 12, 13, 15 — овальные пятна, мазки и ломаные сплошные линии.

Рис. 2 — антропоморфное изображение с округлой головой. Шея, туловище и ноги переданы выпуклой вертикальной линией. Руки выставлены вперед и держат лук.

Рис. 3 — антропоморфная фигурка, описанная полукруглым начертанием от головы до таза. Ноги расставлены, руки выставлены вперед.

Рис. 4 — окружность с отходящей прямой линией, оканчивающейся трезубцем.

Рис. 9 — асимметричная шестиконечная звезда.

Рис. 10 — антропоморфная фигурка, перевернутая вниз головой. Голова показана выпуклым начертанием. Шея и туловище переданы вертикальной линией. Ноги со ступнями преувеличенных размеров расставлены. Руки приподняты.

Рис. 11 — эллипсовидное начертание, пересеченное горизонтальной сплошной линией.

Рис. 14 — ромб с отходящим прямым мазком.

Средняя Нюкжа. Памятник открыт в 1931 г. Н. Б. Кякшто²⁷. В 1960 г. писаницу посетил В. А. Туголуков²⁸. В 1968 г. обследован автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. на трех гранитных останцах с правой стороны ключа Онён (приток р. Уркимы), в 6 км от бывшего районного центра Средняя Нюкжа. Рисунки выполнены красной охрой. По цвету краски и стилистической манере написания рисунки на писанице делятся на четыре хронологические группы. К первой группе рисунков отнесены крупные изображения оленей, ко второй — группа животных и зооантропоморфные существа; к третьей — солярные знаки, антропоморфные фигурки и животные. Рисунки четвертой группы — это схематические изображения антропоморфных фигурок и животных. На основании материалов соответствующих жертвенныхников первые две группы датированы неолитом, третья группа — эпохой позднего средневековья, четвертая — ранним металлом²⁹.

Нюкжа. Памятник открыт в 1968 г. автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. в 70 км от пос. Усть-Уркима, в 200 м ниже р. Онёни, на 13 обнаженных скальных плоскостях правого берега р. Нюкжи. Рисунки нанесены красной охрой. По стилю и цвету охры они делятся на две хронологические группы. К первой группе отнесены рисунки, выполненные путем заливки по контуру. Это животные, зооморфные существа, пятна, солярные знаки и антропоморфные фигурки. Вторая группа рисунков нанесена сплошными линиями. Изображены животные, солярные знаки, антропоморфные фигурки и лучник. На основании материалов жертвеннника писаница датирована ранним неолитом³⁰.

При более детальном обследовании писаницы в 1982 г. выяснилось, что рисунки этого памятника необходимо датировать не позднее конца плейстоцена. По этой причине материалы, на основе которых велась датировка, следует рассмотреть подробнее.

Скала с наскальными рисунками нюкжинской писаницы омыается водой, поэтому жертвенныйник располагался на скале, над плос-

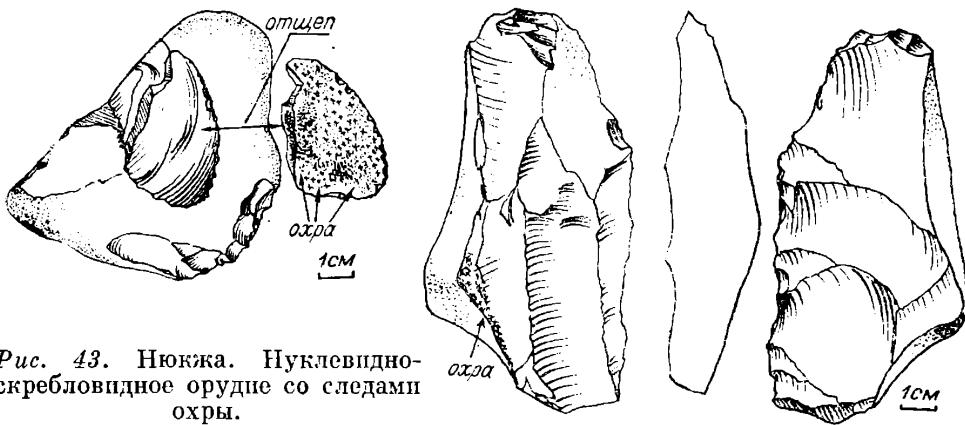

Рис. 43. Нюкжа. Нуклевидно-скребловидное орудие со следами охры.

Рис. 44. Нюкжа. Скребловидное орудие, изготовленное из массивного отщепа, и сколотый с него отщеп со следами охры и отпечатком пальца руки, перемазанного охрой.

костями с наскальными рисунками. Раскоп был заложен размерами 3×4 м. Стратиграфия следующая: дерновое покрытие (3—6 см); желтая супесь (10—12 см), рыжеватая супесь с добавлением глины и угольков (4—7 см); ниже — скальные выходы.

Все артефакты были сосредоточены в слое рыжеватой супеси (скорее всего, это суглинок, окрашенный красной охрой) в южном углу раскопа на самом краю скалы. Найдено 128 отщепов, 3 подработанные пластины (табл. 97, 1, 3, 8), скребловидные орудия, изготовленные на отщепах с галечной коркой (табл. 97, 4, 5, 7; рис. 44), плоское нуклевидно-скребловидное орудие (рис. 43), торцовый нук-

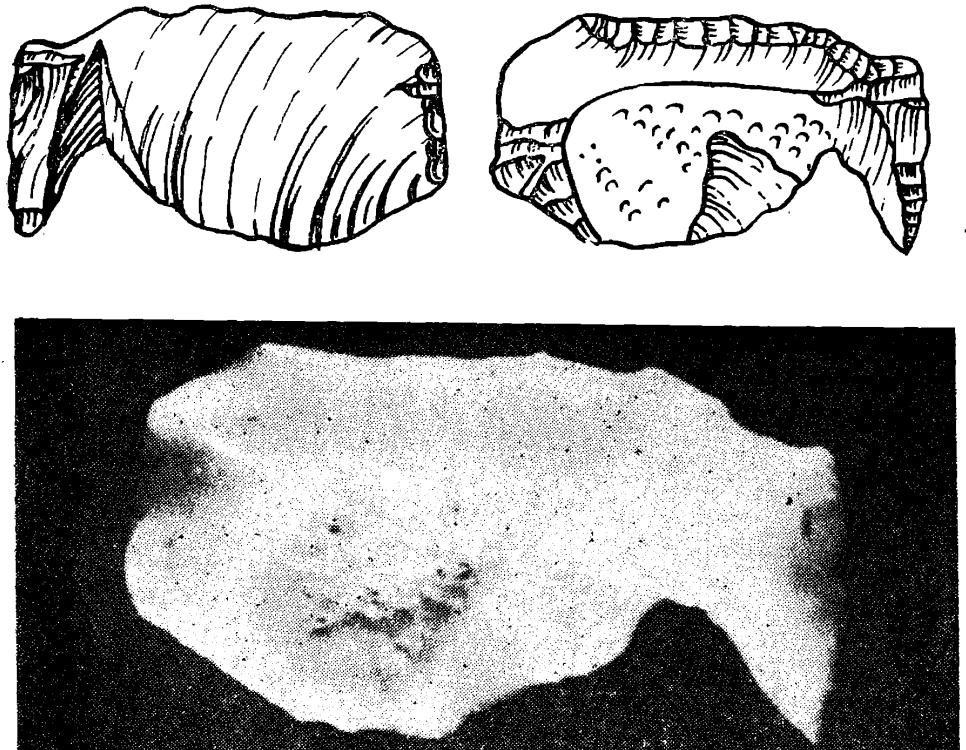

Рис. 45. Нюкжа. Скульптурка из жертвенника. Фото В. Мыльникова.

Рис. 46. Нюкжа. Камень с рисунком животного, перекрытый материалами жертвенника. Фото В. Мыльникова.

зес (табл. 97, б) и скульптура животного, изготовленная из отщепа (рис. 45). Некоторые отщепы и орудия из жертвенника вымазаны эхой.

После съемки материалов жертвенника при зачистке скалы была обнаружена плита с изображением животного. При совершенно тщательной фиксации она была перекрыта артефактами жертвенника.

Животное с параболоидной массивной головой, как бы влитой в туловище. Сверху на морде у него клиновидный выступ. Верхняя часть туловища от головы описана выпуклой линией. Изогнутая эхга подана вперед. Животное передано в профиль (рис. 46).

Ковуйбут. Открыт в 1969 г. автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. на правом берегу р. Ковуйбут (левый приток р. Дырын-Юрях) на 7-метровом останце. На одной плоскости сплошными линиями нарисованы две крестообразные фигуры ³¹.

Рис. 47. Олекма. Изображение человека, ведущего на поводу оленя.

Олекма. Открыт в 1967 г. автором. Расположен в Тындинском р-не Амурской обл. в 18 км ниже пос. Усть-Нюкжа на 3-метровом гранитном останце левого берега р. Олекмы. Рисунки нанесены на две плоскости ярко-красной охрой. Изображены антропоморфные фигурки, лодки с антропоморфными существами, солярные знаки, животные, люди, едущие верхом на животных и ведущие их на поводу (рис. 47). Писаница датирована материалами жертвенника концом II — началом I тыс. до н. э.³²

Тунгурчакан. Памятник открыт в 1897 г. Н. А. Виташевским. В 1970 г. исследован автором. Расположен в Олекминском р-не ЯАССР на скальных плоскостях правого берега р. Тунгурчакан, в 18 км выше ее устья. Представлен четырьмя плоскостями. Рисунки выполнены сплошными линиями темно-красной охрой. Переданы изображения антропоморфных фигурок, животных, пятен и мазков. Памятник датирован I тыс. н. э.³³

Тангурча. Открыт в 1970 г. автором. Расположен в Олекминском р-не ЯАССР на 6-метровом останце левого берега р. Тунгурча, в 12 км от ее устья. Рисунки, нанесенные сплошными линиями красной охрой, представляют животных и крестообразные фигуры³⁴.

Глава IV

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТАЕЖНЫХ ПИСАНИЦ ПРИАМУРЬЯ

Определяющим моментом в датировке писаниц таежной зоны Приамурья являются материалы жертвенных мест, расположенных у плоскостей с наскальными рисунками. В настоящей работе характеризуется 51 памятник, 45 из них обследованы автором. На 36 памятниках велись поиски жертвенных мест, в 33 случаях они обнаружены. Кроме того, при определении времени нанесения наскальных рисунков использованы ранее выработанные методы хронологии (см. гл. II настоящей работы): стилистическое сопоставление со скульптурами, гравировками, орнаментацией на сосудах, найденными при раскопках в поселениях и могильниках Сибири и Дальнего Востока; нанесение одних рисунков поверх других, более ранних; анализ расположения фигур на плоскостях; стилистическое сравнение рисунков на писаницах с другими изображениями на рассматриваемой территории, имеющими надежные основания для датировки.

На первый взгляд, казалось бы, имеются все предпосылки для надежной датировки писаниц. Но определение их хронологии затрудняется тем, что в археологическом плане рассматриваемый район практически не изучен. Имеющиеся публикации А. П. Окладникова, А. П. Деревянко, Ю. С. Гришина, И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева и ряда других исследователей в основном касаются лесостепных районов, т. е. окраин рассматриваемой нами территории, к тому же они имеют большие временные пробелы. По этой причине зачастую приходится искать археологические параллели найденному материалу в смежных районах.

1. ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА И РАННЕГО ГОЛОЦЕНА

Количество найденных в Северной Азии наскальных рисунков, датированных палеолитическим временем, постоянно растет. Первый памятник с палеолитической живописью был открыт в 1941 г. А. П. Окладниковым у дер. Шишкино по р. Лене, затем в 1971 г. автором были обнаружены палеолитические наскальные рисунки по р. Токко, а в 1983 г.— в бассейне р. Верхняя Борзя в 6 км от пос. Бырка, на перевале между ключами Ноготуй и Дровянкой.

Специфической особенностью этих рисунков является то, что они находятся не в пещерах, а на открытых скальных выходах.

Быркинские палеолитические рисунки нанесены в северной части гранитного останца, стоящего вертикально на самой вершине перевала (см. рис. 35). Длина останца около 200 м, ширина до 15 м, высота до 30 м. Ориентирован с севера на юг. С северо-восточной стороны останца имеются удобные площадки для обитания человека. На памятнике представлено 20 композиций. По стилистическим особенностям нанесения рисунков и оттенкам краски изображения разновременные. Предполагаемые палеолитические рисунки нанесены на две плоскости, сохранность рисунков удовлетворительная, но они сильно пострадали от надписей и рисунков современников.

Первая плоскость с палеолитическими наскальными рисунками расположена с северо-восточной стороны останца (длина 3 м 80 см, высота 1 м 85 см). Над плоскостью нависает карниз, защищающий рисунки от размывания и выветривания (табл. 72).

Все изображения на плоскости выполнены красной охрой сплошными контурными линиями или заливкой по контуру. По цвету краски, манере написания и расположению на плоскости рисунки можно разделить на пять разновременных группы.

К первой, наиболее древней группе относятся 11 изображений бизонов (девять фигур полные и две — частично сохранившиеся) (табл. 75, I). Переданы они красной охрой, которая от естественного разрушения приобрела оттенки от темно-красных до желтоватого.

Можно выделить две стилистические особенности нанесения рисунков бизонов на скальное полотно. Первая — животное передано тремя начертаниями. Вначале выпуклой линией изображались рог, верхняя часть головы, шеи, холки, спина и хвост. Затем одним штрихом были очерчены морда, нижняя часть шеи, грудь, брюшная часть, круп. И наконец, двумя мазками наносились прямые ноги (табл. 75, II; табл. 76; табл. 77, 31). При втором способе передачи голова, туловище и хвост животного очерчены одним взмахом руки, а затем добавлены ноги и рог (табл. 77, 30).

По манере написания и расположению рисунков на плоскости эти животные объединяются в одну композицию и изображены одним художником. Несмотря на схематизм и профильное изображение животных, рисунки поражают своим динанизмом. В них подчеркнуты специфические черты бегущих бизонов — приопущенные, устремленные вперед головы, широко расставленные ноги и отброшенные назад хвосты.

Ко второй группе рисунков на рассматриваемой плоскости относятся два изображения носорогов, расположенные на высоте 1,5 м от уступа, чуть выше стада бизонов. Выполнены темно-красной охрой, оттенки которой отличаются от рисунков остальных групп.

У одного изображения носорога сохранилась только задняя часть туловища с хвостом и ногой. Второе изображение носорога хорошей сохранности. Животное изображено в профиль. У него массивное туловище, высокая холка, короткая шея. Небольшим утолщением выделена длинная голова с клинообразным рогом на конце, который как бы пронизывает изогнутую линию, имеющую пять отростков. Сверху у носорога нанесен еще один рог (табл. 72, 14; табл. 74, 14).

Изображение носорога на писанице имеет большое значение для датировки рассмотренных наскальных рисунков, так как это животное относится к сугубо плейстоценовой фауне и вымерло в

Северной Азии раньше, чем бизоны и быки. Современные исследования показывают, что в Западном Забайкалье носорог вымер 12 тыс. лет назад¹, а в Южной Якутии — 18 тыс. лет². Опираясь на эти факты, можно сделать заключение, что наскальные рисунки первой и второй групп на первой плоскости выполнены не позднее 12 тыс. лет назад. К этому же периоду относится и единичное изображение бизона на второй плоскости Быркинской писаницы (табл. 67, I—II).

Эта плоскость расположена с юго-западной стороны останца в нише, на высоте 1 м 80 см от основания скалы. Бизон нанесен бордовой охрой, сплошными контурными линиями. Он гораздо больших размеров, чем описанные ранее, изображен более реалистично. Голова и шея у него описаны в виде одного закругленного на острье клина. Холка слегка приподнята, спина с небольшим изгибом, круп овальный. Грудина приопущена, брюхо подтянуто. Короткий хвост нанесен прямой линией. Длинный рог на конце заострен. Ноги выполнены не полностью. К холке животного подрисована прямая линия. Изображение дано в профиль. В более позднее время поверх изображения зверя нанесены две прямые сплошные линии красного цвета.

Следует заметить, что в археологической литературе устоялись не совсем верные, на наш взгляд, традиции относить к палеолитическим наскальным рисункам, и то с большими оговорками, только те изображения, на которых показана вымершая плейстоценовая фауна, а о раннеголоценовых рисунках вообще не идет речи. Но ведь в плейстоцене существовали, наряду с вымершими теперь, такие представители фауны, которые дожили до наших дней,— северный олень, изюбрь, лось и др. Они были объектами охоты, их костяные останки часто обнаруживаются в палеолитических памятниках. Поэтому их изображения вполне могут присутствовать и на палеолитических писаницах.

Можно согласиться с предположением, что основными объектами охоты человека в палеолите были мамонт, бизон и носорог. Из-за магических действий, связанных с охотой, изображения именно этих животных и наносились на скалы. Но тогда возникает такой вопрос: неужели с вымиранием животных, явившихся основным источником существования, и постепенным переходом к промыслу оления и лося наскальное искусство прекратило свое существование? Конечно, нет! Оно продолжало существовать вплоть до нашего столетия, но «герои» его, естественно, менялись. В этом плане большой интерес представляют третья и четвертая группы изображений на первой плоскости Быркинской писаницы и нюкжинские наскальные рисунки.

Предварительная публикация материалов Нюкжинской писаницы уже предпринималась, но в настоящее время она более тщательно исследована. В результате получены совершенно новые данные по датировке рисунков.

Нюкжинская писаница содержит две разновременные группы рисунков. Наиболее древняя первая группа нанесена темно-красной охрой, внутри контура изображения полностью залиты краской. Здесь представлены животные пасущиеся, стоящие в спокойной позе, поднимающиеся вверх, спускающиеся вниз, матки оленей, стоящие с телятами в спокойной позе, сцены магической охоты и разнообразные зооморфные существа. Среди рисунков имеются групповые и одиночные изображения людей. У человеческих фигурок расстав-

лены ноги и разведены в стороны руки. На двух рисунках изображены человечки, стоящие поодиночке около кругов, напоминающих солярные знаки, в окружении красочных пятен. На третьем группе людей преследует пасущихся животных³.

Вторая группа рисунков выполнена контурными линиями более светлой охрой. Сюжеты этой группы рисунков гораздо разнообразнее. Здесь изображена загонная охота с луком, сцены, включающие рисунки, напоминающие солярные знаки, животные, стоящие в спокойной позе, у некоторых обозначены пищеводы с желудками. Только одно животное в этой группе находится в движении. Люди здесь нарисованы с расставленными в стороны ногами и разведенными руками. Все они показаны в движении и являются участниками изображенных событий⁴.

На скале над плоскостями с наскальными рисунками Нюкжинской писаницы был обнаружен жертвенник. Слой с материалами жертвенника перекрывал гранитную плиту, на которой сохранилась передняя часть изображения животного с массивной головой параболоидной формы, с клиновидным шипом. По стилистической манере изображение аналогично части рисунков второй группы этого памятника (рис. 46).

Обнаруженные в культурном слое Нюкжинской писаницы орудия труда отличаются своей архаичностью. Это скребловидные орудия округлых, эллипсовидных, треугольных и трапециевидных форм (табл. 97, 4, 5, 7; рис. 43); одно нуклевидно-скребловидное орудие (рис. 44), торцовый нуклеус гобийского типа (табл. 97, 2), комбинированное орудие, скребок-резец (табл. 97, 6), 128 отщепов (многие из них подработанные) и фигурка животного (рис. 45).

Наскальные рисунки Нюкжинской писаницы и комплекс вещей из культурного слоя жертвенника принадлежат к одному периоду. Это подтверждается следующими фактами. Во-первых, комплекс вещей жертвенника перекрывал плиту с изображением животного, близким по своим стилистическим особенностям к рисункам на писанице. Во-вторых, в культурном слое жертвенника были встречены куски охры и охристые пятна. В-третьих, некоторые отщепы и скребла во время приготовления краски для нанесения на скалу были испачканы охрой. Наглядным примером является отщеп (рис. 43), сколотый с массивного скребловидного орудия. Орудие имеет серую естественную окраску, а отщеп по краю подработан и весь измазан охрой, с его тыльной стороны имеется охристый отпечаток пальца. По всей вероятности, во время приготовления охры отщеп взяли испачканной рукой. Охристые отпечатки имеются и на нуклевидно-скребловидном орудии (рис. 44).

Комплекс вещей из нюкжинского жертвенника находит аналогии в материалах дюктайской культуры. Возраст их — не менее 10,5 тыс. лет⁵. Такого же мнения относительно материалов жертвенника придерживается и Ю. А. Мочанов.

Третья группа рисунков 20-й плоскости Быркинской писаницы представлена изображением оленя, кругами, пятнами и линиями (табл. 72, 4, 6—10, 12, 13, 15, 16, 19, 20, 25, 28, 32, 33, 36). Эта группа рисунков окружает или вклинивается в ранее нанесенные изображения. По манере нанесения рисунков и тематическим особенностям она сближается с первой группой рисунков Нюкжинской писаницы. В такой же манере, как и на Нюкжинской писанице, нарисован олень с высоко поднятой головой, ветвистыми длинными рогами, почти прямоугольным вытянутым туловищем, расставлен-

ными короткими ногами (табл. 77, 32). Древний художник, воспользовавшись более ранними изображениями, как и на Нюкжинской писанице, перед животными, под ними или вокруг них нанес круги (у одного изображения бизона изображение окружности нанесено поверх рога, что подтверждает разновременность рисунков) (табл. 72, 16, 17).

Четвертая группа рисунков на 20-й плоскости Быркинской писаницы (табл. 72, 1—3, 5, 11, 34) нанесена выше ранее описанных групп рисунков. По манере передачи изображений и тематике она близка ко второй группе рисунков Нюкжинской писаницы. Животные переданы сплошными контурными линиями. У них головы параболической формы, туловища почти прямоугольные, чуть закругленные, уши нанесены небольшими треугольными выступами. Зоо- и антропоморфные фигурки, преследующие животных, переданы сплошными линиями. Изображения окружены красочными пятнами и линиями.

Все четыре группы рисунков Быркинской писаницы и Нюкжинская писаница объединены стилистическим и тематическим единством. Укладываются они в четыре разновременные хронологические группы, возраст их — от 10,5 до 12 тыс. лет.

О наличии палеолитических рисунков на Быркинской писанице говорит и обнаруженный в жертвеннике материал, представленный артефактами начиная с палеолита и кончая эпохой бронзы (табл. 53, 20; табл. 79, 80). В этом жертвеннике особо важное значение имеет пятый культурный горизонт. В нем, как и в нюкжинском жертвеннике, присутствуют куски охры и вымазанные охрой орудия, указывающие на непосредственную связь с наскальными рисунками. Особо важное значение имеют скульптуры животных, которые по своим стилистическим особенностям напоминают изображения бизонов на плоскостях писаницы, только они не имеют рогов и хвоста.

Как ни странно, но комплекс вещей, обнаруженный в пятом культурном горизонте быркинского жертвенника, находит себе аналогии только в позднеплейстоценовых памятниках Сахалина (Такое II) и Хоккайдо (Титикаво), в которых двусторонние остроконечники и ножи с выделенной рукояткой являются определяющими элементами докерамических стоянок, возраст которых — 12 тыс.—8,5 тыс. лет.⁶

Пока не имеет себе аналогий нож из бивня мамонта (табл. 53, 19). Он эллипсовидной формы, длиной 8,1 см, шириной 2,6 см. По центру имеет с обеих сторон выемки, по всей вероятности, для захвата в рукоять.

К ранней группе рисунков, видимо, необходимо отнести часть изображений, выполненных бордовыми сплошными линиями (табл. 9, IV, 9, 10, 12; табл. 7, IV, 3; табл. 10, III; табл. 12, II) и заливкой по контуру (табл. 10, II), Среднешайкинской писаницы. Изображения двух лошадей и частично сохранившейся фигуры животного (табл. 12, II) на этой писанице по своим стилистическим особенностям пока не имеют аналогий в таежном искусстве Приамурья, но зато они встречены на палеолитических писаницах у дер. Шишкино по р. Лене и в долине р. Токко. Лошади переданы с приподнятыми головами, прогнутыми туловищами. Ноги широко расставлены, хвосты отброшены. По своему динанизму они напоминают скачущих бизонов на Быркинской писанице. Древний художник в рисунках использовал все детали, чтобы подчеркнуть их движение, динанизм.

В очень близкой стилистической манере древний человек изобразил на Среднешайкинской писанице скачущего козла. Это пока единственное изображение в Сибири и на Дальнем Востоке, которое не имеет себе аналогов на писаницах.

Вторая группа рисунков на Среднешайкинской писанице, выполненная бордовой охрой (табл. 7, IV, 3; табл. 9, IV, 12; табл. 10, III), по своей стилистической трактовке находит близкие параллели среди наскальных рисунков второй группы и изображений в Нюкжинской писанице на плите, перекрытой материалами жертвенника.

Рисунки животных расположены по вертикали, вверх и вниз головой, под углом, без трактовки ушей и рогов. Головы у них парaboloidные. Древний человек передавал их как бы двумя очертаниями: вначале он наносил голову и туловище, затем подрисовывал ноги. Эта манера является одной из характерных особенностей передачи животных на ранних этапах наскального искусства в таежной зоне Приамурья. По внешним признакам трудно определить, каких животных пытался изобразить художник. У них головы приотпущены, длинные массивные туловища, непропорционально короткие ноги. У двух фигур на Среднешайкинской писанице (табл. 7, IV, 3) и на плите из нюкжинского жертвенника (рис. 46) на конце морды имеются под треугольные выступы. Можно предположить, что это — стилизованные изображения носорогов. О том, что рисунки, выполненные бордовой охрой, на Среднешайкинской писанице являются наиболее ранними, говорит следующий факт: рисунки эпохи бронзы расположены на менее удобных второстепенных плоскостях, а в одном случае даже нанесены поверх более ранних (табл. 9, IV, 12).

На древность рассматриваемых рисунков указывают и находки нижнего культурного горизонта жертвенника, обнаруженного у десятой плоскости с рисунками. Артефакты, найденные в слое желтого суглинка, представлены пятью одноплощадочными заготовками нуклеусов с хорошо выраженным ребрами для зажима при снятии пластин (табл. 15, 1—3; табл. 16, 1, 2). По разнообразию форм они близки к сериям обычных торцовых нуклеусов, выделенных М. В. Константиновым в мезолитической культуре типа Студеного-І (10—13-й горизонты) и аналогичных стоянок в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии, возраст которых — 10,8—7,0 тыс. лет. Характерно, что именно в начальный этап этого периода полностью исчезает носорог⁷.

На основании материалов жертвенника к раннеголоценовым памятникам относится и Бутихинская писаница. Она представлена двумя плоскостями с рисунками, отнесенными к одному времени. Обе они передают сцены охотничьей магии.

На первой плоскости во всю длину нанесены вертикальные сплошные линии. С левой ее стороны показаны бегущее животное, овальное пятно и стилизованное изображение летящей птицы (табл. 1; рис. 2). С правой стороны изображены стоящие в спокойной позе три кабана, изюбр и бегущий им навстречу человек с луком (табл. 2; рис. 2).

Вторая плоскость передает изображение изюбра, стилизованную фигуру птицы, вертикальные сплошные линии и овальные пятна, по всей вероятности обозначающие ямы.

На Бутихинской писанице изображения человека и животных выполнены в реалистической манере. На ней впервые на писаницах

таежной зоны Приамурья появляются фигурки птиц и охотничьи изгороди.

У плоскостей с наскальными рисунками Бутихинской писаницы залегал трехслойный жертвенник. Наибольший интерес представляют материалы третьего культурного горизонта. В нем обнаружены долотовидное орудие (табл. 5, 1), шесть ножевидных пластин (табл. 5, 13, 14, 17, 19–21), два подработанных отщепа (табл. 5, 22, 23), один наконечник стрелы иволистной формы, изготовленный из ножевидной пластины, вкруговую со стороны брюшка имеет подправку (табл. 5, 4), и 22 наконечника стрел с черешковым насадом, изготовленных из ножевидных пластин. Из них два наконечника целые (табл. 5, 2, 3), остальные представлены фрагментарно (табл. 5, 5–12, 15, 16, 18). У наконечников мелкой струйчатой ретушью со стороны брюшка подправлены с обеих сторон жало и крутой ретушью с одной стороны — насад.

Наконечники, изготовленные из ножевидных пластин, довольно широко распространены в каменной индустрии Сибири и Дальнего Востока. Анализируя аналогичные наконечники и сопутствующие им материалы, А. П. Окладников пришел к заключению, что они относятся к раннему голоцену, и выделил их в Хиньский этап⁸.

По тематической аналогии с Бутихинской писаницей к раннеголоценовой группе рисунков можно отнести четвертую (табл. 67, I) и 19-ю (табл. 71) плоскости Быркинской писаницы, которые представлены сплошными вертикальными линиями. В четвертой плоскости сплошные линии перекрывают ранее нанесенного бизона.

Изложенные материалы позволяют сделать следующие выводы. В плейстоцене основным объектом промысла были крупные животные и животные, ведущие стадный образ жизни. В одиночку человек не мог их добывать, охота была коллективной. И в наскальных рисунках таежной зоны Приамурья ведущее положение занимает зверь, служивший основным источником существования: носорог, бизон, лошадь и т. д. Но в конце плейстоцена — начале голоцена изменились климатические условия. Сменились и объекты промысла. Происходят подъем в развитии материальной культуры и ломка в мировоззрении древнего человека. Этот период в наскальном искусстве характеризуется появлением изображений современной голоценовой фауны и выходом на арену человека и духов-помощников в зооморфном, зоантропоморфном и птицеобразном обличиях.

2. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Писаницы периода неолита и раннего металла таежной зоны Приамурья по стилистическим особенностям и тематике делятся на «таежные» и «степные». «Таежные» писаницы расположены по всей территории таежной зоны, а «степные» — в лесостепной зоне Приамурья.

«Таежные» писаницы. К наиболее ранним памятникам «таежного» стиля можно отнести наскальные рисунки первой и второй групп писаницы, расположенной у бывшего пос. Средняя Нюкжа. По окраске и манере изображения наскальные рисунки Средней Нюкжи делятся на четыре группы.

К первой группе рисунков относится реалистически выполненное изображение оленя. По величине и расположению на плоскости

оно занимает центральное место. Недаром люди в более позднее время рядом с оленем нарисовали шамана, совершающего магический обряд. Полное первоначальное изображение этого животного не сохранилось. Голова оленя была подправлена в более позднее время. Древние люди, которые оставили изображение шамана и рисунки, входящие в третью группу, подправили и голову оленя. Очень реалистично изображены три ноги (одна передняя, две задние). Передняя часть оленя немного приподнята и слегка развернута к зрителю. Создается впечатление, что животное вот-вот придет в движение.

Вторая группа рисунков в отличие от остальных трех выполнена красной охрой. Здесь представлены животные, солярные знаки и зооантропоморфные многоликие существа. Животные находятся в движении, крупы их осажены назад, передние части тела приподняты, головы высоко вскинуты. Создается впечатление, что олени пугливо насторожены и готовы в любую минуту скрыться. Судя по наличию рогатых воженок и оленят, показано весеннее время года.

Вторая группа рисунков Средненюкжинской писаницы по стилистической трактовке животных находит себе близкие аналогии в позднеплейстоценовых и раннеголоценовых изображениях. Это прежде всего передача животных с параболоидными головами, очерченными как бы одним взмахом руки вместе с туловищем.

О раннем возрасте первой и второй групп рисунков свидетельствует тот факт, что изображения четвертой группы этой же писаницы, датированные II тыс. до н. э., как бы подрисованы ко второй группе рисунков сбоку, на оставшемся свободном, менее выгодном месте. Их древность подтверждает и нижний слой жертвеника. синхронный наиболее древним рисункам писаницы.

Среди жертвоприношений интерес представляют одноплощадочный торцовый нуклеус, ножевидная пластина с ретушью на конце, два скребковидных орудия, изготовленных из грубых ножевидных пластин — одно из отщепа и одно из гальки. Данные орудия находят себе аналоги в комплексе вещей из VII культурного слоя стоянки Белькачи I и в материалах памятников сылахской культуры⁹.

По стилю написания и содержанию вторая группа наскальных рисунков Средненюкжинской писаницы близка к изображениям на 15-й и 16-й плоскостях Быркинской писаницы (табл. 69, I; табл. 70, I). На них присутствуют все стилистические особенности в передаче животных, характерные для раннего голоцена: параболоидность головы, массивность туловища. Они выполнены как бы одним взмахом руки, как и зооантропоморфные и антропоморфные фигурки. К тому же в быркинском жертвенике в четвертом культурном горизонте обнаружены артефакты, аналогичные исаковскому этапу Прибайкалья.

Эталоном писаниц для позднеолитического этапа таежной зоны Приамурья является памятник с р. Геткан. Он сохраняет все ранненеолитические традиции в изображении некоторых животных, но содержание его гораздо шире и своеобразнее. Многие животные выполнены довольно реалистично. Одни из них стоят в спокойной позе со вскинутыми головами, другие как бы поднимаются в гору. Сохранились еще традиции изображения животных с параболоидными головами. На одной из плоскостей изображение животного полностью копирует рисунок на базальтовой плите, которую пере-

крывал культурный слой нюкжинского жертвенника. Но на Гетканской писанице в изображении животных уже четко прослеживаются и новые тенденции. Появляются изображения животных с клинообразными головами, без выделения шеи, и животные, нарисованные сплошной линией. У последних эллипсовидные головы на тонкой шее высоко вскинуты, туловище обозначено сплошной горизонтальной линией, четыре длинных ноги расположены перпендикулярно к туловищу.

Все животные на Гетканской писанице относятся к парнокопытным, но, как и во второй группе рисунков Нюкжинской писаницы (кроме двух изображений), характерные признаки, позволяющие определить вид, не указаны. Одно животное с лопатообразными рогами похоже на лося, второе по экстерьеру и длинным ветвистым рогам — на оленя.

На Гетканской писанице появляются и совершенно новые образы — символ вселенной в виде круга с вписаным крестообразным начертанием, с рогами оленя (рис. 42), свернутые в клубок змеи. Изображения людей тоже представлены гораздо шире и разнообразнее. Выполнены они тремя видами техники: сплошными и контурными линиями, а также заливкой внутри контура краской. Все человеческие фигуры, как и в более раннее время, показаны в фас и в профиль.

Все изображения людей на этой писанице представлены в движении: они преследуют зверя, танцуют, взявшись за руки, или совершают магические обряды. Многие из них не просто люди, а духи или боги, которые своей пляской и молитвами добывают счастье людям. У них трехпалые руки разведены в стороны, округлые головы окружены небольшими черточками, у всех указаны фаллосы.

Гетанская писаница и скребловидные орудия, обнаруженные в культурном слое жертвенников, находящихся у плоскостей с рисунками, датируются III тыс. до н. э. Все скребловидные орудия изготовлены из массивных ножевидных пластин и находят себе аналогии в неолитических памятниках Верхнего Амура, Якутии и Северного Сахалина¹⁰.

В позднем неолите в наскальное искусство Приамурья вливается новая стилистико-тематическая тенденция, которая прослеживается вплоть до рубежа нашей эры. С этого времени в таежных писаницах существуют два стиля. Во II тыс. до н. э. они более четко оформились. В дальнейшем мы их будем условно называть «оленеводческими» и «охотничими» — по хозяйственным укладам, которые отражены в рисунках. ТERRITORIALLY они выделялись в два локальных района. «Оленеводческие» писаницы расположены в среднем течении Олекмы и по левобережным притокам Амура, «охотничьи» — в бассейне Шилки и в верховьях левых притоков Аргуни.

«Оленеводческие» писаницы сохраняют неолитические традиции в написании животных и антропоморфных фигурок, но сюжеты развиваются, в них появляются оленеводческие сцены. Наибольший интерес среди «оленеводческих» писаниц представляют наскальные рисунки, обнаруженные ниже устья р. Укурума на левом берегу Олекмы, выполненные ярко-красной охрой. По стилю написания, цвету краски и сохранности наскальные изображения Олекмы можно отнести к одному времени.

На «оленеводческой» писанице изображены человеческие фигуры, лодки с антропоморфными существами, солярные знаки, живот-

ные, люди, едущие на животных и ведущие их на поводу (см. рис. 47). По богатству сюжета эта писаница гораздо выразительнее предшествующих неолитических изображений. На ней появляются магические сцены с солярными ладьями, отражено возникновение животноводства.

Почти все человеческие фигурки и антропоморфные существа на этой писанице изображены в профиль. Это сидящие верхом на животных люди, у которых голова, шея и туловище оформлены одной сплошной линией, выставленные вперед руки как бы держат повод. Человеческие или антропоморфные фигурки в лодках имеют специфический изгиб туловища, придающий им сходство с позой сидящих или танцующих людей.

Животные на Олекминской писанице изображены довольно реалистично, по внешнему облику их можно отнести к оленям. Однако, несмотря на то, что люди ведут их на поводу или едут на них верхом, все животные показаны в застывших позах, они стоят как будто прикованные к скале.

В наскальных изображениях по р. Большой Онон, которые представлены в основном человечками и антропоморфными существами, одна антропоморфная фигура выполнена в такой же стилистической манере, как и сидящие или танцующие антропоморфные существа на Олекминской писанице. По сходству написания этого антропоморфного существа, а также некоторых человеческих фигурок наскальные рисунки по р. Большой Онон можно отнести к одному времени с Олекминской писаницей. Это подтверждают и находки в культурном слое жертвенника у плоскости с рисунками. Здесь обнаружены каменный наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы с дугообразной выемкой у основания и два скребковидных орудия, изготовленных из кремневых ножевидных пластин. По технике обработки и типам они представляют вещественный комплекс одного периода с находками во втором культурном слое жертвенника у Олекминской писаницы.

Комплекс вещей из слоев жертвенников у писаниц по Олекме и Большому Онону находит аналогии в поздненеолитических культурах Якутии, Чукотки, в памятниках глазковского времени Прибайкалья и культурном слое Шилкинской пещеры, датированных второй и третьей четвертями II тыс. до н. э.¹¹

Не менее интересный материал представляет четвертая группа рисунков Средненюкжинской писаницы. Здесь изображены животные, люди и солярные знаки.

По сравнению с вышеописанными животные на этой группе рисунков показаны довольно схематично. У них эллипсовидные туловища, головы и уши нарисованы в виде дугообразной черточки, присоединенной к туловищу. Люди показаны в фас прямыми линиями, у некоторых обозначены фаллосы. На Средненюкжинской писанице в основном изображены бытовые сцены из жизни оленеводов. Например, стоящий человек, протянувший одну руку к матке оленя, вторую к олененку. Поза матки выражает спокойствие и доверие к человеку, тогда как олененок еще пуглив, он отставил одну ногу назад и в любую минуту готов убежать. Показаны сцены ловли или загона оленей. В одной из них люди окружили со всех сторон животных, кольцо их как будто сжимается, во второй — четыре человека надвигаются на двух оленей.

По стилю изображения животных и людей четвертая группа рисунков Средненюкжинской писаницы отличается от олекминской,

но по сюжетам они близки. На обеих писаницах показаны сцены оленеводства. Сближают их и обнаруженный одновременный материал из культурных слоев жертвенников. Следовательно, можно говорить о том, что рассмотренные нами писаницы по времени близки друг другу. Их можно датировать концом II — началом I тыс. до н. э.¹²

К неолитическим наскальным рисункам «охотничьего» стиля относятся изображения лосей на седьмой плоскости Усть-Цоронской писаницы (табл. 43, 4, 17, 18). Это первые реалистически выполненные рисунки лосей на писаницах Приамурья. Два верхних лося переданы сплошными линиями по контуру из вишневой охры. Третья фигура лося нанесена сплошной заливкой по контуру бордовой охрой. По манере написания они близки друг другу, но, судя по цвету краски и технике передачи, нарисованы разными художниками. У фигур лосей изображены характерные для этого животного черты: отвисшая верхняя губа, приподнятая холка, приопущенная грудина; но такая наиболее существенная деталь, как подшерстийный клок, не указана.

О неолитическом возрасте изображенных лосей свидетельствуют нанесенные поверх этих рисунков антропоморфные фигурки с рожками на голове, датируемые ранним металлом, и артефакты нижнего слоя первого раскопа. В нем обнаружены двусторонне ретушированный, удлиненно-треугольной формы с дугообразной выемкой в основании кремневый наконечник стрелы (табл. 40, 11) и шесть фрагментов керамики с мелкими отпечатками материи, типичной для амоголонского этапа Забайкалья.

Наиболее характерным признаком следующего этапа в наскальной живописи — развития «охотничьего» стиля — является появление антропоморфных фигурок и фигурок с рожками на голове без трактовки рук. Сюда относятся группа рисунков Бараун Чулутая, вторая группа рисунков Средне-Шайкина, вторая группа рисунков Усть-Цорона, четвертая группа рисунков Бырки, рисунки писаниц Бараун Кондуй I, Цорон I.

Наиболее важная деталь, которая позволяет датировать анализируемые рисунки, — это рожки на голове антропоморфных существ. Такая деталь хорошо известна и распространена на писаницах довольно большой территории — в наскальных изображениях Урала, Томи, Ангары, Лены и Забайкалья. Рогатые антропоморфные существа встречены и на керамике.

В августе 1970 г. Бельский неолитический отряд Ангаро-Бельской археологической экспедиции Иркутского государственного университета проводил раскопки на стоянке Плотбище, расположенной на левом берегу р. Белой (левый приток Ангары). Судя по находкам фрагментов штриховой керамики, ромбовидных наконечников стрел с усеченной базой, заготовки тесла из змеевика, имеющей слегка заостренный обушок и двусторонне-выпуклый профиль, стоянку в районе Плотбища можно отнести к глазковскому времени. Из материала стоянки наибольший интерес представляет глазковский сосуд с четырьмя изображениями рогатых антропоморфных фигурок, выполненными резными желобками. У них голова, шея и туловище образованы одной линией. Прямые ноги расставлены, руки разведены в стороны¹⁴.

По сообщению Н. А. Савельева, в 1973 г. в устье р. Белой вместе с глазковским материалом было обнаружено еще подобное изображение антропоморфного существа на сосуде, отличающееся толь-

ко тем, что руки у фигурки были не приопущены, а приподняты вверх.

В 1972 г. в устье р. Тушамы — правого притока Илима — А. Георгиевским в культурном комплексе был найден фрагмент сосуда с изображениями четырех рогатых антропоморфных существ, выполненных вдавлениями, сделанными палочкой по сырому туловищу сосуда. Голова, шея и туловище одной фигурки нанесены одним прямым рядом точек, горизонтально расставленные руки — двумя рядами. Ноги не изображены¹⁵.

Значительный интерес представляют рогатые антропоморфные фигурки, обнаруженные В. И. Матюшенко на фрагментах глиняных сосудов на поселениях ранней поры бронзового века в низовьях Томи. Возраст находок В. И. Матюшенко определяет по сходству с металлическим инвентарем (литейные формы для кельтов и наконечники копий), вещами из Сейминско-Турбинских памятников Европейской России и Урала. Они, следовательно, относятся ко II тыс. до н. э., скорее к его началу¹⁶.

Безрукие антропоморфные фигурки также находят себе параллели со скульптурками глазковского времени в могильниках Прибайкалья Братский Камень, Верхоленск¹⁷, Шумилиха¹⁸.

Изображениям рогатых антропоморфных фигурок и антропоморфных фигурок без трактовки рук на писанице Бараун Чулутай сопутствуют бессистемные и систематизированные скопления округлых пятен, вертикальные сплошные линии, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере, бегущие профильные антропоморфные фигурки с руками, протянутыми вперед или приподнятыми вверх, X-образные начертания, бегущие и летящие птицы, а также зооантропоморфные, зооморфные и змеебразные с ножками существа, рисунки животных, выполненные как в схематической, так и в реалистической манере (табл. 17—19). Несмотря на то, что композиции Бараун Чулутая сосредоточены на отдельных плоскостях, смысл изображений понять практически невозможно.

На Среднешайкинской писанице рогатым и безруким антропоморфным фигурам сопутствуют округлые пятна, вертикальные сплошные линии, сплетение сплошных линий, волнистые линии, летящие птицы, стилизованно переданные лодки с гребцами, рассеченная сплошной горизонтальной линией окружность, антропоморфные фигурки, переданные в традиционной стилистической манере, стилизованно нанесенные сплошными линиями животные и изображение личины (табл. 7, IV, 1—2; табл. 9, I—IV, 1—8; табл. 10, I).

Рассматриваемой группе рисунков, по всей вероятности, синхронны жертвоприношения второго культурного горизонта на уступе у восьмой плоскости и артефакты первого культурного горизонта на уступе у десятой плоскости.

На писанице Цорон I нанесены округлые пятна, вертикальные сплошные линии, крючкообразный знак, изогнутая линия и антропоморфная фигурка без рук.

На Усть-цоронской писанице рогатые антропоморфные фигурки переданы с фаллосами (табл. 43, 3; табл. 47, I, 2); они связаны сплошными очертаниями с другими фигурками (табл. 42, IV, 2), или к ним подрисованы округлые очертания (табл. 47, I, 2). Сопутствуют им округлые пятна, вертикальные сплошные линии, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере и со звериными головами.

Судя по жертвенным материалам стилистически сопутствующих памятников, второму слою Усть-Цоронской писаницы по времени соответствует жертвенник, расположенный у 18-й плоскости, в котором обнаружен сосуд ручной лепки (рис. 17). Венчик сосуда слегка затянут вовнутрь. Ниже венчика по тулову нанесен налепной валик, орнаментированный резными линиями крест-накрест. Близкий по форме и материалу сосуд с нанесенными по тулову стилизованными безрукими антропоморфными фигурками был обнаружен А. П. Окладниковым в глазковском жертвеннике по Лене¹⁹.

Рогатые антропоморфные фигурки на писанице Бараун Кондуй I сопровождаются овальными пятнами, сплошными линиями, X-образными знаками, антропоморфными фигурками, выполненными в традиционной стилистической манере, антропоморфными фигурками с трехпалыми кистями, антропоморфными фигурками с граблевидными руками, преследующими животных (табл. 47, IV—VI; табл. 48, I—III).

По идентичности материалов жертвенных мест, близости стилистического написания и тематики к «охотничьим» рисункам рассматриваемого периода можно отнести памятники, расположенные в распадках Копчил и Калашниково.

Калашниковская писаница характеризуется округлыми пятнами, вертикальными мазками, X-образным знаком, сидящей птицей и двумя антропоморфными фигурками. Одна из них выполнена в традиционной стилистической манере, вторая — с круглой головой, широкими плечами. Короткие ноги не пропорциональны фигуре, длинные руки как бы повисли (табл. 50, V—VI; табл. 51, I—II; рис. 19). Аналогичная фигурка обнаружена в могильнике глазковского времени вблизи Усть-Уды²⁰.

Писаница в распадке Копчил передает округлые пятна, сплошные линии, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной стилистической манере, стоящие поодиночке и группами (у некоторых антропоморфных фигурок круглые головки), и большую серию X-образных знаков или крестов (табл. 22—24). У одного такого знака на конце одной линии сверху подрисовано овальное пятно, и он напоминает летящую птицу (табл. 24, I, 2), у второго снизу подрисован перпендикулярный мазок, и знак напоминает убегающую птицу с расставленными крыльями. За ней гонится безрукая антропоморфная фигурка со звериной головой (табл. 22, II).

Комплекс вещей из жертвенников у писаниц «охотничьего» стиля — двухсторонне ретушированные вкладыши для ножей, двухсторонне ретушированные ножи подтреугольной формы, изготовленные из отщепов, скребки концевые, дисковидные, двухсторонние, скребки-проколки, изготовленные из отщепов и ножевидных пластин, двухсторонне ретушированные наконечники стрел, срединные резцы из отщепов, двухплощадочные нуклеусы, ножевидные пластины, керамика с отпечатками на внешней поверхности перевитого шнура, оставленного «колотушкой», — находит аналогии в памятниках позднего неолита и бронзы по верхним притокам Амура — Ингоде, Онону, Аргуну и Шилке и сохраняется с конца III тыс. до н. э. Керамика с мелкими отпечатками ткани появляется на рассматриваемой территории в среднем неолите и к середине II тыс. до н. э. полностью вытесняется. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел и полушаровые бронзовые пуговицы с отпечатками вставок для проушин характерны для бассейна Верхнего Амура на протяжении первой половины I тыс. до н. э.²¹

На основании материалов из жертвенников Копчилскую и Ка-лашниковскую писаницы необходимо датировать не позднее первой половины II тыс. до н. э. К этому же времени нужно отнести наскальные рисунки первого пункта писаницы Кондуй 16 км, в жертвеннике которой обнаружены одноплощадочный конический и многоплощадочный нуклеусы (табл. 26, 2; табл. 25, 1) и керамика с мелкими отпечатками материи. По своей тематике рисунки этой писаницы отличаются от рассмотренных памятников «охотничего» стиля, но материалы жертвенников, особенно керамика с мелкими отпечатками ткани, ставят их по времени в один ряд. Наскальные рисунки первого пункта памятника Кондуй 16 км по своему стилистическому написанию и тематике находят близкие аналоги в изображениях писаницы Казачий II.

На основании обнаруженных бронзовых изделий Среднешайкинская писаница датируется не позднее первой половины I тыс. до н. э., а вторую группу рисунков Усть-Цорона, четвертую группу рисунков Бырки, рисунки Бараун Чулутая и Цорон I можно датировать промежуточным временем — от первой половины II тыс. до н. э. до середины I тыс. до н. э.

«Степной» стиль. Наскальные рисунки «степного» стиля представлены 15-ю памятниками, в десяти из них раскопаны жертвенники. Специфической чертой писаниц этого стиля являются изображения антропоморфных фигурок цепочками, оградок, заполненных рядами округлых пятен, и систематизированных рядов, состоящих из округлых пятен. Хронология их выявляется на основании материалов жертвенников и стилистического сравнения между собой.

К наиболее ранним памятникам «степного» стиля относится писаница Урулунгуй I. На ней нанесены оградка с вписанными по контуру антропоморфными фигурками, птицы, змееобразные существа, животное, систематизированные ряды округлых пятен и антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками (табл. 59).

Наиболее интересным моментом этой писаницы являются изображения антропоморфных фигурок, у которых к рукам подрисованы длинные сплошные линии, окружающие округлые пятна (табл. 59, 9) и стилизованное изображение животного, выполненного как бы двумя начертаниями: одним выпуклым переданы голова, шея, туловище и задняя нога, вторым — прямым — вертикально расположенная нога (табл. 59, 2).

Жертвенник писаницы Урулунгуй I содержал три культурных горизонта. В первом встречены рубяще-долбящее орудие с сильно оплавленным рабочим краем (рис. 29) и фрагменты керамики с орнаментом из грубых отпечатков перевитого шнура (рис. 5, 15), датированные не позднее середины I тыс. до н. э. Во втором культурном горизонте находилась керамика, орнаментированная мелкими отпечатками материи (рис. 5, 7, 16). Подобная керамика для бассейна Верхнего Амура характерна с середины IV тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э.²² Третий горизонт представлен рубящим орудием (рис. 30), двухплощадочным призматическим нуклеусом (рис. 31) и заготовкой для двухплощадочного нуклеуса (рис. 32). Данные артефакты по материалу, его формам и традициям обработки находят аналогии только в комплексе вещей памятника Новопетровка II, датируемого VI—V тыс. до н. э.²³ Этим временем можно датировать и памятник Урулунгуй I.

Наскальные рисунки писаницы Урулунгуй I по стилю написания находят близкие аналоги в памятниках Нортуй I и Дровянай.

На писанице Нортай I изображены ряды округлых пятен, животное, антропоморфные фигурки, бегущие поодиночке, друг за другом и расположенные цепочками (табл. 57, III; табл. 62). Здесь так же, как на Урулонгуйской писанице, показаны фигуры животных, систематизированные ряды округлых пятен; к рукам антропоморфных фигурок подрисованы сплошные линии, но появляется новая черта: между головами антропоморфных фигурок наносятся округлые пятна. Подобная манера нанесения округлых пятен между головами антропоморфных фигурок, связанными с оградками, встречена на писаницах Монголии по р. Хачурт и в пади Их-Тенгерин-Ам²⁴.

На писанице Дровяной изображена цепочка антропоморфных фигурок с округлыми пятнами между головами (табл. 70, II). На основании стилистической близости с Урулонгуйской писаницей наскальные рисунки Нортай I и Дровяной необходимо датировать приблизительно тем же временем, что и Урулонгуй I. Этому не противоречат и материалы жертвеников: у писаницы Нортай I обнаружен дисковидный нож (рис. 33), а у Дровяной — керамика с отпечатками перевитого шнура. Подобная орнаментация керамики характерна для бассейна Верхнего Амура²⁵.

На основании материалов жертвеников ко второму этапу развития искусства «степного» стиля отнесены памятники Цорон III, Малый Улистай и Нортай II.

На писанице Цорон III представлены бессистемные скопления и систематизированные в прямоугольные очертания округлые пятна, животные, антропоморфные фигурки, бегущие поодиночке, друг за другом и расположенные цепочками, птицеобразное существо и сплошные линии (табл. 34—39).

На Цоронской писанице в отличие от Урулонгуйской появляется новая манера: передача антропоморфных фигурок с выставленными вперед ухватообразными руками (табл. 37; табл. 39, 5) и антропоморфных фигурок, держащих в руках щиты или луки (табл. 38, VI, 4; табл. 39, 16). Животные на писанице выполнены в прежней стилистической манере, только у некоторых овальными начертаниями добавлены головки. Они расположены поодиночке и попарно.

Датирующим элементом жертвеника Цоронской писаницы является клиновидный торцовый нуклеус гобийского типа. На территориях Забайкалья и Верхнего Амура они появляются в палеолите и исчезают в среднем неолите²⁶. Таким образом, писаницу Цорон III необходимо датировать не позднее начала III тыс. до н. э. Этой дате не противоречит и комплекс вещей из жертвеника.

Наскальные рисунки писаницы Малый Улистай представлены систематизированными рядами округлых пятен и антропоморфными фигурками, расположенными поодиночке и цепочками (табл. 51, III, IV; табл. 52, I, II). Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере, но их особенностью являются коротенькие ноги и как бы крыльевобразные руки. Писаница характеризуется четырехслойным жертвеником.

В третьем культурном слое обнаружены фрагменты трипода (рис. 25). Триподы для бассейна Верхнего Амура характерны для первой половины I тыс. до н. э.

Датирующими элементами четвертого культурного слоя являются керамика, орнаментированная отпечатками перевитого шнура и ткани, фрагменты венчика с налепным валиком, орнаментированным рассеченными вертикальными полосами (рис. 5, 3, 4, 12). Керамика с мелкими отпечатками ткани не дает опуститься возрасту слоя ниже

первой половины II тыс. до н. э., а фрагменты венчика с налепным рассеченным валиком — подняться выше рубежа II тыс. до н. э.²⁷ Возраст писаницы Малый Улистай синхронен четвертому культурному горизонту жертвенника и датируется первой половиной II тыс. до н. э.

По стилистической трактовке антропоморфных фигурок с крыльеобразными руками Улистайская писаница находит аналоги в наскальных рисунках памятника Могойтуй. На Могойтуйской писанице отражены антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками, животные и змееобразное существо с открытой пастью (табл. 48, IV—VII; табл. 50, I—IV). На ней в неолитических традициях нанесены животные и антропоморфные фигурки, но появились и новые тенденции: передача антропоморфных фигурок с фаллосами и крыльеобразными руками. У одной фигурки голова как бы в лучеобразной короне (табл. 50, I). По аналогии с Улистайской писаницей могойтуйские рисунки необходимо датировать первой половиной II тыс. до н. э.

На основании материалов жертвенников с Улистойской писаницей сближаются наскальные рисунки Нортуй II. В нижнем слое ее жертвенника обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные мелкими отпечатками материи, перевитого шнура и с рассеченными налепными валиками (рис. 5, 9, 13). Поэтому культурный слой, а в соответствии с ним и писаница Нортуй II датируются, как и Улистойская, первой половиной II тыс. до н. э. На писанице Нортуй II изображены систематизированные ряды округлых пятен, крестики и бегущие друг за другом антропоморфные фигурки (табл. 63, I—II; табл. 60, I). Особое внимание на этой писанице привлекает антропоморфная фигурка с руками, напоминающими крылья летящей птицы (табл. 60, I, 2).

К памятнику Нортуй II по стилю нанесения рисунков и тематике близки рисунки писаниц Казачий III и Казачий IV. Датировать их нужно одним возрастом, несмотря на то, что у писаницы Казачий IV обнаружен средневековый чугунный котел (рис. 34), который, по всей вероятности, был принесен в более позднее время, когда рисунки уже были нанесены на скалу.

В связи с рассмотрением наскальных рисунков «степного» стиля возникает вопрос о генезисе духовной культуры плиточников. На основании особенностей стилистики и сюжетов соответствующих памятников наскального искусства, датированных по сосудам-триподам, а также по синхронным им артефактам, и сравнения этих памятников с более ранними мы считаем, что культура плиточников выросла на местной основе и являлась развитием предшествующих культур. Ее зарождение связано если не с неолитом, то с ранними этапами появления металла, когда на наскальных рисунках возникают бегущие антропоморфные фигурки и фигурки с рожками на голове. Плиточникам в наскальном искусстве присущи элементы как «степного», так и «охотничьего» стилей.

Писаницы, датируемые сосудами-триподами, расположенные в первом пункте памятника Копчил и первом пункте Бараун Кондуй II, подтверждают наши выводы. Наскальные изображения писаницы Копчил представлены бессистемными скоплениями округлых пятен, крестиком, антропоморфными фигурками, расположенными поодиночке и цепочками (табл. 21). На писанице Бараун Кондуй II также переданы антропоморфные фигурки, стоящие поодиночке и цепочками, зооантропоморфные существа, животные и фигурки, напоминающие цифру 1 (табл. 49).

В этих памятниках такие приемы, как нанесение антропоморфных фигурок цепочками и подрисовка к их рукам сплошных линий, присущи «степному» стилю, а передача бегущих антропоморфных фигурок со звериными головками — «охотничьему». Нанесение животных сплошными линиями было характерно для обоих рассматриваемых стилей.

По материалам жертвенника времени плиточников датируются наскальные рисунки Маргуцека. Этот памятник представлен скоплениями округлых пятен, животными, антропоморфными фигурками, расположенными поодиночке и цепочками (табл. 54—56; табл. 57, I).

В Маргуцекской писанице сохраняются прежние традиции в нанесении животных (табл. 57, I, I, 3—6), антропоморфных фигурок с крыльеобразными руками (табл. 55, II, 3) и преувеличенных размеров фаллосами (табл. 56). Каких-либо новых элементов в ней не наблюдается.

Датирующим элементом в маргуцекском жертвеннике являются бронзовая пуговица со спиральным орнаментом и трехлопастный втульчатый наконечник стрелы, которые указывают на возраст писаницы — не позднее середины I тыс. до н. э. Этой дате не противоречат и сопутствующие материалы²⁸.

Маргуцекской писанице и памятникам, датированным триподами, по стилю написания и тематике есть близкие аналогии в наскальных рисунках Урулюнгуй II, Урулюнгуй III и Копчинский.

Итак, рассмотрев писаницы таежной зоны Приамурья эпохи неолита и раннего металла, мы установили, что по стилистическому написанию и тематике сюжетов начиная с раннего неолита они четко делятся на два стиля — «таежный» и «степной». Не позднее конца неолита в «таежный» стиль вклинивается свежая стилистико-тематическая волна. С этого момента «таежный» стиль разделен нами на «охотничий» и «оленный». Если стилистические особенности памятников «оленного» стиля имеют связующие звенья с ранними наскальными изображениями таежной зоны Приамурья, то писаницы «степного» и «охотничьего» стилей, несмотря на свое широкое территориальное распространение, таких связующих звеньев не имеют. «Охотничьи» писаницы своими корнями уходят в неолит и глазковское время Прибайкалья, а корни происхождения памятников «степного» стиля остаются пока загадкой.

3. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В этом разделе рассматриваются наскальные рисунки начиная со второй половины I тыс. до н. э. и кончая поздним средневековьем. Рассматриваемый период характеризуется существенными переменами в наскальном искусстве таежной зоны Приамурья. Исчезают полностью памятники «степного» и «охотничьего» стилей. Появляется совершенно новая стилистическая манера в написании рисунков. Основной ее признак — появление мифических сцен и змееобразных существ с открытыми пастьюми и короткими ногами. Ареал распространения этих писаниц — лесостепные участки низовьев Шилки и долины Амура от слияния Шилки с Аргунью до Кумар. Условно назовем их писаницами с «мифическим» стилем. В это же время продолжают существовать «оленные» писаницы. Ареал их распространения расширяется, на восток они доходят до

бассейна Архары. На западе и юго-западе охватывают таежные участки бассейна Шилки и верховья левобережных притоков Аргуни.

Наиболее ранняя писаница с «мифическим» сюжетом расположена по р. Каре. Изображены ряды округлых пятен, вертикальные сплошные линии, головка животного, стилизованный рисунок летящей птицы, антропоморфные фигурки без рук, бегущие антропоморфные фигурки с выставленными вперед руками и фаллосами, некоторые из них имеют стилизованные звериные головки (табл. 6; табл. 7, I—III). Особый интерес в этой писанице представляет сцена, изображающая мифическое змееобразное существо с повисшим хвостом, лежащее на головах трех антропоморфных фигурок. Первая фигурка трактована без рук с расставленными ногами, вторая — с выставленными вперед сведенными руками и ногами, третья — с выставленными вперед руками и расставленными ногами (табл. 6, 12).

В нижнем слое жертвенника Карской писаницы, синхронном наскальным рисункам, обнаружены три бронзовые пуговицы со следами вставок для ушка (табл. 4, 9—11), два костяных наконечника стрел с насадом (табл. 8, 6—7), двусторонне ретушированный иволистной формы наконечник стрелы из темного кремня (табл. 4, 7). Подобные костяные и каменные наконечники стрел широко распространены в памятниках лесостепного и лесного Забайкалья вплоть до раннего железного века²⁹. Аналогичные нашим бронзовые пуговицы отмечены в Сибири, Забайкалье³⁰ и Якутии³¹. Датируются они II—I тыс. до н. э.

Сравнительный анализ материалов жертвенника с аналогичными артефактами из памятников Сибири и Дальнего Востока позволяет установить нижнюю границу датировки наскальных рисунков по р. Каре — не позднее середины I тыс. до н. э.

Наивысшего расцвета «мифический» стиль достиг в наскальных рисунках Арбинской писаницы. На ней представлены сцены, главными персонажами которых являются антропоморфные, зооморфные и змееобразные существа, а человек и животные играют второстепенную роль. Композиции состоят из двух или трех фигур, в редких случаях их число увеличивается. Они изображают борьбу змееобразных существ между собой или зооморфных существ со змееобразными. Показаны сети, в которых запутались змееобразные существа и животные. К сетям зачастую подрисованы антропоморфные существа. Изображены также животные, стоящие на змееобразных существах, зооморфное существо, нацелившееся проглотить шар. Оно стоит в окружении драконов с открытыми пастью и лодки с человеческими фигурами в виде стерженьков.

Антропоморфные существа изображены поодиночке с расставленными ногами и разведенными в стороны руками. Иногда они, взявшись за руки, стоят цепочками в кругу, едут на зооморфных существах. У многих антропоморфных существ обозначены фаллосы. В отдельных сценах фигурки человечков присоединены к другим фигурам фаллосами. Имеются антропоморфные фигурки с вытянутыми вперед руками, с луками или щитами в руках, они едут верхом на животных, плывут в лодках или держат неопредельные предметы.

Характерная черта, которая прослеживается на изображениях Арбинской писаницы, — раскрытые пасти у животных, змееобразных, антропоморфных и зооморфных существ. Немаловажной деталью является присутствие на Арбинской писанице безруких антропоморфных и зоантропоморфных фигурок.

У плоскостей с наскальными рисунками Арбинской писаницы обнаружен жертвенник, материала которого расположены поверх обвалившихся со скалы двух плит с рисунками. На одной из них изображены стоящие в ряд человечки, на второй — часть непонятной фигуры. Плиты с рисунками были обложены трубчатыми костями лося, а на самих плитах лежали цилиндрическая кремневая бусина с отверстием в середине, железный наконечник стрелы с насадом, костяной игловидный наконечник стрелы, боевая часть которого срезана с четырех сторон и в поперечном сечении представляет собой четырехугольник; насад срезан с двух сторон, в поперечном сечении он прямоугольный. Вместе с этим комплексом вещей обнаружена монета времени Ван-Мана (14-й г. н. э.)³². Кроме перечисленных находок здесь найдены 18 халцедоновых отщепов, два скребковидных орудия, изготовленных из мелких галек, обломки железного ножа, два костяных и семь железных наконечников стрел, две железные латные пластины, шесть железных пластинок и три фрагмента неорнаментированной керамики.

Обнаруженные вещи из арбинского жертвенника находят себе аналоги в памятниках раннего железного века Якутии и в изделиях из кости, найденных в Шилкинской пещере, но нигде они пока точно не датированы. По этой причине изделия, лежавшие по соседству с монетой, мы можем датировать ее возрастом, т. е. I в. н. э., а Арбинскую писаницу — рубежом нашей эры.

Арбинская писаница по стилю и сюжетам находит аналоги среди наскальных рисунков, обнаруженных около пос. Смирновка, речек Калиновки и Джалинды в долине Амура. Изображения на этих памятниках, как и на Арбинской писанице, выполнены прямыми сплошными и контурными линиями и сплошной заливкой рисунка. В них четко прослеживается сходство в оформлении фигур человечков, животных и антропоморфных существ. Писаницы по рекам Калиновка, Джалинда и около пос. Смирновка, как и Арбинская писаница, содержат сцены, в которых главными героями являются антропоморфные, зооморфные и змееобразные существа. В Смирновской писанице появляется новый образ — круг с изображением внутри антропоморфной фигуры³³.

К наскальным рисункам раннего железного века «оленного» стиля относятся писаницы, расположенные в бассейнах рек Архары, Тунгурчи, Тунгурчекана и по ключу Горелому.

Архаринская писаница представлена бытовыми и мифическими сценами, антропоморфными, зоантропоморфными и зооморфными существами, птицами, животными, геометрическими фигурами, ломанными сплошными линиями, сплетением линий и округлыми пятнами. По тематике сохранилось много элементов от более ранних писаниц «оленного» и «охотничьего» сюжетов. Это прежде всего изображение антропоморфных фигурок без рук (табл. 83, I, 1; табл. 88, II, 1; табл. 89, 5; табл. 94, III, 6; табл. 93, 4, 8), антропоморфных фигурок с рожками на голове (табл. 94, III, 1, 3), антропоморфных фигурок как бы в полусидячем положении или танцующей позе (табл. 88, I, 3), но стилистическая манера написания меняется. У некоторых из них круглые, квадратные или звериные головки. Встречается еще прежняя передача животных контурными очертаниями с клиновидной головой (табл. 88, I, 7) или прямыми сплошными линиями. Но в общем это уже новый стиль, новая эпоха.

Изображены бытовые сцены: фигуры людей, едущих на оленях (табл. 82, I, 4; табл. 93, 20—22; табл. 94, I, 19). Посадка антропо-

морфных фигурок на оленях — в районе лопаток. Имеются разнообразные сцены промысловой деятельности: стоящий человек, держащий в одной руке рыбу, а в другой — пушного зверька (табл. 85, I, 4), человек, несущий груз (табл. 89, 6), человек, стреляющий из лука (табл. 89, 9).

Мифические и фантастические сцены на этой писанице весьма разнообразны, особенно в написании зооморфных, зоантропоморфных и фантастических существ. Это прежде всего многоликие фантастические существа, очерченные сплетением сплошных линий (табл. 82, III, 1, 3, 10, 11; табл. 83, III, 2—5; табл. 84, II, 1, 2, 5—11; табл. 91, II, 6; табл. 96, 10; табл. 94, I, 14; табл. 95, II—IV).

Зооморфные и зоантропоморфные существа нанесены идущими цепочкой друг за другом (табл. 83, II, 1—4), бессистемным скоплением (табл. 84, I; табл. 86, I), бегущими поодиночке (табл. 91, I, 1, 11; табл. 93, 37, 38; табл. 94, I, 6; табл. 95, I, 12, 15, 18, 41, 42), нападающими на человечков (табл. 95, I, 20, 21).

Антропоморфные фигурки переданы в обычной стилистической манере с добавлением округлых головок; в редких случаях их рисовали объемно. У многих подрисованы фаллосы. Они бегут поодиночке (табл. 82, I, 2, 3; табл. 83, II, 3; табл. 87, II, 3; III, 2; табл. 92, 8, 24, 29, 30, 49; табл. 93, 18, 31, 34, 35), держат в руках предметы или добычу (табл. 85, 4; табл. 86, I, 10; табл. 87, I, 2; табл. 95, I, 40). Особого внимания заслуживают две обособленные фигурки. Это не просто люди, а шаманы, возможно даже божества. У одной фигурки подчеркнуто округлая голова, ноги расставлены, руки приподняты до горизонтального положения. В одной руке круглый предмет с вписанным Т-образным знаком. К его тазу подрисован фаллос фантастических размеров (табл. 95, I, 27). Вторая фигурка с рожками на голове, ноги с трехпалыми ступнями расставлены до горизонтального положения, руки приподняты вверх. В одной руке человек держит круглый предмет с вписанным крестообразным знаком. Он летит или стоит на трехпалом фаллосе. Его трехпалость — свидетельство силы во всех трех мирах вселенной (табл. 94, III, 3).

Птицы на писанице переданы как в реалистической (табл. 85, II, 3; табл. 87, IV, 3; табл. 88, I, 5; табл. 92, 14, 17, 18, 31, 61; табл. 95, I, 4, 38, 43), так и в стилизованной манере — в виде крестика, к которому черточкой добавлена головка, или в виде дугобразной линии с подрисовкой к ней прямой (табл. 87, IV, 2; табл. 92, 25, 26; табл. 94, II, 1, 2, 6, 10, III, 4; табл. 95, I, 1—3, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 37). Основная масса птиц изображена в полете. Среди них по внешним признакам угадываются водоплавающие птицы в виде гусей и лебедей и хищные отряда орлиных.

Животные показаны довольно схематично, переданы сплошными линиями или заливкой по контуру. В написании животных появляется новая манера: не описывать полностью контур, а оставлять свободные неокрашенные места по туловищу и голове (табл. 85, II, 2; табл. 94, I, 19). Нанесены они в спокойной позе. Стилистического единства в изображениях не наблюдается (табл. 93, II, 6; табл. 85, II, 2; табл. 92, 3, 4; табл. 93, 3, 11, 20—22, 24, 25; табл. 94, I, 19).

Геометрические фигуры представлены квадратами, окружностями с вписанными крестообразными начертаниями, треугольниками, треугольниками, соединенными в вершинах, квадратами с отходящими от углов по диагонали прямыми линиями, квадратами с вписанными крестообразными и Т-образными начертаниями (табл. 82,

II, 2, 5; III, 7, 8; табл. 83, I, 5; табл. 84, II, 3; табл. 85, I, 1; табл. 87, I, 4; табл. 91, 3, 6, 13; табл. 92, 5, 11, 32; табл. 93, 13—17; табл. 94, I, 18; II, 8, 9, 15; табл. 95, I, 5, 8, 29, 44).

Мы упоминали выше, что Архаринская писаница трактовкой антропоморфных фигурок с рожками на голове и фигурок без рук, фигурок в полусидячей или танцующей позе, изображением животных с клинообразными головами уходит в эпоху раннего металла. Она находит себе близкие параллели в нанесении зооантропоморфных и антропоморфных фигурок с преувеличенными фаллосами и в передаче такой редкой особенности, как написание животных клинообразными начертаниями (табл. 92, 4)³⁴. Сходные геометрические фигуры, особенно окружности с вписанными крестовидными начертаниями, очень широко распространены на писаницах Забайкалья и зачастую перекрываются более поздними рисунками, выполненными резными линиями³⁵. А. П. Окладников относит их к эпохе бронзы³⁶.

При обследовании Усть-зоронской писаницы у 11-й плоскости в жертвенике был обнаружен сосуд бурхатуйского типа с удлиненным яйцевидным туловом, невысокой, но четко выраженной шейкой и широко отогнутым наружу утолщенным венчиком, плоским дном (рис. 16). В сосуде сохранилась часть охры, перемешанной с песком. Жертвенному сосуду соответствуют рисунки, нанесенные аналогичным цветом охры. Это хвостатые антропоморфные фигурки со щитами или луками в руках (табл. 45, I, 2, 8), антропоморфные фигурки с расставленными руками, в которых находится щит или лук (табл. 45, I, 5, 6; табл. 42, III, 1; табл. 44, I, 2), стоящие или сидящие антропоморфные фигурки с выставленными вперед руками (табл. 45, I, 3, 4), антропоморфные фигурки без рук, одна из них с Т-образным носом (табл. 42, I, 5; табл. 44, II, 1; табл. 45, I, 7). В эту группу рисунков входят окружности с вписанными крестообразными начертаниями (табл. 42, III, 2; табл. 45, V, 2), трапециевидные фигуры с ввшанным начертанием двух вертикальных линий, пересеченных горизонтальной (табл. 44, VI, 3), стилизованные изображения птиц в виде крестика с добавлением овальной головки (табл. 42, I, 2, 4).

Все вышеперечисленные изображения Усть-зоронской писаницы находят близкие аналоги в Архаринской писанице, а антропоморфные фигурки с луками или щитами в руках близки по написанию к подобным фигуркам на Арбинской писанице.

Форма сосудов, обнаруженного в Усть-зоронском жертвенике, соответствует формам сосудов из монгольских памятников Приамурья и Приморья³⁷. Его возраст — середина 1 тыс. н. э. Нижняя граница хронологического диапазона Архаринской писаницы не должна уходить за эти рамки.

На писаницах, расположенных по рекам Тунгурче, Тунгурчекану и ключу Горелому, как и на более ранних памятниках, кроме мифических сцен, показаны сцены оленеводства — загон оленей и верховая езда на них. В них продолжает сохраняться прежняя стилистическая особенность — изображение животных с клиновидными головами, но возникает и новая — показ животных прямыми сплошными линиями. Появляются антропоморфные фигурки без рук.

Перечисленные памятники «оленного» стиля отнесены к раннему железному веку на основании стилистических особенностей, жертвеники в них не копались.

К средневековым писаницам «оленного» стиля Приамурья относятся наскальные рисунки в верховьях р. Онени (правый приток р. Зеи) и третья группа средненюкжинских рисунков.

Наскальные рисунки на писанице в верховьях р. Онени сохраняют ранее выработанные стилистические особенности в изображении людей, животных и антропоморфных существ. Фигуры людей выполнены прямыми сплошными линиями, у них расставлены ноги и разведены в стороны руки. Антропоморфные существа, как и раньше, изображены со звериными головами и человеческими туловищами. Животные показаны так же, как и на предшествующих памятниках: с клинообразными головами и как бы прямоугольными туловищами. Все они выполнены контурными линиями и только одно животное — прямыми сплошными линиями.

Появляются на этой писанице и новые образы — богов или духов в человеческом облике. Они огромных размеров, а люди и животные рядом с ними кажутся крошечными.

На Оненской писанице представлены сцены магических обрядов, направленных на размножение и добывчу диких животных. В этих сценах человекообразные существа находятся в окружении животных и людей с протянутыми в сторону богов руками. Люди, по всей вероятности, обращаются к божествам со своими просьбами. В центре одной из композиций изображено пляшущее божество с трехпалыми руками и лучеобразной короной на голове. С одной стороны около него стоит антропоморфное существо с трехпалыми руками, с другой — человек с приподнятыми руками, последний как бы обращается к божеству. Вверху композиции изображены животные.

В культурном слое жертвенника, находящегося у подножия оненской скалы с рисунками, была обнаружена, помимо прочих предметов, монета, изготовленная в период Юань-фэн (1078—1085)³⁸. Ввиду того что средневековые памятники Восточного Забайкалья, Верхнего и Среднего Приамурья и Якутии недостаточно изучены, мы пока можем датировать находки из культурного слоя жертвенника и писаницу возрастом монеты, т. е. XI в. н. э.

Третья группа рисунков Средненюкжинской писаницы в изображении животных и людей мало чем отличается от Оненской. Здесь тоже показаны магические обряды, связанные с размножением животных и птиц. Не случайно здесь изображены матки с телятами и токующие глухари. Однако сюжет Средненюкжинской писаницы усложняется. На ней исчезают человекообразные божества и появляются шаманы с бубном и колотушкой, созвездия, напоминающие Малую и Большую Медведицу, лунарные и солярные антропоморфные знаки и, что особенно важно, — человек с ружьем.

Для определения возраста этой группы рисунков Средненюкжинской писаницы сравним их с предшествующими по времени писаницами на рассматриваемой территории. По стилю изображения животных, людей и композиционному построению третья группа рисунков Средненюкжинской писаницы находит аналогии в Оненской писанице, датированной XI в. н. э. В Оненской писанице древний художник отдавал главные роли божествам и шаманским духам, но не изображал самого шамана. А в третьей группе рисунков Средненюкжинской писаницы главенствующая роль принадлежит уже шаману. Это свидетельствует о дальнейшем развитии сюжета писаницы, о более позднем ее появлении.

В определении возраста третьей группы рисунков важен изображенный на ней бегущий человек с ружьем. Ружья на рассматриваемой территории появились в XVII в., с приходом первых русских землепроходцев. Таким образом, третью группу рисунков Средне-южинской писаницы следует датировать временем не ранее XVII, но не позднее начала XVIII в.³⁹

К поздним наскальным рисункам относятся изображенные охрой на писанице Казачий I безрукие антропоморфные фигурки с крестообразными начертаниями на голове (табл. 64, I, 1—4) (они датированы по современному напильнику из жертвеника), а также углем нанесенные рисунки Гетканской писаницы, представленные антропоморфной фигуркой, летящими птицами и зооантропоморфными существами⁴⁰.

Рассмотрев наскальные рисунки I—II тыс. н. э. таежной зоны Приамурья, можно сделать следующий вывод. На рубеже нашей эры в наскальном искусстве Приамурья происходят существенные перемены. Совершенно исчезают наскальные рисунки «степного» и «охотничьего» стилей. Рисунки «оленного» сюжета наблюдаются вплоть до нашего столетия. Они продолжают сохранять древние стилистические особенности в написании животных и антропоморфных фигурок, но дополняются элементами «охотничьего» стиля в написании животных сплошными линиями и в передаче антропоморфных фигурок без рук и фигурок с рожками на голове. На рубеже нашей эры в наскальном искусстве Приамурья параллельно «оленному» стилю возникает совершенно новая стилистическая манера, характеризующаяся мифическими сценами со змееобразными существами, но она также очень быстро исчезает. Хронологические рамки этого стиля не установлены.

Глава V

ТАЕЖНЫЕ ПИСАНИЦЫ ПРИАМУРЬЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ХОЗЯЙСТВЕ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНКОВ-ОРОЧОНОВ

Отождествлять писаницы таежной зоны Приамурья с протунгусским этносом, который в результате многочисленных передвижений и слияний с другими этническими группами к середине XVII в. сформировался в народность, называвшую себя эвенками-орочонами, весьма сложно, тем более что имеются лишь отрывочные сведения по археологии, антропологии и этнографии, по которым очень трудно воспроизвести культуру, быт и антропологический тип древнего человека, заселявшего данную территорию. Однако определенные пласты хозяйственной и материальной культуры можно вычленить.

Мы в своих работах уже касались этой проблемы, но с накоплением новых материалов по археологии и этнографии этот вопрос необходимо затронуть вновь¹. Первые известия о «землях» Приамурья и народах, заселявших эти земли, были получены в эпоху великих русских географических открытий — в середине XVII в. Наиболее детальный анализ документов XVII в. о народах рассматриваемого района провел Б. О. Долгих. Он указывал, что в таежной зоне р. Олекмы и Верхнего Приамурья в то время расселялись оленные тунгусские роды: Уилларгиры, Манагиры, Киндигиры, Почегоры и Вакарели (Вакарайцы)².

Одним из наиболее важных и широко распространенных сюжетов на писаницах таежной зоны Приамурья, как мы указывали, являются сцены, связанные с оленеводством. На них изображены загон и ловля оленей, люди, едущие на оленях верхом и ведущие оленей на поводу. Рассмотрим особенности изображения оленеводческих сюжетов на писаницах Приамурья в связи с вопросом о доместикации оленя и развитием в этом районе оленеводства.

До настоящего времени в литературе вопрос о доместикации оленя в Сибири остается открытым. Нет единого мнения относительно времени и центров возникновения оленеводства, путей и форм его распространения. Некоторые исследователи видели в оленеводстве древнейшую форму скотоводства, восходящую чуть ли не к палеолиту. Эту точку зрения поддерживали В. Г. Богораз, Г. П. Сосновский, В. И. Равдоникас, Н. Я. Марр, У. Сирелиус, В. Шмидт, В. Копперс, Ф. Флор, С. В. Киселев, С. А. Токарев и Х. Паульхаузен. Другие исследователи (Э. Ган, Б. Лауфер, Г. Хэтт, К. Виклунд, А. Н. Максимов, Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, С. П. Толстов и С. И. Вайнштейн) возражали против большой древности оленеводства и относили его к нашей эре.

По поводу центра возникновения сибирского оленеводства также существуют различные мнения. Одни ученые высказываются в пользу независимого происхождения оленеводства разных типов, другие связывают их с одним или двумя центрами. Теорию единого алтас-саянского центра защищали Б. Лауфер, Г. Хэтт, А. Н. Максимов, В. Г. Богораз, Ф. Флор и С. И. Вайнштейн. А. Н. Максимов при этом различал два первоначальных района сибирского оленеводства — Саянские горы и Верхнее Приамурье и Прибайкалье, но, считая их сходными по географической среде, объединял в один центр. Теорию нескольких центров происхождения оленеводства поддерживали А. М. Золотарев, М. Г. Левин и Г. М. Василевич³.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин выдвинули гипотезу о существовании двух самостоятельных очагов одомашнивания оленя — саянского и забайкальского. Первый был связан с самодийскими, второй — с тунгусскими народами.

Письменные источники упоминают об оленеводстве с V в.⁴ Более подробные сведения об оленном транспорте и доении оленей у народов Забайкалья и Верхнего Приамурья относятся к VI—VII вв.⁵

Г. М. Василевич на основании этнографического, фольклорного и лингвистического материалов сделала важные выводы о расселении тунгусов и возникновении оленеводства. Оленеводство по ряду признаков она разделила на два типа, назвав их условно эвенкийскими орочонским.

Эвенкийский тип оленеводства в различных вариантах был распространен среди потомков ангарских эвенков, подкаменотунгусских, верхнеленских, нижнетунгусских, илимпийских, северобайкальских, урмийско-амгуно-чумиканских и амгуно-алданских групп, т. е. в тех районах, где эвенки ходили на охоту пешком или с вьючным оленем. Орочонский тип оленеводства распространялся среди эвенков, кочевавших в верховьях Витима, Олекмы, Зеи и других верхних притоков Амура и по отрогам Хингана, охотившихся верхом на олене. Вместе с данными группами орочонов этот тип оленеводства проник в верховья Вилюя, Оленека и к северу от Нижней Тунгуски.

По мнению Г. М. Василевич, орочонский тип оленеводства появился по отрогам Хингана, а затем распространился на отроги Яблонового, Станового и на западе — Верхоянского хребтов, а также через Витимо-Олекминское плоскогорье. Развитие этого типа оленеводства Г. М. Василевич связывает с распространением спирально-сибирянских диалектов и самоназваний оленных охотников — орочон. Орочонский тип оленеводства, как считает Г. М. Василевич, распространялся до появления якутов на Средней Лене⁶.

Дополнительные исследования автора в области этнографии эвенков-орочонов с привлечением археологических данных позволяют углубить точку зрения Г. М. Василевич и уточнить время домesticации оленя у эвенков-орочонов.

При исследовании круглогодичного цикла трудовой деятельности и оленеводства эвенков-орочонов выяснилось, что у них весь хозяйственный цикл жизни был связан с оленем. В календаре пять месяцев в году были оленными и посвящались только оленеводству. Май среднеолекминские и верхнеалданские эвенки называли *энныкале бега*; ольдойские, урушинские, нюкжинские, тындинские, гилюйские — *энэкал бега*; зейские, норские, селемджинские — *энэкэн бега*. В переводе это означает «месяц появления телят оленя».

Знаменовался он первым появлением травы и хвои лиственницы и отмечался народной приметой — кукованием кукушки. Июнь среднеолекминские, верхнеалданские эвенки называют *балтани бега* — «месяц появления гнуса», *берени бега* — «месяц гона медведей»; алданские, урушинские, нюжинские, тындинские, гилюйские — *далъделон бега* («месяц появления гнуса»), *абдарна бега* («месяц листьев, зелени»); зейские, норские, селемджинские — *далтанигер бега* («месяц появления гнуса»). Июль среднеолекминские, верхнеалданские эвенки называли *эргалага бега* — «месяц оводов», *экини бега* — «месяц женщины»; у остальных групп — *иргалагар*, *эргалагар бега* — «месяц оводов». Август у урушинских, ольдайских эвенков назывался *хунмилэгэрг бега* — «месяц мошки», *хуктен бега* — «месяц гона козла»; у остальных групп — *хунмулэхэ*, *хунмилэгэ бега* — «месяц кошки». Сентябрь урушинские, ольдейские, нюжинские, тындинские, гилюйские эвенки называли *сэлулагар бега* — «месяц гона оленей»; зейские, селемджинские, норские — *сэрумлала бега* — «месяц гона оленей, месяц сватовства оленей, месяц кровного родства оленей»; среднеолекминские, верхнеалданские — *сэрулагэ бега* — «месяц гона оленей», *сургуланаги бега* — «месяц пятен после падения листвы».

О древности и огромном хозяйственном значении оленеводства у эвенков-орочонов свидетельствовала развитая терминология. Имелись свои названия для домашних оленей, различающихся по полу, возрасту, хозяйственному назначению, экстерьеру, характеру и повадкам.

Половозрастные обозначения домашних оленей: олень обоего пола — *орон*, телок обоего пола — *эныкан*, племенной бык — *сэру*, бык до одного года — *эныкан*, бык до двух лет — *ченукучан*, бык до трех лет — *иктан*, бык до четырех лет — *неоркан*, бык с пяти лет и старше — *мотча*, *мотударан*, бык-кастрат — *гылга*. Матка — *нями*, матка одного года — *сачирикан*, *чачирикан*, матка с восьми лет и старше — *сагдака*. Матка, скинувшая или родившая мертвого телка, — *умири*, нетель — *вангай*.

По хозяйственному назначению олени имели следующие названия: верховой — *учак*; под выюк — *намовон*; передовой — *бречик*; пристяжной — *элгэна*; несущий люльку — *намонки*; предназначенный для обмена — *люгатчаран*; не ходит в упряжке — *амнык*; олень, у которого седло съезжает вперед, — *нёкото*; седло съезжает назад — *бурики*; плохо идущий в упряжи — *энэлэг*, *бугуй*; плохо идущий под седлом — *эмник*; плохо несущий выюк — *эрутэнники*.

Олени различали по сложению рогов: ветвисторогий — *сапима*, широкорогий — *дармама*, рога выдвинуты назад — *милай*, выдвинуты вперед — *гункима*. Названия отражали и особенности экстерьера: длинноногий — *чёнчарин*; коротконогий — *нэктукан*, *наттама*; с приподнятой холкой — *мальчима*, *ниверкэна*; с прогнутой спиной — *чинама*; с длинным туловищем — *гоным*; с коротким туловищем — *урумкукан*; узкогрудый — *кипчима*.

Олени таежной зоны Приамурья по силе и росту были крупными, они мало отличались от самых крупных тофаларских оленей. Так, если тофаларские олени-самцы достигали в холке 117 см, а самки — 106 см⁷, то в Приамурье самцы — 113—114 см, самки — 104—105 см⁸.

Эвенки-орочоны на домашнего оленя в первую очередь смотрели как на средство передвижения. Кроме того, он играл главенствующую роль в поверьях и обрядах. Так, олена рассматривали как

«транспорт» для отправления души умерших предков *мугды* в мир *буни*. Домашнего оленя запрещалось убивать из лука или ружья, его кололи ножом или специальной заостренной палкой. Олена нельзя было продавать, его дарили или обменивали.

На связь писаниц с тунгусами указывает и сходство сюжетов наскальных рисунков с поверьями, сказаниями и обрядами эвенков-орочонов. Все поверия и обряды эвенков-орочонов, связанные с оленеводством, были направлены на сохранение и увеличение поголовья оленей. Убив домашнего оленя, голову обязательно отдавали соседу, глаза и копыта вешали на дерево, считая, что при выполнении этих действий душа оленя на следующий год вернется в виде приплода. Ни в коем случае нельзя было разбрасывать волосы из подшейного клока. Нарушение этих поверий грозило потерей оленей или промысловой неудачей.

Считалось хорошим предзнаменованием рождение олененка-урода. Эвенки считали, что это сулит удачный год, большой приплод и здоровое стадо. Олененок-урод через два-три дня умирал. Для него специально делали лабаз и клади его головой на восход солнца, сверху прикрыв ветками.

Для обеспечения здорового поголовья стада и его размножения во время праздника *сэвэкан* в специально изготовленное оленное на-му — ритуальный коврик — и в священного олея *сэвэк* вводили священную силу *мусун*, «взятую» шаманом от *сэвэки* (добрый дух, помогающий сохранять здоровым оленье стадо; он посыпал в тайге охотнику зверя, оберегал людей от болезней и всяческих неприятностей) у самой *энекан буга* — хозяйки вселенной и рода человеческого. Во время этого же обряда шаман «летал» к *энекан буга* за оленями душами в виде шерстинок. Принеся эти души-шерстинки, шаман раздавал их сородичам.

Общим для всех групп эвенков было посвящение или табуирование оленя, после чего тот становился «божким оленем» — *сэвэк*. Отношение к нему менялось: на нем нельзя было ездить, в его сумках перевозили только святыни, он доживал до естественной смерти, после чего тушу клади на лабаз, головой на восход солнца. Если *сэвэк* исчезал, его не искали. Этот олень, как правило, был чисто белого цвета или имел белые пятна. Перед и после кочевки его окружали дымом. В караване он шел первым или вторым. В исключительных случаях, если не хватало оленей, на олене *сэвэк* можно было перевозить продукты или больного человека. В народных приметах говорилось: «Сделай оленя табуированным, если не сделаешь, то будут болеть члены семьи и не будут водиться олени». Даже к выручному седлу *сэвэк* запрещалось лишний раз подходить, чтобы не накликать на себя беду.

При массовых заболеваниях оленей, эпидемиях устраивали обряд *чичипкан*. Он мог проводиться с шаманом и без него⁹.

Уход за оленями у приамурских эвенков считался мужским делом. Он заключался в сборе оленей, подпиливании рогов, кастрации, лечении, сооружении изгородей и загонов во время отела и спаривания, устройстве дымокуров и теневых навесов в летнее время. Кроме этого, оленей круглый год подкармливали солью.

Верхнеамурские эвенки использовали оленя под выюк, верховую езду и езду в нартах. Существовало множество разновидностей седел: два типа выючных — *эмэгэн* и *даннэ*, женское и мужское верховые — *нама*, детские — *эмкору* и *турул*.

Выючное седло *даннэ* состоит из крыльеобразных, со слегка выгнутыми краями наружу полок, спереди и сзади связанных замше-

выми ремешками. Используется с потником из кожи. Это седло, несомненно, своими корнями уходит в глубокую древность. Это подтверждается и тем, что у всех разновидностей седел верхнеамурских эвенков полки называются даннэ.

Вьючное седло эмэгэн имеет эллипсовидные, слегка изогнутые концами наружу полки длиной 60—70 см, шириной 12—15 см, толщиной 1—1,5 см. У него дугообразные, как правило, с внешней стороны орнаментированные высокие луки. Луки на расстоянии 7—10 см от концов в вертикальном положении крепятся кожаными ремешками к полкам. Полки ленчика полностью вкладываются в мешки, сшитые мехом внутрь из оленьей кожи и подбитые шерстью. Седло на оленя кладут без потника.

Мужское верховое седло нама имеет такие же полки, как и у седла эмэгэн, но с добавлением посередине их дугообразных, перпендикулярно расположенных крыльев. Луки под треугольной формы изготавливаются из рога лося или оленя и крепятся в наклонном положении к полкам. Полки ленчика помещаются в обшитые мешки из шкуры оленя и подбиваются мехом. Сверху седло обшивается кожей с головы лося. Женское седло отличается от мужского только гораздо большими и круче поставленными по отношению к полкам крыльями. Мужчины и женщины садятся на оленя с правой стороны при помохи посоха (*тысвун*).

Детские седло эмкору копирует вьючное седло эмэгэн, только оно с более высокими луками. К лукам с обеих сторон крепятся дугообразные дощечки, образуя гнездообразное сиденье для ребенка. Детское седло турул от эмкору отличается тем, что у эмкору с обеих сторон лук крепится дощечки, а у турул вокруг лук сплетается корзина из ивовых прутьев или кожаных ремней.

Все типы седел укладываются на холку оленя и затягиваются через заднюю часть подпругой (*тынэптун*). Подпруга всегда с одной стороны имела кольцо (*унякаптун*) или пряжку (*георги*).

Для перекочевки в зимнее время года пользовались нартами. Существовало три типа нарт: легковые — олок (*тэгэк*), грузовые — сирга, детские — касыма. Оленья сбруя состоит из узды (*уги*), лямок (*сурду*), вожжей (*босо*) и чересседельника (*вачи*).

Для перевозки грузов на оленях верхнеамурские эвенки использовали четыре вида вьючных сум: эммэк, чемпули, камэт и муручун. В непогоду их закрывали специально изготовленными ковриками (*кумалан*). Чтобы олени не уходили далеко от стоянки, использовали специальные приспособления: чангай и башмак (*менна*). Для ловли оленей имели аркан (*маут*).

Таким образом, материалы по оленеводству эвенков-орочонов, опубликованные Г. М. Василевич и полученные автором, говорят о том, что к началу XX в. оленеводство превратилось у народов Верхнего Амура в ведущую отрасль хозяйства. При отсутствии оленей семьи влачили жалкое существование. В результате многовекового развития оленеводства выработалась развитая терминология, с ним был связан весь хозяйственный круглогодичный цикл.

С. И. Вайнштейн, рассматривая проблемы происхождения оленеводства, на основании наличия у тунгусов вьючных седел пришел к заключению, что они заимствовали «у саянских самодийцев оленьи вьючные седла», а отсюда и олений недоуздок¹⁰. С этим мнением трудно согласиться, так как, сравнивая саянский и верхнеамурский типы оленеводства, можно сказать, что они коренным образом отличаются друг от друга. Г. М. Василевич и М. Г. Левин были правы в

том, что эти два типа оленеводства возникли и развивались независимо друг от друга¹¹.

Вьючное орочонское седло типа эмэгэн, скорее всего, происходит, как предполагала Г. М. Василевич, от монгольского мягкого верхового бесстременного седла — эмээл. Это подтверждается не только сходными названием и конструкцией, но и традиционной, усложненной орнаментацией лук седел, которая сохранилась вплоть до нашего столетия. Седло эмээл было воспринято орочонами не как вьючное, а как верховое. Но до этого они уже знали верховую езду на олене, имели узду и подпругу, вьючно-верховое седло даннэ. Это подтверждается тем, что у коневодов-монголов термин эмээл обозначает не только седло, но и полностью конскую сбрую; эвенки-орочоны же, имевшие более приспособленную к оленю сбрую, заимствовали только седло, закрепив за нимозвучное название эмэгэн. Седло эмэгэн по сравнению с даннэ более жестко и удобно располагалось на олене и меньше травмировало животных. Выработанные ранее навыки расположения седла и его крепления на олене были перенесены с седла даннэ. Для того чтобы мягкие подушки не крутись на лопатках у оленя, к нему добавили выработанные многолетним опытом деревянные полки с седла даннэ, назвав их по названию седла — даннэ. Ненужные подпруги, подхвостные и подгрудные ремни были отброшены. Более удобное, чем даннэ, седло эмэгэн постепенно превратилось во вьючно-верховое, а с добавлением к нему крыльев и упрощения лук появляется еще более рациональное верховое седло — нама. С этого времени седло эмэгэн потеряло свое первоначальное назначение и превратилось во вьючное.

Седло даннэ на первом этапе выполняло функцию вьючного седла, но до появления седла эмэгэн, с добавлением шкатулок на него употребляли и для верховой езды. На первоначальное появление именно такого седла указывает то обстоятельство, что у всех последующих седел полки ленчика называются даннэ. Седло даннэ клади на лопатки оленя, при этом использовали потник из шкуры. По бокам седла крепили вогнутыми сторонами шкатулки нама, сверху закрывали ковриком кумалан и садились верхом на оленя, принимая такую же позу, как и при современном верховом седле нама. Шкатулки нама в этом случае выполняли функцию крыльев современного седла нама. С веками седла усовершенствовались, у оленеводов-орочонов сложились вьючное седло — эмэгэн и верховое — нама, появился новый термин для верхового оленя — учак. Название верхового седла — нама, по всей вероятности, происходит от сочетания первоначальных названий вьючно-верхового оленя — намовон и специальных шкатулок, используемых для верховой езды, — нама. Полностью современный вьючно-верховой тип оленеводства у орочонов Верхнего Приамурья сложился еще до появления жесткого стременного седла у монголов-коневодов. Иначе бы они, как саянские самодийцы, скопировали верховое конское седло со стременами. По нашим предположениям, это произошло не позднее рубежа нашей эры.

На писаницах таежной зоны Приамурья оленеводческие сцены, связанные с верховой ездой на олене, имеются на трех памятниках: по рекам Архаре (табл. 93, 20—22; табл. 94, 12, 19), Тургунчакану и по Олекме выше пос. Усть-Нюкжа¹². Датированы они концом II—I тыс. до н. э. На них изображены люди, сидящие на лопатках оленей. Такая посадка характерна только для эвенков-орочонов.

Важным доказательством предположения, что древними художниками писаницы с оленеводческими сценами являлись, по-видимому, протунгусы, давшие к XVII в. этническую группу, называвшую себя орочонами, служит и тот факт, что с приходом первых русских землепроходцев на Верхний Амур в XVII в. территорию распространения описанных наскальных рисунков заселяли эвенки, занимавшиеся оленеводством.

Особенно яркие параллели в этнографии эвенков-орочонов писаницы находят в ритуальных ковриках *наму*. Слово *наму* в диалекте верхнеамурских эвенков обозначает «родовая территория». Существует два вида *наму*: оленные и охотничьи. Оба вида использовались при большом весеннем обряде *сэвэкан* (многодневная церемония, направленная на получение священной силы мусун для оживления природы, размножения домашних и диких животных и благополучия человеческого рода), а также при мелких обрядах благодарения *сэвэки* за удачную охоту, при просьбах об охотничьей удаче и благополучии рода, детей, здорового стада и т. д. Эти коврики представляли собой нечто наподобие иконы у христиан.

Многие эвенки утверждают, что в древности *наму* рисовали не на ковриках, а на священных скалах, где чаще всего живет *сэвэки*. Куда часто приходит энекан буга. По их представлениям, наскальные рисунки (*онён*) — не что иное, как передача их родовой территории. Многие из эвенков старшего поколения убеждены в том, что наскальные рисунки никто из людей не рисовал, а это дело рук *сэвэки*. Но появление на родовых территориях посторонних людей и осквернение наскальных рисунков взглядами заставили перенести изображения на замшевые или пергаментные коврики.

Наму окуливали дымом, делали помазывание кровью, приносили небольшие жертвы, бросая в огонь кусочки жира. Храли *наму* втайне от посторонних глаз в ритуальной шкатулке *муручун* со святынями семьи и рода. *Наму* изготавливались по заказу шамана, и не для каждой семьи, а только для тех, у которых появлялась в этом потребность: например, не водились олени, долгое время была неудачной охота, появлялись болезни. Раньше *наму* были родовым достоянием, но с разложением первобытно-общинного строя функции родовых святынь перешли на семью.

Изготовление *наму*, идола *сэвэкичан* (хранителя семьи, ее хозяйства, способствующего удачному промыслу) и посвящение домашнего оленя приурочивались к большому обряду *сэвэкан*, в ходе которого в *наму*, *сэвэкичан* и оленя *сэвэк* энекан буга через шамана вселяла священную силу мусун от самого *сэвэки*, после чего они становились священными. По утверждению некоторых информаторов, с этим праздником связана часть наскальных рисунков, которые выполняли роль современного *наму*¹³.

Население Приамурья с древнейших времен почитало и преклонялось перед скалами с рисунками. Найдки у писаниц, обнаруженные при раскопах, без всякого сомнения, являются жертвоприношениями. Все они расположены у плоскостей с рисунками и представлены разнообразными вещами, начиная с древнего камня и кончая современными изделиями — патронами от мелкокалиберных винтовок, монетами, разноцветными тряпичками, папиросами, спичками и др.

У коренных народов Сибири и Дальнего Востока еще до недавнего времени сохранились пережитки первобытных верований — любую удачу они считают посланием доброго духа, а потому всем

духам приносят мелкие жертвы: монеты, табак, спички, бумажки, тряпочки, патроны и т. д. Тунгусы особенно почитали скалы с рисунками и считали эти места обиталищами духов — хозяев тайги и рек. А чтобы духи были милостивы, они приносили им дары. Подобные факты отмечались Г. М. Василевич, Д. К. Зелениным, Е. И. Титовым, А. Шекатовым, Семивским, Г. И. Спасским, И. Т. Савенковым¹⁴ и многими другими исследователями.

Проводник эвенк Трофим Павлов, сопровождавший автора к Гетканской писанице, рассказал легенду, хорошо известную и сейчас жителям пос. Усть-Уркима. «Скала с рисунками издавна считается у эвенков священной, только в настоящее время она не действует. А в старину она действовала, и когда охотник шел на охоту, он должен был подойти к этой скале и спросить у „хозяина“, сколько он зверей убьет на охоте. Если „хозяин“ был расположен к охотнику, на скале появлялось столько новых животных, сколько охотник должен был убить. В то время каждый человек обязан был приносить этой скале жертвы. И сейчас, несмотря на то, что скала не действует, люди за прошлую ее доброту дарят ей всякие предметы». Чтобы объяснить, почему ныне скала не действует, Трофим, указывая на большой камень, лежащий у основания писаницы, сказал: «Этот камень когда-то лежал на самой вершине скалы. Однажды один плохой человек решил собрать около скалы ее приношения. Когда он их собрал и хотел уйти, то камень сорвался с вершины и придавил его. Человек этот так и остался лежать под камнем, но „хозяин“ все равно очень рассердился на людей и покинул скалу».

Начиная с ранних этапов развития наскального искусства одним из ведущих моментов тематики писаниц таежной зоны Примурья является промысловый культ. Древний человек, изображая на скалах рисунки носорогов, стада бизонов (табл. 72—78), лучников, преследующих животных (табл. 1, 2), всевозможные ловчие ямы и изгороди для ловли животных (табл. 71) и т. д., пытался ритуальными обрядами добиться удачной охоты. И это понятно, так как промысловая деятельность с древнейших времен была для народов, населявших эту территорию, основным источником существования. С другой стороны, поскольку успех в промысле в большей степени, чем в любой другой отрасли хозяйства, казался человеку не зависящим от его усилий, он давал богатые возможности для развития религиозных представлений.

Промысловые верования, возникшие на ранних этапах человеческой истории, сохранялись на протяжении длительного времени и выражались в многочисленных правилах, приметах, запретах и обрядах. Многие из них у эвенков-орочонов, как и у других народов, обнаруживают чисто практические, материальные корни: в их основе лежат наблюдения над жизнью животных, природой, своеобразная промысловая этика и т. д. Многие промысловые верования связаны с уподоблением животных человеку в силу их «родства». Отсюда признание за животными понимания человеческого языка, сходного образа жизни и восприятия окружающего мира. Другие обрядовые действия связаны с представлением о возрождении добывших промысловых животных, в основе которого лежало стремление человека обеспечить себя и впредь пищей. Культовое отношение к представителям плейстоценовой фауны — носорогу, бизону, лошади, отраженное на наскальных рисунках, сменилось почитанием крупных животных, мясо которых шло в пищу (лось, олень, медведь), а также наиболее ценных пушных зверей.

Культовые отношения к лосю и оленю у народов Сибири и Дальнего Востока формировались тысячелетиями. Это было обусловлено не только их могучей силой, но и тем, что они играли важную роль в повседневной жизни северных охотников. Лось и олень давали людям мясо, теплую шкуру для одежды, кость. Поэтому эти животные издавна стали предметом культа. Культ этих животных вполне закономерно был одной из наиболее ярких и выразительных форм древнейшего культа зверя.

Начиная с раннего голоцена и кончая средневековьем древние художники с большим мастерством отражали культ лося и оленя на скальных плоскостях. Этот культ распространился на обширные территории Сибири и Дальнего Востока, он пронизывал духовную жизнь и мировоззрение первобытного человека и представляет ценнейшие материалы по психологии первобытных охотников.

Разделка туши убитого лося или оленя происходила в определенном порядке и с соблюдением особого ритуала. Голову лося или дикого оленя обязательно привозили домой и клади на почетное место — *малу*, на специально расшитый коврик кумалан, обратив ее мордой к огню. Рядом с ней ставили небольшой столик с идолом сэвэкичан и одетым на него амулетом *синкен*. Напротив столика вешали наму. В это время обязательно у входа в юрту или палатку ставили охранника *ментая*. Только после этого начинали сам обряд. Охотник на печь или костер ставил сковороду, раскаливал и бросал в нее жир (жир непременно бросали и в огонь). Когда жир начинал гореть, охотник брал в руки сковороду и дымом окуривал голову лося, наму, сэвэкичан и синкен. При этом он приговаривал, обращаясь к сэвэки или энекан буга: «Пошли еще такого». На этом обряд заканчивался, приступали к разделке и варке мяса.

Для варки голова разделялась следующим образом: от нее отделяли горло с легкими, затем нижнюю челюсть, из которой вырезали язык и в свою очередь разделяли надвое, каждую половинку делили еще раз. Голову съедали не в одиночку, а все взрослые члены семей, кочевавших вместе. Кости убитого зверя тщательно охраняли и складывали на специальный лабаз¹⁵. Подобный ритуал отмечен этнографами и у других народов Сибири и Дальнего Востока¹⁶.

После того как эвенк добывал лося или оленя, в первую очередь он вынимал глаза и съедал их сырыми, удалив хрусталик. Охотник предполагал, что при этом как бы ослепляются и становятся легкой добычей другие звери. Г. Н. Госсовскому в 1926 г. гилюйские эвенки об этом говорили: «Глаза кушал, другой-то сакжой (дикий олень.—А. М.) не будет меня видеть»¹⁷.

Выходя на первую осеннюю охоту и убив зверя, охотники мясо полностью отдавали сородичам и не брали ни одного кусочка. Считалось, что благодаря такому поведению охотника род всегда будет сытым и сохранится охотничья удача. Части тела лося и оленя — подшнейный клок, нижнюю челюсть, кончики ушей, маленькие копыта — охотники вешали на ритуальную снизу. Эти амулеты синкен. т. е. бывшие вместилища душ животных, якобы при хорошем отношении к убитым животным приносили охотнику удачу. Охотники их почитали и оберегали.

Частые промысловые неудачи, независящие от охотника, с одной стороны, и большое практическое значение лося и дикого оленя — с другой, породили суеверный страх эвенков перед силами природы, который на протяжении веков вылился во всевозможные по-

ерья, обереги, амулеты, обряды и запреты. Эвенки свято верили в них и всегда выполняли¹⁸.

Над лосем или оленем или над их останками ни в коем случае нельзя смеяться или надругиваться над ними. Их душа, хозяин зверей и растительности — сэвэки и сама энекан буга не прощали этого. В 1969 г. от оленевода В. Н. Абрамова, проживающего в пос. Усть-Нюкжа, нами была записана легенда о существующих традициях по отношению к лосю.

«Давным-давно в одном стойбище жили старик со старухой, и у них было два сына. Однажды сыновья пошли на охоту и добыли лося. Разделали его по-эвенкийски, но почему-то их внимание привлекли кишки. Растигнули они их, стали смеяться, какие они длинные. Отца в это время не было дома, а мать горестно посмотрела на сыновей, покачала головой и ничего не сказала. Через некоторое время отправился на охоту отец. Он бродил по тайге несколько дней, но не увидел даже рябчика, а он считался лучшим охотником в стойбище. Вернулся домой, пошел к шаману и спросил, почему у него была такая неудачная охота. Шаман и рассказал отцу, как его сыновья надсмеялись над лосем, и добавил, что после этого ни один из членов их семьи не добудет зверя и все обречены на голодную смерть».

Вот еще одно предание, рассказанное Н. И. Антоновым:

«Однажды два охотника из рода Почегор во время осенней охоты набили столько лосей, что не могли их ободрать и привести в надлежащий порядок. Часть зверей пришлось бросить. Хозяин тайги за это их наказал. Оба они вскоре заболели и умерли».

С образами лося или олена связаны, по представлениям эвенков, все три мира. С ними ассоциируются солнце, звезды, явления природы. На земле они окружены вниманием и почитанием. В подземном мире являются духом-защитником в образе сэли. Подобным почитанием лось и олень пользуются не только у эвенков, но и у других народов. У многих народов Сибири и Дальнего Востока лось или олень выступают в образе солница, вселенной, являются божествами и творцами земли, представляются в образах покровителей и т. д.¹⁹

Рассматривая культ оленя у оленеводов сибирской тайги и тундры, Л. Я. Штернберг писал, что «по условиям быта этих народов, олень, являющийся поильцем и кормильцем оленеводов, стоит на первом плане, и весь круг наших народов связывает его культ с высшим солнечным божеством. По верованиям чукчей, солнце принесло людям оленей, хотя, впрочем, только белых оленей. Коряки того же мнения, причем они утверждают, что олень создан из огня. Этим еще более подчеркивается связь его со священным солнцем, с которым он, таким образом, одной физической природы»²⁰.

Первобытные охотники Сибири представляли само солнце в облике гигантского лося, за день пробегающего по всему небосводу и затем к ночи погружающегося в преисподнюю, в бесконечное подземное море. О таком солнечном звере — гигантском лосе — рассказывается и в долганской сказке, которая, несомненно, была создана еще в каменном веке и дожила у людей тундры до нашего времени. Иногда лось связывается не с образом солнца, а с другими светилами и природными явлениями²¹. Прямая или косвенная связь звезд и созвездий с образами лося и олена у народов Сибири и Дальнего Востока неоднократно отмечалась многими исследователями²².

Одним из наиболее почитаемых животных у верхнеамурских эвенков был медведь. Культовое почитание медведя широко извест-

но у народов Сибири и Дальнего Востока. Больше всего медведя почитали народы Нижнего Амура, что нашло отражение в устном народном творчестве и в обрядах. У эвенков-орочонов предпочтение отдается культу лося или дикого оленя, а медведь отодвинут на второй план. Это видно и из наскальных рисунков и археологических раскопок.

По известным нам материалам древностей Сибири и Дальнего Востока, образ медведя начинает появляться с неолита вплоть до средневековья. Он изображен в наскальных рисунках на Ангаре, Токко, Маэ²³. В археологических памятниках количество скульптур медведя гораздо больше. Они найдены в могильнике Самусь у г. Момска, на стоянке у дер. Березовской, в районе дер. Воробьево, у с. Сакачи-Алян, на о. Сучу, в поселении Кондон и в других местах²⁴. Эти материалы позволяют говорить о том, что культ медведя зародился в глубокой древности и дожил в запретах, оберегах, поверьях, преданиях и обрядах до наших дней.

Эвенки-орочонцы медведя называли *амикан* (дедушка, старик), *амакачи* (прадедушка), *ама*, (отец), *энэ* (мать), *энекан* (бабушка), *атыркана* (большая старуха), *ака* (дядя). Охотились на него круглый год попутно с добычей других зверей.

Когда медведь застрелен, все очевидцы и участники охоты подходят к нему и эвенк, убивший медведя, говорит: «Кук» или «Не я тебя убил, а убил тот-то или тот-то», указывая на другую национальность. Вслед за охотником, застрелившим медведя, подобные слова повторяют все присутствующие. При разделке мяса выполняют особые правила. При свежевании кости отделяют по суставам и стараются даже не поцарапать их. При отделении каждого сустава приговаривают: «Дедушка, осторожно, здесь бревно». Охотнику, застрелившему медведя, достаются все четыре лапы ниже коленных суставов, внутренности и внутренний жир, жир с задней части, голова и шкура. Все остальное делится поровну между участниками охоты.

Добыв медведя, охотник, застреливший его, готовит обед *такамин* (букв. «обмануть медведя»). Для этого берут два котла, в один кладут голову медведя, в другой — весь внутренний жир и мелко нарубленные кусочки сердца, легких, печени и почек. Все это варится до следующего вечера. На следующий вечер в юрту охотника, убившего медведя, собираются все мужчины стойбища; если поблизости есть сородичи, то приглашают и их. Все участники торжества садятся вокруг небольшого столика. Хозяин ставит на столик блюдо с головой медведя и котел с вареными внутренностями. Самый старший из присутствующих берет нож, отрезает кусочек мяса от головы, съедает его, говорит: «Кук! Пошли еще тебе такого». Затем съедает ложку варева из котла, снова говорит: «Куку! Пошли тебе удачи на охоте». Эти действия производятся всеми участниками по кругу. Затем начинается новый круг, и так продолжается до тех пор, пока все не съедалось. Охотник, застреливший медведя, к трапезе присасывается последним. После первых пожеланий охотнику желали хорошего здоровья, здоровья и многочисленного поголовья оленей и т. д. После пиршества принимались за чай и затем расходились.

Хорошо очищенные от мяса кости и голову укладывают на специально срубленный лабаз в виде домика и сверху прикрывают тяжелыми плахами. Кости кладутся на лабазе в беспорядке, голова направлена туда, куда медведь шел перед тем, как его убили; если же медведь был убит в берлоге, то голову кладли по направлению восхода солнца.

Культовое почитание медведя у верхнеамурских эвенков породило множество поверий, преданий, запретов и оберегов. Эвенки считают, что медведь когда-то был таким же, как они, человеком. Рассказывались легенды, будто бы женщина жила с медведем и у них были дети и т. д. По этому поводу существует ряд поверий и запретов, что медведь не трогает женщину, если она обнажает перед ним груди, женщине нельзя есть мясо с головы медведя и участвовать в обряде таками, нельзя есть мозг, почки, печень.

При отстреле медведя нельзя было раскалывать и разбрасывать кости, куски шерсти, ругать медведя, выбрасывать его глаза, хвататься, что убьешь медведя, есть медвежий бульон, брать ружье у человека, помятого медведем. Считалось, что если человек, помятый медведем, оставался в живых, то он долго проживет. Кости и голову медведя обязательно надо было положить на лабаз. Нарушение запретов и оберегов грозило неудачей на охоте, несчастьями, болезнью или даже смертью²⁵.

Среди пушных зверьков почитались белка (*улюки*) и соболь (*нека, андаки*) — объекты пушного промысла. Поверья и обряды, связанные с пушным промыслом, по всей вероятности, сформировались позднее, в то время, когда на пушнину возник спрос и она стала единственным источником денежных средств у кочевников.

В 1969 г. у олекминских, в 1971 г. у зейских, нюкжинских, тындинских и урканских эвенков автором был отмечен обряд захоронения соболя.

Обряд захоронения тушки соболя производился ночью в период перекочевок. Сначала соболя обдирают, затем охотник надрезает ему коленные суставы задних и передних ног, хвост проталкивает в надрезы на задних ногах, тушку сворачивает, а кончик хвоста вставляет между зубами. Затем тушку упаковывают в тряпку, на которой зверька обдирали, и сверток завязывают охотничим ремнем крестнакрест. Утром перед охотой ремень снимают и тушку прячут в такое место, где ее не достанут ни птица, ни хищный зверь. Считали, что благодаря подобному действию душа соболя попадет к энекан буга и на следующий год вернется в новом обличье соболя. К тому же, как считали эвенки, этим обрядом они приманивают соболя, и он смело идет в ловушки или на выстрел.

Для удачи в пушном промысле эвенки собирали соболиные носы, лапки белок, шкурки пушных зверьков с необычным окрасом или какими-либо пятнами. Считалось хорошей приметой проглотить беличьи глаза. Каждую шкурку пушного зверя необходимо было окунуть дымом от жира на огне. Ни в коем случае нельзя было жарить кровь пушного зверька на огне, давать пушнинунюхать собаке и дарить шкурки пушного зверя. Считалось, что нарушение этих запретов и поверий приводило к неудачам в охотничьем промысле.

У верхнеамурских эвенков во время перекочевок глухарь был основным источником пополнения свежего запаса мяса. В результате у этих групп эвенков возник куль глухаря, различные связанные с ним приметы и поверья. Вначале убитую птицу ощипывают (головку, крылья и хвост не трогают), затем отрезают голову, крылья, хвост, вытаскивают внутренности и все кладут на небольшой лабаз, закрепленный на дереве, в таком же порядке, как у живой птицы. Голову, хвост и крылья опаливать запрещается.

Культовое отношение к глухарю у тунгусов возникло, по всей вероятности, в глубокой древности. Это предположение подтверждают изображения глухарей на неолитических писаницах Сакачи-

Аляна²⁶, на писаницах раннего железного века по р. Арби²⁷, на средневековых писаницах около бывшего пос. Средняя Нюкжа²⁸.

Если охотника долгое время преследовали неудачи в промысле, то проводился обряд *бзюнкан*. Этот обряд был записан автором в 1977 г. у тындинских эвенков. Его совершили перед началом охотничьего сезона. Суть его в следующем: охотники в одиночку уходят в тайгу и делают три изображения лося из прутьев: самца, самку и телка (берут прутья тех растений, которыми кормится лось). Ставят их где-нибудь на полянке и уходят в чащу. Выглянув из-за кустов, охотник говорит: «О! Кормятся лоси», — и начинает подкрадываться. Подходит на такое расстояние, чтобы не промахнуться из мелкокалиберной винтовки или сбить изображение шомполом. Некоторые охотники изготавливают лук и стрелы и стреляют из них. Сбив «самца-лося», говорят: «О, какого жирного лося послала буга», — разрубают его на три части и укладывают на изготовленный небольшой лабаз. В том случае, если охотник не попадал в изображение или «охота» была неудачной, обряд повторялся. В одном из вариантов обряда, перед тем как выстрелить из лука, на изображение оленя или лося набрасывался аркан. К этому обряду добавилось затем еще одно действие — магическая охота с собакой. Охотник изготавливал изображение не только лося (оленя), но и собаки. Вся процедура повторялась, но если от выстрела «зверь» не падал, то «собаку» били и забрасывали в тайгу, затем стреляли в «зверя» вторично²⁹.

Об интересном обряде, бытовавшем у верхнеамурских эвенков, рассказал 80-летний эвенк из пос. Бомнак Ф. С. Яковлев. Заключается он в следующем: если охотнику долгое время не сопутствует удача, то он считает, что его самого и все его охотничьи принадлежности «сглазили» другие люди или враждебные духи. Чтобы избавиться от их влияния, делается идол чичипкан, а из прутьев или травы — изображение человека с собакой. Перед обрядом разводили костер, ставили чичипкан, одевались в охотничью одежду, брали идола сэвэкичан и амулет синкен, а также изготовленное чучело человека с собакой и проходили через чичипкан три раза. Вначале два раза проходили с изображениями, а третий раз, как будто нечаянно, отводили руку с чучелом назад. Сам участник обряда проходил, а макет человека с собакой заикался в чичипкан. Чичипкан быстро заматывали ровдужным ремнем, чтобы макеты человека и собаки не смогли «вырваться». Некоторые охотники чичипкан с чучелами сжигали на костре, приговаривая, чтобы больше не попадались. Другие же, защемив неугодных мнимых духов, брали ментая и били зажатые в чичипкан чучела, также приговаривая, чтобы больше не попадались. После этой церемонии брали чичипкан вместе с чучелами и уносили в лес, положив чучела головой на заход солнца. Совершив обряд, охотник тщательно окуривал юрту, все святыни семьи и самого себя. Старики утверждают, что подобный обряд помогал, после его проведения начинался удачный промысел на охоте.

К частным обрядам добычи охотничьей удачи у верхнеамурских эвенков можно отнести и постоянные просьбы послать на охотника зверя. Обращаясь с такой просьбой, бросали в огонь кусочек мяса, вешали на дерево шкурку зверя-альбиноса или белую ткань. К числу этих обрядов можно отнести кормление амулета синкен. идола сэвэкичан, обращения к наму и помазывание его кровью.

Одним из ведущих обрядов охотничьей магии был обряд *синкеллаун* — добычи охотничьей удачи. Его проведение у эвенков падало на октябрь — месяц начала охоты. Состоял обряд из четырех циклов:

изготовление из прутьев изображений парнокопытных животных — бэюн; «хождение» шамана к энекан буга с просьбой послать зверя и охотничью удачу — синкен; магическая охота-«скрадывание», отстрел, разделывание и помещение на лабаз изображений парнокопытного зверя из прутьев; четвертым циклом проводилось очищение охотников от неугодных духов. Это был родовой праздник.

Обычно в первой половине октября эвенки во главе с шаманом собирались в заранее облюбованном месте, ставили лагерь и невдалеке оборудовали шамансскую юрту. Подготовив декорацию обряда, охотники, участвовавшие в наступающем сезоне в охотничьем промысле, расходились по тайге и заготавливали прутья тех деревьев и кустарников, которыми кормятся парнокопытные животные. Сделав из прутьев изображения этих животных, участники обряда подбирали место, где было много корма для зверя, расставляли чучела животных в тайге и возвращались в лагерь.

Камлание начиналось через три дня после того, как были изготовлены и спрятаны изображения из прутьев бэюнкан. Шаман «летал» к энекан буга, выпрашивал в нее разных зверей для охотников и «распускал» их по тайге.

На утро следующего дня, после восхода солнца, начиналась третья часть обряда — очищение охотников путем прохождения через чичипкан. Начиная камлание, шаман в своем пении обращался к духам-помощникам и к чичипкан с просьбой, чтобы они оградили сородичей от враждебных духов и зловредного глаза. Выйдя из юрты, подталкиваемые бубном участники обряда под шаманское пение трижды проходят между «ног» чичипкан, подбрасывая в костер болотный багульник. В это время в своем пении шаман обращается к духам-помощникам и ментая, чтобы те «очистили» всех охотников от враждебных духов и плохого глаза и чтобы охота для каждого была удачной. В этот же день имитируется и магическая охота на изображения парнокопытных зверей из прутиков бэюнкан.

Окончив церемонию очищения, участники обряда расходятся по тайге, отыскивают заранее расставленные чучела, берут лук со стрелами и начинают имитировать магическую охоту. Они прибегают ко всем охотничьим приемам, имитируя, как они осторожно подкрадываются к зверю. Подкравшись к макету животного, «стреляют» наверняка, и только в самца. Если животное не падало, то его переворачивали. «Убитое» чучело животного из прутиков «разделывали» по всем традиционным правилам. Затем делали небольшой открытый лабаз и складывали на него разделанную «тушу», присыпая сверху снегом. Обряд заканчивался песнями и плясками при участии всех членов рода.

По материалам А. Ф. Анисимова и Г. М. Василевич, близкие по значению обряды встречаются у большинства эвенкийских родов. А. Ф. Анисимовым записан обряд под названием «Шэнкэлэвун» у сымских эвенков ³⁰. Г. М. Василевич отмечает, что к западу от Енисея эти обряды совершались на весеннем празднике оживления природы, к востоку — большей частью осенью, перед началом промысла. Во всех случаях центральным моментом обрядов являлись танцы, имитирующие погоню за лосем и его убиение.

Существенные моменты этих обрядов, совершаемых с целью достижения удачи на охоте и для увеличения стад: 1) «уход» шамана в верхний мир; 2) возвращение его оттуда в образе оленя; 3) сцена ловли оленя-шамана арканом; 4) стряхивание шаманом с себя подобно оленю шерстинок, которые должны превратиться в реальных животных ³¹.

Охотничьи пантомимы у долган, по сообщению А. А. Попова, близки по своему значению эвенкийским. В них фигурирует магическое убийство зверя. Охотники делают деревянные изображения оленя и стреляют в него, желая обеспечить удачу на промысле. В шаманском культе у долган в модифицированном виде содержатся те же элементы, что и в цикле обрядов шэнкэлэвун³².

Колдовские охотничьи обряды привлечения зверей и обеспечения удачи на промысле известны также по работам С. Н. Крашениникова³³, В. Г. Богораз-Тана³⁴ и других исследователей.

В основе упомянутых обычаяев, обрядов, оберегов и запретов лежали меры предосторожности охотников, боявшихся спугнуть добычу или накликать враждебных духов шумом, разговором, необычным поведением. Уподобляя животных человеку, эвенки признавали за ними, например, способность мстить, что могло выразиться как в непосредственном нападении на человека, так и в неудачном промысле. В связи с этим нельзя было плохо говорить о животных, высмеивать их, причинять им страдания, убивать больше, чем необходимо. Эвенки верили во все эти тысячелетиями сложившиеся законы, строго хранили и соблюдали их.

Помимо верований и обрядов, связанных с живыми и добытыми животными, в промысловом культе верхнеамурских эвенков большое место занимало почитание сверхъестественных существ, защитников и покровителей животных, растительного мира и рода человеческого — сэвэки и энекан буга с их ближайшими помощниками.

Эвенки-орочоны, проживающие в таежной зоне Приамурья, высшим божеством считают энекан буга. Представляют ее как очень старую сгорбленную женщину с добрым лицом, в длинном платье из ровдуги. Волосы зачесаны назад или на голове капюшон. В левой руке она держит мешочек чэмпули, полный шерстинок — душ разных животных, в правой — шерстинку, чтобы подарить ее кому-нибудь из людей.

По рассказам, энекан буга на одном месте не задерживается. Она постоянно обходит свои владения и смотрит, как выполняются ее заветы и охраняются устои вселенной. Особенно она любит посещать скалы с наскальными рисунками, которым эвенки поклоняются и приносят жертвы, считая, что этим они задабривают энекан буга и ее помощников.

Луну (*бега*) эвенки-орочоны представляют в образе зеркала энекан буга. В полнолуние, при ясной погоде, на Луне видны контрастные пятна. Эвенки считают, что они похожи на изображение стоящей старушки с мешочком (чэмпули). По этому облику дух шамана ориентируется и отыскивает энекан буга, когда шаман «летит» к ней со своими просьбами. Отражение энекан буга на луне изображено на наскальных рисунках около бывшего пос. Смирновка³⁵ и на шаманских бубнах эвенков-орочонов³⁶.

Первоначальное представление об энекан буга было связано с лосем и оленем, так как еще до настоящего времени лося и оленя во время гона называют буга — божественный. На этот счет есть и прямые доказательства. На Средненюкжинской писанице энекан буга передана в образе огромного оленя, который как бы отгораживает верхний мир от нижнего (рис. 48).

Простые эвенки с энекан буга «общаются» через деревянных идолов *ментая* (в более ранних публикациях их ошибочно называли шэнкэнами). Идол ментая — это столбик из лиственницы со стилизованно выполненной антропоморфной головкой на конце. В неко-

Рис. 48. Средняя Нюкжа. Изображение вселенной.

торых случаях небольшими надрезами ножа намечались шея, глаза и рот. Руки и ноги не исполнялись. Его втыкали заостренным концом в землю у входа в жилище или вешали над входом, клади в детскую колыбель и т. д. В большинстве случаев головку ментая окрашивали красной охрой или мазали кровью домашнего животного. Идол ментая в религиозных верованиях и обрядах верхнеамурских эвенков использовался очень широко. Он противостоял злым подземным духам, недоброжелательным шаманам и их духам, был охранителем семьи, святынь рода и посредником между сэвэкичан, сэвэки и энекан буга. Использовали его и для охраны во время шаманских камланий, и при изготовлении святынь семьи и рода ³⁷. Изготовив ментая, эвенки высказывают ему свои просьбы, а затем ставят идола у скалы с рисунками. Подобные идолы обнаружены у писаниц по рекам Большой Онон, Геткан, Ковуйбут, Тунгурча, по Зее и Алдану.

Информатор К. В. Григорьев, изображая рисунок «полета» шамана к энекан буга за душами животных при обряде синкелаун, изобразил ментая в виде цифры ³⁸. Подобные изображения переданы на писанице Бараун Кондуй II (табл. 49).

Второй ярко выраженной особенностью в тематике наскального искусства таежной зоны Приамурья является отражение вселенной и родовой территории (наму) с их обитателями. Эти сюжеты зародились в раннем голоцене, в период существенных изменений в материальной культуре. В это время на писаницах появляются антропоморфные фигурки, птицы и зооантропоморфные существа. Наивысшее развитие эти сюжеты получили в эпоху металла.

Эвенки-орочоны средний мир — землю — представляют плоской. На востоке от земли, где восходит солнце, расположен верхний мир, на западе, где оно заходит — нижний. Сама земля выглядит как меховой коврик кумалан. С одной стороны над ней расположено

солнце, с другой — луна, между ними — звезды. Обитателей верхнего мира простым людям с земли не видно. Нижний мир также с земли не разглядишь. Вся земля разделена на родоплеменные территории.

Представления о вселенной в наскальных рисунках Приамурья особенно ярко отражены на первой плоскости писаницы около бывшего пос. Средняя Нюкжа (см. рис. 48). Оно имеет прямые аналогии с представлениями о вселенной у эвенков-орочонов.

Рисунки по стилистическим особенностям, цвету охры и жертвенному, обнаруженному у плоскости, делятся на четыре разновременные группы³⁹. Изображенный в верхней части плоскости больших размеров олень и животные, нанесенные снизу, датированы эпохой камня. Все остальные рисунки отнесены к позднему средневековью. Человек, наносящий поздние изображения, воспользовался рисунками своих предшественников и отразил вселенную в том виде, в каком он себе ее представлял. Несмотря на условность, древним художником отражены все основные черты представлений эвенков-орочонов о вселенной.

Верхний мир расположен в самом верху по центру плоскости. Он представлен солнцем, созвездием Большой Медведицы, Венерой, месяцем, двумя летящими птицами, двумя бегущими антропоморфными фигурками и шаманом, совершающим обряд. По расположению созвездия Большой Медведицы и месяца по отношению к солнцу видно, что изображалось утреннее время (восход солнца), т. е. древний художник этим подчеркнул расположение верхнего мира.

Солнце изображено окружностью, в человеческом обличье. От него отходят четыре овальные плоскости и между ними — четыре прямые линии. По представлениям эвенков-орочонов, солнце (сигун) имело образ женщины, и называли его энекан сигун (бабушка-солнце). От солнца зависела смена времен года. Считалось, что зимой оно сидит в своей юрте и копит тепло, а весной отпускает это тепло на волю, от этого начинает таять снег, вскрываются реки, наступают теплые дни. Смена дня и ночи объясняется в легенде, рассказанной автору в 1976 г. Н. И. Антоновым.

«Это было давным-давно, когда земля еще не разрослась и была совсем маленькой, но на ней уже появилась растительность, жили животные и люди. В то время не было ночи, солнце светило круглые сутки. Однажды в осенний день лось-буга (лось-самец во время гона) схватил солнце и побежал в сторону неба. Лосиха-матка (эннын), ходившая с лосем, побежала за ним. На земле наступила ночь. Люди пришли в замешательство. Они не знали, что делать. В то время среди эвенков жил знаменитый охотник и силач Мани. Он единственный из эвенков не растерялся. Взял лук, позвал двух охотничих собак и побежал вдогонку за лосями. В это время лоси удалились и бежали по небу. Собаки Мани быстро нагнали и остановили их. Лось, видя, что от собак вдвоем не уйти, передал солнце лосихе, а сам стал отвлекать собак. Самка, улучив момент, резко повернулась и побежала в сторону севера к небесной дыре, чтобы скрыться от преследователей. Подоспевший Мани застрелил лося, но солнца у него не оказалось. Догадавшись, что лось передал его лосихе, стал искать ее глазами по небу и увидел, что она уже близко от небесной дыры и может скрыться. Тогда он с места стал стрелять в нее из своего богатырского лука. Первая стрела легла в двух промерах ее туловища спереди, вторая — в одном, третья точно угодила в цель. Как только Мани отобрал солнце и вернул его людям, все участники космической охоты превратились в звезды. С тех пор происходит смена дня и ночи,

и космическая охота повторяется. Каждый вечер лоси выкрадывают солнце, в свою очередь, Мани гонится за ними и к утру возвращает людям солнце».

Легенды о похищении лосем солнца записаны также А. Ф. Анисимовым и М. Ошаровым у эвенков Подкаменной Тунгуски⁴⁰. Персонажи этой легенды встречены нами и на наскальных рисунках по р. Мая. На них нарисованы два лося, самец и самка, преследуемые человеком с луком. У самки под брюхом — антропоморфное изображение солнца⁴¹.

Интересные аналогии этим представлениям имеются и на Быркинской писанице (табл. 78), где, как и на Майской писанице, под брюхом нанесенного ранее животного подрисовано солнце в человеческом обличье. Кроме того, на этой писанице, по всей вероятности, показан и сам Мани, несущий в руках людям отобранное солнце.

По преданию, связанные с описанной выше легендой четыре звезды, образующие ковш созвездия Большой Медведицы, являются следами лося-самца. Три звезды ручки ковша, три звезды пятой величины около них и наиболее близкая от созвездия Гончих Псов звезда — следы собак Мани, остановивших лосей. Сам Мани — пять звезд, расположенных ниже днища ковша, входящих в созвездие Большой Медведицы. Ковш созвездия Малой Медведицы — это следы лосихи, пытавшейся уйти от преследователей. Первая и вторая звезды ручки ковша — стрелы Мани. Третья звезда ручки ковша (Полярная звезда) — отверстие или дыра, через которую лосиха пыталась скрыться.

С созвездием Большой Медведицы у эвенков-ороочонов связан и второй вариант легенды. Он был рассказал в 1980 г. К. В. Григорьевым.

«Однажды в осенний охотничий день собрались у костра эвенк, юкагир и чукча. При разговоре заспорили, кто из них лучший охотник. Чтобы доказать на деле, они в тайге отыскали лося и погнались за ним. Предварительно договорились: кто первый из них догонит и убьет зверя, тот и лучший охотник. Зверь попался сильный, долго водил их по тайге, но, выдохшись, побежал по небу. Охотники продолжали его преследовать: первым бежал эвенк, вторым — юкагир, третьим — чукча. Как только все они вбежали на небо, так сразу превратились в звезды. Ковш созвездия Большой Медведицы, состоящий из четырех звезд, — это лось, первая звезда ручки ковша — эвенк, вторая — юкагир, третья — чукча. А звезда из созвездия Гончих Псов, расположенная около последней звезды ручки ковша, — это собака эвенка, которая участвовала в охоте за лосем, но отсталла от охотников».

Венера на Средненюкжинской писанице изображена окружностью в человеческом обличье с отходящими лучами. Эту звезду эвенки называют Чалбон. С ней связаны шаманские обряды верхнеамурских эвенков. Они считают, что эта звезда является прародиной людей, на ней помешены неродившиеся души (оми) всех людей, в том числе и шаманов. Путь на Чалбон открыт только сильным шаманам. Из их рассказов и сложились представления о звезде Чалбон у простых эвенков.

Выше шамана и левее его на Средненюкжинской писанице изображены две летящие птицы и две бегущие антропоморфные фигуры. Это, по представлениям эвенков, обитатели второго яруса верхнего мира. Во втором ярусе верхнего мира жизнь такая же, как на земле. Он разделен, как и земля, на родовые территории — стойбища, поселки и временные стоянки. Есть в этом ярусе болота, реки

и тайга. Только живут здесь не реальные звери, птицы, растительность, а живые души умерших или погибших предков. Люди тоже не настоящие, а живые души умерших предков. У живого человека душа называется хэян. Когда он умрет, в его теле поселяется новая душа — мугды, а душа хэян вылетает из тела и делится на две души: оми, которая улетает на родовую территорию неродившихся душ, и хэян, которая поселяется на родовой территории живых душ умерших предков. Живут эти души такой же жизнью, как и на земле, охотятся, занимаются рыбной ловлей, оленеводством, но окружают их не живые существа — рыбы, олени и т. д., а живые души их умерших предков.

На третьем ярусе верхнего мира, или первом от земли, живет энекан буга. Эвенки представляют ее в антропоморфном виде, но на Средненюкжинской писанице она передана в образе огромного оления, который как бы отгораживает верхний мир от нижнего. Главными помощниками энекан буга являются энекан того, агды и сэвэки.

Энекан того эвенки представляют в образе очень старой сгорбленной женщины, за плечами у которой мешочек с углами. Постоянным местом обитания энекан того был очаг.

По верованиям эвенков, огонь обладал сверхъестественной силой изгонять злых духов. Эвенки при помощи огня очищали от злых духов юрты, при длительной неудаче в охоте — охотничье снаряжение; перед камланиями очищали шамансское снаряжение.

Во время эпидемий в очаге меняли огонь и добывали его путем сверления. Невеста приобщалась к роду мужа после того, как «угощала» огонь жиром. Эвенки постоянно обращались к огню с мелкими просьбами: послать зверя, благополучие и здоровье семье, здоровье оленему стаду и т. д. Они постоянно приносили ему жертвы, бросали первый лакомый кусочек еды.

Связь с огнем и его почитание у эвенков складывались тысячелетиями, они красной нитью проходили через все обряды культа духов-охранителей. Всюду, где фигурируют эти духи, поклоняются и духу огня; когда совершали обряды кормления духов-охранителей, кормили и духа огня; когда чествовали защитников и кормильцев семьи по случаю удачной охоты, прежде всего угощали духа огня и т. д. В представлениях и обрядах, связанных с культом огня, он выступает, с одной стороны, как хозяин и глава семьи или рода, а с другой — как хранитель душ членов этой семьи или рода.

Образ энекан того, очень близкий к рассмотренным представлениям, отражен на писаницах Бараун Чулутай (табл. 18, 17) и по р. Архаре (табл. 95, 21). Его аналогии имеются и в шаманской атрибутике эвенков-орочонов ⁴².

Гром и молнию эвенки называли одним словом агды (гроза). О внешнем облике агды были разноречивые представления. Зейские эвенки считали, что это — железная птица, похожая на орла, с огненными глазами. При ее полете происходит гром, а от сверкания глаз — молния. Нюкжинские и амурские эвенки представляли агды в образе многоликого пляшущего существа с медвежьей головой, человеческим телом и крыльями орла. Трехпалость его рук, как считают верхнеамурские эвенки, свидетельствует о его принадлежности и властовании в трех мирах: верхнем, среднем и нижнем. В правой руке он держит огненный шар — шаровую молнию. На крыльях у него каменные кинжалы, из головы торчат огненные кинжалы. Многие шаманы верили в то, что агды является их духом-помощником и они могут при надобности в любое время наслать его на

противника. А у некоторых шаманов он мог быть и духом-покровителем⁴³. Если шаман делал своим духом-помощником огненную птицу агады, то он, чтобы агады без его ведома не боялись, закрывал ему глаза металлической пластинкой.

Верхнезейские эвенки в раннем средневековье, по всей вероятности, агады представляли в антропоморфном облике в виде пляшущего человека с трехпалыми расставленными в стороны руками и торчащими из головы огненными кинжалами. Таким он отражен на Оненской писанице в верховьях Зеи⁴⁴.

Одним из влиятельных помощников энекан буга на земле был сэвэки. Эвенки считали сэвэки добрым духом, постоянно заботящимся о человеке. О его внешнем облике бытовали разноречивые рассказы. Одни говорили, что это очень старая женщина, другие представляли сэвэки в облике старика, третьи — в образе лося или лосихи. Многие рассказывают, что это молодая, на редкость красивая эвенкийская девушка.

Г. М. Василевич в 1947 г. записала бытовавшее у верхнеамурских эвенков предание, в котором повествуется о том, что хозяин зверей и растительности — молодая красивая девушка⁴⁵.

Представление о внешнем облике сэвэки можно получить из рисунков на ритуальных ковриках наму. Здесь сэвэки изображен в антропоморфном облике, но пол определить затруднительно⁴⁶. На Средненюкжинской писанице сэвэки, по всей вероятности, передан в центре плоскости. Это бегущий человек с ружьем, выполненный в реалистической манере и отличающийся своими размерами от окружающих антропоморфных фигурок (рис. 48).

Нижний мир на Средненюкжинской писанице изображен в верхнем правом углу. Он представлен солнцем, созвездием Большой Медведицы, месяцем и образом *харги* (злой дух потустороннего мира). По расположению Большой Медведицы и месяца по отношению к солнцу видно, что изображено вечернее время дня (заход солнца). Этим древний художник подчеркнул расположение нижнего мира.

По представлениям эвенков-орочонов, нижний мир делится на три яруса. В первом ярусе нижнего мира (далнем от земли) расположена земля умерших предков (буни). Там умершие сородичи живут как все жители земли. Эвенки считают, что души предков всегда пляшут, руки у них приподняты и расставлены в стороны. Подобные рисунки с пляшущими человечками встречаются на писаницах Олекмы, Лены и Ангары.

Вторым ярусом нижнего мира является река *тунето* (букв. «обломки»). Через реку тунето не могут переправиться ни жители земли буни, ни жители третьего яруса нижнего мира. Это доступно одним шаманам. Река тунето вся в сплошных завалах, водоворотах и порогах. Рассказывают, были случаи, когда души более слабых шаманов «погибали» в реке тунето во время камланий.

Третий ярус нижнего мира (наиболее близкий к земле) — владения *харги*. Это самый злой дух. Он постоянно приносит людям только горе. Если бы не добрые духи — энекан буга и ее помощники — он давно бы умертвил всех людей и полезных животных.

По внешнему облику *харги* напоминает обычного эвенка, только он в несколько раз выше и массивнее. Вместо правой кисти у него страшная человеческая голова с оскаленными зубами, на левой руке огромный коготь. Некоторые считают, что вместо ног у него култышки, правая чуть ниже колена, левая до колена. Голова у него совершенно лысая, а туловище заросло шерстью. Некоторые информаторы утверждают, что *харги* вообще одногоний.

На рассматриваемой плоскости харги выполнен в реалистической манере. Одна рука у него приподнята, вторая как бы спрятана за спину. Ноги расставлены. Одна нога изображена полностью и со ступней, вторая — до колена (см. рис. 48).

Наиболее близкий помощник харги — его правая рука с человеческой головой вместо кисти (*бальбука*). Харги может высунуть ее из земли в любом месте. Человек, увидев его, пугается, а харги хватает его когтем левой руки и выпивает из него кровь. Человек после этого долго болеет и, если ему не поможет шаман, в конце концов умирает. Если человек не пугался, то харги не мог его тронуть.

Другой помощник харги — *кандыках*. Его представляют в виде антропоморфного существа без головы. На ногах и руках у него нет кистей. Левая рука короткая, правая — длинная. Вместо головы на туловище огромная пасть.

Эвенки полагают, что кандыках — величайший обжора. Правой рукой он открывает свою пасть, а левой забрасывает туда большие куски мяса. Он постоянно хочет есть. Чтобы досадить людям, харги иногда во время охотничьего сезона напускает своего помощника кандыках на охотников. Охотники стреляют в зверя, но тот даже мертвый уходит от них. Это проделки кандыках, который потом ловит и глотает зверя. Если на земле орудует кандыках, то людям грозит голодная смерть.

С ним может справиться только энекан буга с помощью агды. Когда кандыках появляется на земле, то буга приглашает агды и просит его бросать в рот кандыках раскаленные кинжалы. При этом кандыках обжигает желудок и надолго уходит в нижний мир лечиться.

Образы представителей нижнего мира — харги и его помощников бальбука и кандыках, судя по наскальным рисункам, зародились у эвенков не менее трех тысячелетий тому назад. Они присутствуют на писаницах эпохи бронзы и раннего железного века в бассейнах Лены, Алдана и Верхнего Приамурья.

Особенно ярко образ харги и его помощника бальбука изображен на писанице по р. Большой Онон, притоку р. Большой Іжельтулак, впадающей в Гилую. Зооантропоморфная огромная фигура с длинными изогнутыми рогами и округлой головой единственной своей ногой наступила на небольшого лежащего человечка. На конце его правой руки круглое утолщение — это бальбука. Подобные изображения, но выполненные в более схематичной манере, можно найти и на других писаницах⁴⁷.

Третий ярус нижнего мира заселен не только злыми духами, есть там и благожелательные духи — охранители спокойствия на земле и помощники шаманов при хождении в нижний мир: лягушка (*бага*), мамонт (*сэли*) и змея (*кулин*).

Все то, что изображено на Средненюккинской писанице между верхним и нижним мирами, представляет средний мир — землю. На ней переданы изображения сидящих птиц, животных и антропоморфных фигурок. От верхнего и нижнего миров земля отделена шестью вертикальными сплошными линиями.

О происхождении земли у эвенков-орочонов существует два представления. Одни считают, что появлением земли они обязаны лягушке (баха), другие предпочтение отдают гагаре (*укан*).

П. И. Антонов из рода Чакагир рассказал автору такую легенду.

«Когда-то были вода и небо. В воде жили змея и лягушка. На небе светили солнце, луна, звезда Чалбон, там обитала энекан буга со своими небесными помощниками. Змея была уже старой, часто уставала и очень мерзла в воде. Однажды она попросила свою помощницу-лягушку достать земли и укрепить ее на воде, чтобы змея могла отдыхать и греться на солнце. Лягушка нырнула и достала землю. Когда она начала ее укреплять, то земля стала тонуть. В это время подплыла змея. Лягушка испугалась, что змея будет ругать ее за беспомощность, перевернулась и стала лапами поддерживать землю. Так и осталась до настоящего времени».

О происхождении гор, рек, озер Н. И. Антонов говорил, что, когда появилась земля, энекан буга поселила там мамонта — сэли. Змее это не понравилось, и она начала изгонять мамонта с земли. Они дрались между собой до тех пор, пока не провалились под землю. После этого они помирились и стали духами-охранителями в нижнем мире. Кучи земли, которые они наворотили во время драки, превратились в горы, а углубления — в реки и озера.

Многие эвенки считают, что землю сотворила гагара. Произошло это так. Вначале была вода. Жили тогда два брата — харги и сэвэки Сэвэки был добрым и жил вверху, а злой харги — внизу. Помощниками у сэвэки были гоголь и гагара. Гагара нырнула и достала землю. Постепенно земля разрослась и приняла современный облик. Относительно сотворения гор, озер и рек эвенки единодушно полагают, что это деятельность сэли и кулин.

Предания о сотворении земли лягушкой или гагарой, мамонтом или змейей отмечены этнографами и у других групп эвенков⁴⁸.

Творцы земли — лягушка, мамонт и змея — являются ближайшими духами-помощниками нижнего мира в шаманской мифологии верхнеамурских эвенков. Они занимают наиболее почетные места в шаманской атрибутике, считаются духами-покровителями шамана. При этом необходимо подчеркнуть, что лягушка, мамонт и змея связаны лишь с шаманской космогонией и встречены сейчас у эвенков только среди шаманских регалий.

Остановимся теперь на мамонте. Его образ вобрал в себя совершенно фантастические элементы, обязанные своим происхождением не практическим наблюдениям, а религиозным воззрениям, унаследованным из глубокой древности. Это находит свое подтверждение в наскальных рисунках рубежа нашей эры в Верхнем Приамурье, изображающих борьбу мамонта со змейей при образовании гор, озер и рек на земле. На Арбинской писанице представлено гигантское животное, борющееся со змейей. Животное с эллипсовидной головой, квадратным туловищем, четырьмя высокими ногами ухватило пастью извивающегося змея⁴⁹.

Характерной особенностью изображения мамонта у верхнеамурских эвенков является его представление в разных обликах, многообразность. Так, на подвеске шаманского костюма наиболее сильного шамана начала XX в. С. А. Григорьева из рода Каптугар мамонт был изображен в образе налима с небольшими ножками и лосиными рогами.

Иногда мамонт изображается в образе лося. При проведении весеннего обряда сэвэкан Н. А. Николаев из рода Донгой изготовил мамонта в образе стилизованно выполненного лося. В декорации обряда он стоял у входа в шамансскую юрту, как земной страж шаманских духов и участников обряда⁵⁰.

На шаманских костюмах эвенков-орочонов вселенная с ее планетами и обитателями передавалась в упрощенном виде. Символы

верхнего мира, как правило, помещались на плечах задней части куртки или на головном уборе, нижнего мира — ниже пояса, земли или среднего мира — между верхним и нижним мирами. На кафтане И. И. Яковлева из рода Буллёт вселенная представлена на спинной планкой, на которой земля, или средний мир, передана тремя горизонтальными линиями. Нижний мир показан девятью ломанными треугольными выступами, верхний мир — прямоугольным пространством выше «земли».

В центре символа верхнего мира расположена рогатая голова лося. Это вместилище главного духа-покровителя шамана. Нашитая левее ее и чуть выше квадратная пластина с отверстием по центру обозначает родовую территорию шамана со входом в нижний мир, охраняемым шаманским оберегом — идолом ментая в виде эллипсвидной пластинки. Правее головы укреплен металлический круг, передающий образ солнца.

Вместилищем духов-помощников верхнего мира считались изображения волков, тигров, медведей и антропоморфной фигурки. Все они расположены на кафтане под рукавами, напротив полос, обозначающих средний мир.

Вместилищами духов-помощников нижнего мира представляются изображения тайменей, змей и антропоморфной фигурки. Укреплены они на первом, восьмом и девятом зубцах на спинной планке.

Судя по символике костюма и со слов информаторов, шаманская сила И. И. Яковлева исходила из верхнего мира. Поэтому его «хвост» *эргиевлен*, в котором, по поверьям, сосредоточена вся шаманская сила, укреплен на спинной планке в области, очерчивающей верхний мир. Голова лося, символизирующего главного духа-покровителя шамана верхнего мира, укреплена на центральной полосе корня «хвоста», а главный дух-покровитель шамана нижнего мира — многохвостый змей — размещен на «хвосте» ниже на спинной планки.

Не менее интересное представление о вселенной дает кафтан А. И. Ростолова из рода Ниноган, имевшего корни снизу.

Шапка и кафтан А. И. Ростолова в едином комплексе передают образ вселенной с ее духом-покровителем и духами-помощниками. Земля показана эллипсовидной пластиной с десятью входами в нижний мир. Ее изображение расположено на поясничной области кафтана. К символу прикреплены образы духов-помощников нижнего мира: две рыбки и мамонт. Две пластины, укрепленные под мышками, представляют неведомые заморские земли. Верхний мир символизируется шапкой и пространством на спинке куртки, между изображениями неведомых земель. Солнце передано бронзовым зеркалом на шапке шамана. Солнце к тому же является и покровителем вместилища шаманской души, которое представлено в образе лебедя, обшитого ровдугой и укрепленного под образом солнца.

Считается, что главным духом-покровителем шамана был агды. Он передан в зооантропоморфном обличье, его изображение расположено на центральном и самом высоком месте по сравнению с остальными духами-помощниками. Вместилища заморских духов-помощников — двуглавые птицы *бамул*, фантастические животные и фантастическая ушастая птица. Вместилища небесных духов-помощников переданы образами медведей, парнокопытных и хищных животных, птиц, тигра и головой медведя, подвешенными на фаллоах. Все вместилища небесных, земных и заморских духов расположены выше символа среднего мира — земли, между заморским и землями.

Представление о нижнем шаманском мире дают прикрепленные к пластине изображения на спинке кафана, символизирующей землю, и поясная бахрома. Основными вместилищами духов-помощников нижнего мира являются мамонт с рыбками и всевозможные ящерицы и змеи.

На шаманском костюме А. И. Ростолова имеются три «хвоста»-эргивлен. Один «хвост» с гарпуном и рыбкой имеет силу только в нижнем мире, другие два имеют силу во всех трех мирах. На это указывает наличие у одного из них трех кисточек на конце, у второго — трех отростков на конце хвоста.

Ярким своеобразием отличаются символы, дающие представление о вселенной, на шаманской одежде С. А. Григорьева из рода Каптугар.

Верхний мир, или владения энекан буга, изображен на парке круговой бахромой, опоясывающей грудь, плечи и спину. Состоит она из 177 лент, каждая из которых обозначает шамансскую дорогу к энекан буга. Пространство, опоясанное бахромой, является входом в верхний мир. В этом пространстве на правом рукаве — лучи, отражающиеся от луны. На левом плече расположено солнце, а бахрома на левом рукаве символизирует его лучи. Луна и солнце переданы однотипно, округлыми металлическими пластинами. Округлые металлические пластины на груди символизируют неведомые для шамана, но существующие во вселенной земли. Так как они неизвестны шаману, то на них нет шаманских дорог, изображаемых полосками.

Символ шаманской родовой земли укреплен чуть ниже бахромы. В ее центре — вход в нижний мир; радиальные полоски по окружности обозначают шаманские дороги. К тому же земля символизирует сердце главного духа-покровителя шамана, вместилищем которого является изображенная во всю спину кафана шкура рыси. Контуры шкуры рыси обозначают границы влияния шаманской силы в верхнем, среднем и нижнем мирах.

Правее изображения земли под бахромой укреплена звезда. Это Чалбон. На ней расположена родовая территория неродившихся душ оми. Прямые насечки на окружности обозначают шаманские дороги и территорию, знакомую шаману.

Представление о нижнем шаманском мире на парке дают три круговых ряда поясной бахромы. Основание бахромы верхнего ряда означает начало первого яруса нижнего мира. Основание бахромы второго ряда символизирует конец первого яруса и начало второго, а основания бахромы третьего ряда показывают конец второго и начало третьего яруса — земли буни.

Вход в первый ярус нижнего мира показывает отверстие, вырубленное в трехкопеечной монете 1916 г., подвешенной к верхнему круговому ряду бахромы на спине около контура шкуры. Считается, что во второй ярус нижнего мира шаман попадает по двум жгутам через кольцо, опоясывающее их, в основании второго поясного ряда бахромы. В третий ярус нижнего мира шаманского пути нет, попасть туда, по представлениям эвенков, он не может.

Судя по размерам изображения шкуры рыси и со слов информаторов, сила шамана в первом ярусе нижнего мира распространяется на довольно обширную территорию. Во втором ярусе нижнего мира шаманская сила действует на небольшом участке, очерченном кончиком хвоста шкуры рыси. Этот участок служит шаману дорогой для сопровождения в землю буни души умершего предка мугды.

По словам К. В. Григорьева, первый ярус нижнего мира шаман «посещал» довольно часто, об этом свидетельствуют изображения ви-

денных шаманом неизвестных земель, которые сосредоточены в трех скоплениях. Волнообразные края двух окружностей и ровдужные полосы, подходящие к ним, показывают, что шаман эти земли посещал, но в глубину территорий не заходил. Ровдужные полосы обозначают дорогу к этим мирам.

Подвешенный вниз туловищем костяк с цепочкой является скелетом души мугды умершего предка, которая является покровителем шамана в нижнем мире. О том, что этот скелет принадлежит обитателю нижнего мира, говорит положение туловища; кроме того, у него нет отверстий для рук, а дух-покровитель, по представлениям эвенков, безрукий, как и идол мугдыгра — вместилище души мугды.

Тринадцать пар пластин, расположенных на вертикальных отрезках проволоки, символизируют ребра духа-покровителя шамана в трех мирах, вместилищем которого является нарисованная шкура рыси, а подвешенная ровдужная полоса с 25-ю металлическими ободками — его позвонки.

Вместилищами духов-помощников шаманов верхнего мира считаются кукушки, дятлы и птица агды с топором, укрепленным снизу. Все они расположены на груди шаманской парки.

Вместилище шаманской души в образе водоплавающей птицы обшито ровдугой и подшито под мышкой правого рукава под охраной солнца, которое символизируется матерчатой петлей на правом рукаве.

Из «хвостов»-эргивлен, в которых сосредоточена шаманская спля, три берут свою силу с верхнего мира, один — с земли.

Второй кафтан С. А. Григорьева по своему изготовлению и символам, представляющим вселенную, близок к первому, но имеются и различия. Верхний мир на нем изображается рукавами и верхней частью куртки. Продольные линии на рукавах символизируют шаманские дороги в верхнем мире, поперечные круговые — шаманские проходы в верхнем мире. На левом рукаве представлен месяц, на правом нарукавной повязкой передано солнце.

Земля изображена окружной металлической пластиной. Центральная окружность на пластине символизирует вход в нижний мир, радиальные линии — шаманские дороги. Расположена на правом нагрудном клапане.

Вместилище духа-покровителя шамана — медвежья голова, которая расположена по центру на спинной планке и занимает главное положение по сравнению с присутствующими духами-помощниками.

Одним из могучих духов-помощников является тигр, помещенный в клетку, под охраной духа-покровителя шамана в образе медвежьей головы и духов-помощников в образах кукушек.

Вместилищем шаманской души считается летящая птица, обшитая ровдугой и подвешенная к левой стороне на спинной планке.

Нижний мир на костюме передан, как и в вышерассмотренном костюме С. А. Григорьева, тремя круговыми рядами поясной бахромы, символизирующими три яруса. Входами в первый ярус считаются отверстия в овальных пластинах, расположенных в верхнем ряду бахромы по бокам. Входом во второй ярус служит кольцо, к которому подвешены две пластины. Треугольная пластина с девятью вдавлениями символизирует родовую территорию умерших предков.

Парка имеет девять «хвостов»-эргивлен. Два наиболее длинных подшиты к на спинной планке и «питаются» силой верхнего мира. Остальные семь «хвостов» подшиты к первому круговому ряду бахро-

мы, поскольку своим происхождением и силой шаман обязан покровителям земли. Главенствующее положение среди них занимает «хвост» с изображением тигра. Он расположен по центру парки и имеет девять маленьких дополнительных жгутов и один большой, свидетельствующие о том, что сила шамана распространяется во всех мирах.

Необычное представление о вселенной несет шаманская парка с бассейна р. Нюжи.

Нашитая ровдужная полоса вдоль верхней части рукавов несет многоплановую нагрузку: она символизирует лопаточные кости и кости рук, а также небесный свод, состоящий из трех ярусов верхнего мира. Правый рукав ассоциируется с нижним ярусом, спина — со вторым ярусом, а левый рукав — с верхним ярусом верхнего мира. Раздвоение верхней нашивки на левом рукаве представляется входом в верхний ярус, а пространство между нашитыми планками, не перекрытое металлическими пластинками, — входами в нижний и средний ярусы.

Вместилищем духа-покровителя шамана считаются рога лося. Они укреплены по центру на спинной планки и занимают главенствующее положение. Вместилищами духов-помощников верхнего мира являются птица, относящаяся к роду ястребиных, насекомые, бабочки. Все они прикреплены к ровдужной полосе на спине парки.

Погремушки, подвешенные вдоль спины и правого рукава, исполняли функции «голосов», собирающих шаманских духов. Роль месяца выполняет серпообразная, с девятью треугольными выступами фигура на левом рукаве, выполненная из ровдуги. На присутствие солнца информаторы не указали.

Земля на парке представлена ровдужной полосой, помещенной на поясе. Все, что расположено ниже ее, относится к нижнему миру. Входом в нижний мир служит пространство между полосами на полах.

Вместилищами духов-помощников нижнего мира служат металлические рыбки. Эргивлен на парке своим происхождением и силой обязан земле. Пикообразный его конец, по мнению информаторов, указывает на то, что его сила распространяется на средний мир, а в верхнем и нижнем мирах шаман не имеет влияния.

Не менее интересные представления о вселенной верхнеамурских эвенков переданы и на шаманских бубнах. На бубне И. И. Яковлева вселенная передана на обеих сторонах бубна. На внешней стороне земля изображена вертикально расположенной дугообразной двухцветной полосой. С одной ее стороны месяц, с другой — солнце, у которого центр и лучи закрашены черной краской, а ободок круга — красной. По представлениям эвенков, это солнце спустилось в нижний мир, поэтому оно имеет такой вид. Нижний мир показан подковообразной трехцветной фигурой. В верхней части изображена сидящая антропоморфная фигура, изо рта которой отходит полоса, выполненная кровью. Рисунок символизирует шамана, кормящего кровью духов нижнего мира. Правее шамана изображена бегущая лосиха, которая считалась духом-покровителем шамана.

Обратная сторона бубна символизирует родовую землю со входом в нижний мир и дороги в потусторонние миры. Квадрат, исполняющий роль ручки, называют чунурэ (центр, пуп), а пластину, опоясывающую квадрат, — дуннэ (земля). По всей вероятности, этим словом эвенки называли первоначально пространство между ручкой и опоясывающей ее пластиной, а центральное отверстие в рукояти

считали входом в нижний мир. Если же с обратной стороны бубна крестовина, исполняющая роль ручки, не имела центрального отверстия, то на внутреннюю сторону дополнительно наносились рисунки, которые копировали рукоять бубна с отверстием, но при этом земля заштриховывалась шаманскими дорогами. На некоторых рисунках в дополнение к символу вселенной изображались духи-помощники и сама энекан буга. Характерно, что изображение энекан буга на бубне совпадает с вышеописанными представлениями о ней эвенков-орочонов. На этом бубне изображена не сама энекан буга, а ее отражение на луне, по которому шаманы разыскивают ее во время камланий.

Описание вселенной на внешней стороне бубна А. И. Ростолова напоминает охотничье наму эвенков Верхнего Приамурья. В верхней части бубна изображен вход в верхний мир, в нижней части — вход в нижний мир, по бокам — входы в потусторонние миры. Они охраняются зооморфными фигурками ментая, напоминающими медведей, стоящих на задних ногах. Сверху над землей показаны солнце и месяц. Вокруговую по бубну изображены основные духи-помощники шамана: лоси, изюбр и медведь. С обратной стороны бубна крестовина для держания и ее крепление символизируют землю со входом в нижний мир и шаманские дороги в потусторонние миры.

Изображение вселенной с ее тремя мирами, очень сходное с рассмотренными рисунками на шаманских бубнах эвенков-орочонов, передано на Гетканской писанице (рис. 42)⁵² и на писанице по Архаре (табл. 82, II; табл. 84, II; табл. 85, I; табл. 87, V). На Архаринской писанице можно увидеть даже зоантропоморфную фигурку с бубном (табл. 94, III, 3).

Начиная с раннего голоцена и вплоть до поздних рисунков на писаницах таежной зоны Приамурья особое место принадлежит изображениям птиц. Среди них культовым почитанием пользовались: ворон (оли), орел (киран), лебедь (гах), гагара (укан), чирки (чирко-ни), черный дятел (кирокта), кукушка (ку-ку), кулики (чукумо), бекасы (олиптыкин), синичка (чиличе-чече). Все эти птицы являются помощниками шамана в обрядах лечения, добычи оленевых душ, добычи охотничьей удачи, здоровья для семьи и т. д. Все перечисленные птицы неприкосновенны, их строго запрещалось убивать и мясо употреблять в пищу.

Эвенки-орочоны считают ворона человеком, превращенным в птицу. Этот факт в свое время был отмечен Г. М. Василевич⁵³. Вороны могли брать в жены эвенкийских девушек, но только те плохо понимают их язык. Охотники считают, что ворон помогает оберегать олены стада от хищников, в розыске и отстреле зверей во время промысла, выдавая их своими криками. У шаманов верхнеамурских эвенков ворон выступает как хранитель шаманской души во время камланий.

Орел, по шаманской мифологии, является ведущим персонажем. Это единственная птица, которая способна отогнать враждебных духов от шаманской души. Во всех камланиях он является предводителем и защитником стаи птиц, несущих душу шамана.

Лебеди, как и орлы, являются неотъемлемой частью шаманских обрядов. Они всегда изготавливались парами, и считалось, что именно лебеди несут шамансскую душу в нужном для шамана направлении.

Чирки, бекасы и кулики считались сторожами при шаманских камланиях. От них зависело путешествие шаманской души. Они первыми замечали опасность и сообщали о ней птицам шаманской

стаи, от их бдительности зависел полностью тот или другой шаманский обряд.

Дятел в шаманских обрядах выступал как исцелитель и участвовал в обрядах лечения людей и животных.

Кукушка в шаманской мифологии играла роль «связного» между шаманской стаей птиц и душой шамана, к тому же она считалась вестницей начала Нового года (новый год у эвенков Верхнего Приамурья начинался с первого ее кукования).

Гагара являлась, по воззрениям шаманов, связующим звеном при полете шаманской души между чирками, куликами, бекасами, с одной стороны, и лебедями — с другой. Кроме того, она выполняла роль носителя шаманской души в водной стихии. К тому же многие верхнеамурские эвенки считают гагару творцом земли.

С образом синицы верхнеамурские эвенки отождествляют зарождение человека. Она является единственным существом, которое способно оградить ребенка от всевозможных болезней и злодеяний враждебных духов.

К рыбам культового отношения не отмечено, за исключением тайменя (делбон), который в шаманской мифологии считается одним из носителей шаманской души в водной стихии. Эвенки считали, что голову тайменя нельзя бросать, надо вешать на дерево, иначе может постигнуть неудача в промысле.

Среди земноводных почиталась лягушка (баха), считавшаяся творцом и хранителем земли. Кроме того, она используется в шаманских обрядах для лечения.

Из пресмыкающихся почиталась змея (кулин) — творитель земного рельефа и добрый шаманский дух нижнего мира. Змея с ящерицей считались исцелителями болезней.

Начиная с неолита и кончая поздним средневековьем писаницы таежной зоны Приамурья сплошь покрыты изображениями антропоморфных фигурок. Многие из них со звериными головами или рожками на голове. Расположены в фас, в профиль и с небольшим разворотом. Руки изображены выставленными вперед, в приподнятом положении, распростертыми вверх. Ноги сведены вместе или расставлены. Имеются фигуры с предметами в руках или вообще без рук. У многих нанесены фаллосы, иногда преувеличенных размеров. Фигурки изображены как в схематической, так и в реалистической манере. Это не простые люди, а духи, посредники между человеком и божествами, через которых древний человек вымаливал себе защиту от враждебных духов и благополучие. Многие из этих духов находят параллели в религиозных воззрениях и обрядах эвенков-орочонов. Так, например, безрукые антропоморфные фигурки имеют аналогии с идолами мугдыгра — покровителями семьи от злых духов нижнего мира, недоброжелательных шаманов и всевозможных болезней. По представлению верхнеамурских эвенков, идол мугдыгра — вместе лище души мугды умершего предка. У него четко определены шея, голова и черты лица. Ноги с выделенными коленными суставами и ступнями слегка расставлены. Внешнее сходство с этими фигурками имеет идол-хранитель от дурного глаза и недоброжелательных враждебных духов чичипкан (букв. «лазейка»)⁵⁴.

Мугдыгра использовался только в шаманских обрядах, связанных с лечением и сопровождением умерших предков в землю буни. Чичипкан же использовался в обрядах очищения как у шаманов, так и у простых эвенков⁵⁵.

Нанесенные на писаницах всевозможные птицы, зоантропоморфные и зооморфные и змееобразные существа — не что иное, как духи-помощники. По представлениям эвенкийских шаманов, основным их оружием в борьбе с враждебными силами и помощниками в защите сородичей являлись шаманские духи. Они делились на духов верхнего и нижнего мира.

Духи верхнего мира назывались хэян. Они имели обличье любого животного, насекомого, а в некоторых случаях — антропоморфный вид. К сонму шаманских духов верхнего мира принадлежали агды и энекан того.

К шаманским духам нижнего мира эвенки-орочоны относили мамонта, змею, лягушку, ящерицу, рыб и души мугды. Шаманским духом-покровителем в нижнем мире считалась одна из душ мугды, которую шаман знал по имени. Эвенки полагали, что ее вместилищем служили металлические антропоморфные фигурки, укрепленные на шаманских кафтанах, или резные маски на колотушках. Многие шаманы в своей атрибутике не имели вместилища души мугды, а если было необходимо ее присутствие в камланиях, изготавливали для этого из лиственницы идола мугдыра и «вмещали» душу в него.

По рассказам информаторов удалось выявить, что у эвенков-орочонов существовала еще группа подчиненных чужеродных духов — дона. Они были только у сильных шаманов. Это заморские духи — духи неведомых стран, куда шаман «путешествовал» во время камланий или слышал о них. Они приобретались путем насильственных побед над ними или путем уговоров и задабриваний. К ним относились двуглавая птица бамул и другие птицы и животные с фантастическим обличьем. В некоторых случаях в этой роли могли выступать заимствованные у других народов или родов духи или божества.

На писаницах отражались не только доброжелательные духи, но и духи, имеющие вредное начало, связанные с источником несчастий, болезней и смерти. К ним относятся хозяин нижнего мира харги и его помощники. Они изображались для того, чтобы человек мог противостоять им и обезвредить их.

Итак, сравнение наскальных рисунков таежной зоны Приамурья с поверьями и обрядами эвенков-орочонов показывает, что рассматриваемые наскальные рисунки отражают тот период в мировоззрении древнего человека, когда считалось, что окружающий мир был населен множеством божеств, в подчинении которых находилась окружающая природа с ее таинственными силами добрых духов, приносящих удачу в промысле, здоровье и благополучие членам рода, и злых божеств, несущих промысловые неудачи, болезни, несчастья. Нанося изображения на скалы, человек считал, что он обезвреживает себя от недоброжелательных духов. Это своего рода магия, возникшая в трудной борьбе за существование, она должна была помочь в размножении домашних и диких животных, в удачном промысле на охоте и благополучии человека и его рода. Разумеется, памятники наскального искусства нельзя рассматривать только как отражение магических обрядов. В них отражена реальная действительность древних охотников и оленеводов. Это прежде всего исторические источники, по которым можно проследить хозяйственную деятельность и мировоззрение древних обитателей сибирской тайги, их представление о вселенной с ее обитателями, духовную жизнь и культуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ наскальных рисунков таежной зоны Приамурья позволяет сделать вывод, что они имеют собственный, неповторимый облик, неразрывно связанный с историческим прошлым древнего населения рассматриваемого района и сопредельных территорий. Взяв за основу хронологию материалы жертвенныхников, нам удалось проследить историю развития наскальной живописи Приамурья с палеолита до позднего средневековья.

Судя по стилистическим особенностям и тематике, в создании анализируемых писаниц при принимали участие группы людей, разлившиеся по хозяйственному укладу, а может быть, и по этнической принадлежности.

В позднем плейстоцене и раннем голоцене в развитии наскальной живописи Приамурья наблюдается единая стилистико-тематическая тенденция. На палеолитических писаницах представлена плейстоценовая фауна: носороги, бизоны, лошади. Расположены они на скалах поодиночке и группами, выполнены в реалистической манере.

В раннем голоцене с изменением промысловой фауны, вызванным колебаниями климата, происходят изменения в тематике наскального искусства. На скальных плоскостях появляются лось и олень — основные объекты промысла в этот период — и человек. В рисунках раннего голоцена нашли отражение способы охоты. В этот период впервые на писаницах фиксируются изображения птиц, зоо- и антропоморфных существ.

С раннего неолита в наскальных рисунках таежной зоны Приамурья получают развитие несколько стилистико-тематических тенденций. Условно мы их назвали «степным», «охотничьим», «таежным», «оленным» и «мифическим» стилями.

Для «степного» стиля характерны изображения антропоморфных фигурок в виде цепочек, систематизированных рядов из округлых пятен и оградок, заполненных рядами таких пятен. Возник он в раннем неолите и дожил до рубежа нашей эры. Этот стиль находит близкие аналогии в писаницах степных районов Забайкалья и Северной Монголии.

В писаницах «охотничьего» стиля представлены антропоморфные фигурки с рожками на голове и безрукые фигурки. Первые рисунки «охотничьего» стиля появляются в конце неолита и прослеживаются

вплоть до нашей эры. По своей тематике этот стиль сближается с сюжетами памятников Прибайкалья.

Основным признаком «мифического» стиля являются изображения мифических сцен и фигурок змееобразных существ с открытыми пастьюми и небольшими ножками. Датирован он рубежом нашей эры. По имеющимся в литературе сведениям, «мифический» стиль не находит себе аналогий.

«Таежный» стиль развивает особенности предшествующих ему стилей, характерных для писаниц рассмотриваемого района, но по сюжетам он разнообразнее. Для «таежного» стиля позднего неолита характерны изображения животных с клиновидными головами и антропоморфных фигурок, аналогичных выполненным в «степном» стиле. В этот период, по всей вероятности, на рассматриваемой территории появилось пришлое население, оставившее после себя наскальные рисунки «охотничьяго» стиля. Часть степняков была вытеснена в таежную зону и слилась с местным населением. В результате в наскальном искусстве таежной зоны Приамурья появилась присущая этому этническому пласту особенность — изображение антропоморфных фигурок цепочками. В дальнейшем этот пришлый элемент в наскальном искусстве таежного стиля не прослеживается.

В конце II тыс. до н. э. на писаницах таежного стиля появляются сцены, указывающие на доместикацию оленя, и изображения лодок с антропоморфными фигурками. А на рубеже нашей эры с исчезновением наскальных рисунков «степного» и «охотничьяго» стилей на писаницах «таежного» стиля появляются антропоморфные фигурки с рожками на голове и безрукые антропоморфные фигурки. Фигурки с рожками на голове в наскальных рисунках «таежного» стиля не получили широкого распространения, а изображения безруких антропоморфных фигурок сохранились вплоть до современности.

Анализ писаниц таежной зоны Приамурья показывает, что позднеплейстоценовые и раннеголоценовые наскальные рисунки нашли свое продолжение в «таежном» и «оленном» стилях и явились как бы стержнем наскального искусства Приамурья, которое в своем развитии впитало в себя «степной», «охотничий» и «мифический» стили.

Сопоставление сюжетов наскальных рисунков с особенностями материальной и духовной культуры проживающих ныне на этой территории эвенков-орочонов позволяет сделать заключение, что древними художниками рассмотренных писаниц были протунгусы, которые к XVII в. дали народность, назвавшую себя эвенками-орочонами.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

- ¹ Маак Р. К. Путешествие по долине р. Уссури, ч. I.— Спб., 1861, с. 43.
- ² Будогоский К. Ф. Юго-восточная часть русской Маньчжурии.— Амур, 1860, № 1-2, с. 12.
- ³ Альфташ Н. Заметки о рисунках на скалах по р. Уссури и Бикину.— Тр. Примурского отд. РГО, Хабаровск, 1895, т. II, с. 10.
- ⁴ Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А. Остатки древностей в Амурском крае.— Зап. О-ва изучения Амурского края, Владивосток, 1908, т. XII, с. 63.
- ⁵ Ветлицын П. Заметка о древних гольдских памятниках близ с. Малышевского.— Примамурские ведомости, Хабаровск, 1895, № 56, с. 17—18.
- ⁶ Ларичев В. Е. Потерянные дневники Напладия Кафарова.— Изв. СО АН СССР, 1966, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 121; Окладников А. П. Лики древнего Амура.— Новосибирск, 1968, с. 16—17.
- ⁷ Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А. Остатки древностей..., с. 63.
- ⁸ Laufer B. Petroglyphs on the Amoor.— American Anthropologist, N Y., 1899, v. 1, p. 746—750.
- ⁹ Fowke L. Exploration of the Lower Amur Valley.— American Anthropologist, N. Y., 1906, v. 8, N 2, p. 276—277.
- ¹⁰ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура.— Новосибирск, 1971, с. 11.
- ¹¹ Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня.— Соч., т. III.— Владивосток, 1947, с. 8—9.
- ¹² Штернберг Л. Я. Гольды.— В кн.: Штернберг Л. Я. Гиляки, орохи, гольды, ногидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933, с. 454—458.
- ¹³ Харlamov II. Г. Руины Гальбу.— Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1-2, с. 42.
- ¹⁴ Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей.— Хабаровск, 1939, с. 7—8.
- ¹⁵ Lopatin I. A. Tungusische Volksdichtung.— Anthropol. J., Bd 60, 1965, S. 440.
- ¹⁶ Саенко. Писаный камень.— Зап. Амур. окр. музея и краевед. о-ва, Благовещенск, 1930, вып. I, с. 34.
- ¹⁷ Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городища и его окрестностей.— Владивосток, 1925, с. 55—56.
- ¹⁸ Окладников А. П. Раскопки на Севере.— В кн.: Окладников А. П. По следам древних культур. М., 1951, с. 36.
- ¹⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II.— Л., 1970, с. 44—45, табл. 40—44.
- ²⁰ Окладников А. П. Отчет о работе Дальневосточной археологической экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1029.
- ²¹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья.— Новосибирск, 1976, с. 77—79, табл. 62—65.
- ²² Ларичев В. Е. Памятники далекой древности.— Амур. правда, 1954, № 211.
- ²³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 50—51.
- ²⁴ Евдокимов В. С. О некоторых археологических памятниках Зейского района.— Зап. Амур. обл. музея краевед. и О-ва краеведения, Благовещенск, 1961, т. 5, с. 73—74.

- ²⁵ Там же, с. 75.
- ²⁶ Там же, с. 76.
- ²⁷ Туголуков В. А. Джелтулакские писаницы.— КСИЭ, 1963, вып. 38, с. 85, 86.
- ²⁸ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 45—50, табл. 45—58.
- ²⁹ Там же, с. 129.
- ³⁰ Там же, с. 129.
- ³¹ Там же, с. 131—132.
- ³² Окладников А. П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья.— СЭ, 1959, № 2, с. 38—46; Он же. Открытия сибирских археологов.— Вестн. АН СССР, 1964, № 6, с. 71—78; Он же. Лики древнего Амура.— Новосибирск, 1968; Он же. Олень Золотые рога.— М.— Л., 1964; Он же. Петроглифы Нижнего Амура.— Л., 1971.
- ³³ Окладников А. П. Олень Золотые рога, с. 141—143.
- ³⁴ Окладников А. П. Из предыстории искусства амурских народов. Петроглифы на р. Кия, Уссури.— СА, 1968, № 4, с. 47.
- ³⁵ Яхонтов В. Я посетил знакомые места.— Тихоокеанская звезда, 1966, 28 окт.
- ³⁶ Окладников А. П. Лики древнего Амура, с. 26.
- ³⁷ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура, с. 88—89.
- ³⁸ Окладников А. П. Лики древнего Амура, с. 80—85.
- ³⁹ Там же, с. 86—87.
- ⁴⁰ Там же, с. 97.
- ⁴¹ Там же, с. 98—114.
- ⁴² Мазин А. И. Наскальные рисунки в верховьях р. Онени.— В кн.: Археология, этнография, филология и история дооктябрьского периода. Владивосток, 1969, с. 159—165; Он же. Рисунки на скалах в устье р. Онени.— В кн.: Археологические открытия 1968 г. М., 1969, с. 211—212; Он же. Арбинская писаница и ее значение в датировке памятников наскальной живописи раннего железного века Верхнего Приамурья.— В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири, ч. I. Новосибирск, 1972, с. 33—34; Он же. Этническая принадлежность наскальных рисунков тайги Верхнего Приамурья.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 65—66; Он же. Наскальные рисунки Верхнего Приамурья. Автореф. канд. дис.— Новосибирск, 1973.
- ⁴³ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы...
- ⁴⁴ Там же, с. 101—103.
- ⁴⁵ Там же, с. 85—105.

Глава II

- ¹ Рыгдылон Э. Р. Отчет об археологических разведках. 1936 г. Архив ЛОИП АН СССР, ф. 42, № 397, л. 10—11.
- ² Полесских М. Р. Завальские писаницы.— СА, 1955, вып. 23, с. 277—290; Свинин В. В., Коновалов П. Б. Новые наскальные рисунки на горах Булак и Улал-Хада.— В кн.: Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1958, с. 51—54.
- ³ Хороших П. П. Наскальные рисунки Большого Кадинского порога.— СА, 1968, № 3, с. 200—201.
- ⁴ Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края.— Изв. Биолого-геогр. НИИ при Иркутском ун-те, 1924, т. 1, вып. 1, с. 33—39.
- ⁵ Хороших П. П. Древности Кудинских степей.— Бурятоведение, 1930, № 3—4, с. 85—88.
- ⁶ Хороших П. П. Писаница на горе Манхай.— КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 127—131.
- ⁷ Хороших П. П. Об оленевых писаницах Северной Азии.— КСИИМК, 1951, вып. 39, с. 58—60.
- ⁸ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья.— Улан-Удэ, 1958, с. 46—49.
- ⁹ Диков Н. Н. Чукотские петроглифы — самые северные на планете.— В кн.: Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1968, с. 49—60; Он же. Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», вып. I. Новосибирск, 1969, с. 125—127; Он же. Древние костры Камчатки и Чукотки.— Магадан, 1969, с. 214—229; Он же. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтимеля).— М., 1971.

- ¹⁶ Диков Н. Н. Чукотские петроглифы..., с. 51.
- ¹⁷ Там же, с. 52—55.
- ¹⁸ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки, с. 28—35.
- ¹⁹ Там же, с. 36—50.
- ²⁰ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки, с. 224—225.
- ²¹ Окладников А. П. Петроглифы Ангары.— М.— Л., 1966, с. 3—4.
- ²² Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы.— М.— Л., 1959, с. 3.
- ²³ Окладников А. П. Изучение древней истории в Восточно-Сибирском крае.— Сов. краеведение, 1935, № 4, с. 76, 77; Он же. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 г.— ВДИ, 1939, № 4, с. 181—186; Он же. Писаница около пос. Свирского на Ангаре.— КСИИМК, 1947, вып. XIV, с. 22—25.
- ²⁴ Окладников А. П. Древняя история народов Якутии.— Ист. журн., 1943, № 10, с. 54—59.
- ²⁵ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г.— ВДИ, 1948, № 3, с. 155—163; Он же. Древняя тюркская культура в верховьях Лены.— КСИИМК, 1948, вып. 19, с. 3—11; Он же. О первоначальном заселении человеком долины реки Лены.— КСИИМК, 1948, вып. 3, с. 3—12; Он же. История Якутии, т. I.— Якутск, 1949; Он же. Основные вехи древнейшей истории Якутии.— Вестн. Ленинград. ун-та, 1949, т. 4, № 7, с. 76—92; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР.— КСИИМК, 1949, вып. 26, с. 7—11; Он же. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии.— СА, 1949, т. 4, с. 155—170; Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, т. 1—2.— М.— Л., 1950; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— Изв. АН СССР, 1951, т. 8, № 5, с. 440—450; Он же. Конь и знамя на ленских писаницах.— В кн.: Тюркологический сборник, вып. I. М., 1951, с. 143—154; Он же. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг.— КСИИМК, 1952, вып. 45, с. 40—47; Он же. История Якутской АССР, т. I.— М.— Л., 1955.
- ²⁶ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы...; Окладников А. П. Шишклинские писаницы.— Иркутск, 1959; Он же. Олень Золотые рога.— М.— Л., 1964.
- ²⁷ Окладников А. П. Писаницы около поселка Свирского на Ангаре.— КСИИМК, 1947, вып. 14, с. 22—25; Он же. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири.— СА, 1950, т. 14, с. 17—19; Он же. Петроглифы Братского моря.— В кн.: Наскальные рисунки Каменных островов на Ангаре. Иркутск, 1969, с. 5—15; Он же. У истоков искусства Сибири.— Искусство, 1961, № 1, с. 61—65; Он же. Открытия сибирских археологов.— Вестн. АН СССР, 1964, № 6, с. 71—78; Он же. Петроглифы Ангары.— М.— Л., 1966, с. 322.
- ²⁸ Окладников А. П. Петроглифы Байкала.— Новосибирск, 1974.
- ²⁹ Окладников А. П. Петроглифы Верхней Лены.— Л., 1977.
- ³⁰ Окладников А. П. Шишклинские писаницы; Он же. Ленские писаницы; Он же. История Якутии; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— КСИИМК, 1949, вып. 26, с. 7—11.
- ³¹ Окладников А. П. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине реки Лены и древняя история северных племен.— КСИИМК, 1946, вып. 13, с. 99—107; Он же. Палеолитические находки на р. Лене.— Бюл. Комис. по изучению четв. периода (АН СССР), 1948, № 12, с. 97—100; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г.— с. 155—163; Он же. О первоначальном заселении человеком долины реки Лены.— КСИИМК, 1948, вып. 23, с. 3—12; Он же. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии.— СА, 1949, т. II, с. 155—170; Он же. Ленские писаницы, с. 86—90; Он же. Шишклинские писаницы, с. 22—42; Он же. Олень Золотые рога, с. 13—39.
- ³² Окладников А. П. Древняя история народов Якутии.— Ист. журнал, 1948, № 10, с. 51—59; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г., с. 155—163; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР., с. 7—11; Он же. Ленские писаницы, с. 90—97; Он же. Шишклинские писаницы, с. 42—77.
- ³³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы, с. 90—91.
- ³⁴ Там же, с. 91—95.
- ³⁵ Там же, с. 97—109.
- ³⁶ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г., с. 155, 163; Он же. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР, с. 7—11; Он же. Ленские писаницы, с. 97—109; Он же. Шишклинские писаницы, с. 97—109; Он же. Олень Золотые рога, с. 70—88.
- ³⁷ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы, с. 109.
- ³⁸ Окладников А. П. Ленские писаницы, с. 109—129; Он же. Шишклинские писаницы, с. 110—155.

- ³³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы, с. 109—129.
- ³⁴ Окладников А. П. История Якутии; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы, с. 129—144; Окладников А. П. Шишкинские писаницы, с. 155—177.
- ³⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы, с. 129.
- ³⁶ Там же, с. 131.
- ³⁷ Окладников А. П. Удивительные звери с острова Ушканьего и периодизация петроглифов Приангарья.—В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1976, с. 47—55.
- ³⁸ Окладников А. П. Петроглифы Ангара, с. 109.
- ³⁹ Там же, с. 115—116.
- ⁴⁰ Там же, с. 129.
- ⁴¹ Там же, с. 129—139.
- ⁴² Окладников А. П. Петроглифы Байкала, с. 103—104, 117.
- ⁴³ Там же, с. 71—74.
- ⁴⁴ Там же, с. 77—114.
- ⁴⁵ Там же, с. 114—116.
- ⁴⁶ Окладников А. П. Петроглифы Верхней Лены, с. 117—118.
- ⁴⁷ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. I, с. 5.
- ⁴⁸ Там же, ч. I—II.
- ⁴⁹ Там же, ч. II, с. 4, 64—78.
- ⁵⁰ Там же, с. 78—89.
- ⁵¹ Там же, с. 129—132.
- ⁵² Там же, с. 133—159.
- ⁵³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены.—Л., 1972.
- ⁵⁴ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья.—Новосибирск, 1976; Мазин А. И. Палеолитические рисунки по реке Токко.—В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976, с. 177—182; Он же. Жертвеник у писаницы выше п. Суон-Тит по Алдану.—Изв. СО АН СССР, 1978, № 3. Сер. обществ. наук, вып. 3. Новосибирск, с. 96—103; Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдан.—Новосибирск, 1979.
- ⁵⁵ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 83—85; Мазин А. И. Палеолитические рисунки..., с. 177—182.
- ⁵⁶ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены, с. 78—81; Окладников А. П., История Якутской АССР, с. 98—104; Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 89—92.
- ⁵⁷ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 85—93.
- ⁵⁸ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдан, с. 53—66.
- ⁵⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены, с. 83—85.
- ⁶⁰ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 96—101.
- ⁶¹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдан, с. 66—76.
- ⁶² Там же, с. 76—78.
- ⁶³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены, с. 86—95.
- ⁶⁴ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены, с. 96—98; Окладников А. П. История Якутской АССР, с. 375—378.
- ⁶⁵ Полесских М. Р. Завальские писаницы, с. 277—290.
- ⁶⁶ Сванин В. В., Коновалов П. Б. Новые наскальные рисунки на горах Булук и Улан-Хада, с. 51—54.
- ⁶⁷ Диков Н. И. Бронзовый век Забайкалья, с. 46—49; Он же. Древние костиры Камчатки и Чукотки..., с. 214—229; Он же. Наскальные загадки древней Чукотки, с. 36—51.
- ⁶⁸ Хоропих П. П. Об оленных писаницах Северной Азии, с. 58—60; Он же. Писаница на горе Манхай..., с. 127—131; Он же. Наскальные рисунки Большого Кадинского порога..., с. 198—201; Он же. Тысячелетние памятники изобразительного искусства.—Ангара, 1962, № 3, с. 113—115.
- ⁶⁹ Мартынов А. И. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб».—Изв. СО АН СССР, 1971, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 103—118.
- ⁷⁰ Пелих Г. И. О методе научной классификации сибирских петроглифов.—СЭ, 1968, № 3, с. 68—77.
- ⁷¹ Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее.—СЭ, 1967, № 3; Он же. Очерки по первобытному искусству.—М., 1969, с. 82—119; Он же. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников? — СЭ, 1969, № 4, с. 99—107; Пелих Г. И.

О методе научной классификации сибирских петроглифов, с. 68—44; Савватеев Ю. А. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Европы.— СЭ, 1969, № 1, с. 87—100; Чернецов В. Н. О премах сопоставления наскальных изображений.— СЭ, 1969, № 4, с. 107—113; Мартынов А. И. Петроглифы Сибири..., с. 103—118.

⁷² Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству, с. 69.

⁷³ Там же, с. 102—110.

ГЛАВА III

¹ Окладников А. П. Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1029; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II.— Л., 1970, с. 44.

² Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 44—45.

³ Там же, с. 50—51.

⁴ Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов.— Новосибирск, 1984, с. 161, табл. 15, рис. 8, 9.

⁵ Окладников А. П. Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1954 г.

⁶ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Примаурья.— Новосибирск, 1976, с. 77—78.

⁷ Окладников А. П. Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1954 г.

⁸ Там же.

⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 45, 47.

¹⁰ Там же, с. 48.

¹¹ Там же, с. 47—48, 129—131.

¹² Там же, с. 48—50.

¹³ Там же, с. 48.

¹⁴ Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности.— Владивосток, 1925, с. 55—56.

¹⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 50.

¹⁶ Евдокимов В. С. О некоторых археологических памятниках Зейского района.— Зап. Амур. обл. музея краевед. и О-ва краевед., Благовещенск, 1961, т. 5, с. 75.

¹⁷ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 57—60.

¹⁸ Там же, с. 60—61.

¹⁹ Туголуков В. А. Джелтулакские писаницы.— КСИЭ, вып. 38, с. 85, 86.

²⁰ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 61—65.

²¹ Там же, с. 65—67.

²² Там же, с. 67—77.

²³ Там же, с. 78—79.

²⁴ Там же, с. 79.

²⁵ Саенко. Писаный камень.— Зап. Амур. окр. музея и краевед. о-ва, Благовещенск, 1930, вып. 1, с. 34.

²⁶ Окладников А. П. Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1954 г.; Ларичев В. Е. Памятники далекой страны.— Амур. правда, 1954, № 211.

²⁷ Кякшито Н. Б. Писаницы шаман-камня.— СГАИМК, 1931, № 7, с. 29—30.

²⁸ Туголуков В. А. Джелтулакские писаницы, с. 82—90.

²⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 15—28.

³⁰ Там же, с. 29—34.

³¹ Там же, с. 34—35.

³² Там же, с. 35—38.

³³ Там же, с. 38—40.

³⁴ Там же, с. 39—40.

ГЛАВА IV

¹ Базаров Д. Д., Константинов М. В., Иметхенов А. Б. и др. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья.— Новосибирск, 1982, с. 119.

² Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии.— Новосибирск, 1977, с. 221.

³ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья.— Новосибирск, 1976, с. 29—31, 85, 129, 130, табл. 7, I, рис. 7, 8; табл. 7, I, рис. 2—6; табл. 8, I, рис. 4; табл. 7, I, рис. 1; табл. 7, I, рис. 2—5; табл. 8, II, рис. 1—3; табл. 7, I, рис. 9; табл. 8, I, рис. 6.

- ⁴ Там же, с. 31—33, 85, 86, 129, 131, 132; табл. 7, II; табл. 8, I; табл. 10, I; табл. 9, I, рис. 2—4; табл. 9, 11, рис. 6, 10, 12, 14; табл. 9, I, рис. 2, 3; табл. 7, II, рис. 8.
- ⁵ Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения..., с. 5—90.
- ⁶ Васильевский Р. С. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей.— В кн.: Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979, с. 71—80.
- ⁷ Базаров Д. Д. и др. Геология и культура..., с. 105—109, 118—122.
- ⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, с. 157—164.
- ⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 88—89.
- ¹⁰ Там же, с. 90—92.
- ¹¹ Там же, с. 93—95.
- ¹² Там же, с. 95—96.
- ¹³ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье.— Новосибирск, 1980, с. 158—161.
- ¹⁴ Савельев И. А., Горюнова О. Г. Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотище.— ИВСОРГО, 1971, т. 68, с. 202—204.
- ¹⁵ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 98.
- ¹⁶ Матющенко В. И. Томская культура эпохи бронзы.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 287—290; Он же. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV.— СА, 1961, № 4, с. 266—269.
- ¹⁷ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, с. 290—293.
- ¹⁸ Студзецкая С. В. Скульптура ранней бронзы на верхней Ангаре.— В кн.: Бронзовый век Приангарья. Иркутск, 1981, с. 38—46, рис. 32, 2; рис. 57; рис. 58; рис. 72.
- ¹⁹ Окладников А. П. Жертвенные места глазковцев на р. Лене.— ИВСОРГО, 1971, т. 68, с. 197—201, рис. 1—3.
- ²⁰ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, с. 286—288, рис. 139, 140.
- ²¹ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье..., с. 159—161, 164—168.
- ²² Там же, с. 144—168.
- ²³ Деревянко А. П. Новопетровская культура Среднего Амура.— Новосибирск, 1970, с. 32—109.
- ²⁴ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, табл. 63, 67.
- ²⁵ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье..., с. 136—140.
- ²⁶ Там же, с. 51—58, 136—140, 144—149; Базаров Д. Д. и др. Геология и культура..., с. 93—117.
- ²⁷ Там же, с. 165—166.
- ²⁸ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье..., с. 163—168.
- ²⁹ Там же, с. 163—169.
- ³⁰ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы.— М., 1971, с. 30—31, табл. 15, 32—34.
- ³¹ Окладников А. П. История Якутской АССР.— М.— Л., 1955, с. 195, рис. 66, 6.
- ³² Быков А. А. Монеты Китая.— Л., 1969, с. 69.
- ³³ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 101—103.
- ³⁴ Там же, с. 176, рис. 4.
- ³⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. I, с. 122—130.
- ³⁶ Там же, ч. II, с. 133—160.
- ³⁷ Деревянко Е. И. Могильные памятники Среднего Амура.— Новосибирск, 1975, табл. 8, 2; табл. 19, 4 и др.
- ³⁸ Шавкунов Э. В. Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг.— Материалы и исслед. по археол. СССР, 1961, т. I, № 86, с. 241, рис. 1, 15.
- ³⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 103—105.
- ⁴⁰ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдана.— Новосибирск, 1979, с. 154.

ГЛАВА V

- ¹ Мазин А. И. Этническая принадлежность наскальных рисунков тайгы Верхнего Приамурья.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 65—66; Он же. Наскальные рисунки Верхнего Приамурья. Автореф. канд. дис.— Новосибирск, 1973; Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья.— Новосибирск, 1976, с. 112—117.
- ² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.— М., 1960, с. 579—615.
- ³ Литературу и подробное изложение точки зрения Г. М. Василевич о происхождении оленеводства см.: Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение.— СЭ, 1951, № 1; Они же. Олений транспорт.— В кн.: Сибирский исторический этнографический атлас. М.-Л., 1961; Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой их расселения по Сибири.— М., 1964; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев.— М., 1972, с. 88—126; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства.— М., 1980, с. 175—190.
- ⁴ Бичурин (Иакиниф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— М.— Л., 1950, с. 47.
- ⁵ Там же, с. 350.
- ⁶ Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, с. 1—9.
- ⁷ Виноградов М. П. О распространении диких и домашних северных оленей в пределах СССР.— Сов. оленеводство, 1934, вып. 4, с. 7—16; Он же. Экстерьер тофаларских и сойотских оленей.— Сов. оленеводство, 1936, вып. 6, с. 73—98.
- ⁸ Проект первоначального землеустройства Селемджико-Буреинского района Амурской области Хабаровского края. Амурская землестроительная экспедиция НКЗ РСФСР. 1939. Фонды Селемджинского районного архива. Без шифра; Проект простейшего землеустройства Зейско-Угурского района Читинской области. Зейская землестроительная экспедиция НКЗ РСФСР. ГААО, ф. 1382, оп. 1, ед. хр. 4.
- ⁹ Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов.— Новосибирск, 1984, с. 42—44.
- ¹⁰ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 88—125.
- ¹¹ Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства..., с. 82—87.
- ¹² Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 134, табл. 12, рис. 12; с. 137, табл. 15, II, IV, рис. 9—11.
- ¹³ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 22—23.
- ¹⁴ Василевич Г. М. Некоторые данные по охотниччьим обрядам и представлениям у тунгусов.— Этнография, 1930, № 3, кн. 11, с. 63; Зеленин Д. К. Таблицы слов у народов Восточной Европы и Северной Азии.— СМАЭ, 1929, т. 8, с. 63; Титов Е. И. Тунгусо-русский словарь.— Иркутск, 1926, с. 156; Щекатов А. Словарь географический Русского государства, ч. 6.— М., 1808, с. 179; Семивский. Новейшее любопытное и достоверное повествование о Восточной Сибири.— Спб., 1817, с. 152; Спасский Г. И. Памятники древности в Сибири Северной и Восточной.— Сиб. вестник, 1818, ч. IV, с. 168—169; Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, т. 1.— М., 1910.
- ¹⁵ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 34—38.
- ¹⁶ Стрелов С. Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.), т. 1.— Якутск, 1916, с. 288; Хитров Д. Описание Жиганского улуса.— Зап. Сиб. отд. РГО, 1856, кн. 1, с. 53—54; Пекарская Э. К., Цветков В. П. Очерки быта присаянских тунгусов.— СМАЭ, 1913, т. III, с. 113; Они же. Аянские тунгусы.— Живая старина, 1912, вып. III—IV, с. 336; Титов Е. И. Тунгусо-русский словарь, с. 59; Никульшин Н. П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков.— Л., 1939, с. 32—40; Николаев С. И. Эвены и эвеки юго-восточной Якутии.— Якутск, 1964, с. 138; Алексеенко Е. А. Кеты.— Л., 1967, с. 175; Василевич Г. М. Эвенки.— Л., 1969, с. 220.
- ¹⁷ Госсовский Г. И. Гилой-Ольдойский промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925—1926 года.— В кн.: Производственные силы Дальнего Востока, вып. 4. Хабаровск — Чита, 1927, с. 531.
- ¹⁸ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 39.
- ¹⁹ Аврорин В. А., Козьминский Н. И. Представления орочей о вселенной, переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте».— СМАЭ, вып. XI, 1949, с. 326; Харунзий Н. Русские лопари. Очерки современного и прошлого быта.— М., 1890, с. 149.
- ²⁰ Штернберг Л. Я. Оригамент из оленьего волоса и игл дикобраза.— СЭ, 1936, № 3—4, с. 118.
- ²¹ Худяков И. А. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки

и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе.— Зап. Вост.-Сиб. отд. РГО по этнографии, Иркутск, 1890, т. 1, вып. 3, с. 21; Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, с. 25—30; Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе.— М., 1889, с. 793; Богораз В. Г. Чукчи, т. IV.— Л., 1939, с. 24—25.

²² Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители.— Зап. РГО по общ. географии, 1869, г. II, с. 415; Григоровский И. П. Предания нарымских инородцев о созвездии Лось.— Томск. губ. ведомости, 1882, № 31; Потанин Г. Н. Восточные мотивы, т. IV, с. 778—779; Богораз В. Г. Чукчи, т. II, с. 25, 29; Серошевский В. Якуты.— Спб., 1896, с. 660; Вербицкий В. И. Словарь алтайского и алдагского наречий тюркского языка.— Казань, 1884, с. 417; Толоконский Н. Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверья и легенды.— Иркутск, 1914, с. 87—88; Потанин Г. Н. Ерке. Культ Сына Неба Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии.— Томск, 1916, с. 97.

²³ Окладников А. П. Петроглифы Ангары.— М.— Л., 1966, с. 19—20, табл. 9, рис. 1—3; Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы.... табл. 40, II, рис. 1; Она же. Писаницы бассейна реки Алдана.— Новосибирск, 1979, табл. 39, рис. 2.

²⁴ История Сибири, т. I.— Л., 1968, с. 100—101; Ходукин Я. Н. Материалы к археологии реки Илма.— ИВСОРГО, 1928, т. 8, с. 117; Васильевский Р. С., Окладников А. П. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980, с. 230—238.

²⁵ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 44—48.

²⁶ Окладников А. П. Петрография Нижнего Амура.— Л., 1971.

²⁷ Мазин А. И. Арбийская писаница и ее значение в датировке петроглифов раннего железного века Верхнего Приамурья.— В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 40, рис. 1.

²⁸ Мазин А. И. Писаница около бывшего поселка Средняя Нуокжа.— В кн. Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 303—324, рис. 1, 10, 14, 19, 43.

²⁹ Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков.— СМАЭ, 1957, т. 17, с. 151—163; Она же. Некоторые данные по охотничим обрядам тунгусов.— Этнография, 1930, № 3, с. 57—67.

³⁰ Анисимов А. Ф. Представление эвенков о шэнкэнах и проблема происхождения первобытной религии.— СМАЭ, 1949, т. 12, с. 160—194.

³¹ Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничим обрядам и представлениям у тунгусов.— Этнография, 1930, № 3, кн. II, с. 57—67.

³² Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. с. 151—186.

³³ Крачининников С. П. Описание земли Камчатки, т. II, ч. 3.— Сиб., 1786, с. 84.

³⁴ Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскресающем звере.— Худ. фольклор, 1926, № 1, с. 43.

³⁵ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 187, табл. 65.

³⁶ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 197, табл. 51.

³⁷ Там же, с. 27—30.

³⁸ Там же, с. 97, рис. 46.

³⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 19—29.

⁴⁰ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований.— М.— Л., 1958, с. 71; Ошаров М. Северные сказки.— Новосибирск, 1935, с. 13—14.

⁴¹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан, с. 63, рис. 15, табл. 53.

⁴² Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 13, рис. 4.

⁴³ Там же, с. 14, 15, 78, рис. 5—6.

⁴⁴ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976, с. 166, табл. 44, 2, рис. 5; Мазин А. И. Наскальные рисунки в верховьях р. Онени.— В кн.: Археология, этнография, филология и история дооктябрьского периода. Владивосток, 1969, с. 159—165.

⁴⁵ Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков.— М.— Л., 1966, с. 260—263.

⁴⁶ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 16, 147—149, рис. 8, табл. 1—3.

⁴⁷ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы..., с. 169, табл. 47, II, рис. 1.

⁴⁸ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору.— Л., 1936, с. 29—32; Она же. Ранние представления о мире у эвенков. Исследования и материалы по вопросу первобытных религиозных верований.

ний.— В кн.: Труды института этнографии, т. 51, 1959, с. 29—32, 194; Пекарский Э. К. Приаянские тунгусы.— Живая старина, 1911, т. 20, вып. 2, с. 114; Ошаров М. Северные сказки, с. 14—15.

⁴⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы..., с. 175, табл. 53, рис. 4.

⁵⁰ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 20—22, рис. 12, 13.

⁵¹ Там же, с. 67—77.

⁵² Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы..., с. 172, табл. 50.

⁵³ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, с. 229—230; Она же. По колхозам джугдырских эвенков.— Изв. ВГО, 1950, т. 82, № 2, с. 195.

⁵⁴ Мазин А. И. Традиционные верования..., с. 28—30, рис. 17, 20.

⁵⁵ Там же, с. 43—45, 53, 54, 88, 89, 94—98.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВГО — Всероссийское географическое общество

ВДИ — Вестник древней истории

ВРГО — Вестник Русского географического общества

ИВСОРГО — Известия Всесоюзного географического общества

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии

РГО — Русское географическое общество

СА — Советская антропология

СГАИМК — Сообщение Государственной академии истории материальной культуры

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР

СЭ — Советская этнография

ТАБЛИЦЫ

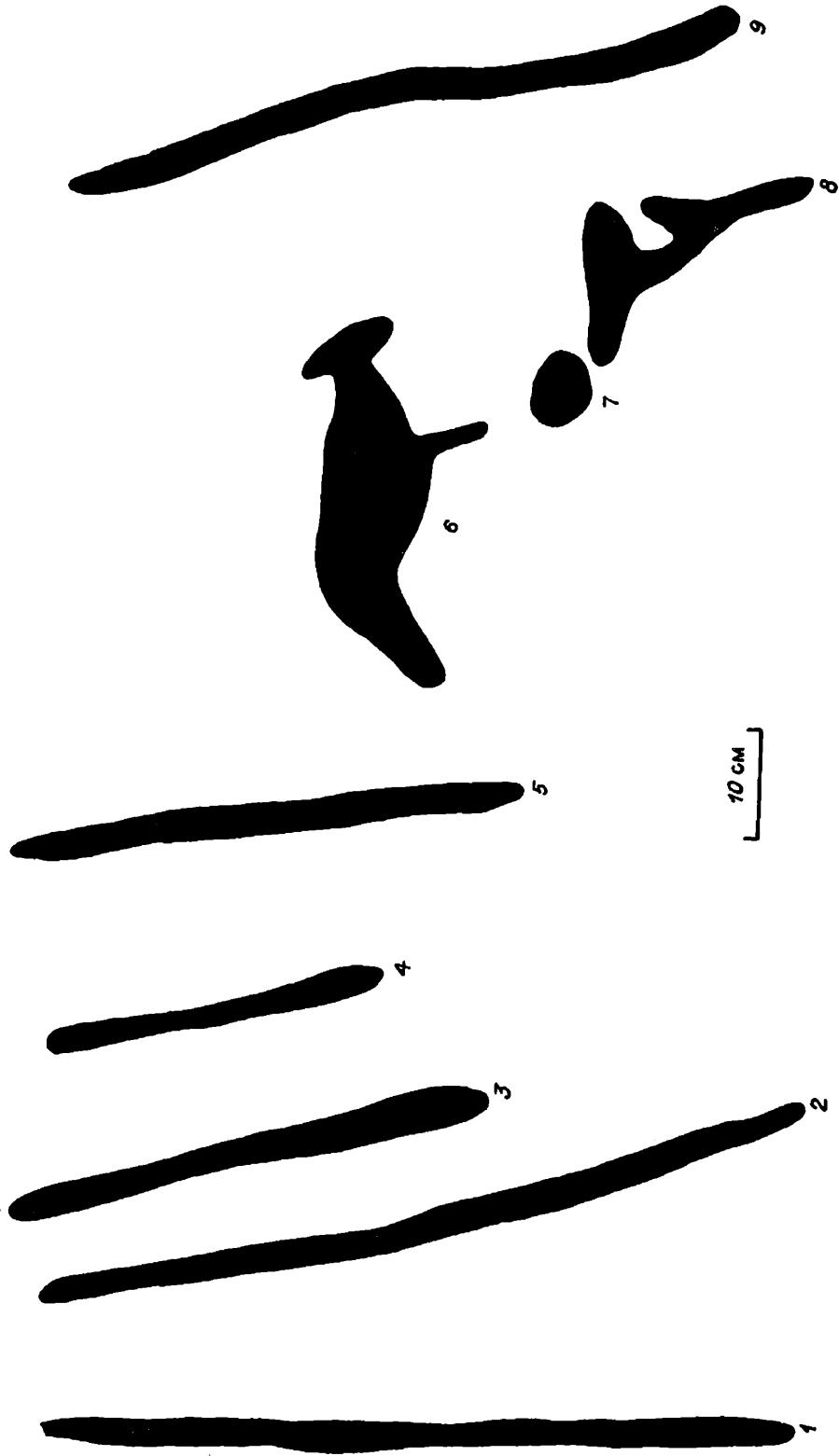
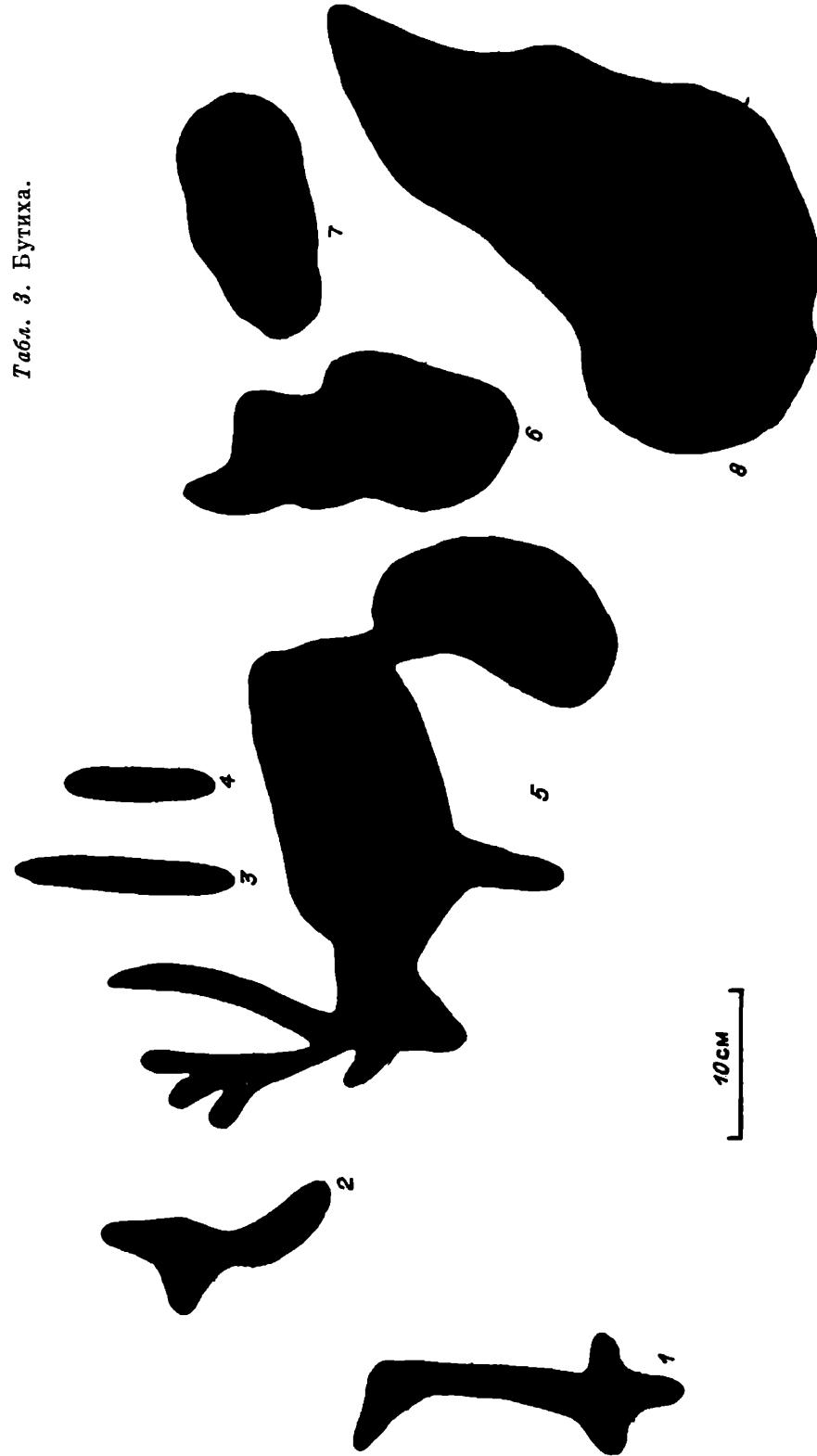

Табл. I. Бутиха.

Табл. 2. Бутыка.

Табл. 3. Бутиха.

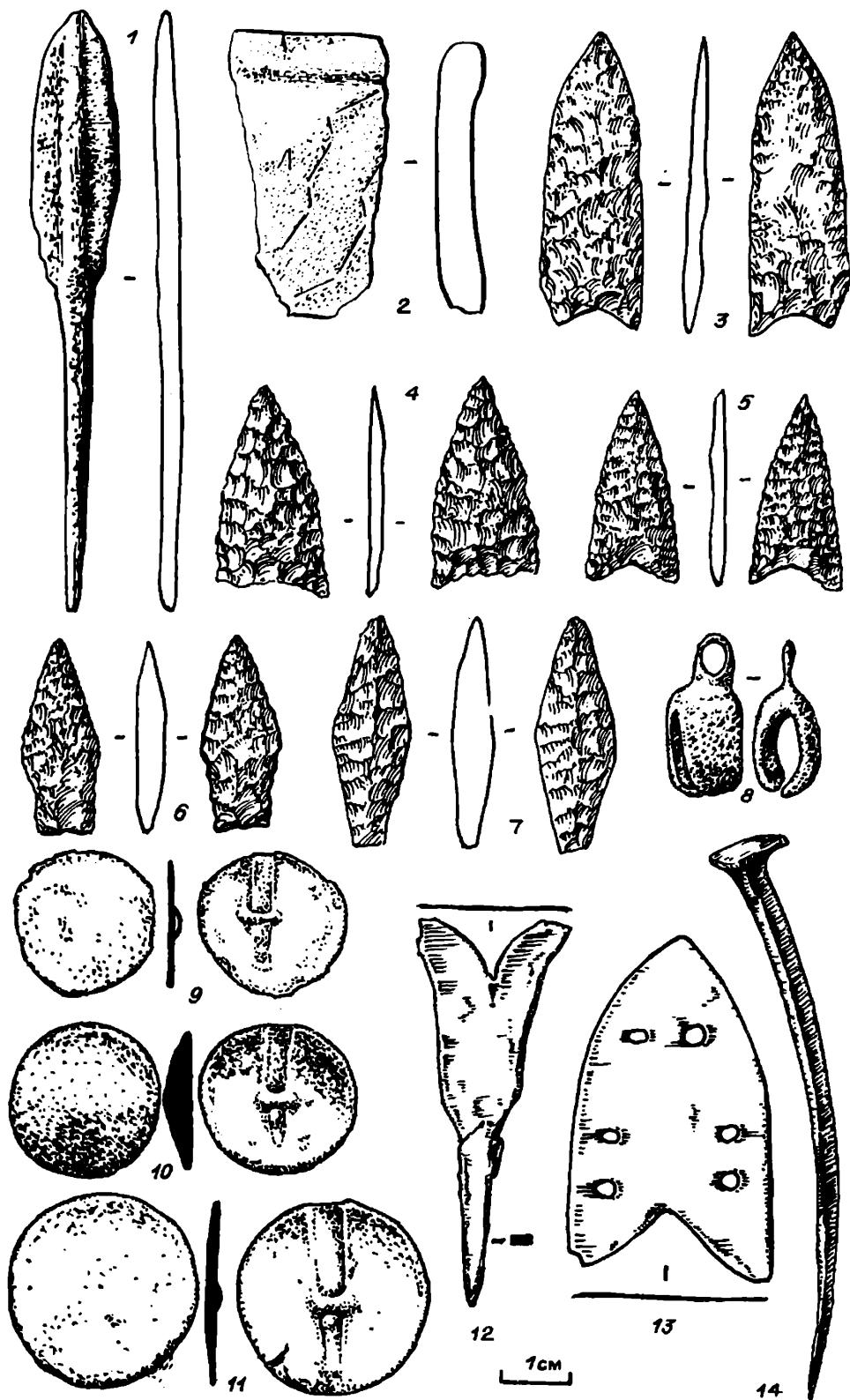

Табл. 4. Материалы из жертвенников.
1—6 — Бутыха; 7—14 — Кара.

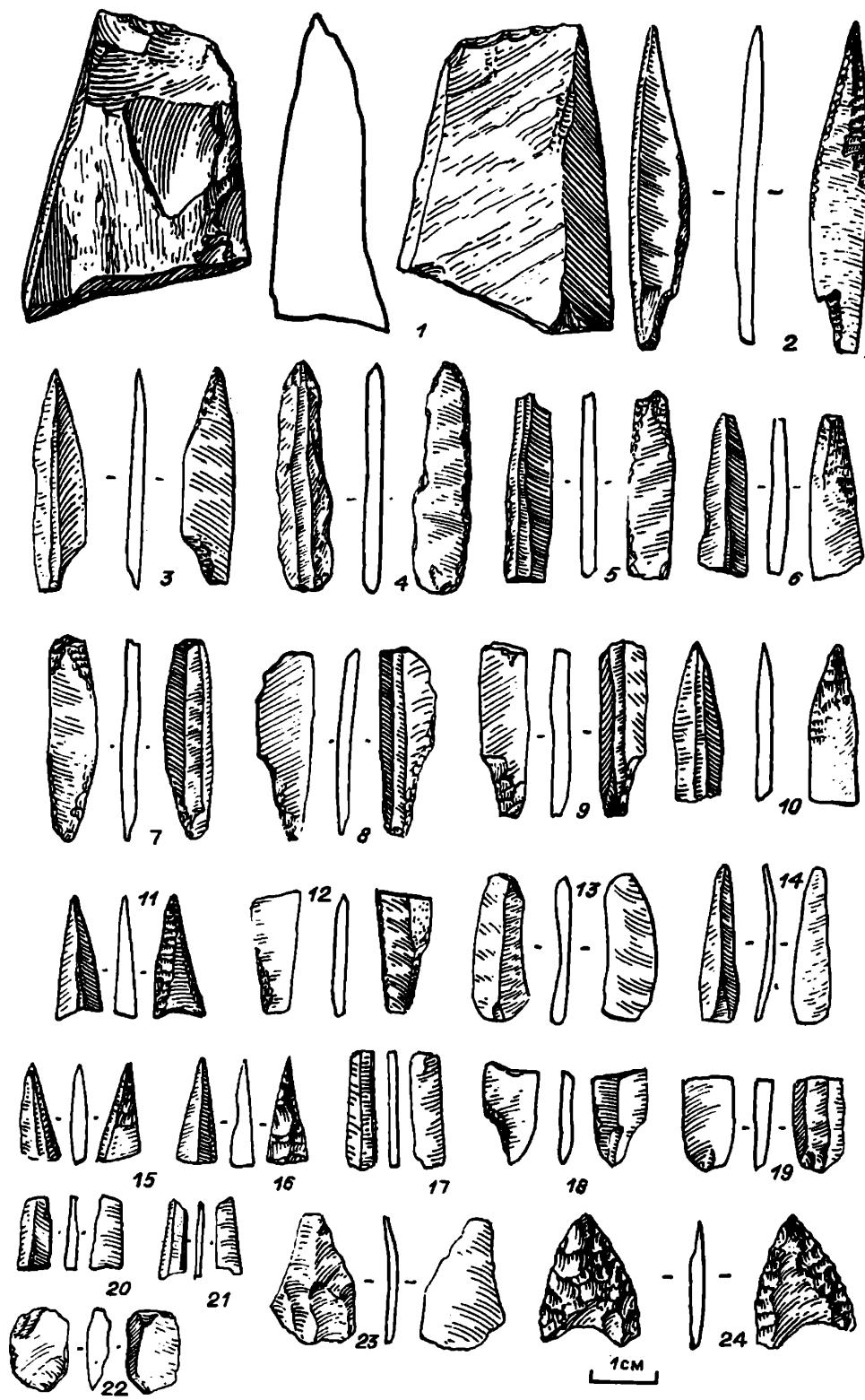

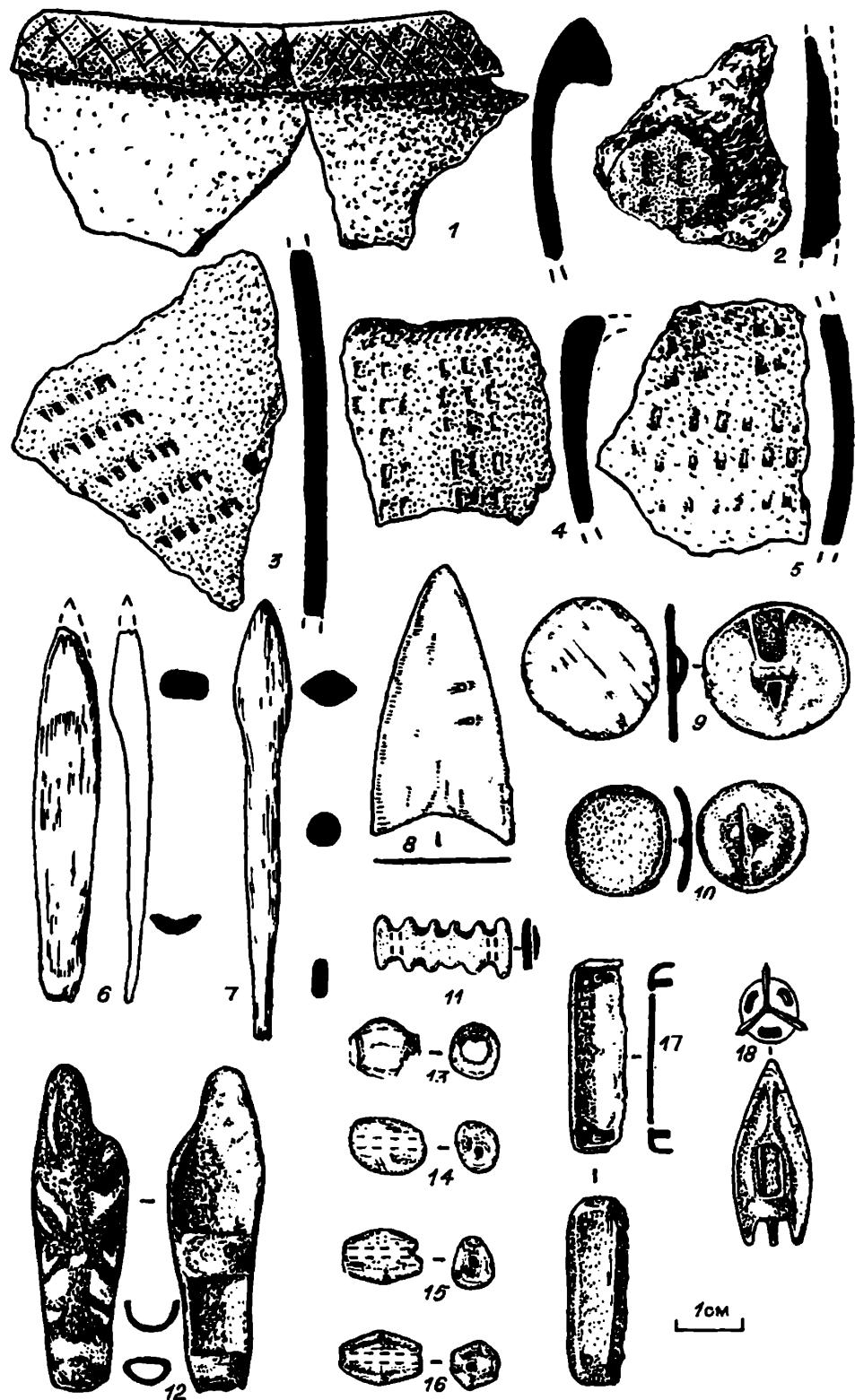
Табл. 5. Материалы из бутихинского жертвенника.

Tādā. 6. Kapa.

Табл. 7. I—III — Кара; IV — Средне-Шайкино.

Табл. 8. Материалы из жертвенников.
1, 4, 9-18 — Средне-Шайкино; 2, 3, 5-8 — Кара.

Табл. 9. Средне-Шайкино.

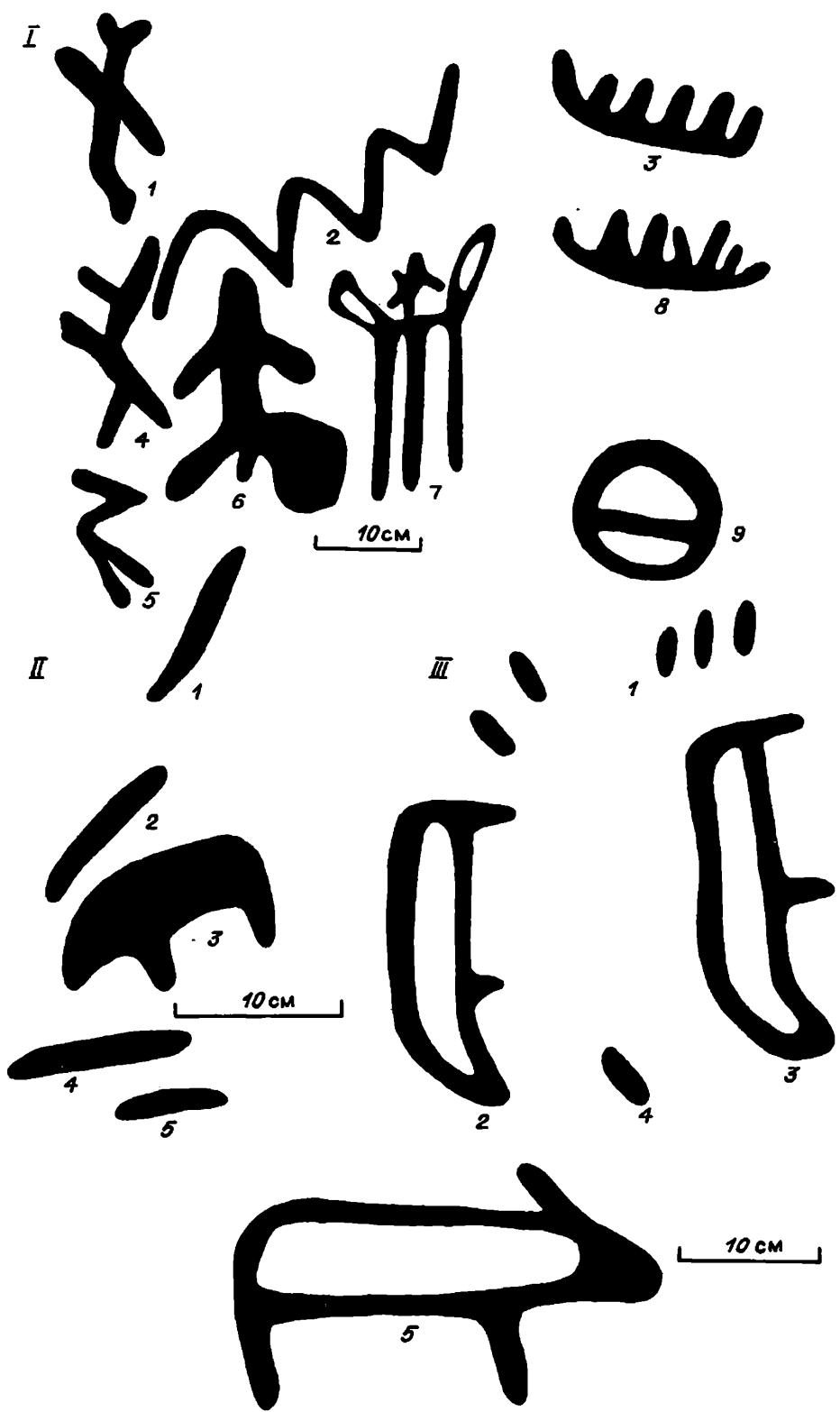

Табл. 10. Средне-Шайкино.

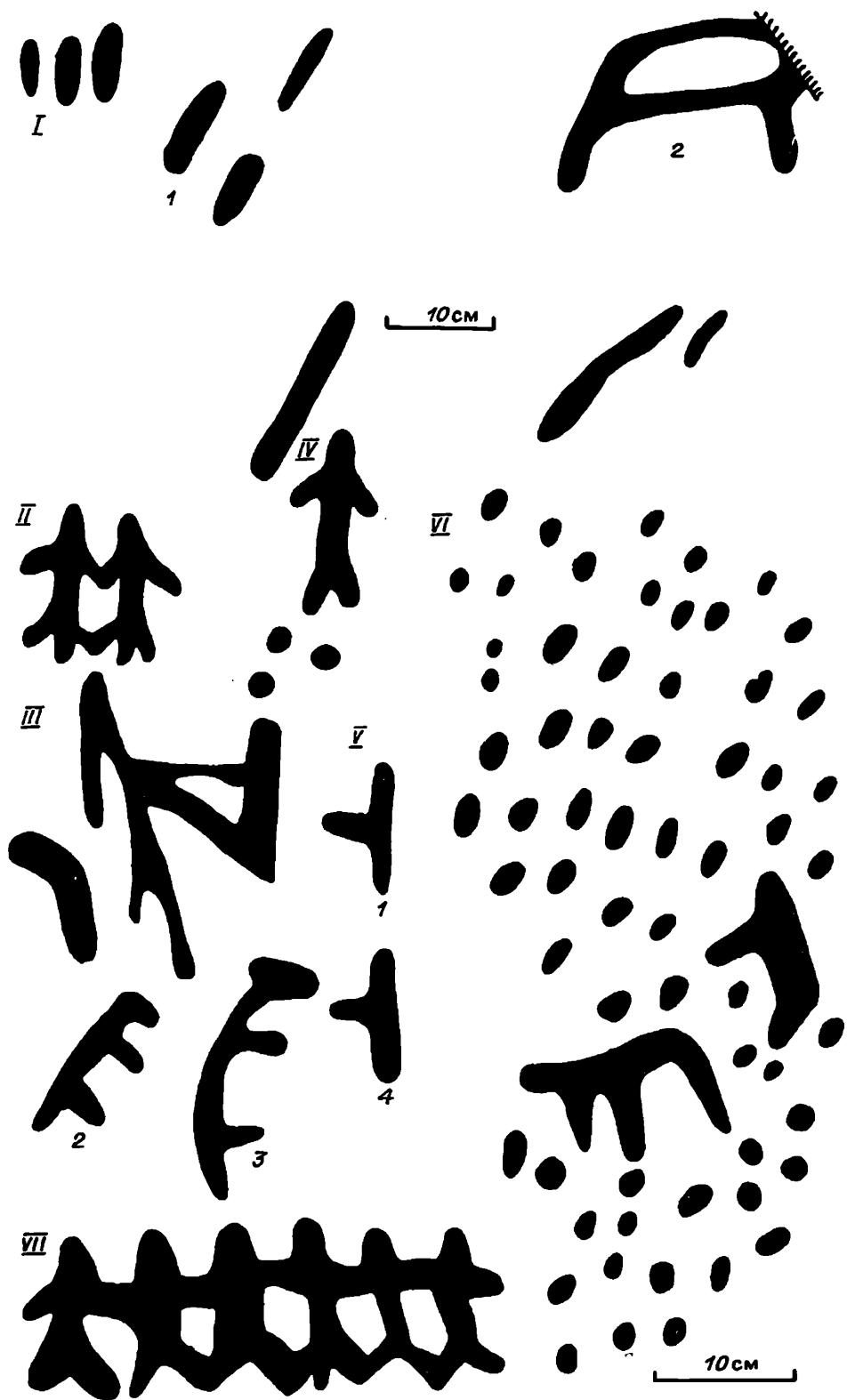

Табл. 11. I — Средне-Шайкино; II—VII — Чандайча.

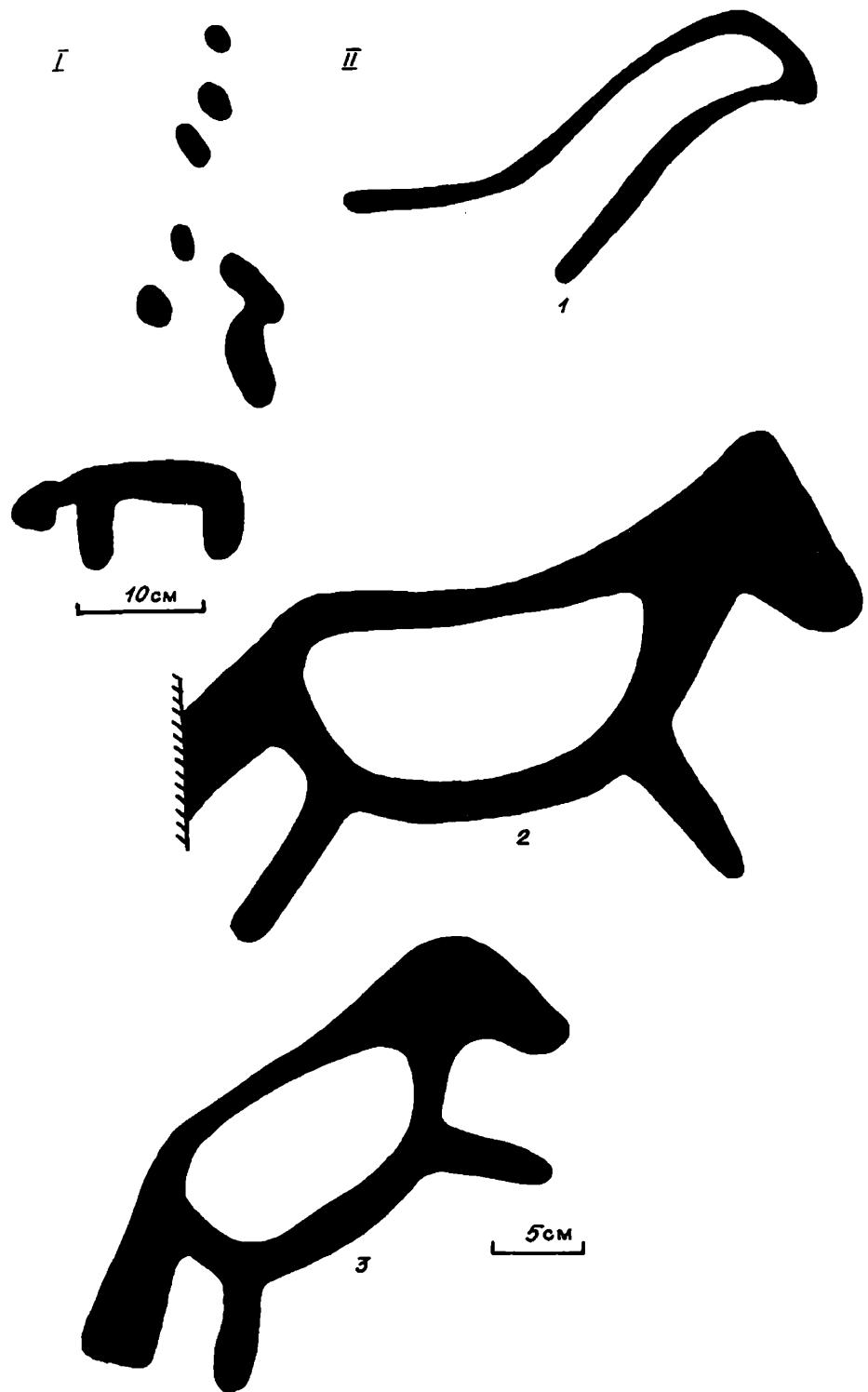

Табл. 12. I — Чандайча; II — Средне-Шайкино.

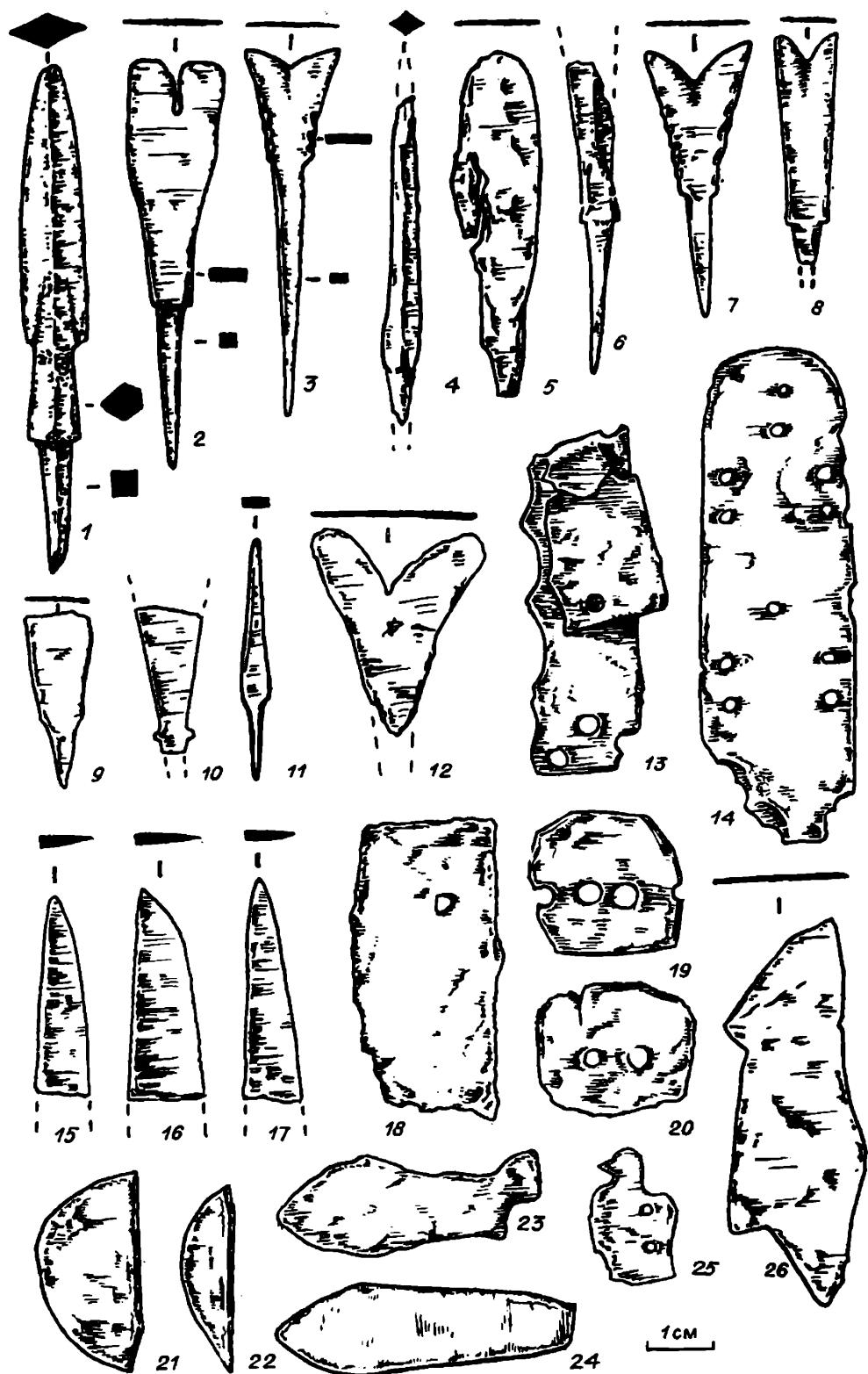

Табл. 13. Материалы из среднешайкинского жертвенника.

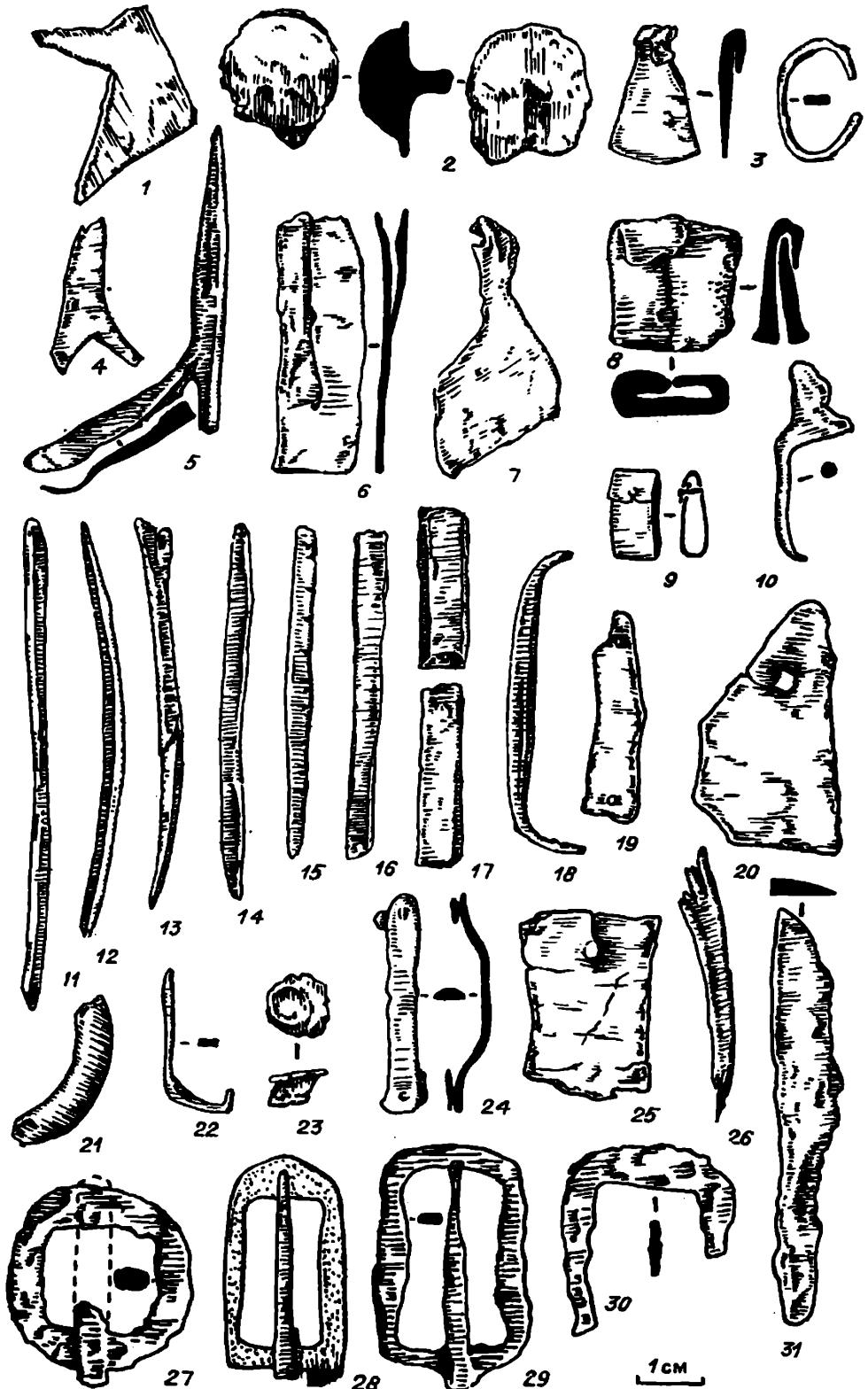

Табл. 14. Материалы из жертвеников.
1—26 — Средне-Шайкино; 27, 30 — Усть-Цорон; 28 — Кондуй 16 км; 29 — Малый Улистай; 31 — Копчил.

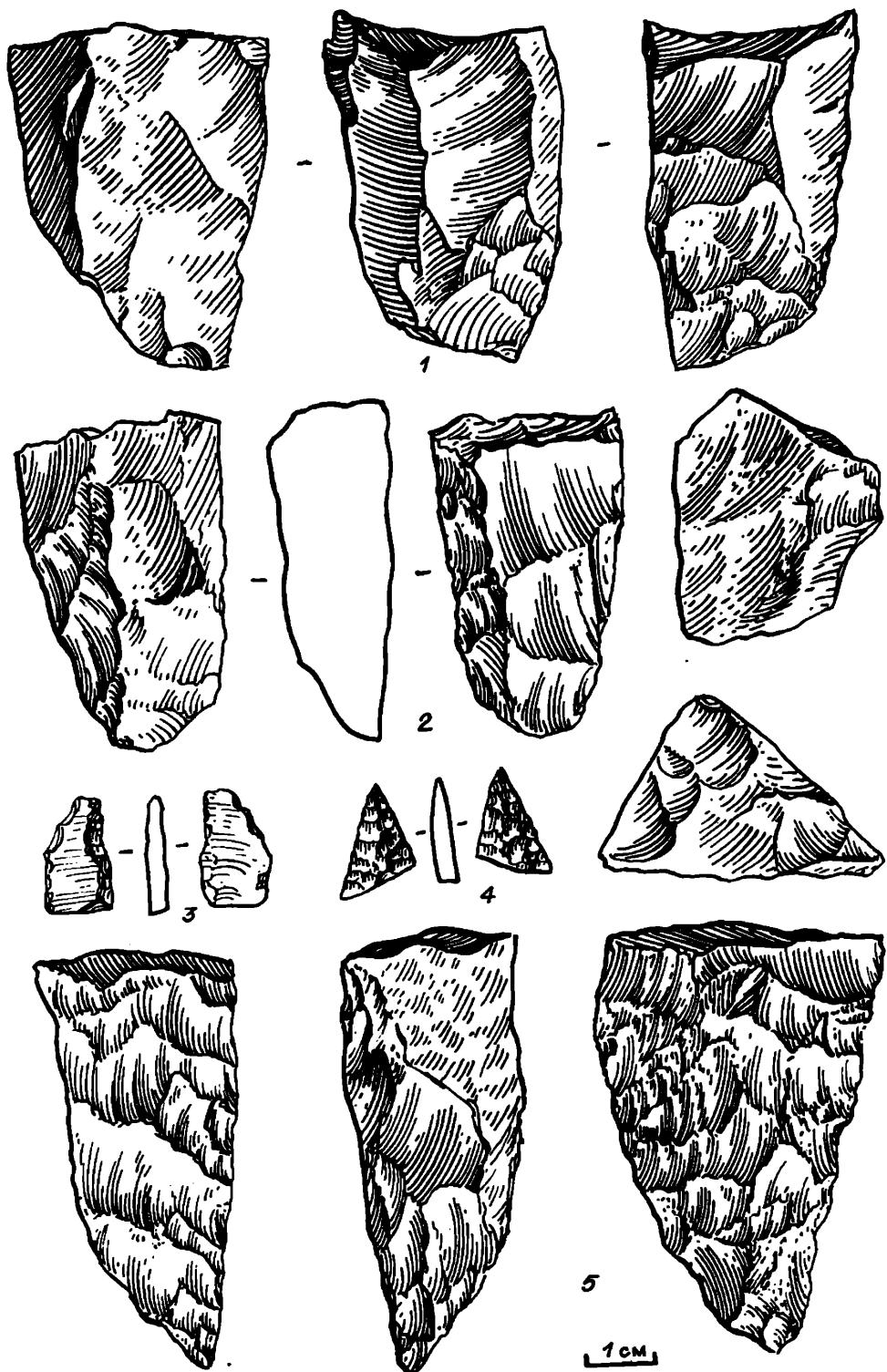
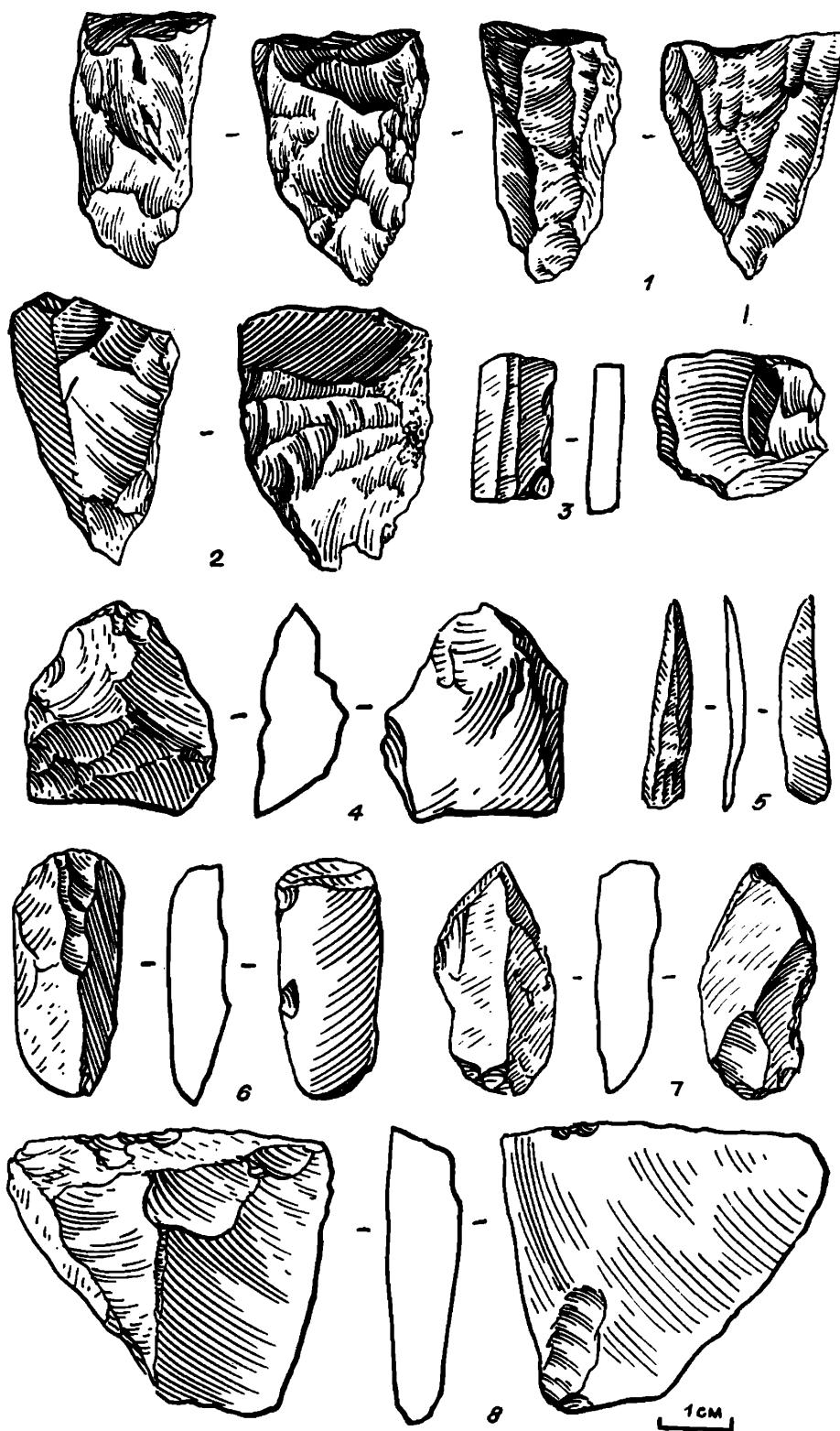

Табл. 15. Материалы из среднешайкинского жертвенника.

Табл. 16. Материалы из жертвенников.
1, 2 — Средне-Шайкино; 3, 4, 6 — Бараун Чулутай; 5 — Бырка; 7, 8 — Кончил.

Табл. 17. Бараун Чулутай.

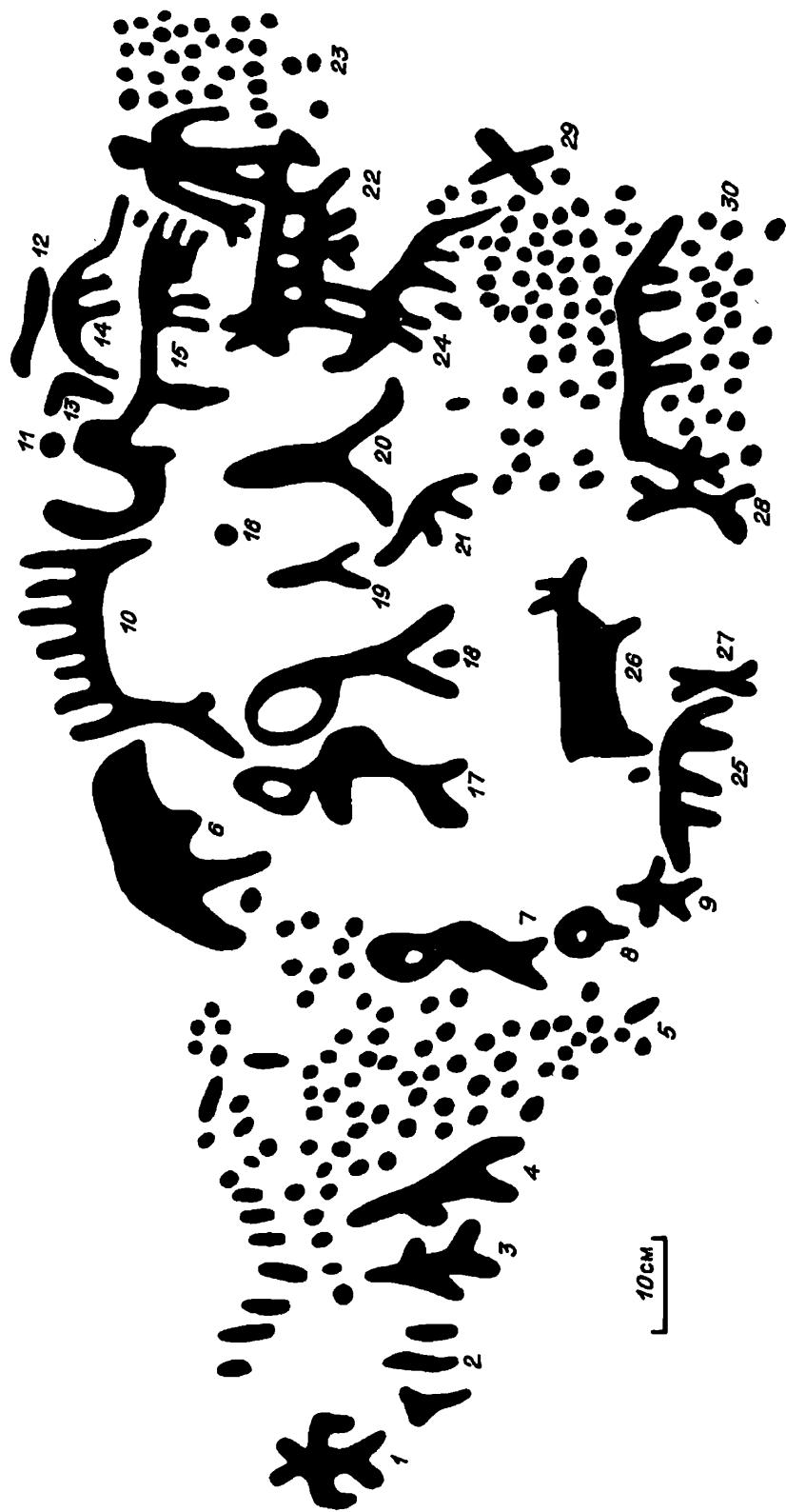

Табл. 18. Бараун Чүлүгтай.

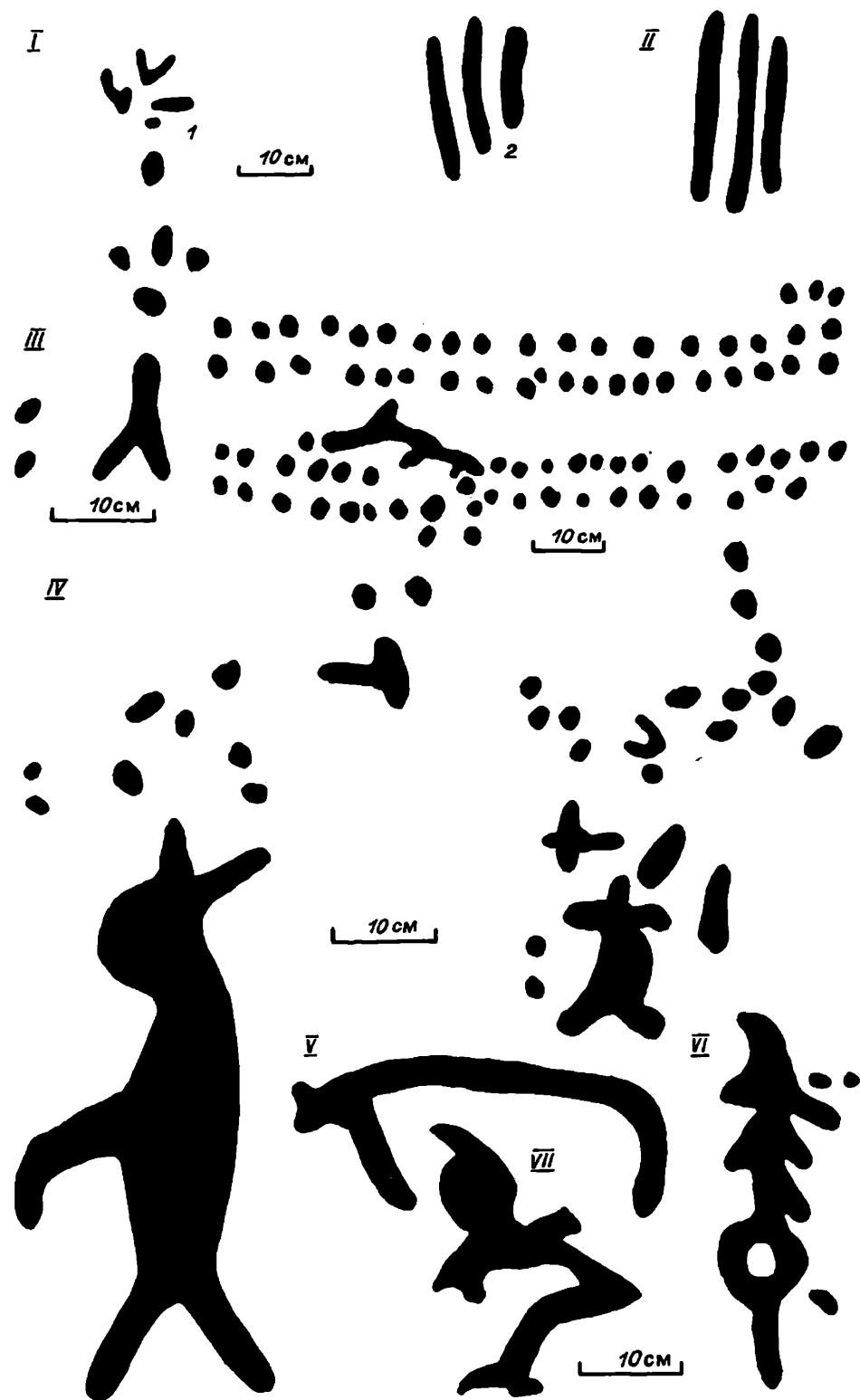

Табл. 19. Бараун Чулутай.

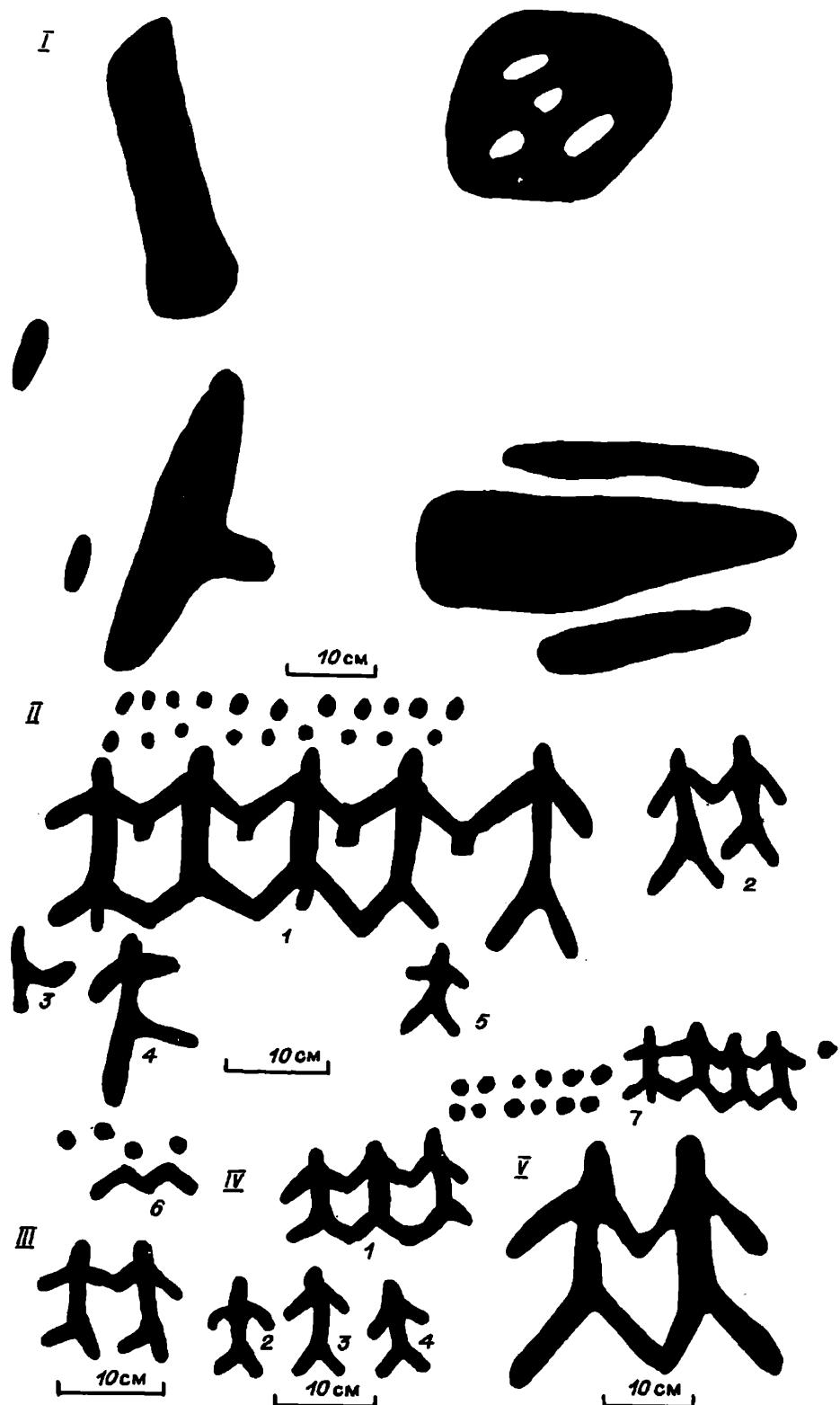

Табл. 20. I — Доно; II—V — Копчинский.
Табл. 21. Копчил.

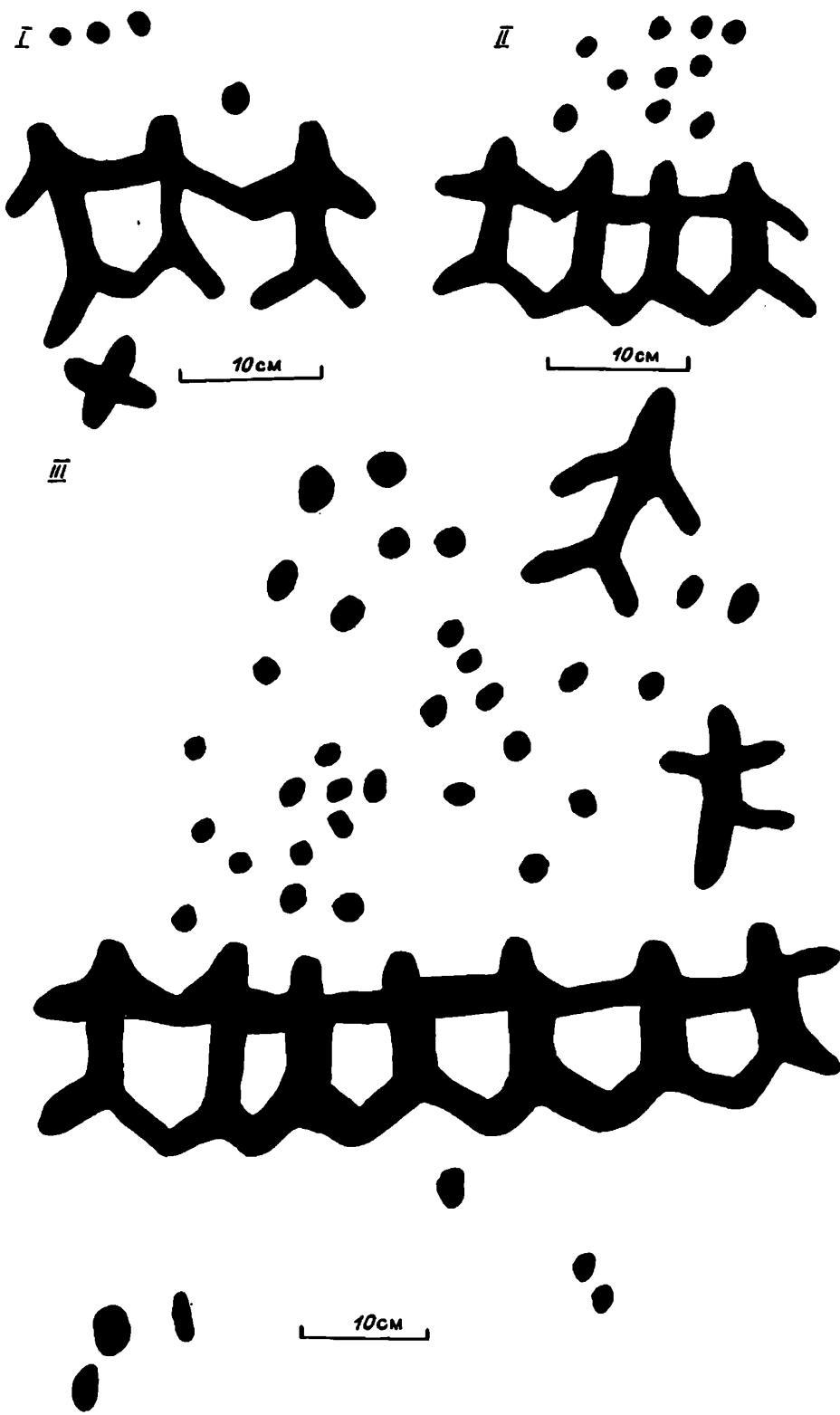

Табл. 21. Копчил.

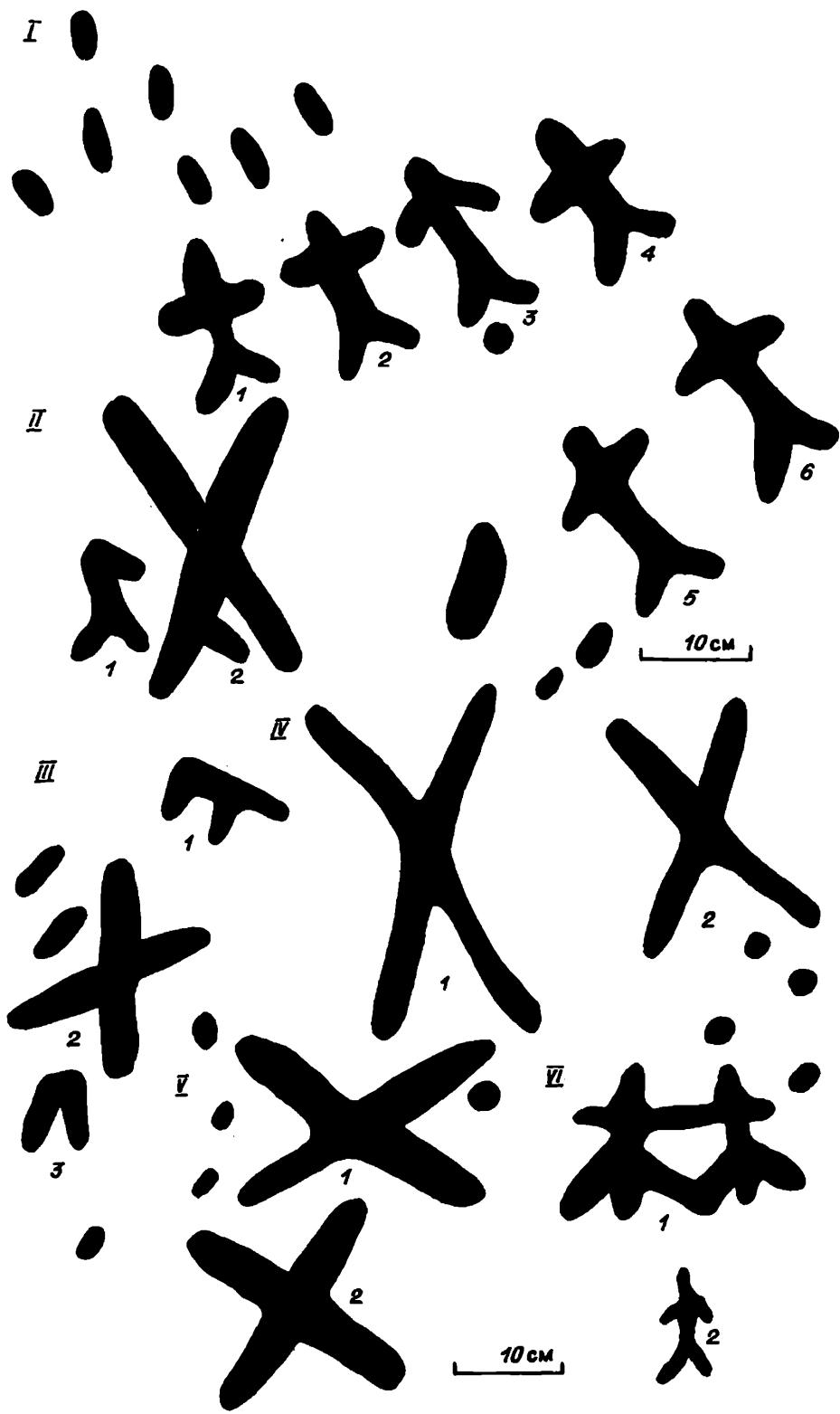

Табл. 22. Копчил.

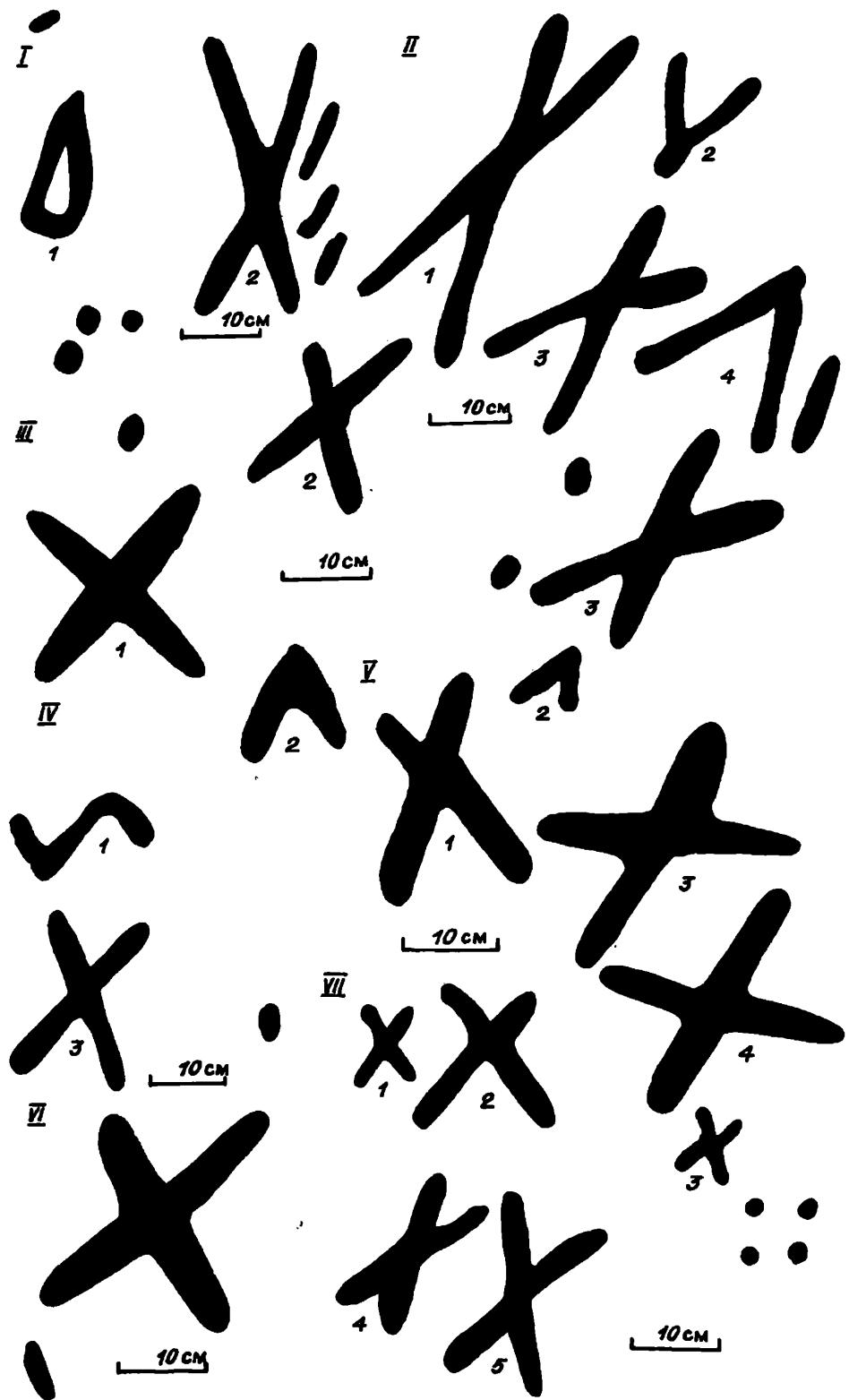

Табл. 23. Кончил.

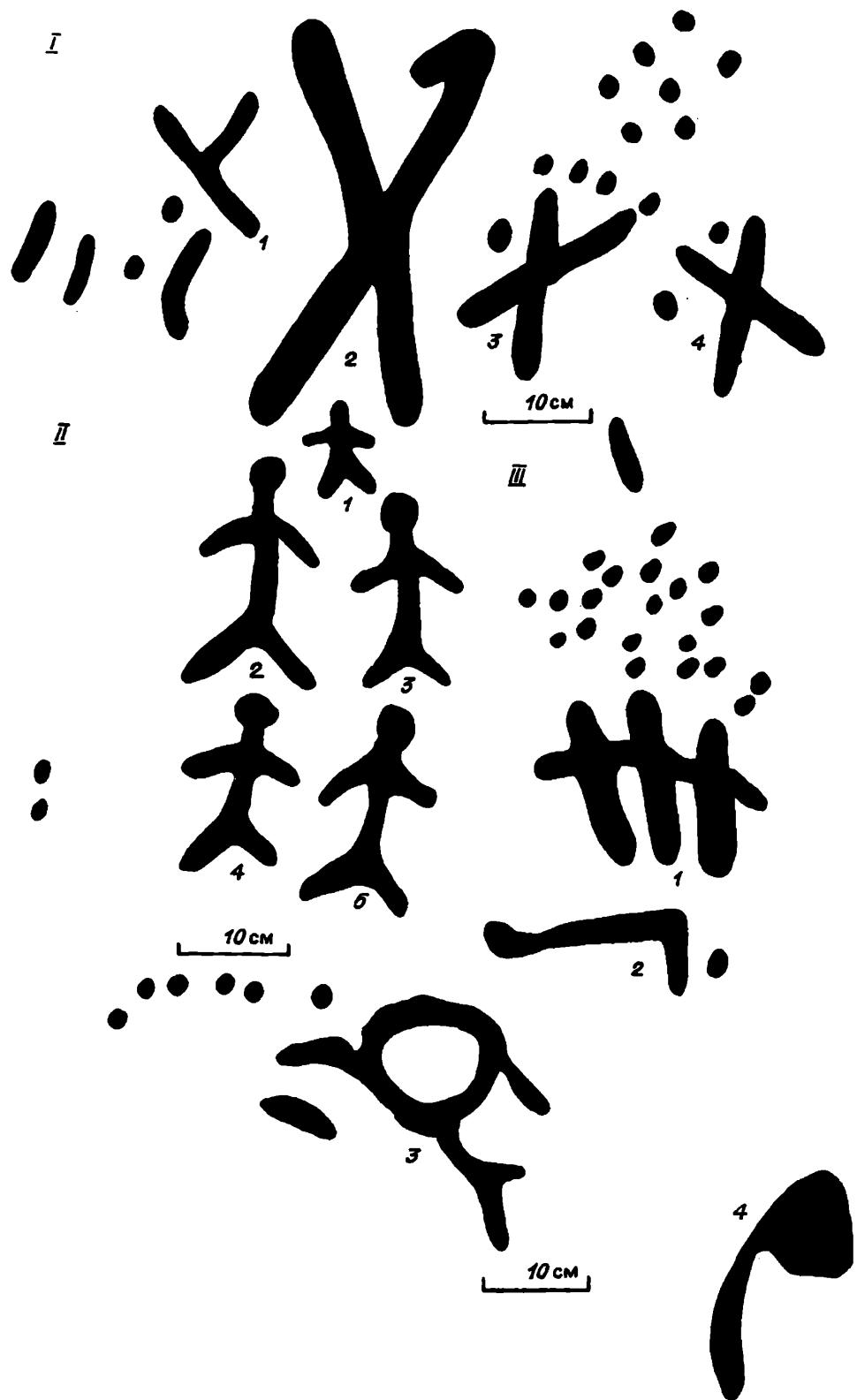

Табл. 24. Копчил.

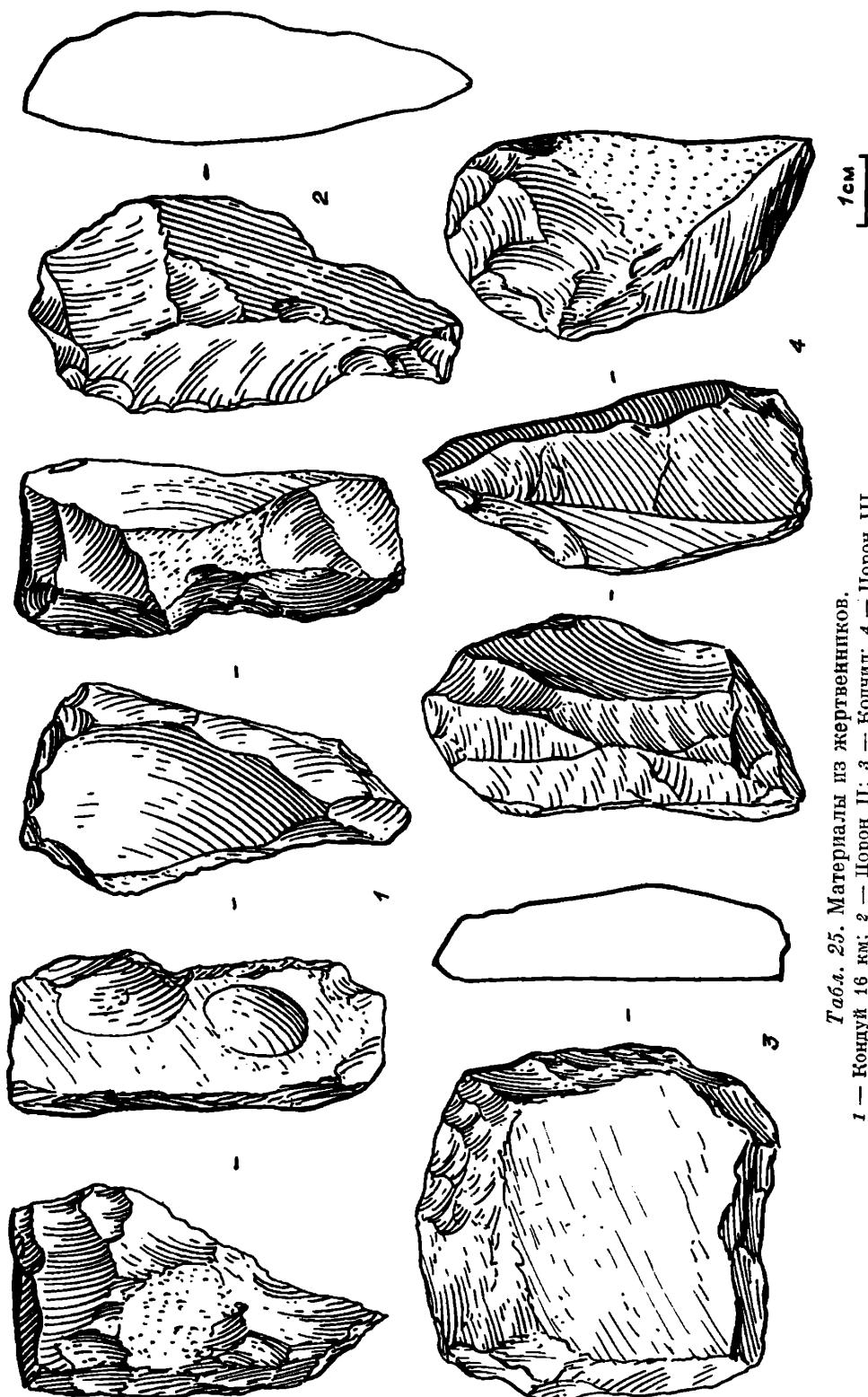

Табл. 25. Материалы из жертвеников.
1 — Кондуй 16 км; 2 — Чорон II; 3 — Копчил; 4 — Чорон III.

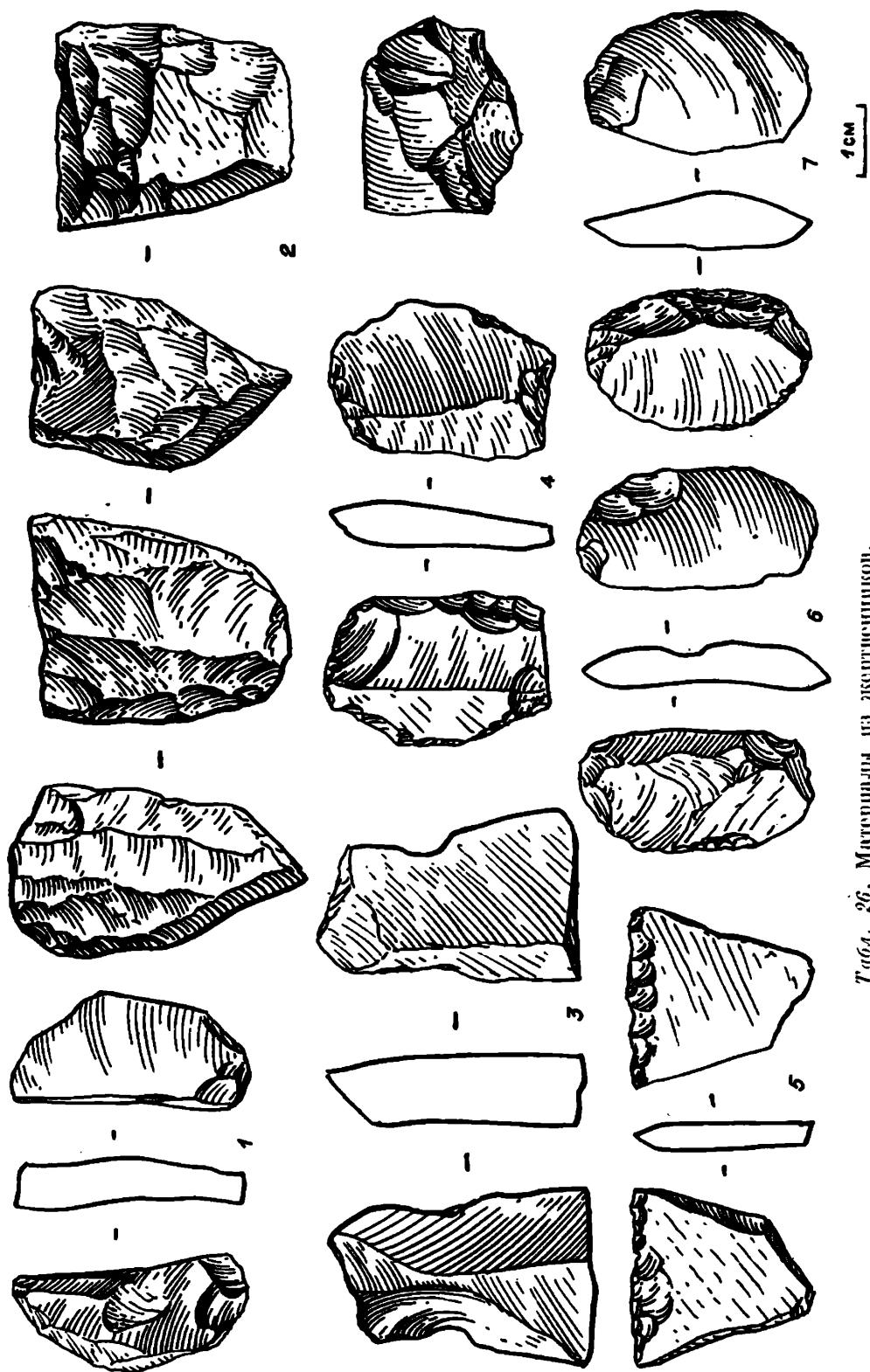

Табл. 26. Морфология рода *Ecteinascidion*.
1, 2 — скелеты; 3, 4, 5, 6 — кончики и др.; 7 — коронка 101

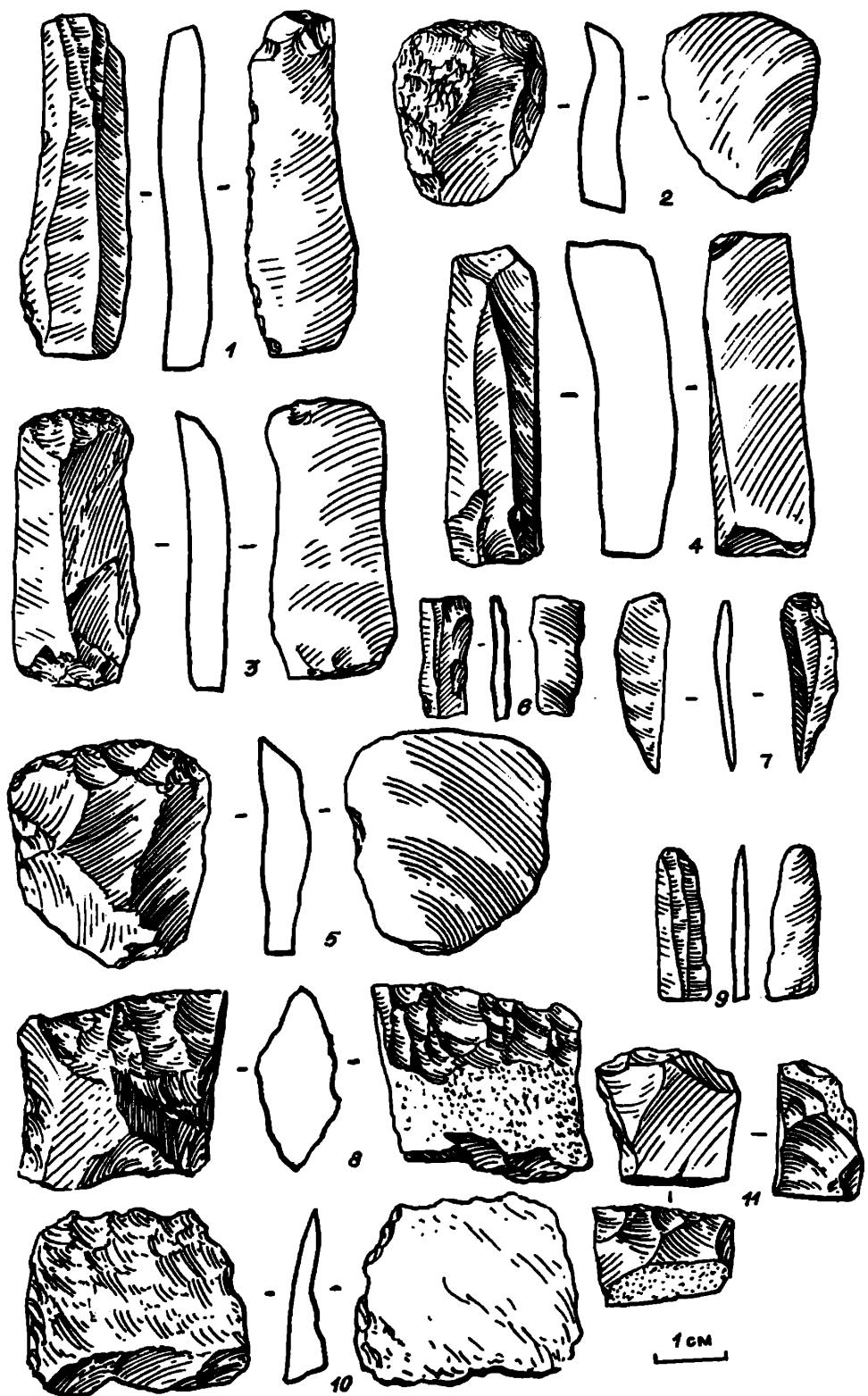

Табл. 27. Материалы из жертвеников.

1, 3 — Бараун Кондуй I; 2, 4, 6—8 — Кончил; 5 — Калашниково; 7, 10 — Бырка;
11 — Цорон II.

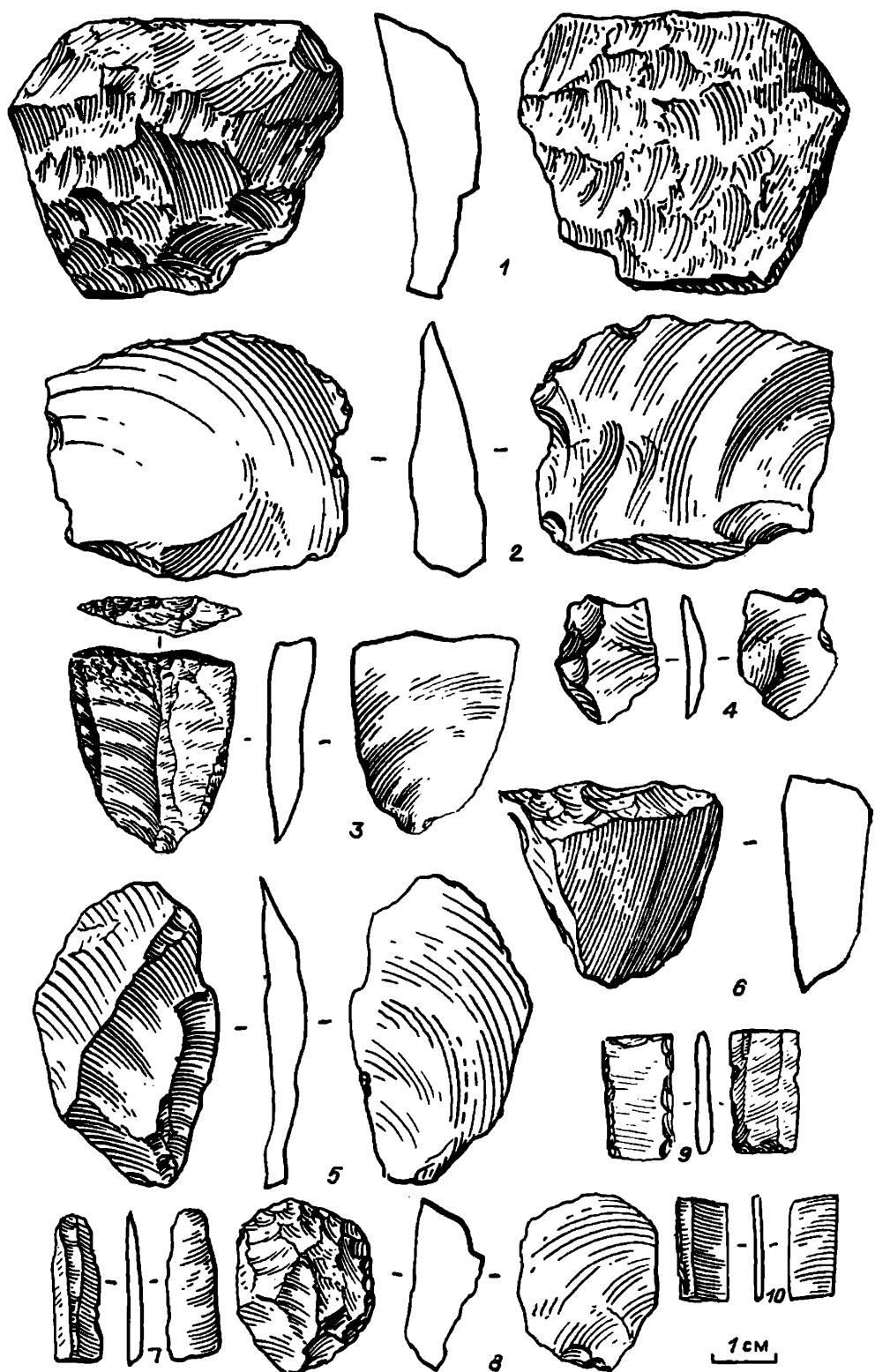
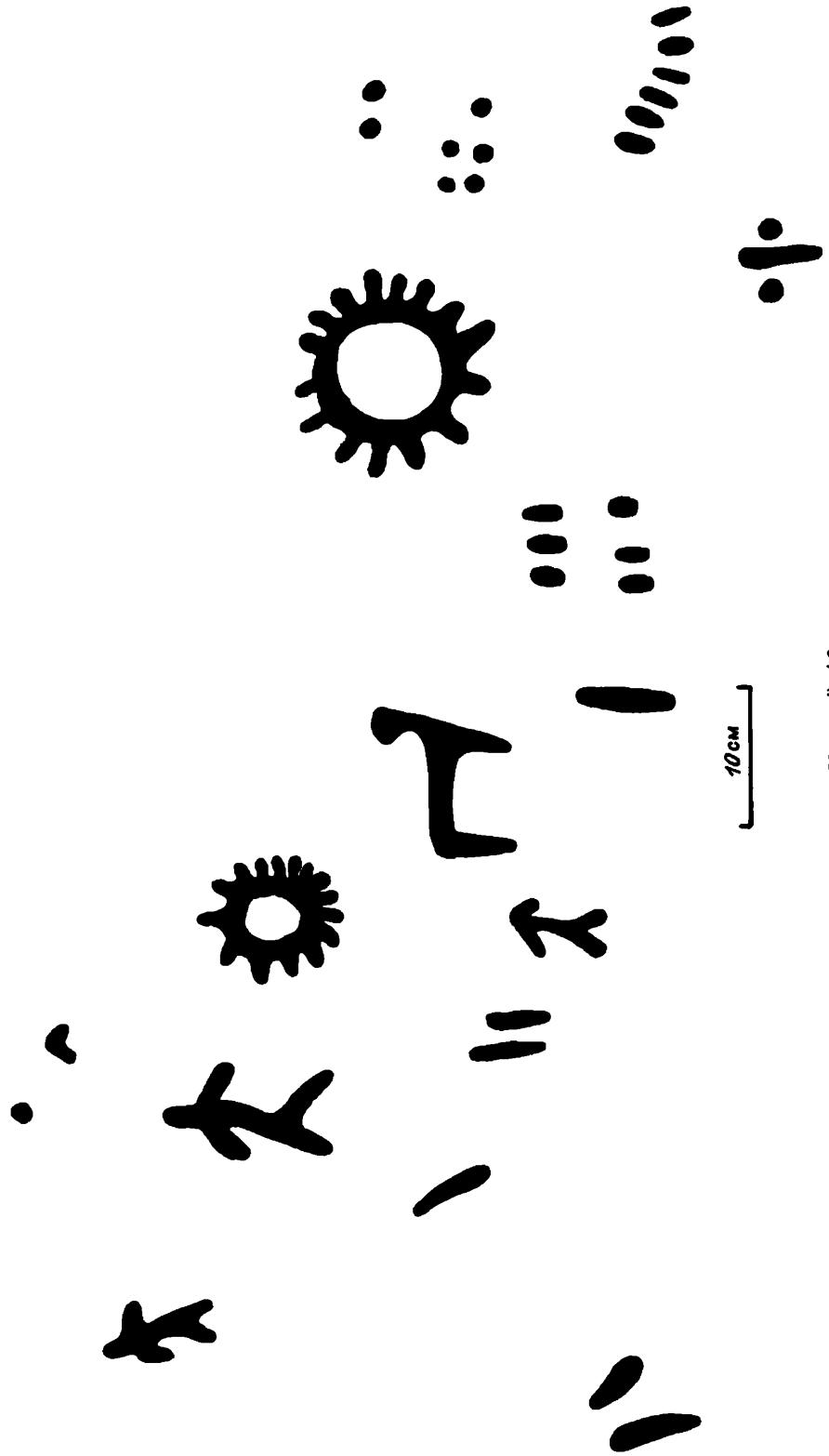
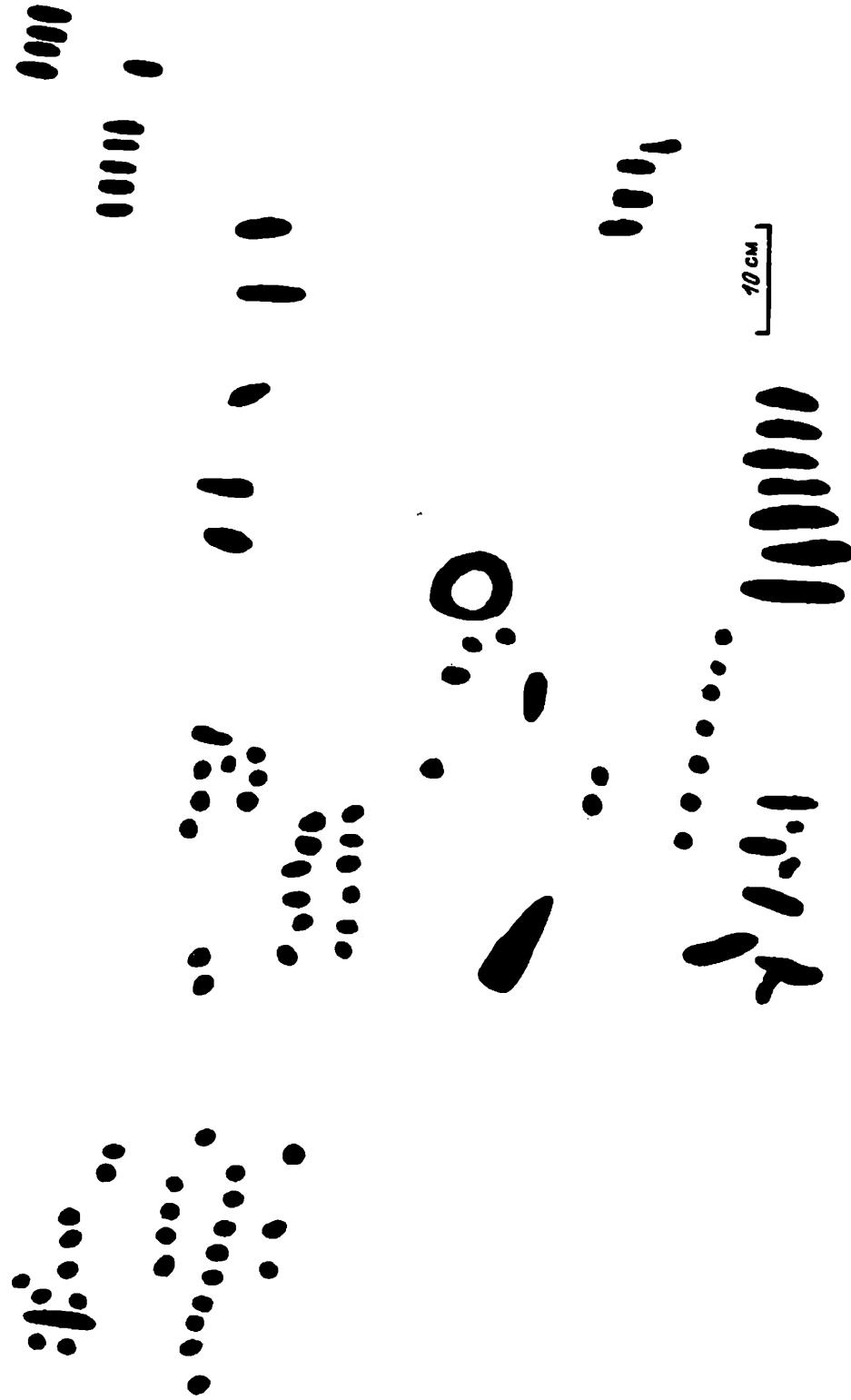

Табл. 28. Материалы из жертвенников.
1—3, 6 — Копчил; 4, 5, 7 — Бырка; 8, 10 — Калашниково; 9 — Маргузек.

Tabl. 29. Кондукт 16 км.

10 см

Tabл. 30. Кончук 16 км.

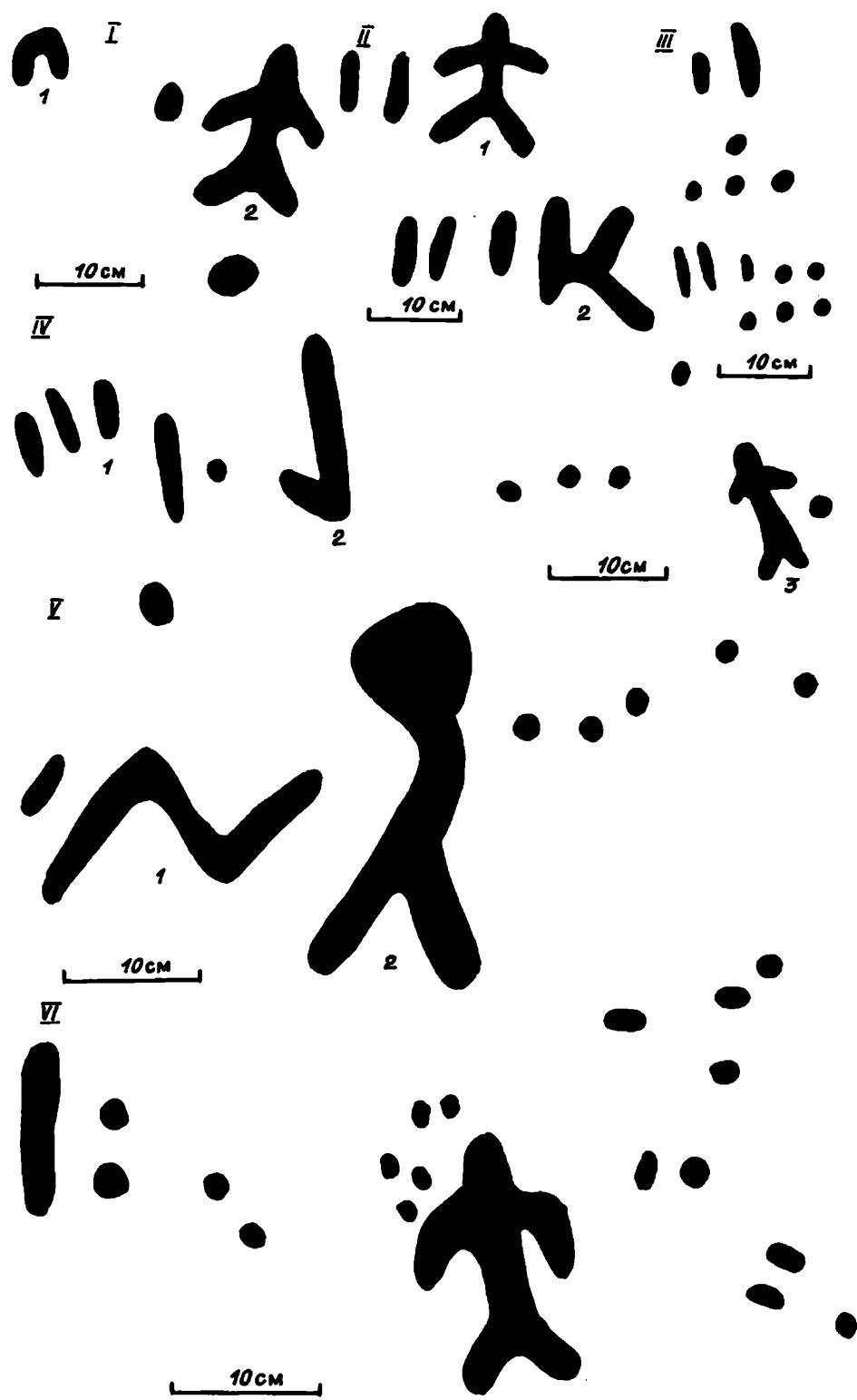

Табл. 31. I—IV — Кондуй 16 км; V — Цорон I; VI — Цорон II.

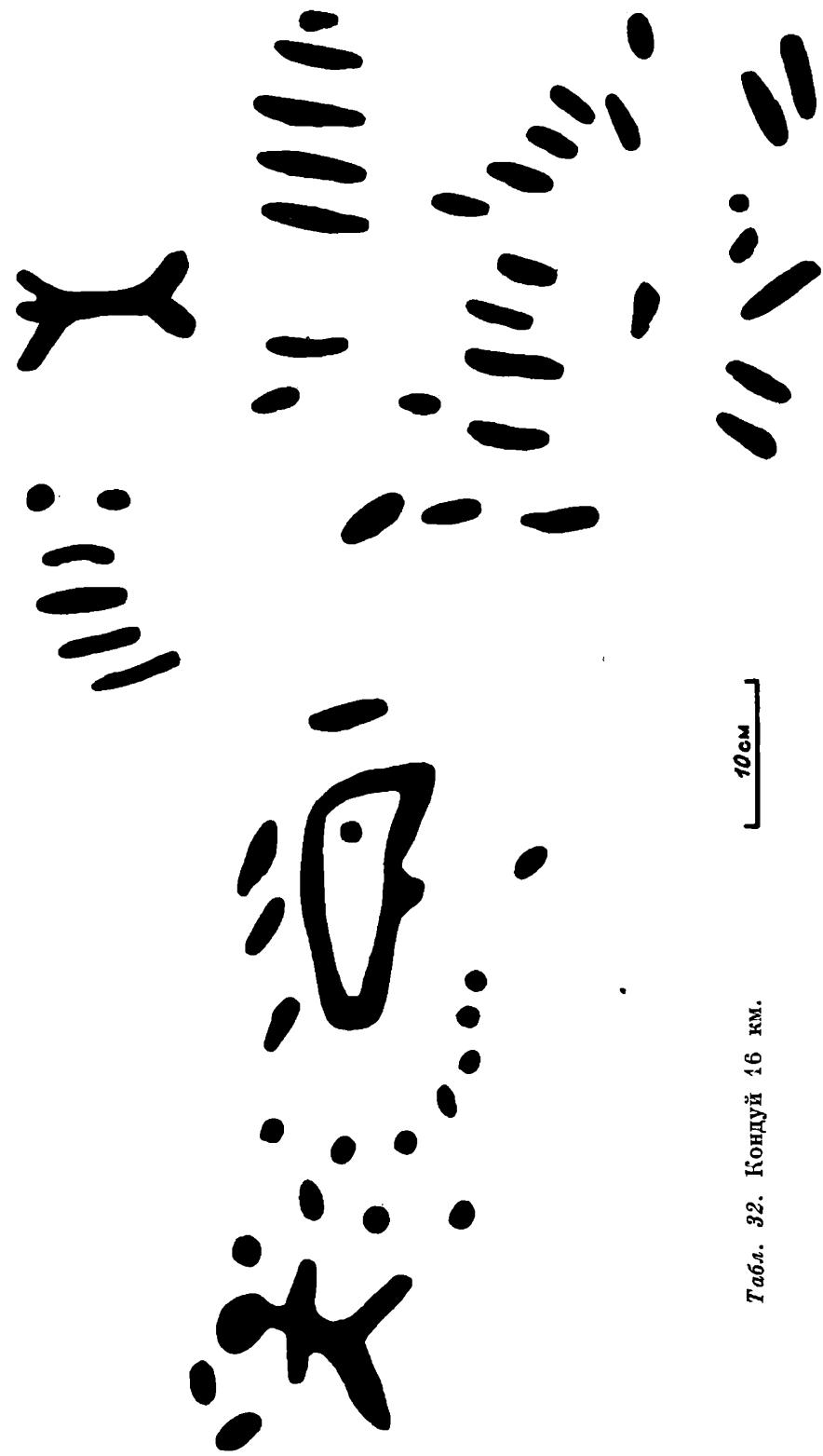
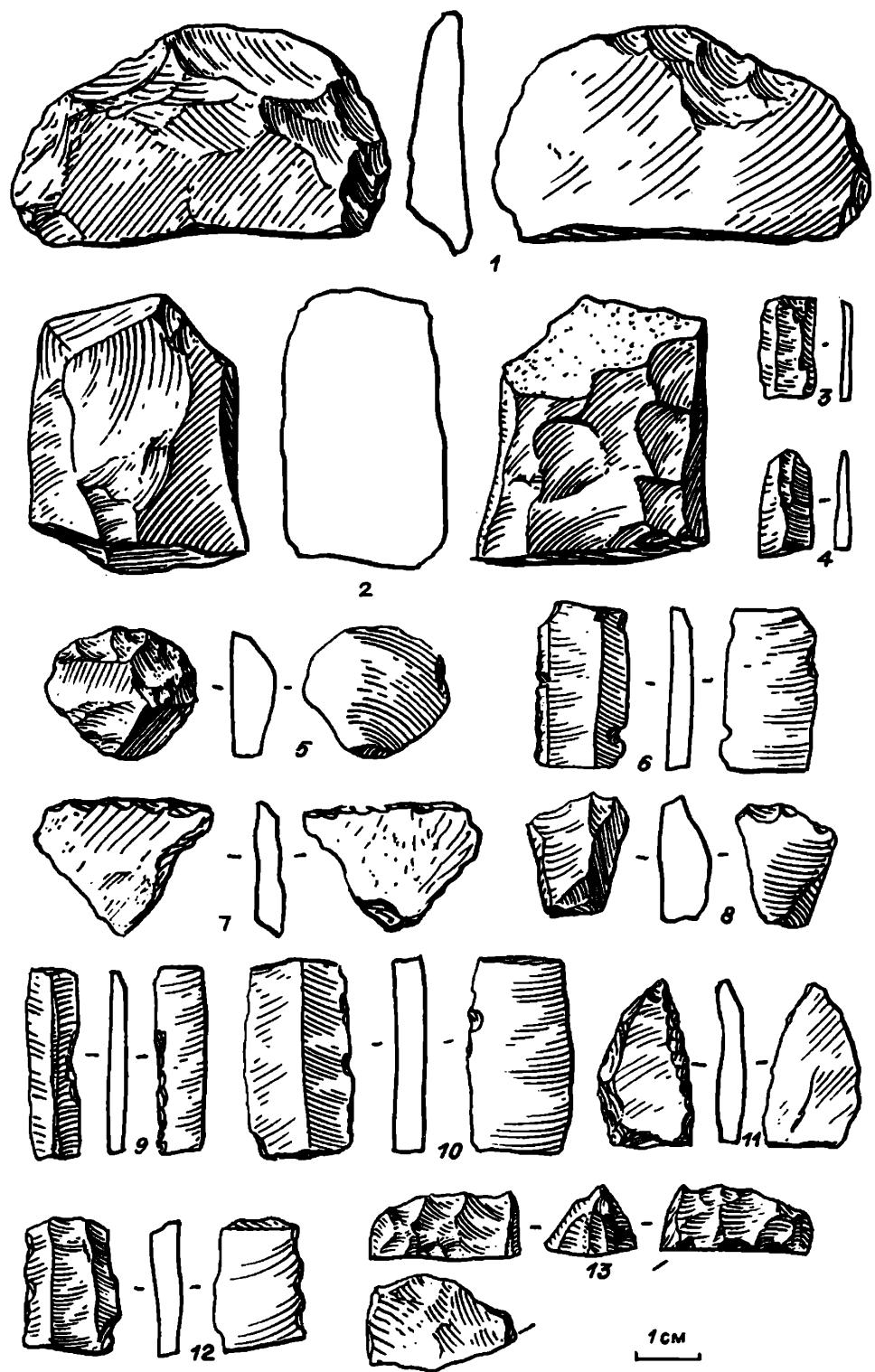

Табл. 32. Кондуй 16 км.

10 см

Табл. 33. Материалы из жертвенников.
1, 2, 4, 6, 9, 10, 12 — Цорон II; 3, 5, 7, 8 — Цорон I; 11, 13 — Цорон III.

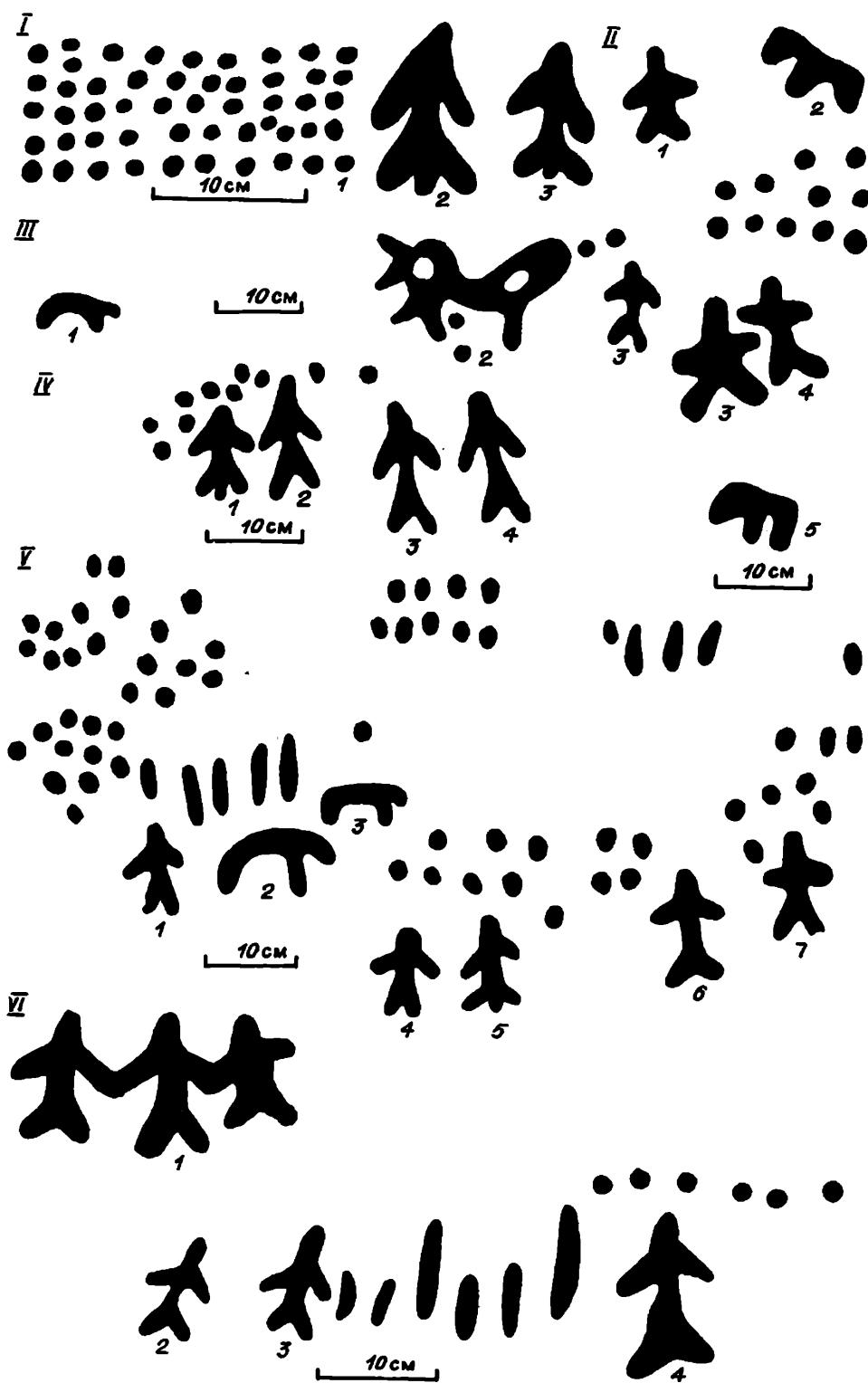
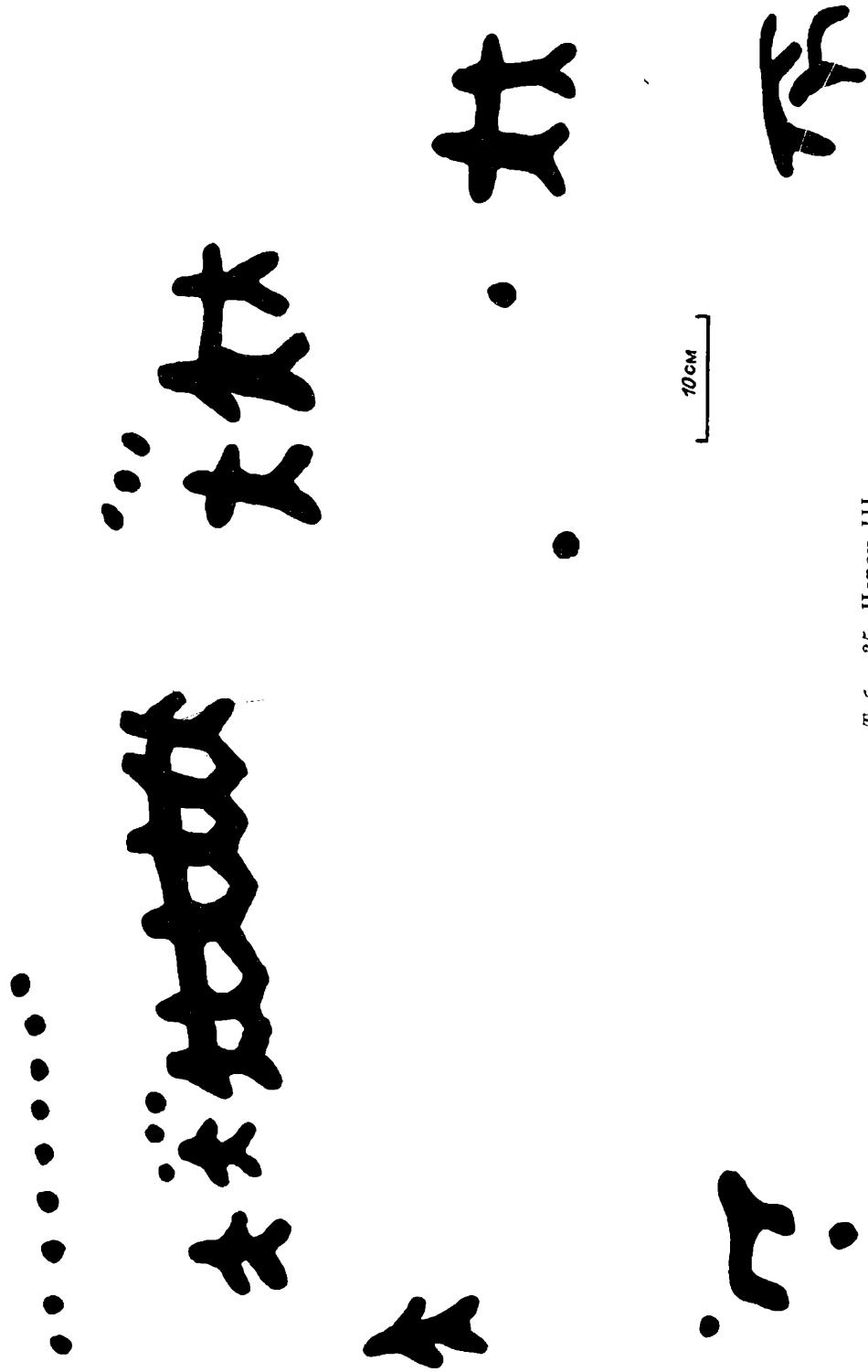
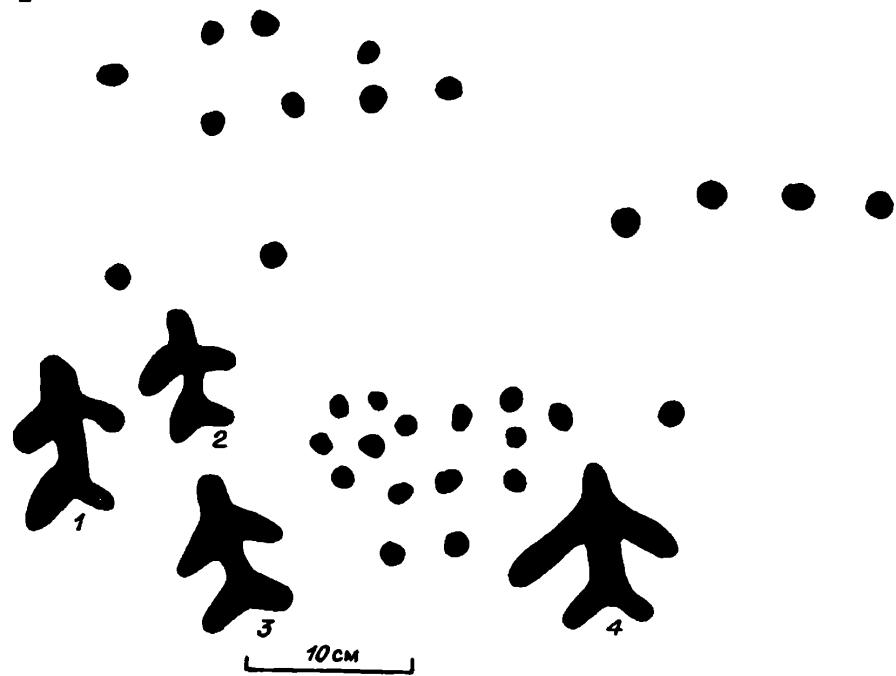

Табл. 34. Цорон III.

Tabl. 35. Чорок III.

I

II

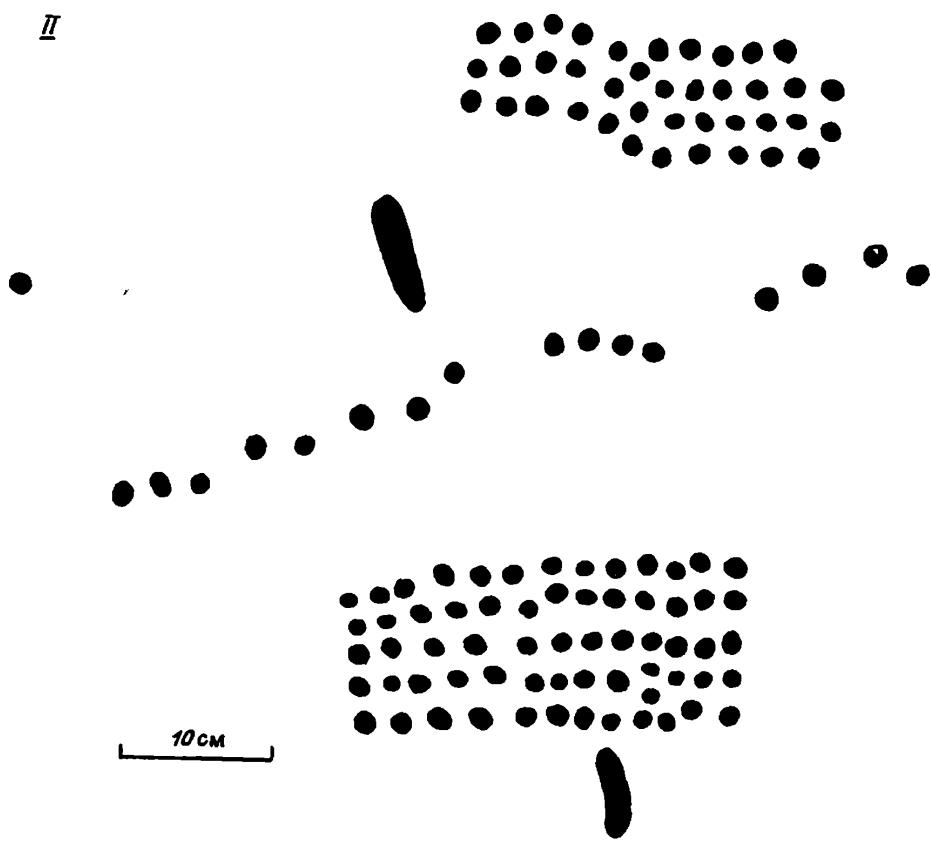

Табл. 36. Цорон III.

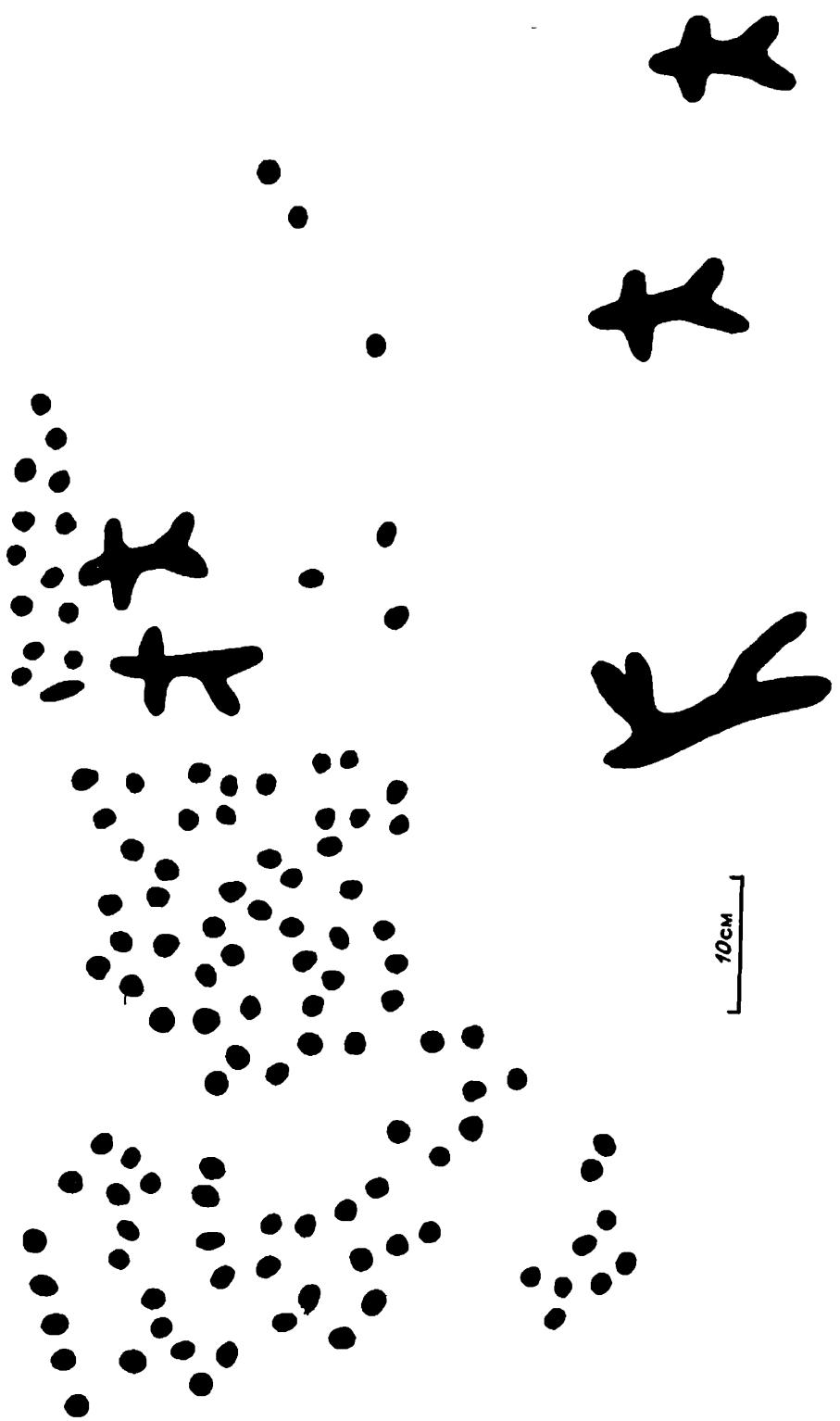

Табл. 37. Цорон III.

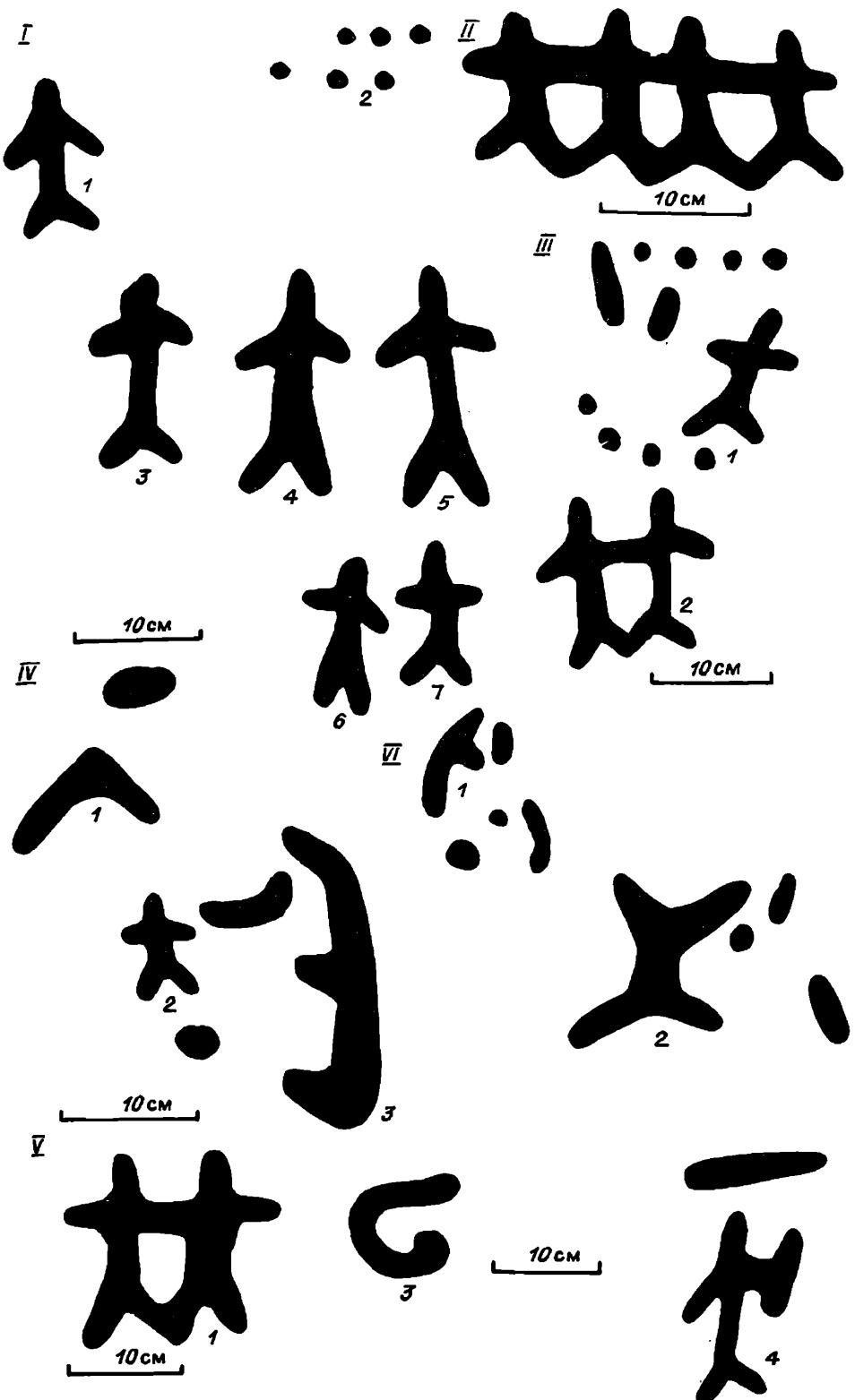
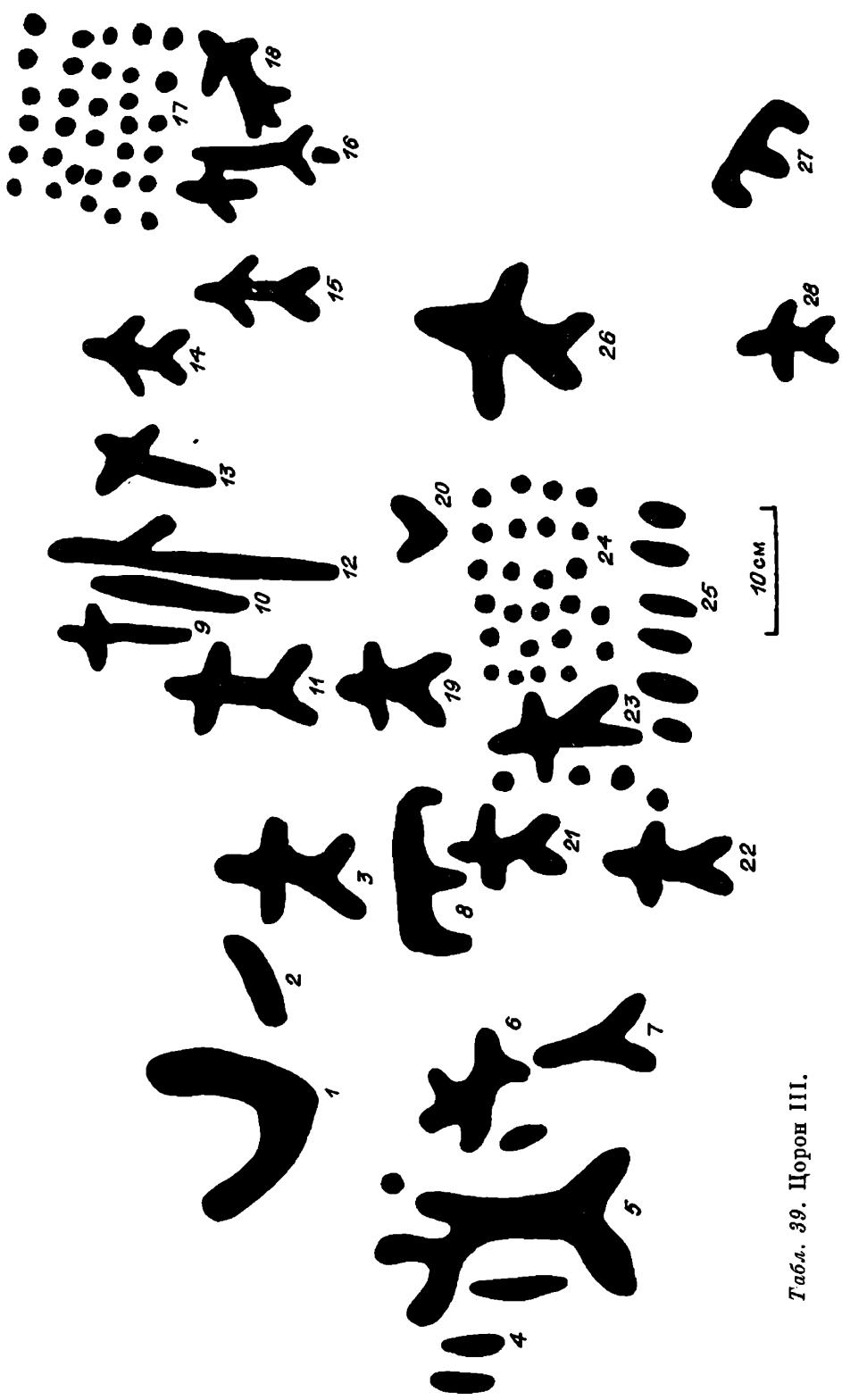
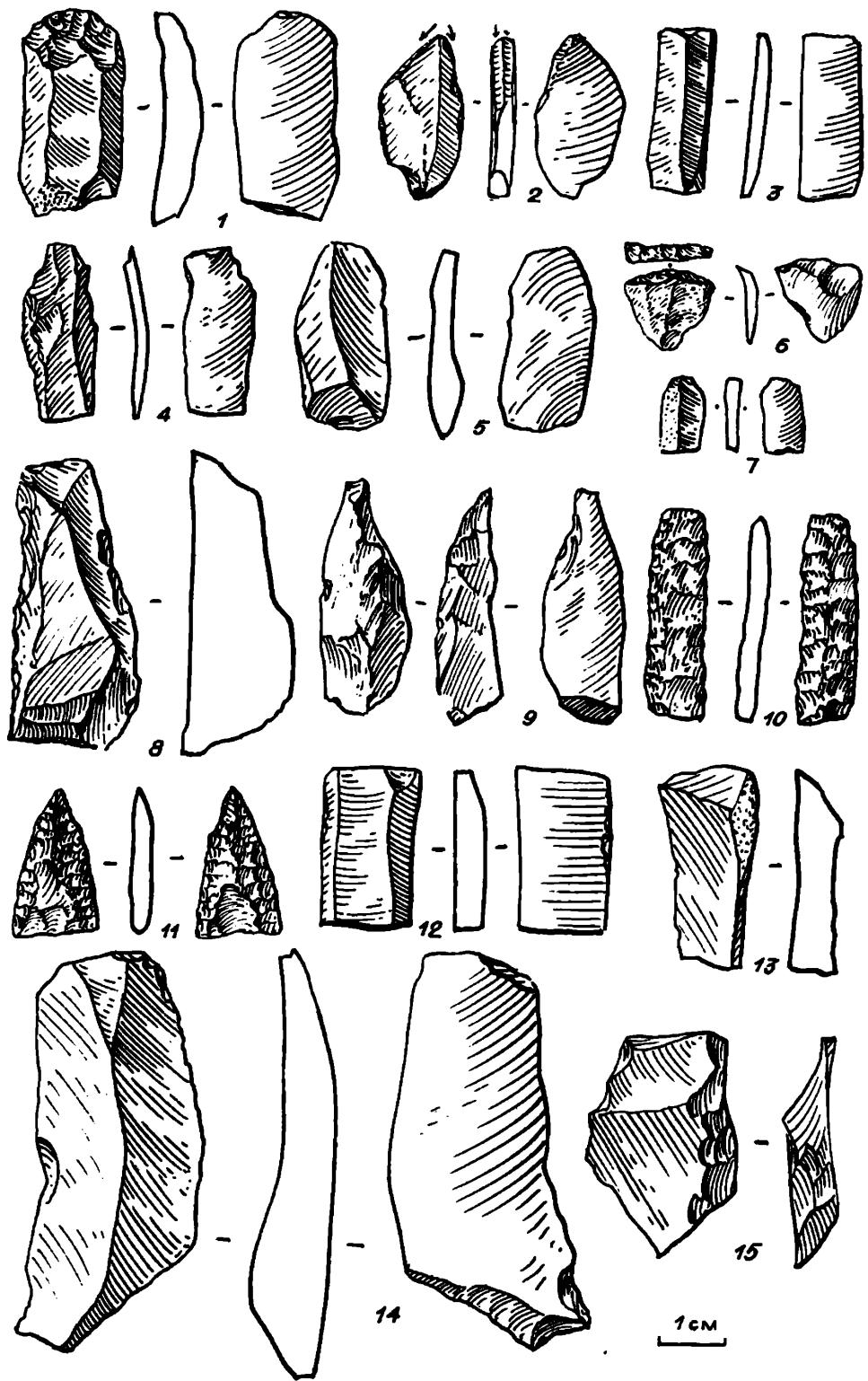

Табл. 38. I—V — Чороні III; VI — Усть-Чороні.

Tabл. 39. Цорон III.

Табл. 40. Материалы из жертвеников.
1—8, 13 — Цорон III; 9, 10, 12, 14, 15 — Бараун Кондуй I; 11 — Усть-Цорон.

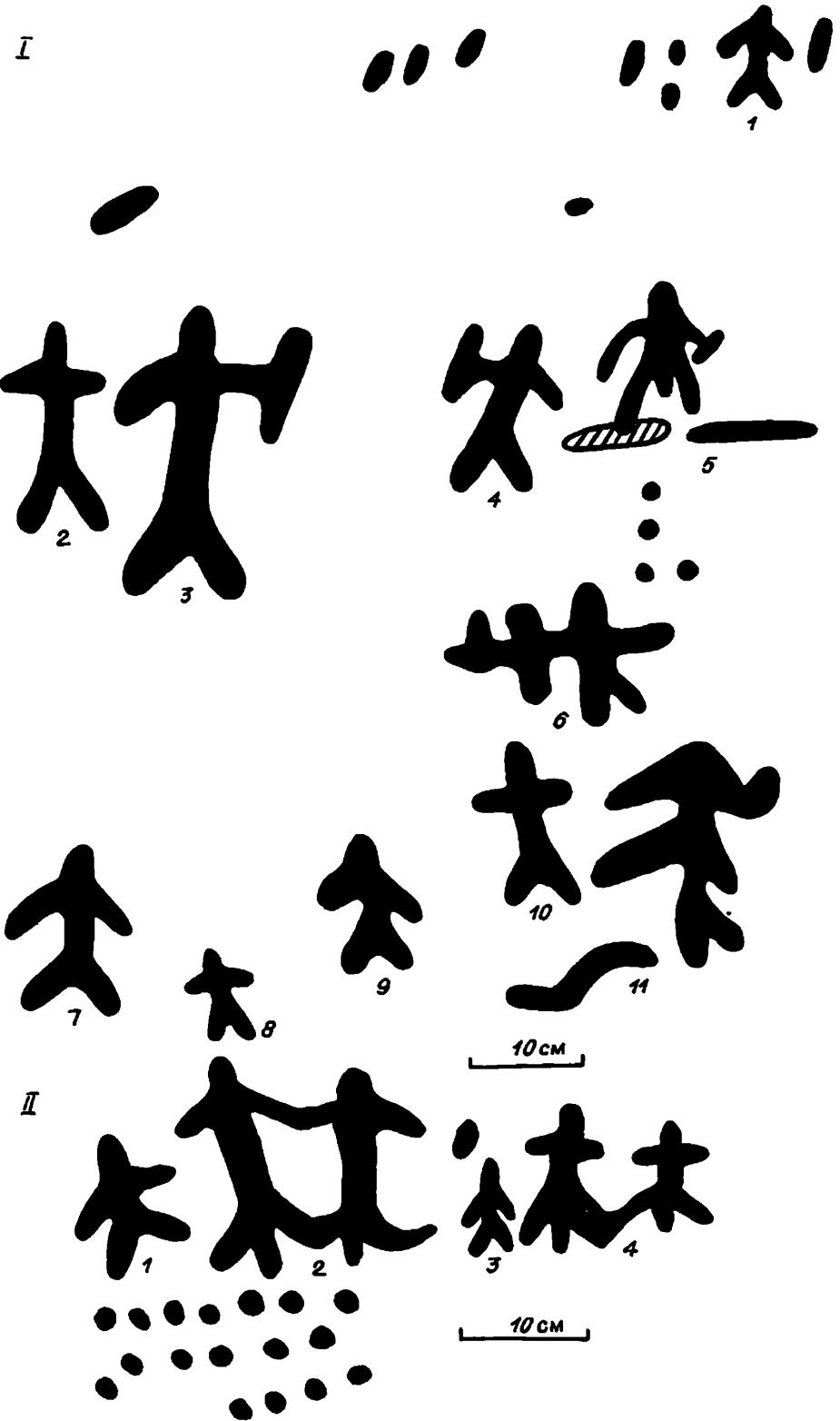

Табл. 41. Усть-Цорон.

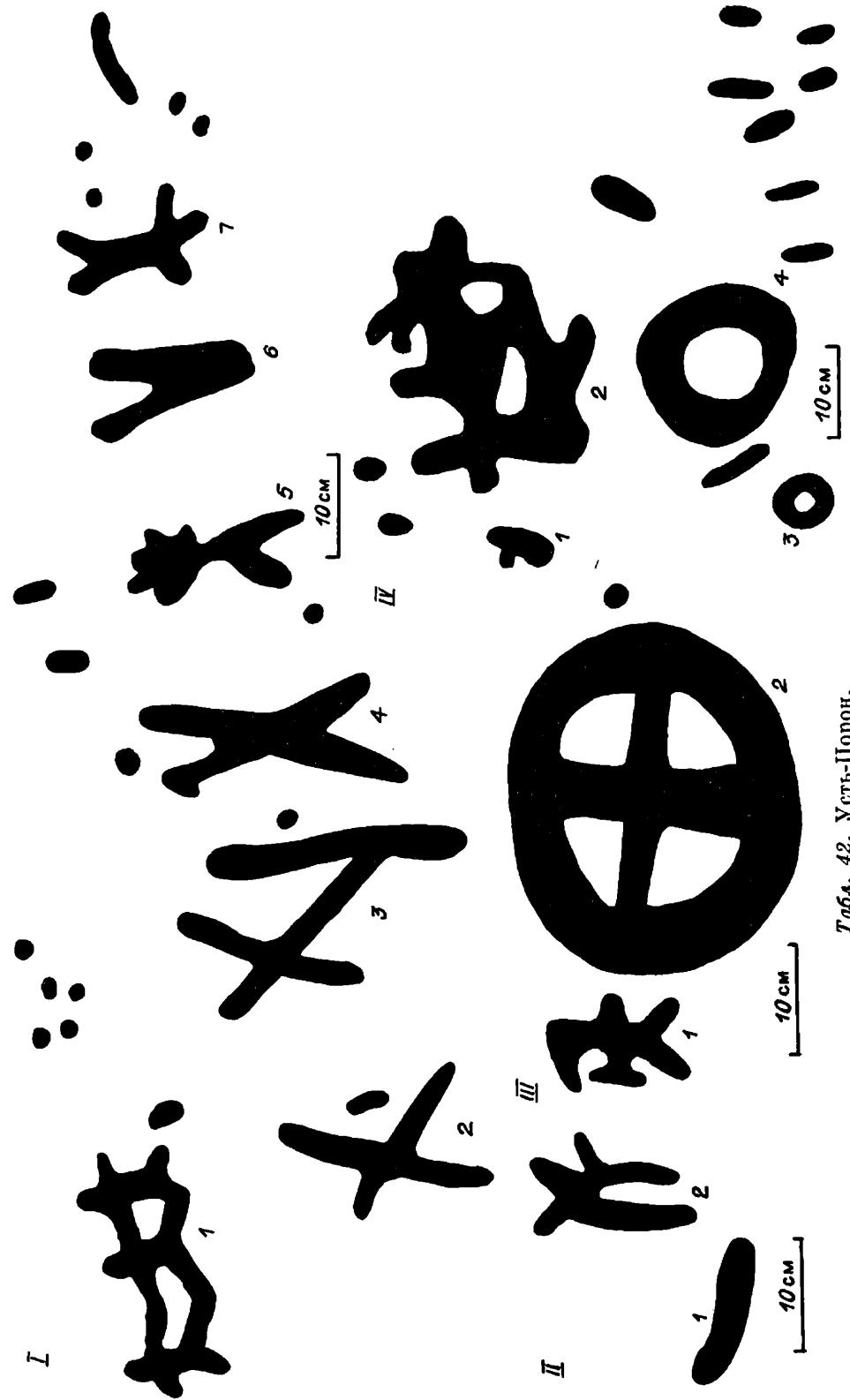

Табл. 42. Усть-Чорон.

Табл. 43. Усть-Цорон.

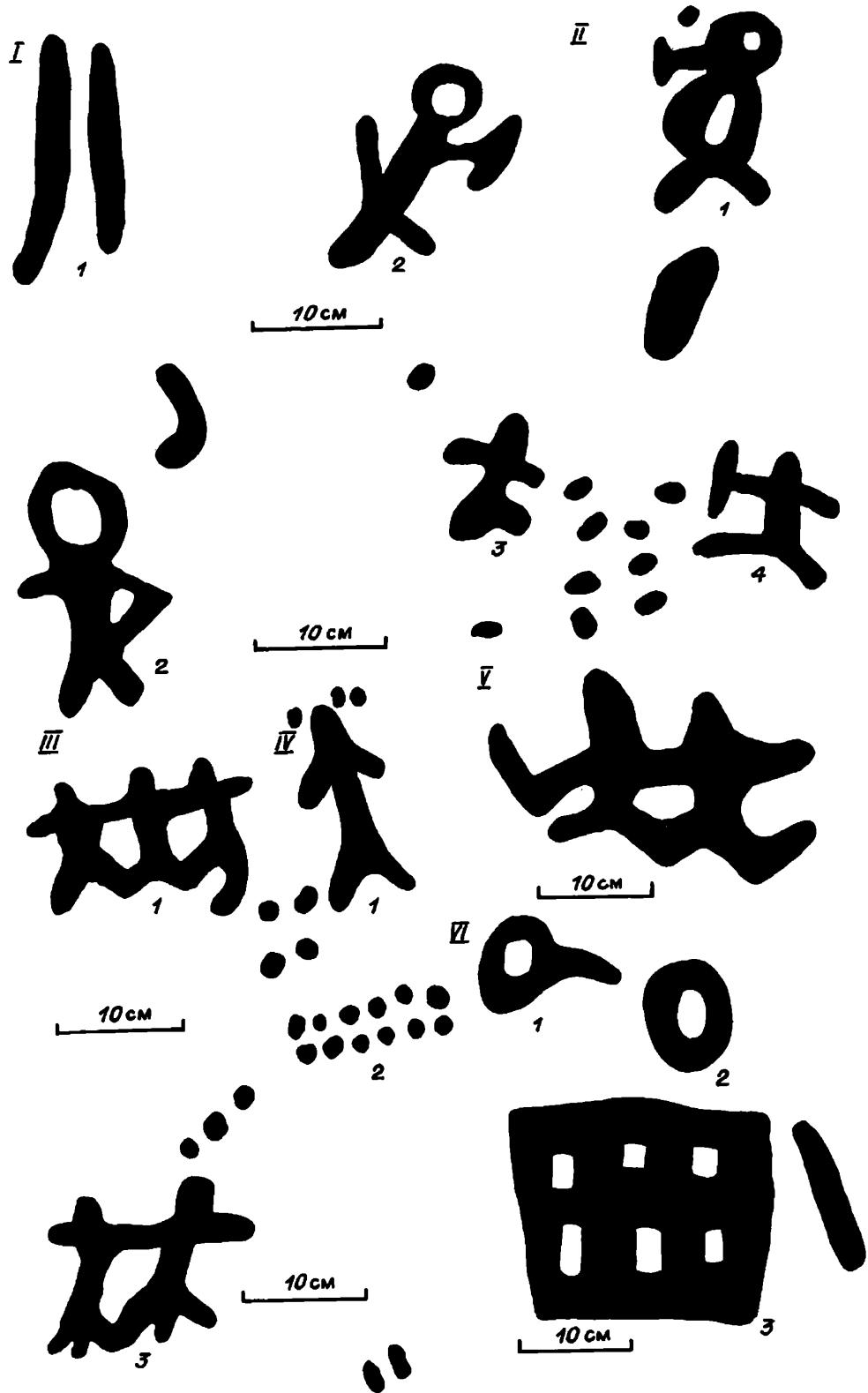

Табл. 44. Усть-Цорон.

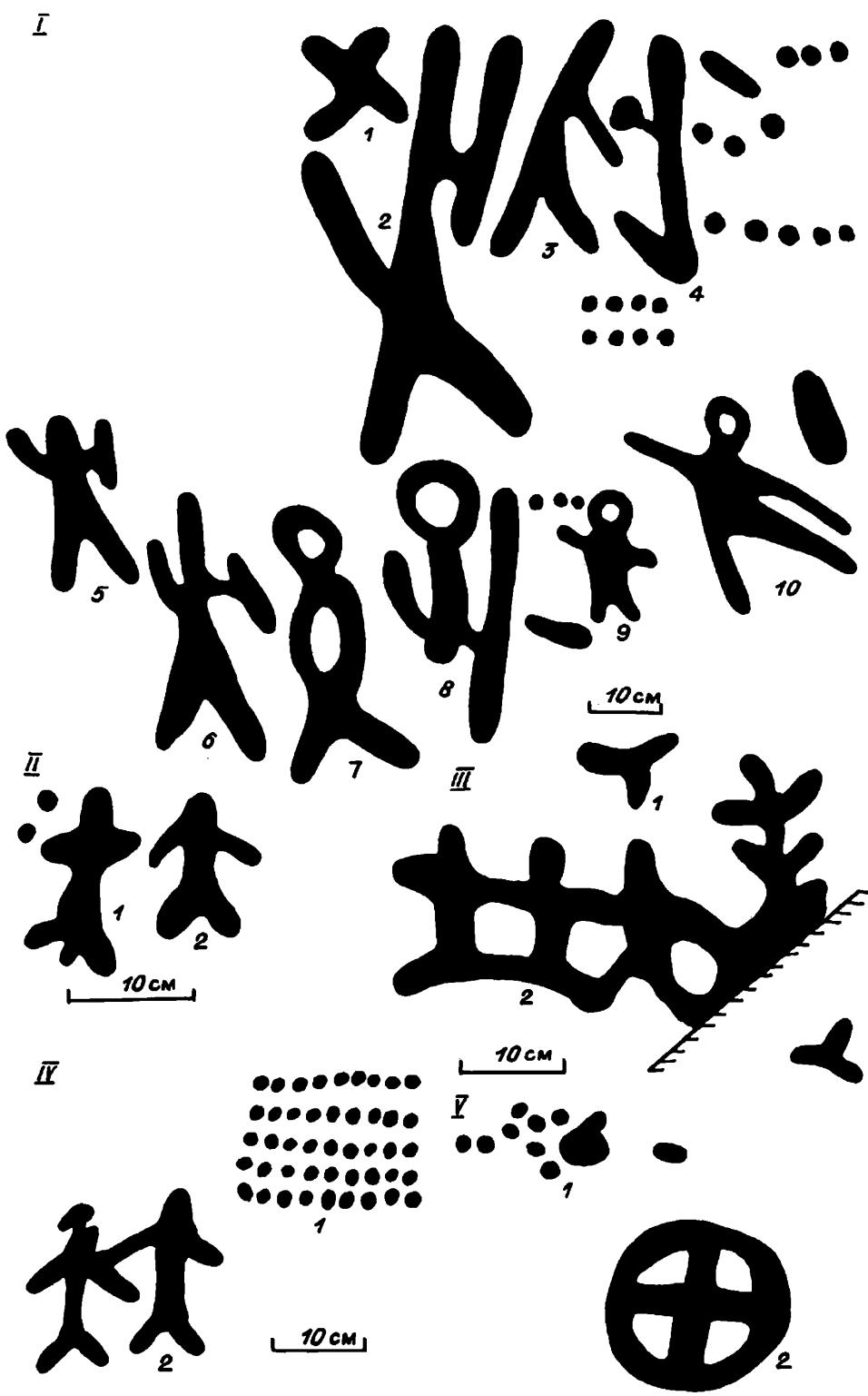

Табл. 45. Усть-Цорон.

Табл. 46. Усть-Цорон.

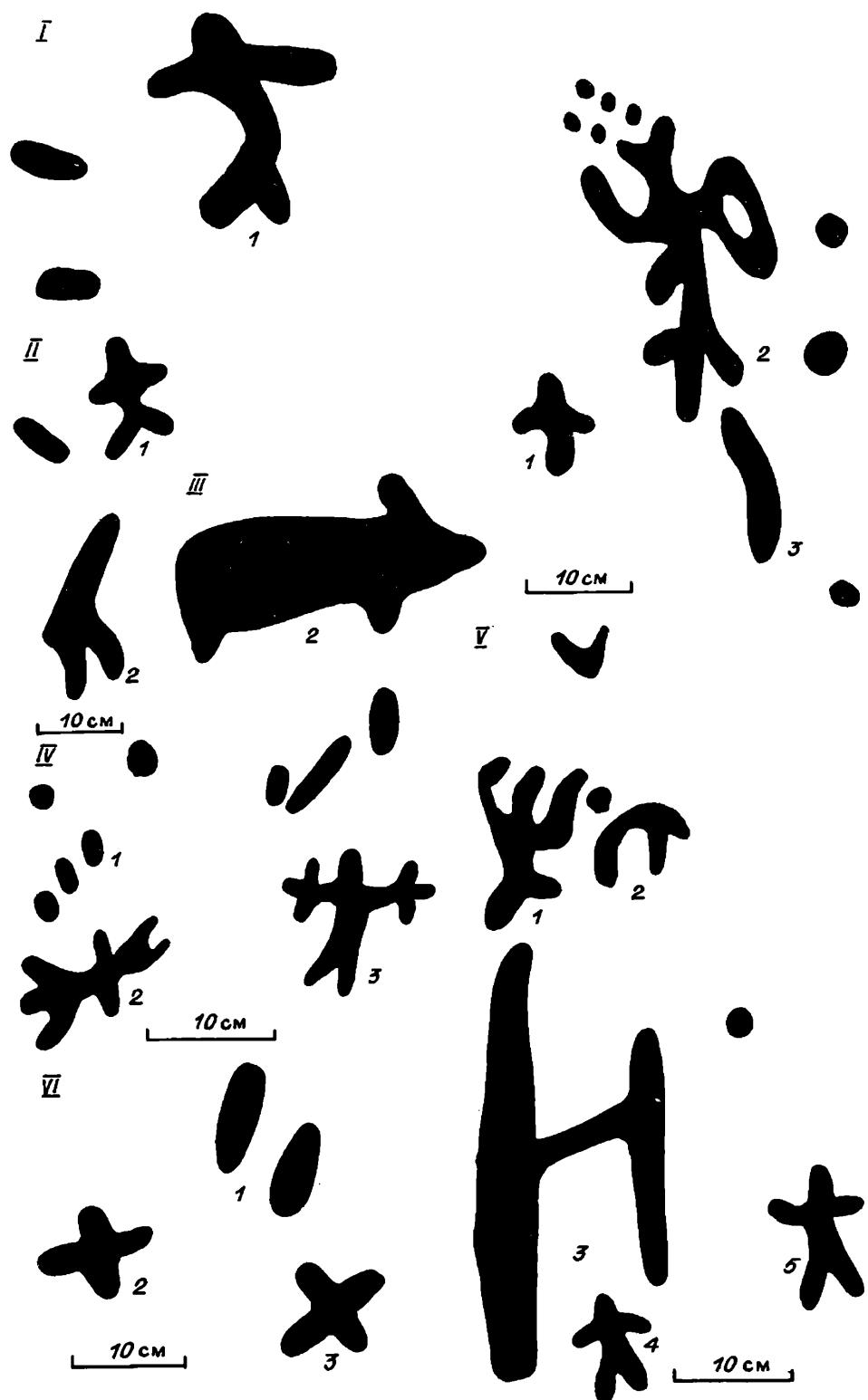

Табл. 47. I — Усть-Цорон; II, III — Бараун Кондуй II; IV—VI — Бараун Кондуй I.

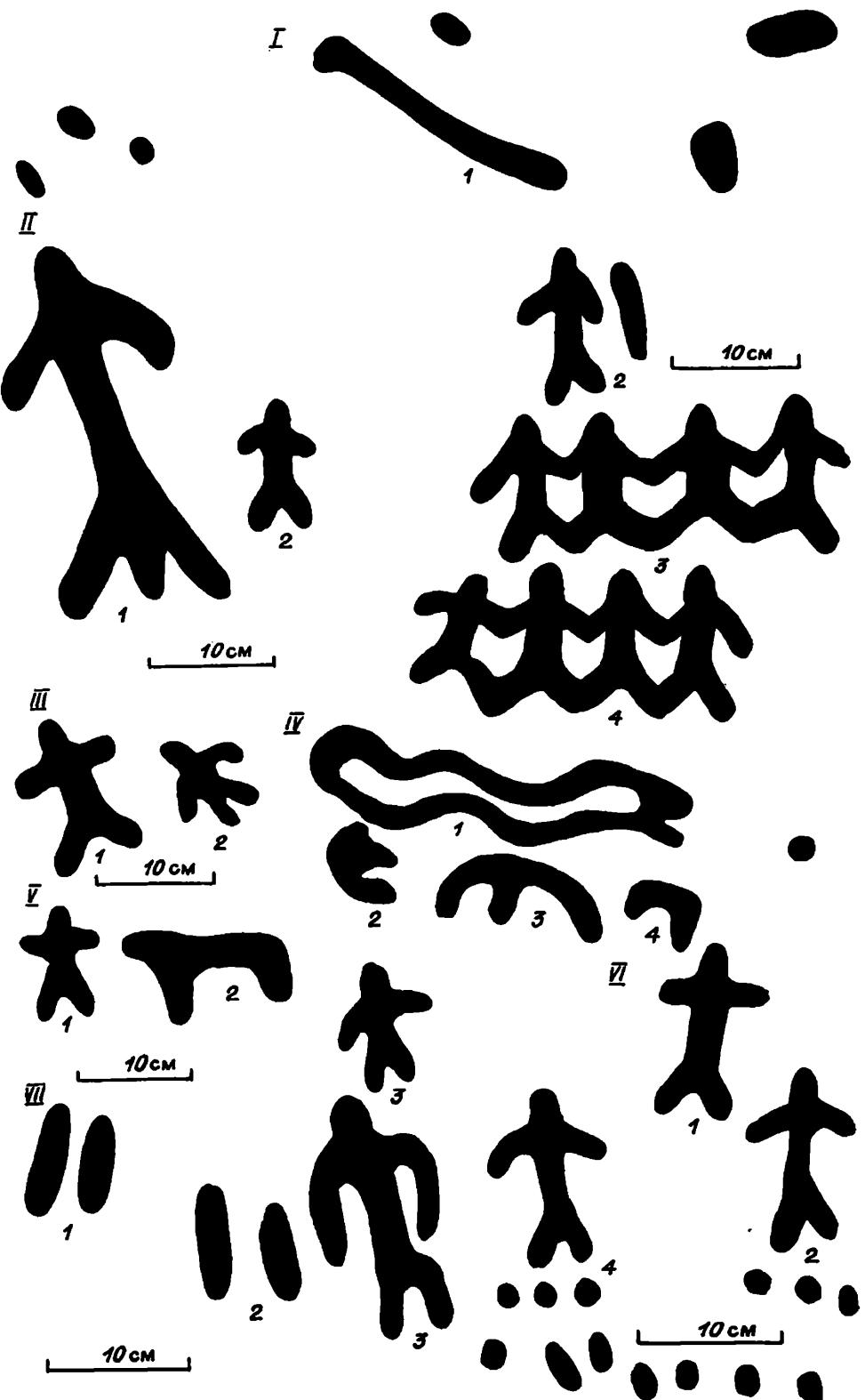

Табл. 48. I—III — Бараун Кондуй I; IV—VII — Могойтуй.

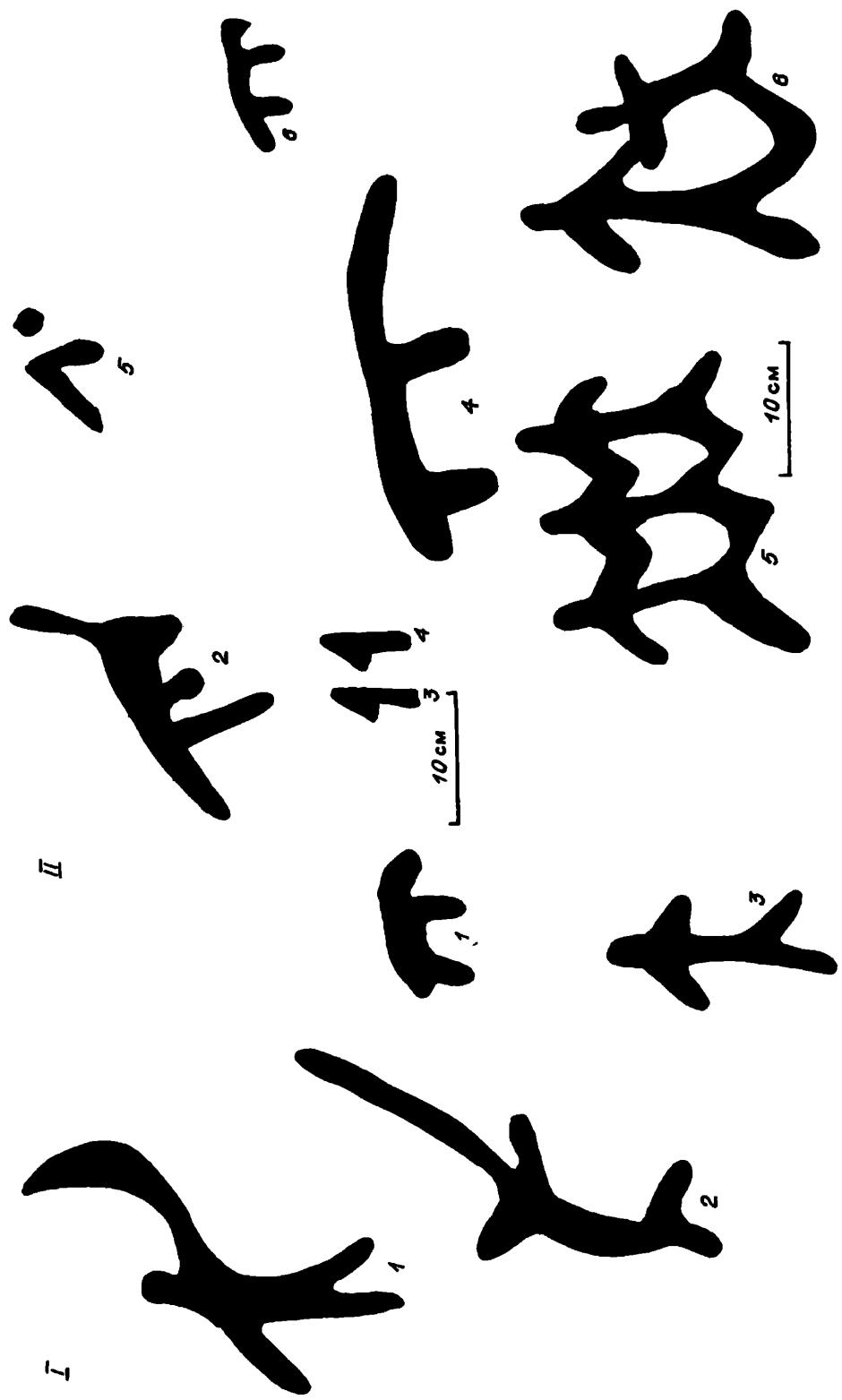

Табл. 49. Бараун Кондуй II.

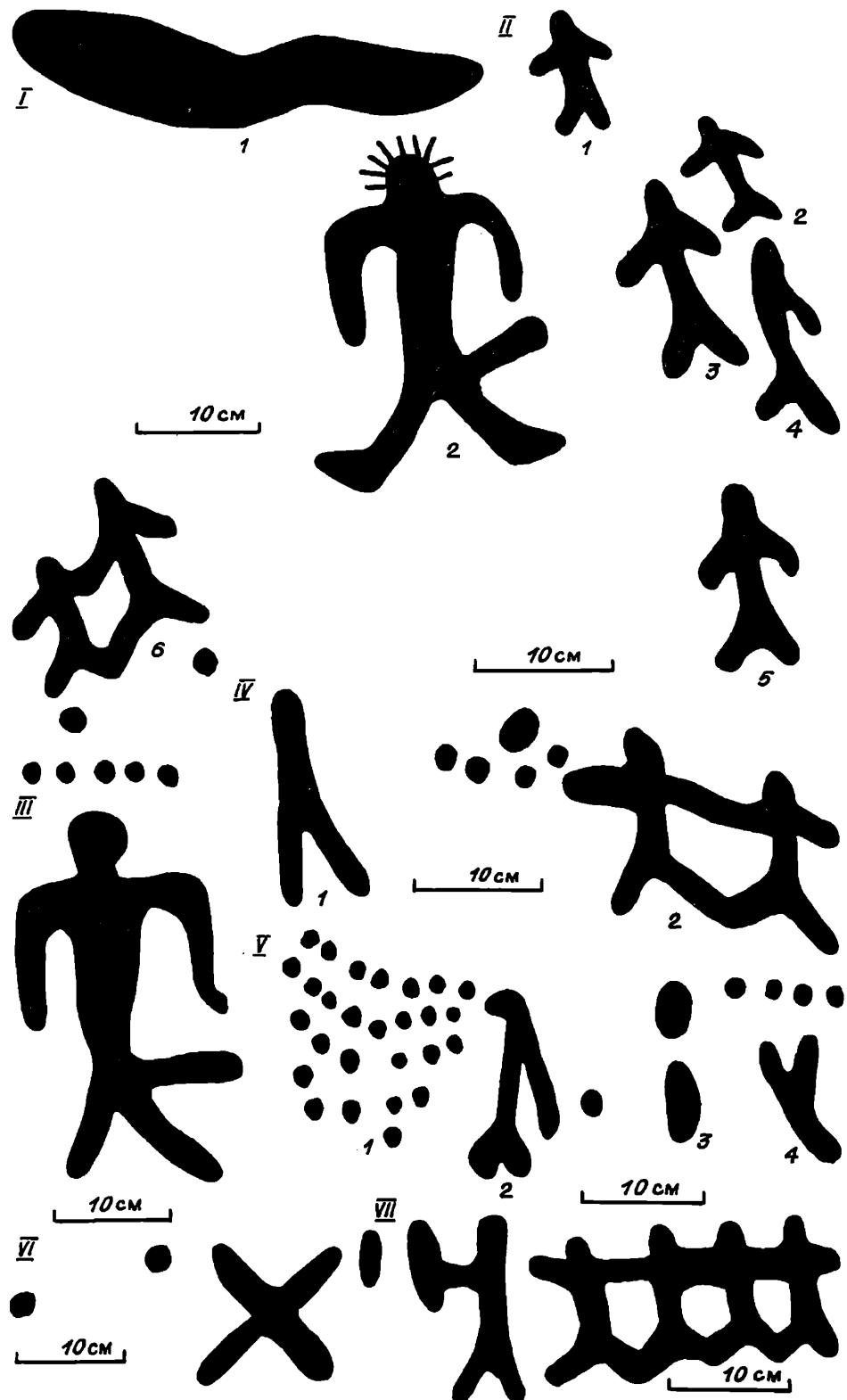

Табл. 50. I—IV—Могойтуй; V, VI — Калашниково; VII — Малый Улистай.

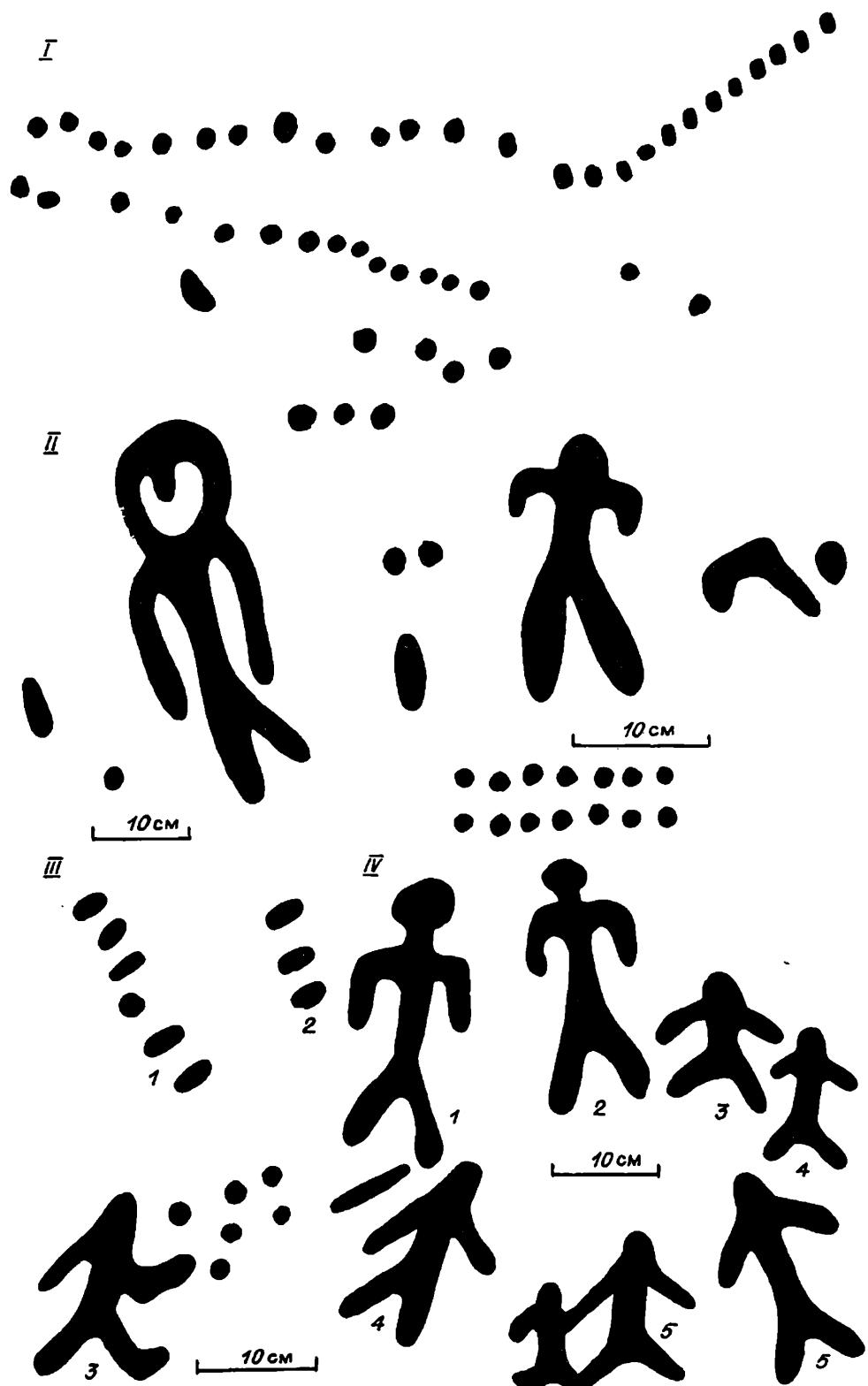

Табл. 51. I, II — Калашниково; III, IV — Малый Улистай.

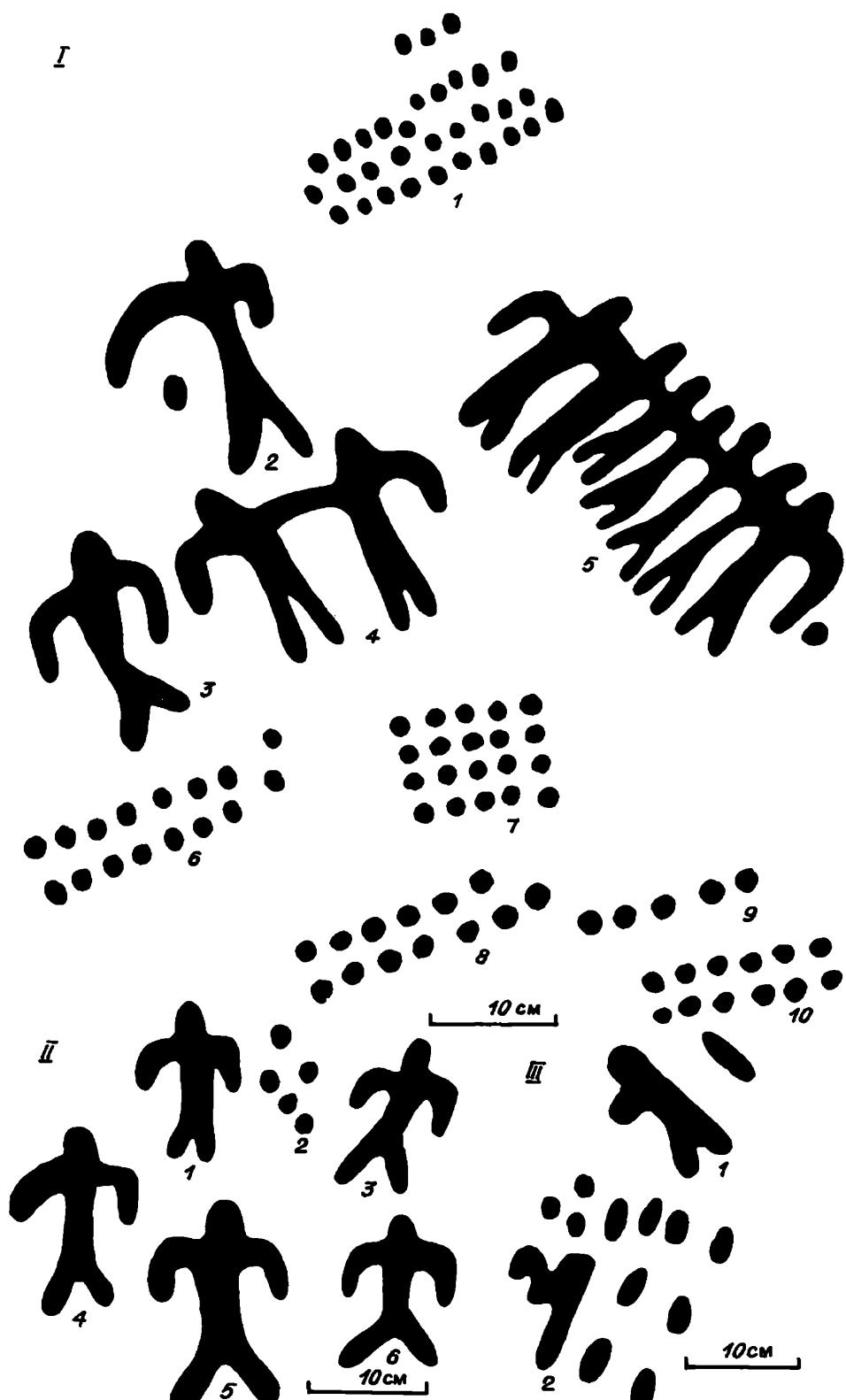
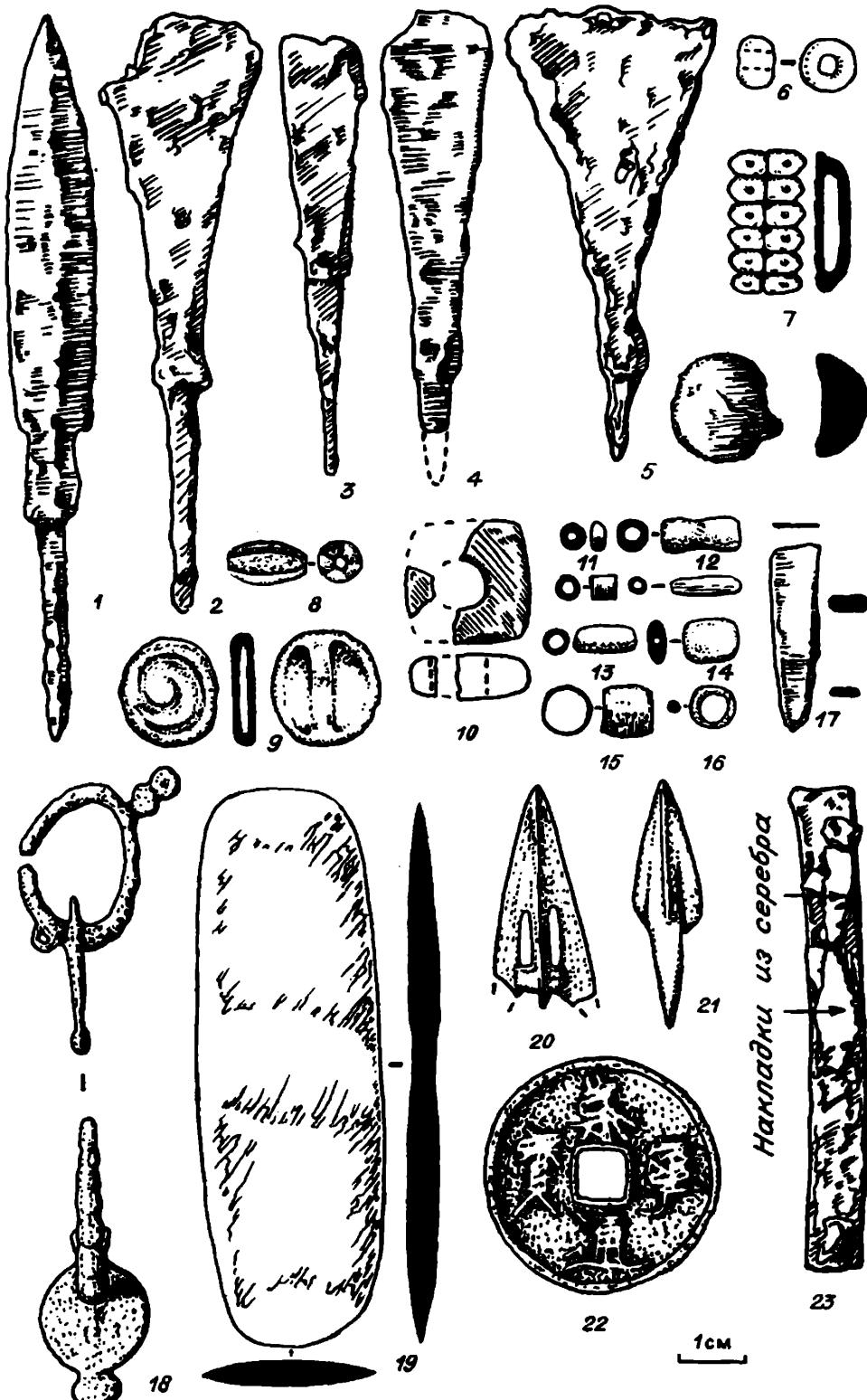

Табл. 52. I, II — Малый Улистай; III — Маргутек.

Табл. 53. Материалы из жертвенников.
1—6, 18, 22 — Малый Улстай; 7—17, 21 — Маргуцек; 19, 20 — Бырка; 23 — Усть-Цорон.

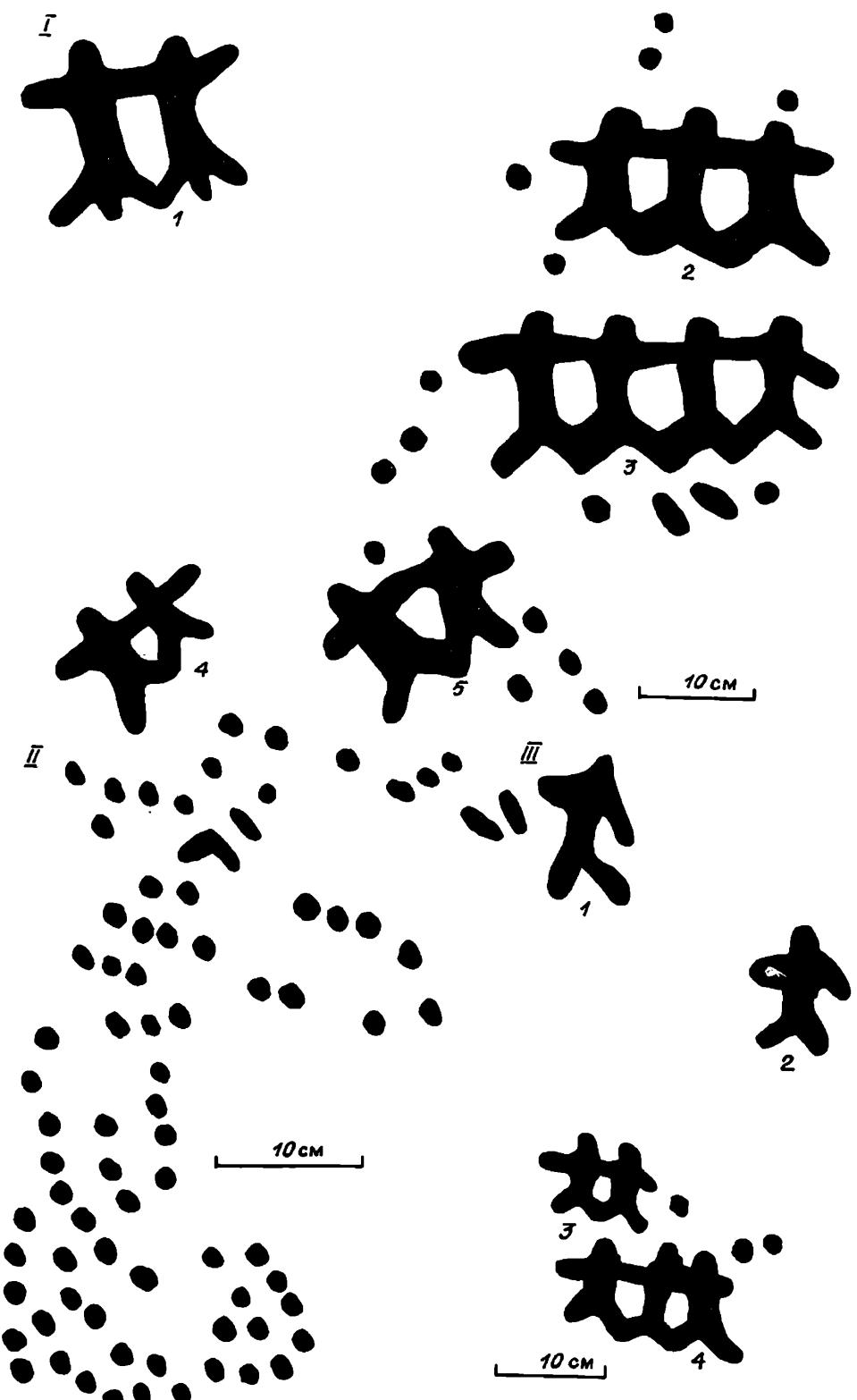

Табл. 54. Маргузек.

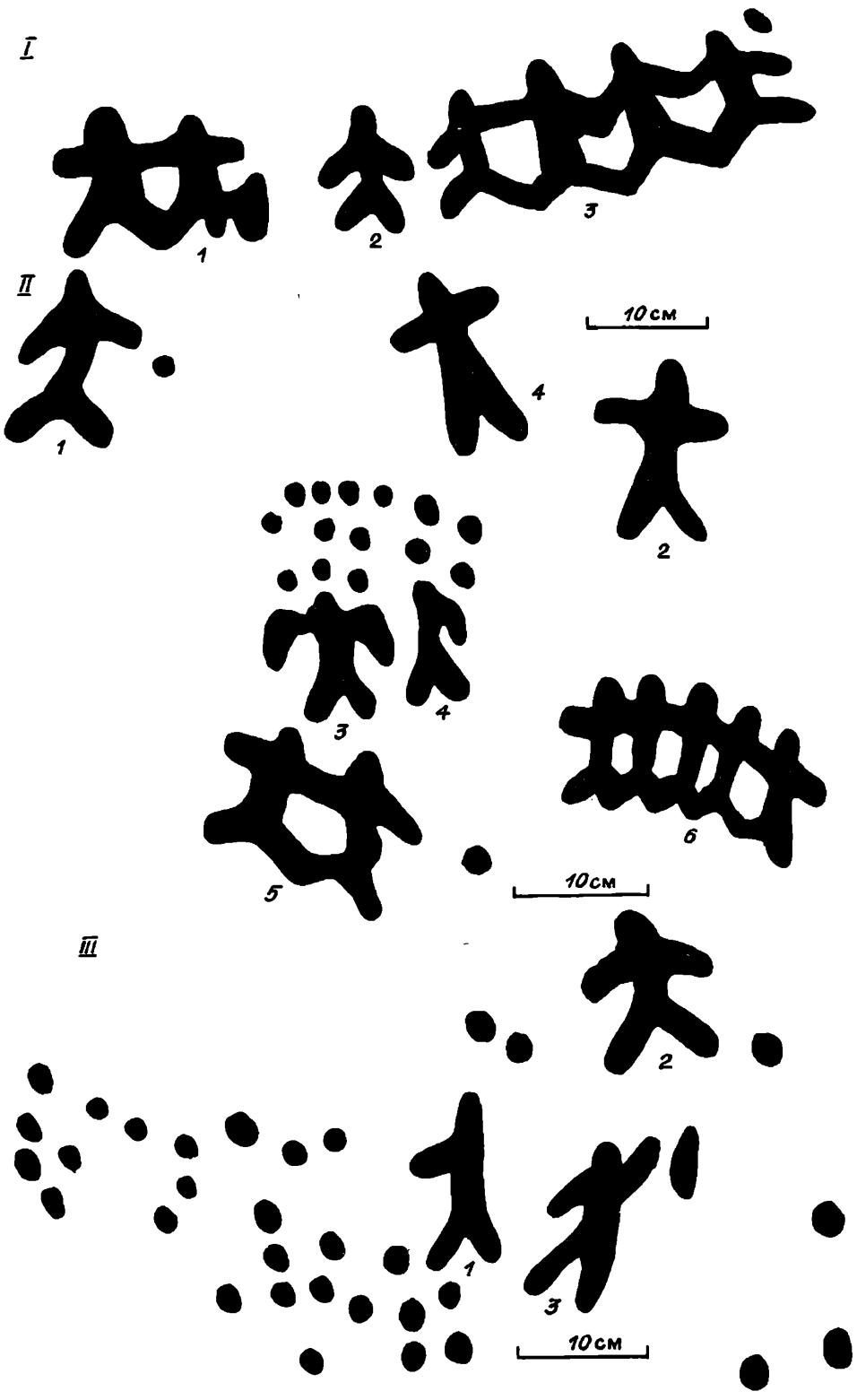

Табл. 55. Маргуцек.

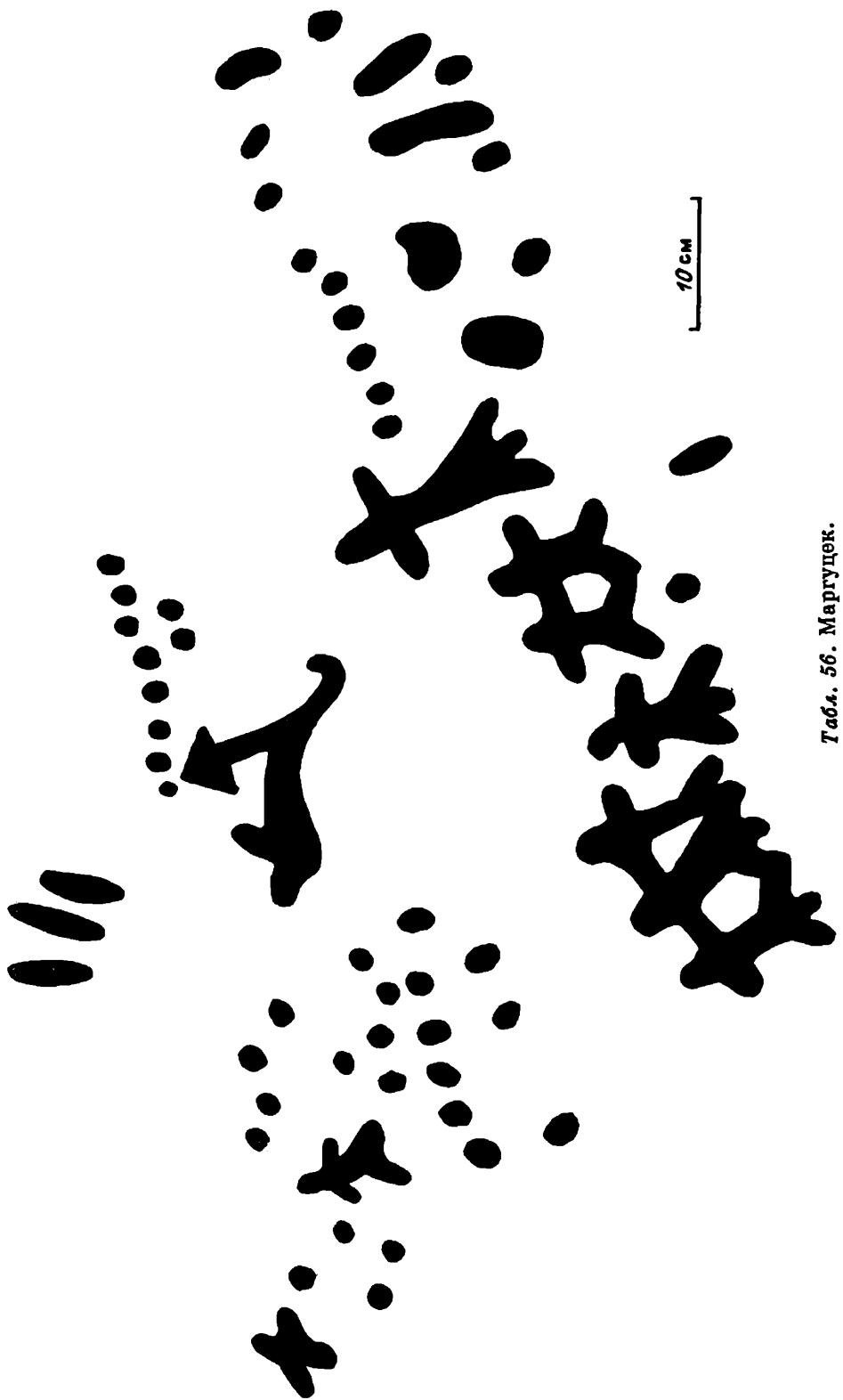

Табл. 56. Маргудек.

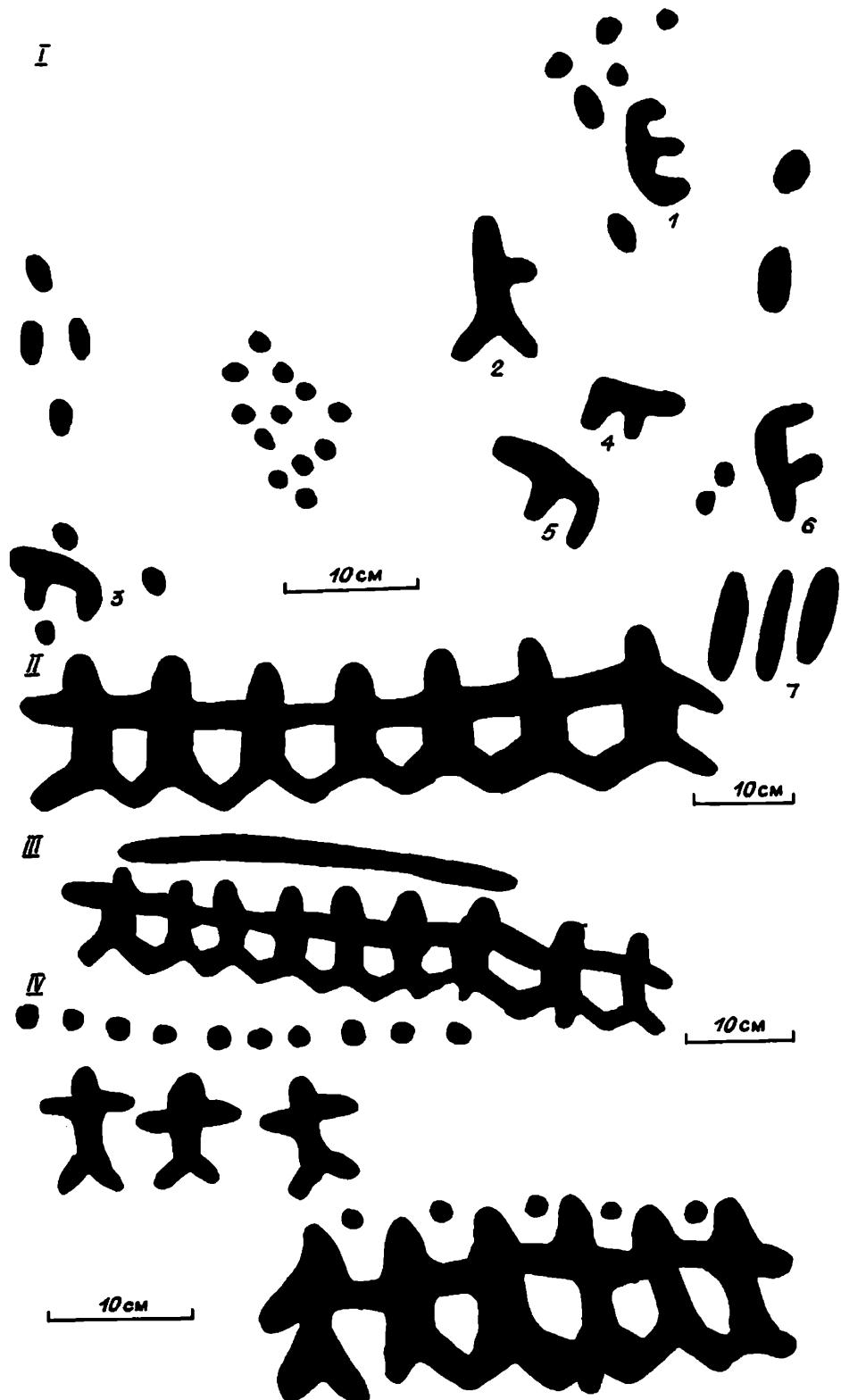
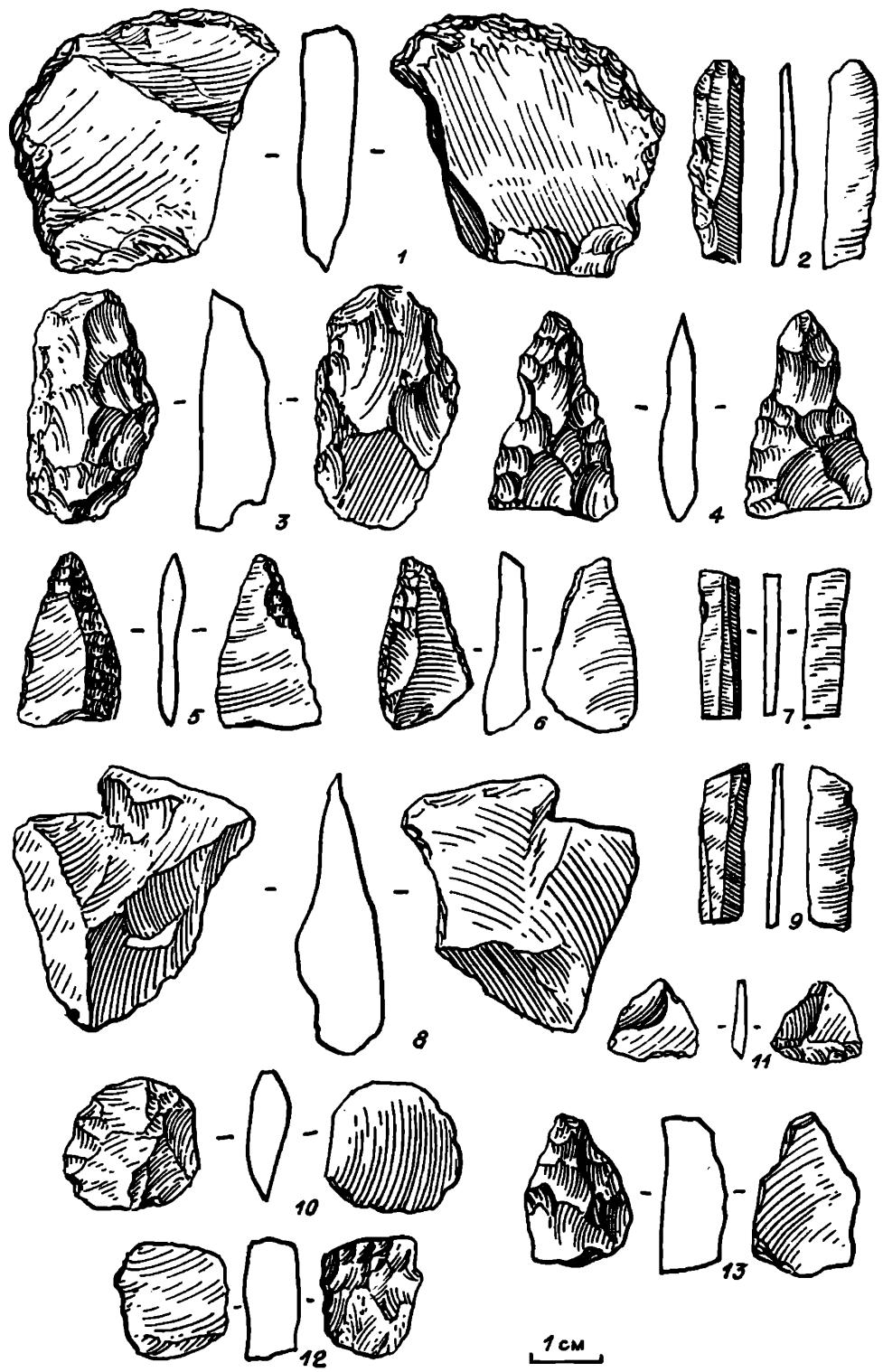

Табл. 57. I — Маргуцек; II — Урулунгуй I; III, IV — Нортай I.

Табл. 58. Материалы из жертвеников.
1—7, 9—13 — Маргуцек; 8 — Нортуй II.

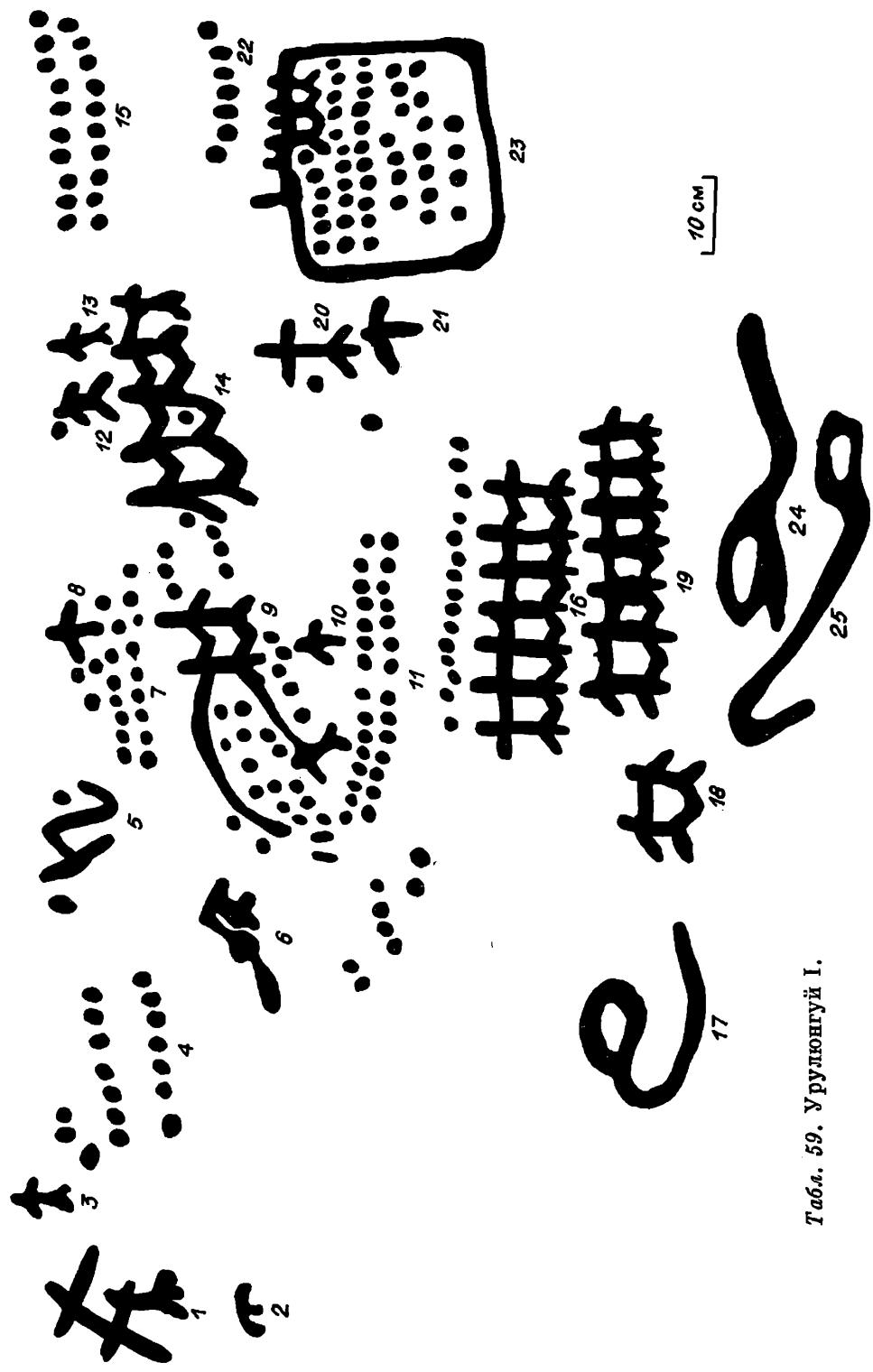

Табл. 59. Урулонгуй I.

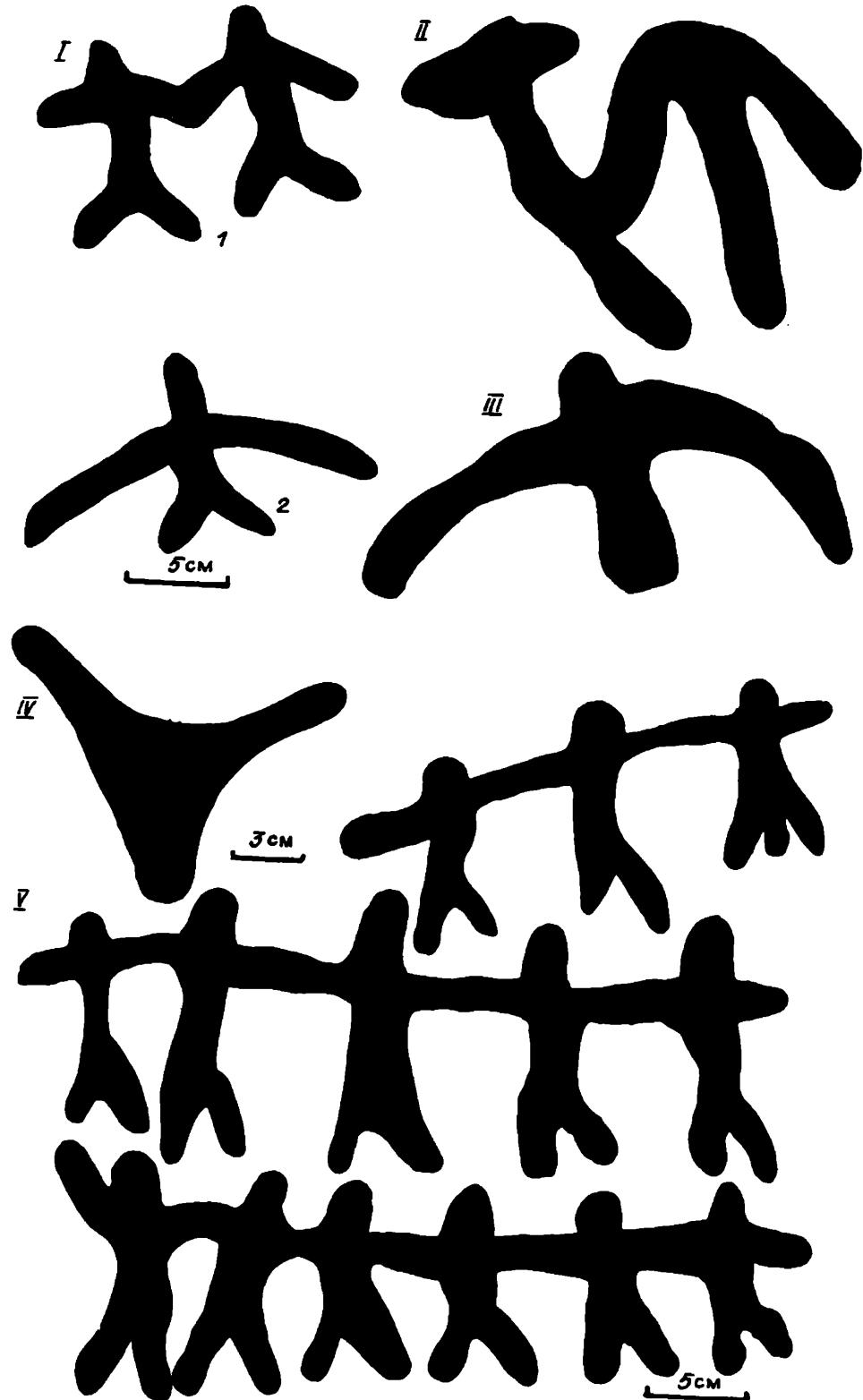

Табл. 60. I — Нортуй II; II—IV — Урулунгуй I; V — Урулунгуй II.

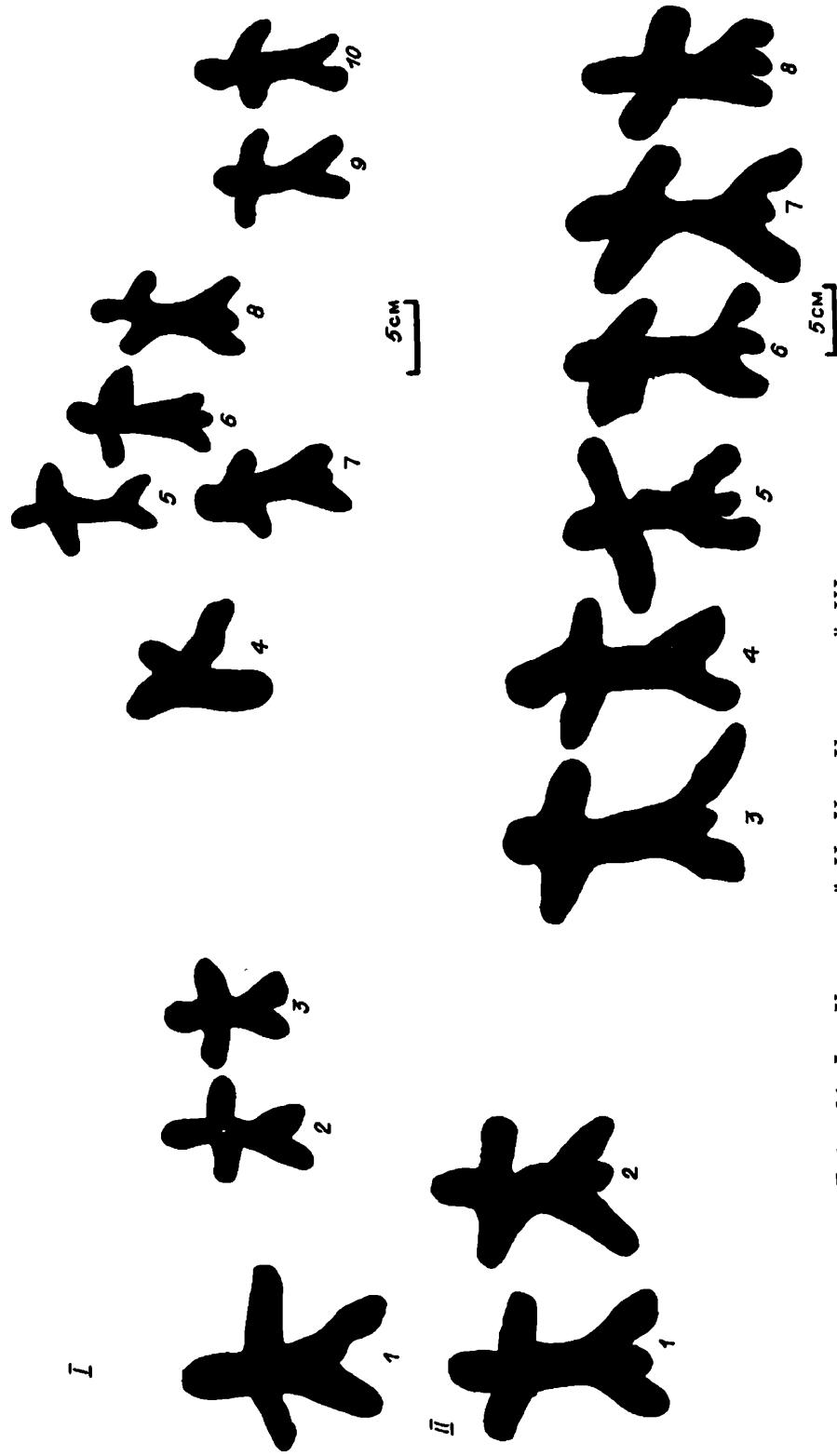

Табл. 61. I — Уралонгуй II; II — Уралонгуй III.

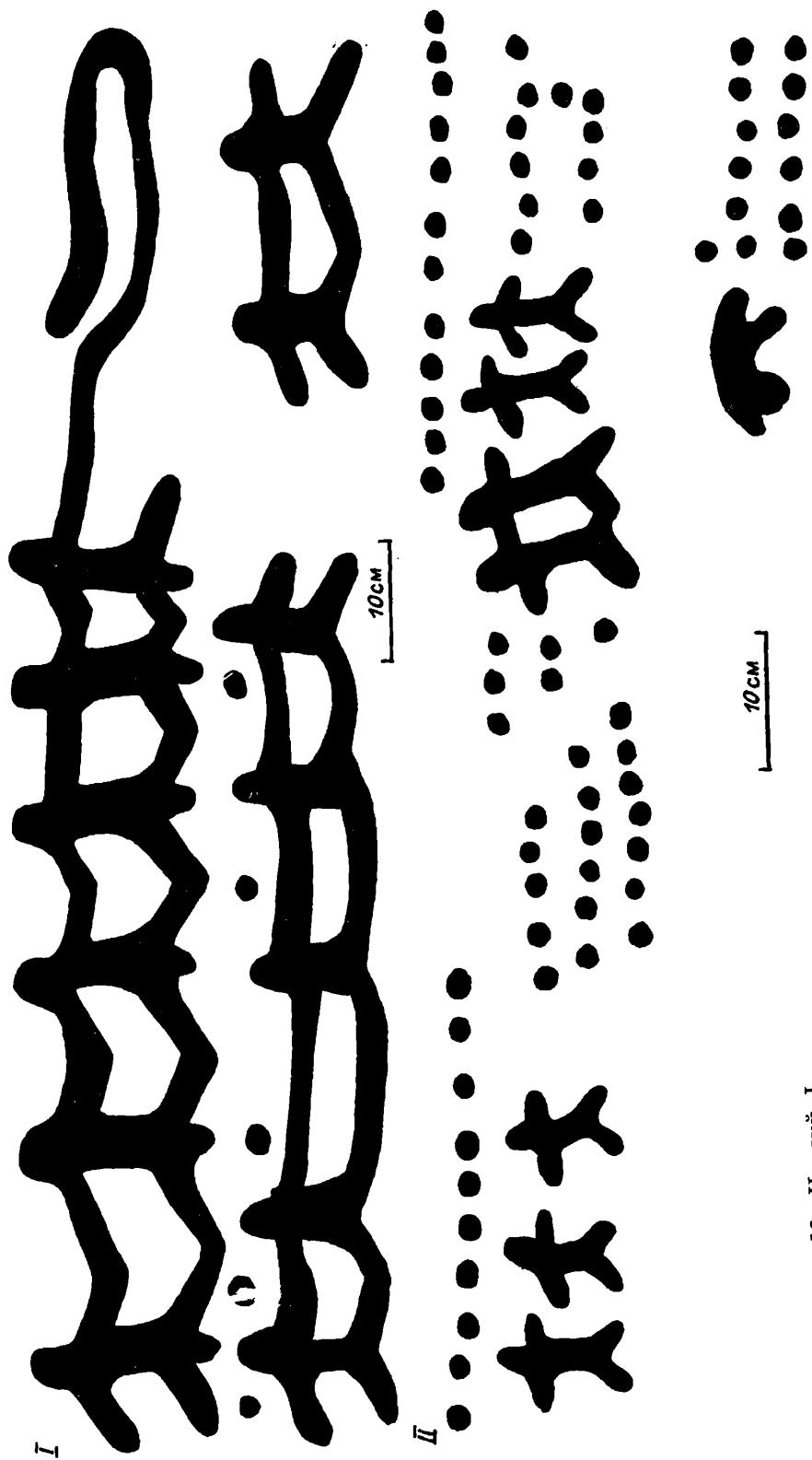
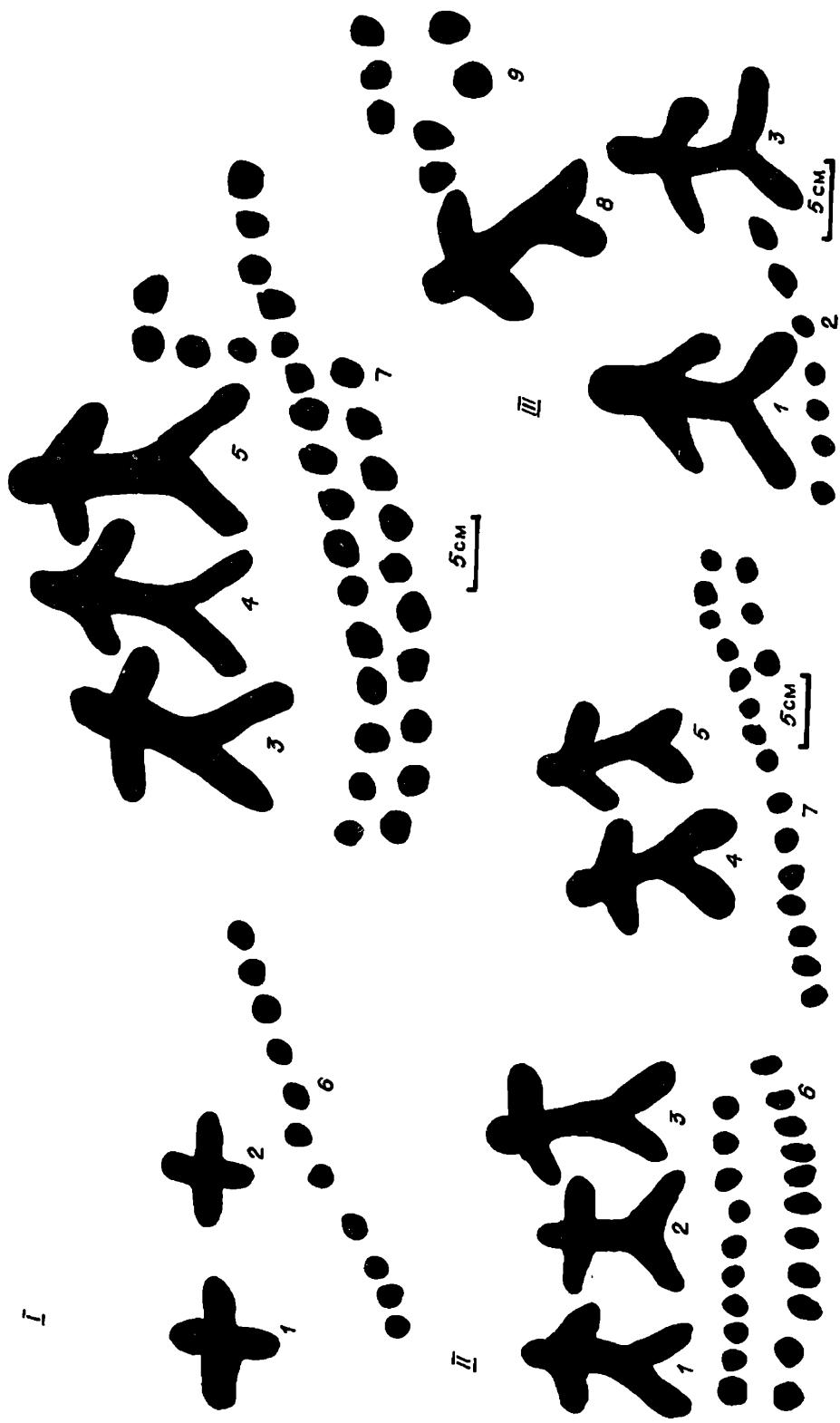

Табл. 62. Нортуй I.

Tabл. 63. Hopruy II.

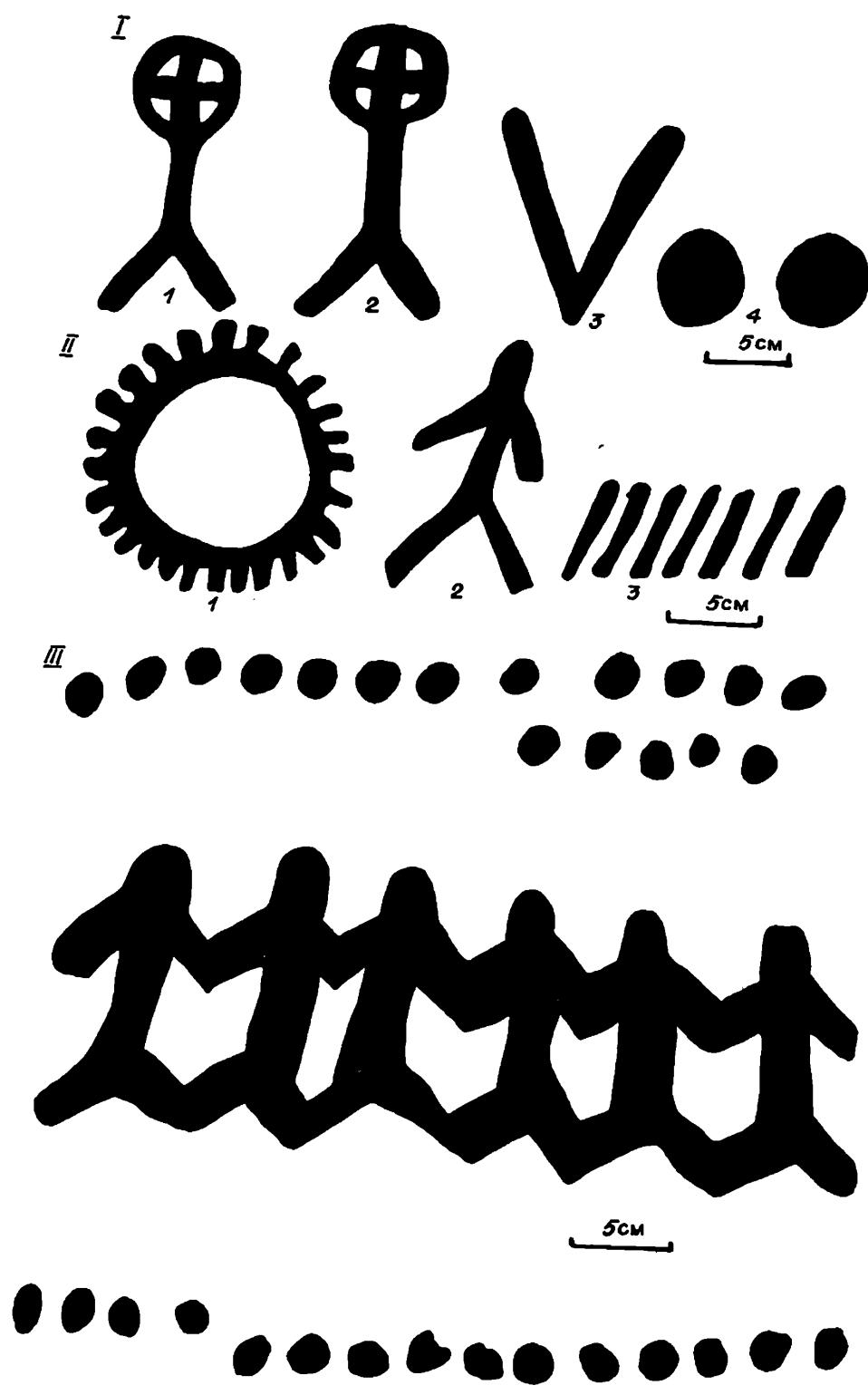

Табл. 64. I — Казачий I; II — Казачий II; III — Казачий III.

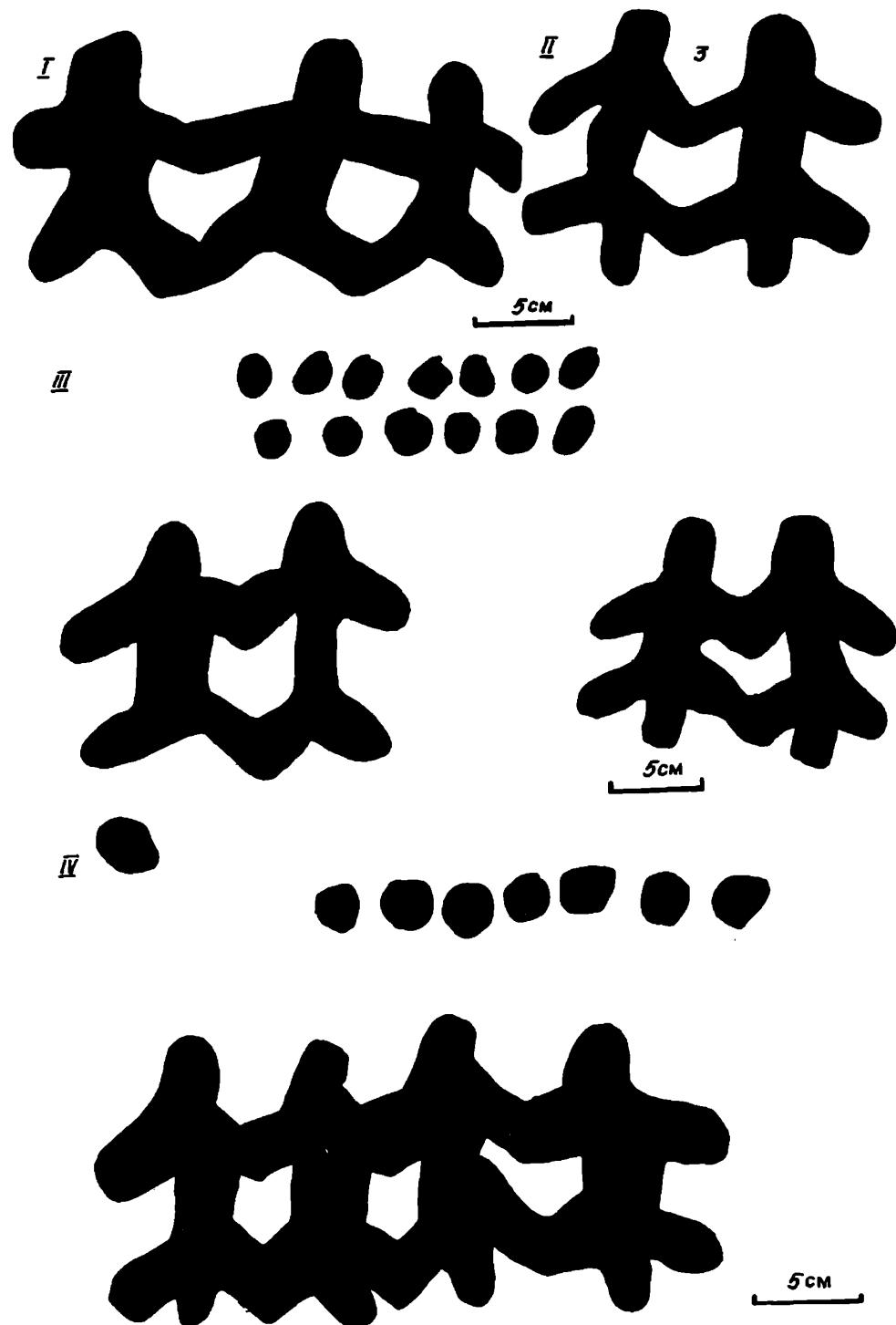

Табл. 65. Казачий III.

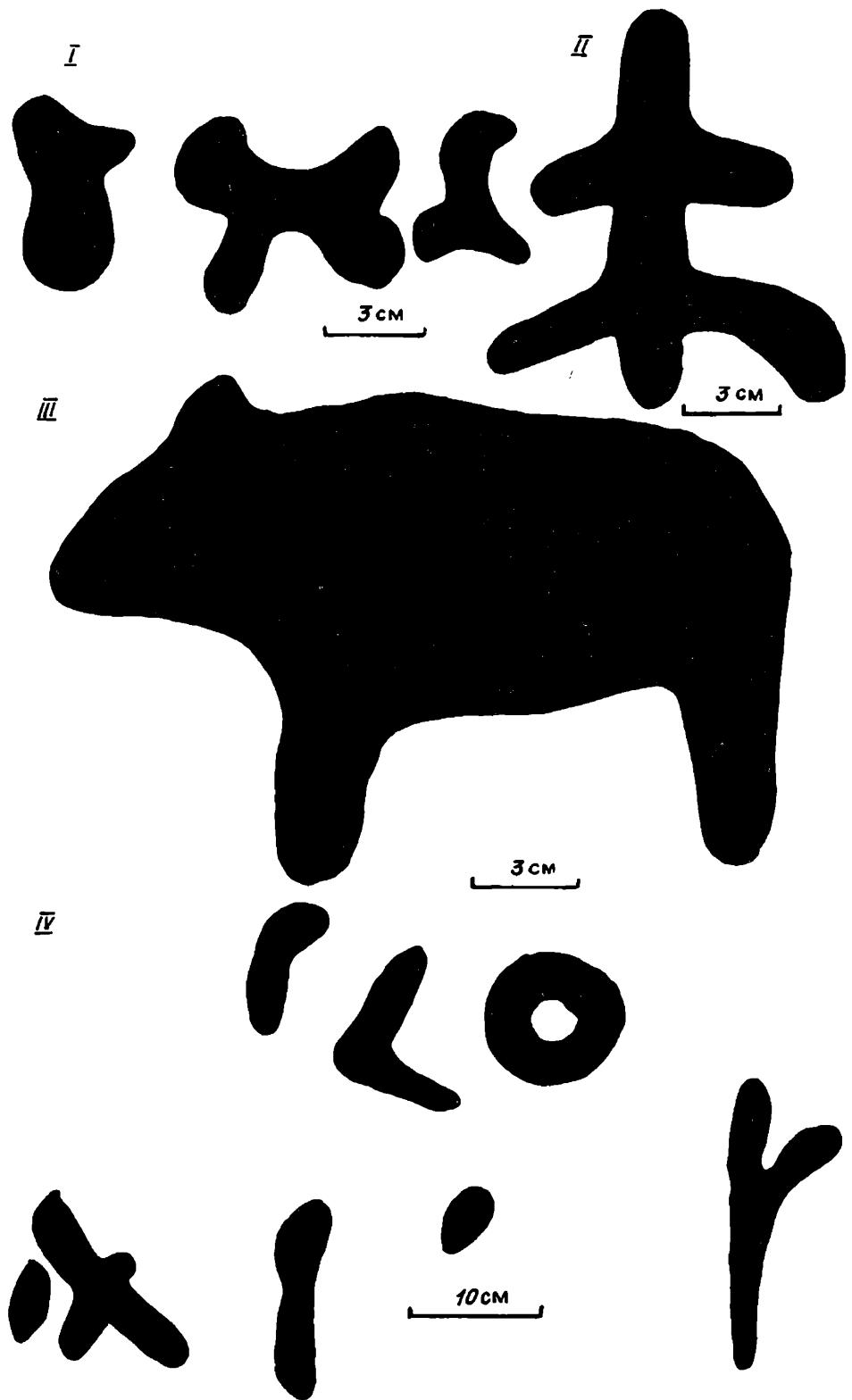

Табл. 66. Бырка.

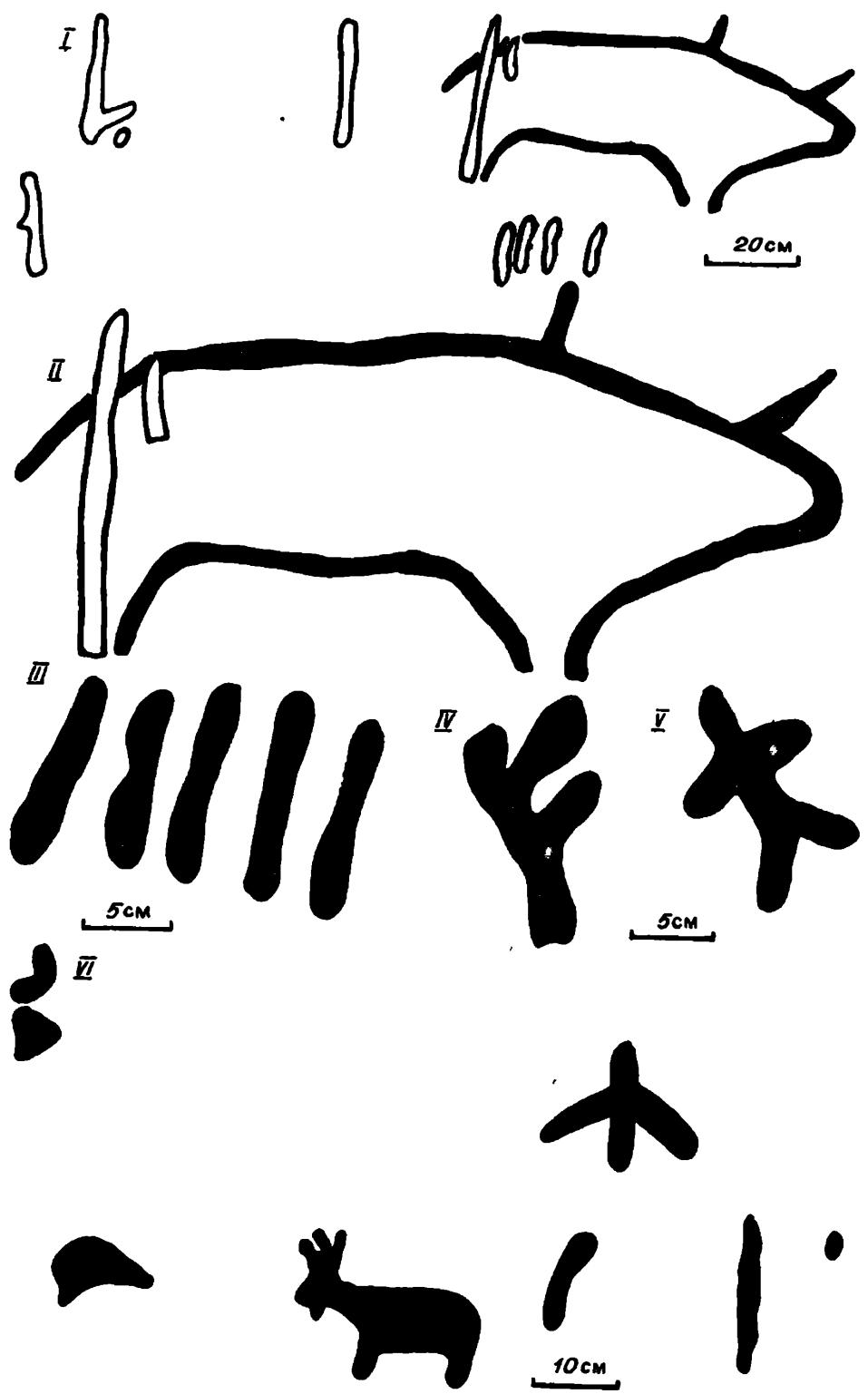

Табл. 67. Бырка.

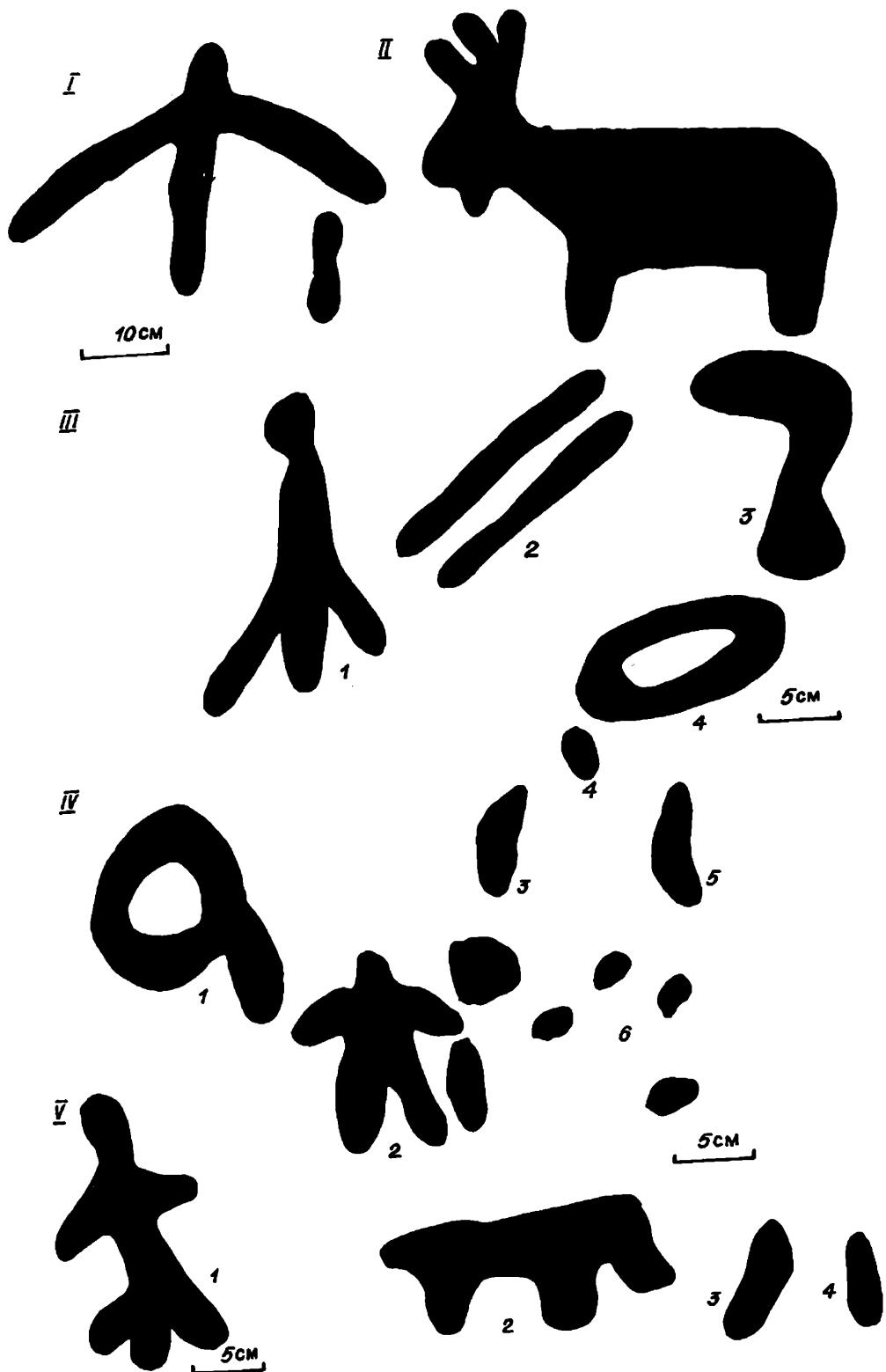

Табл. 68. Бырка.

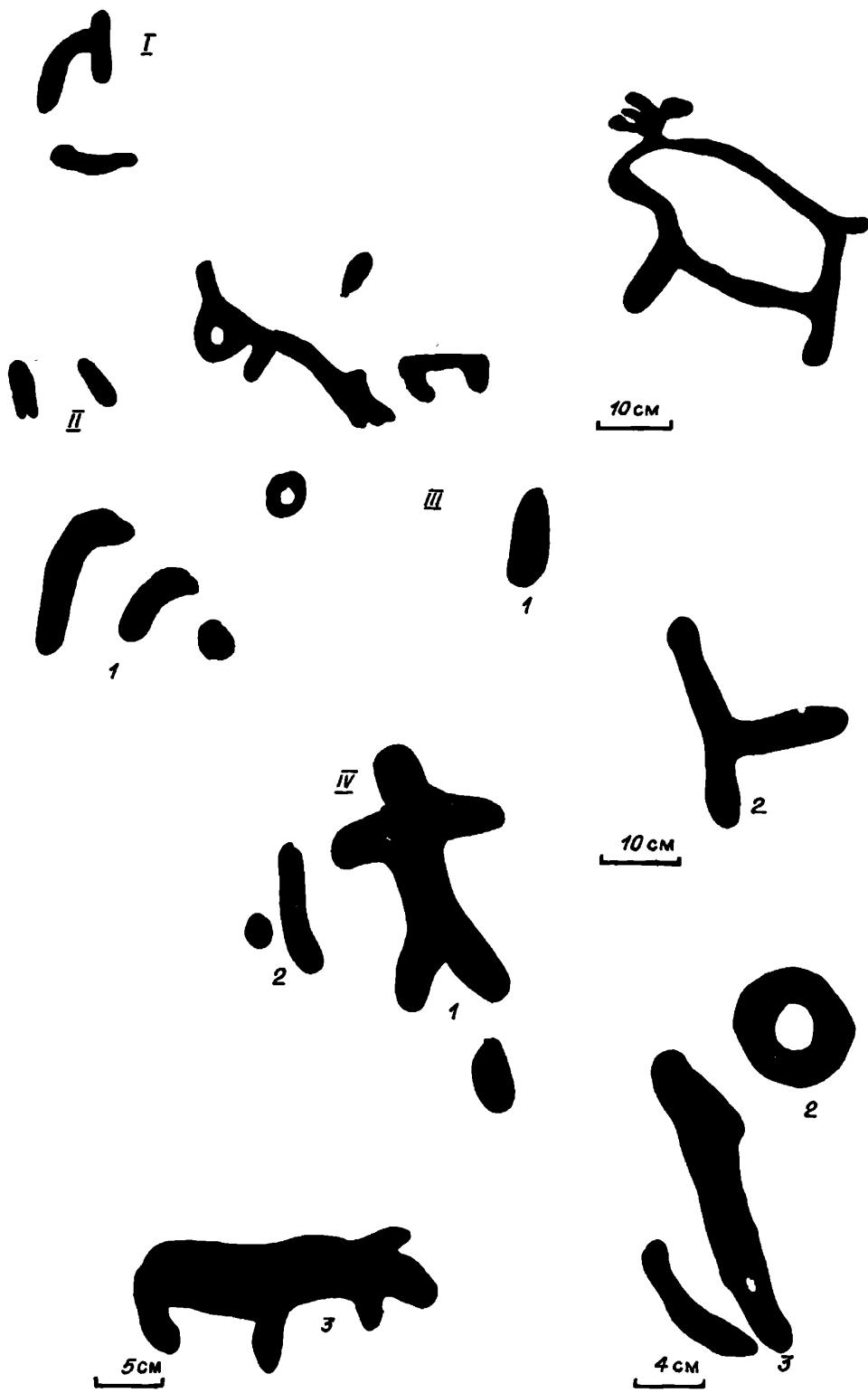

Табл. 69. Бырка.

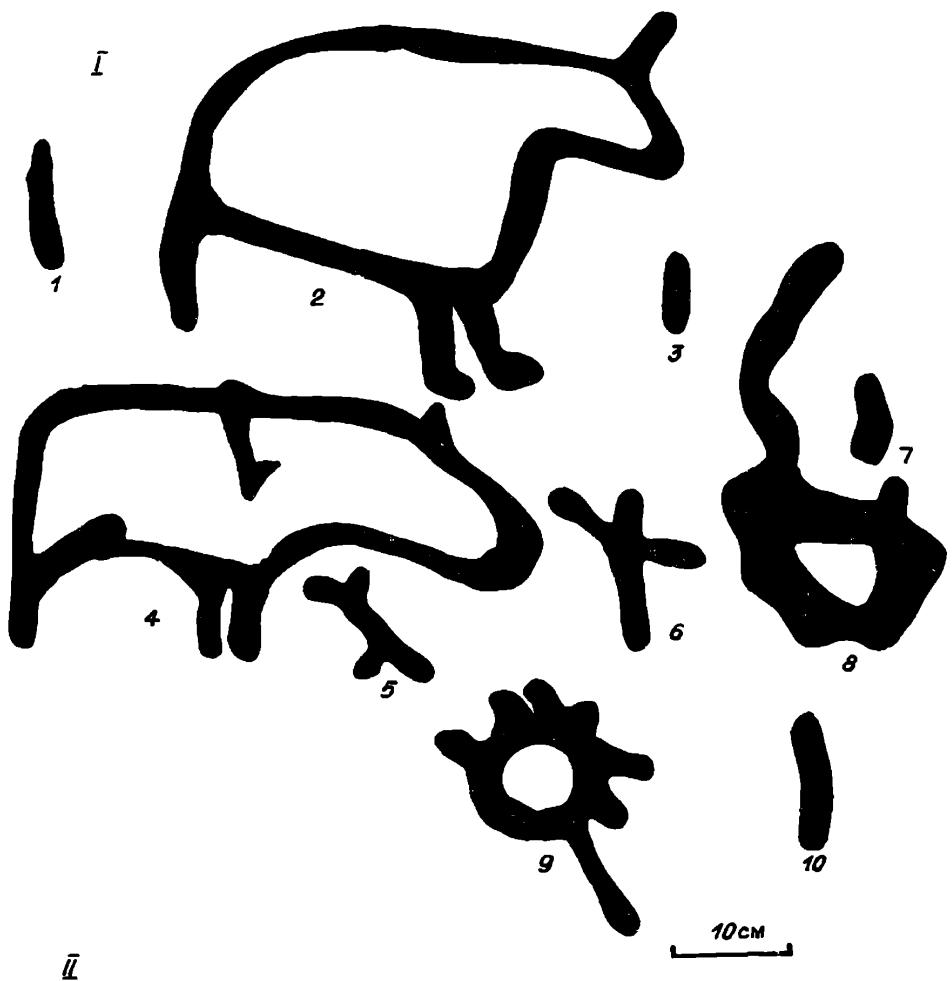

Табл. 70. I — Бырка; II — Дровяной.

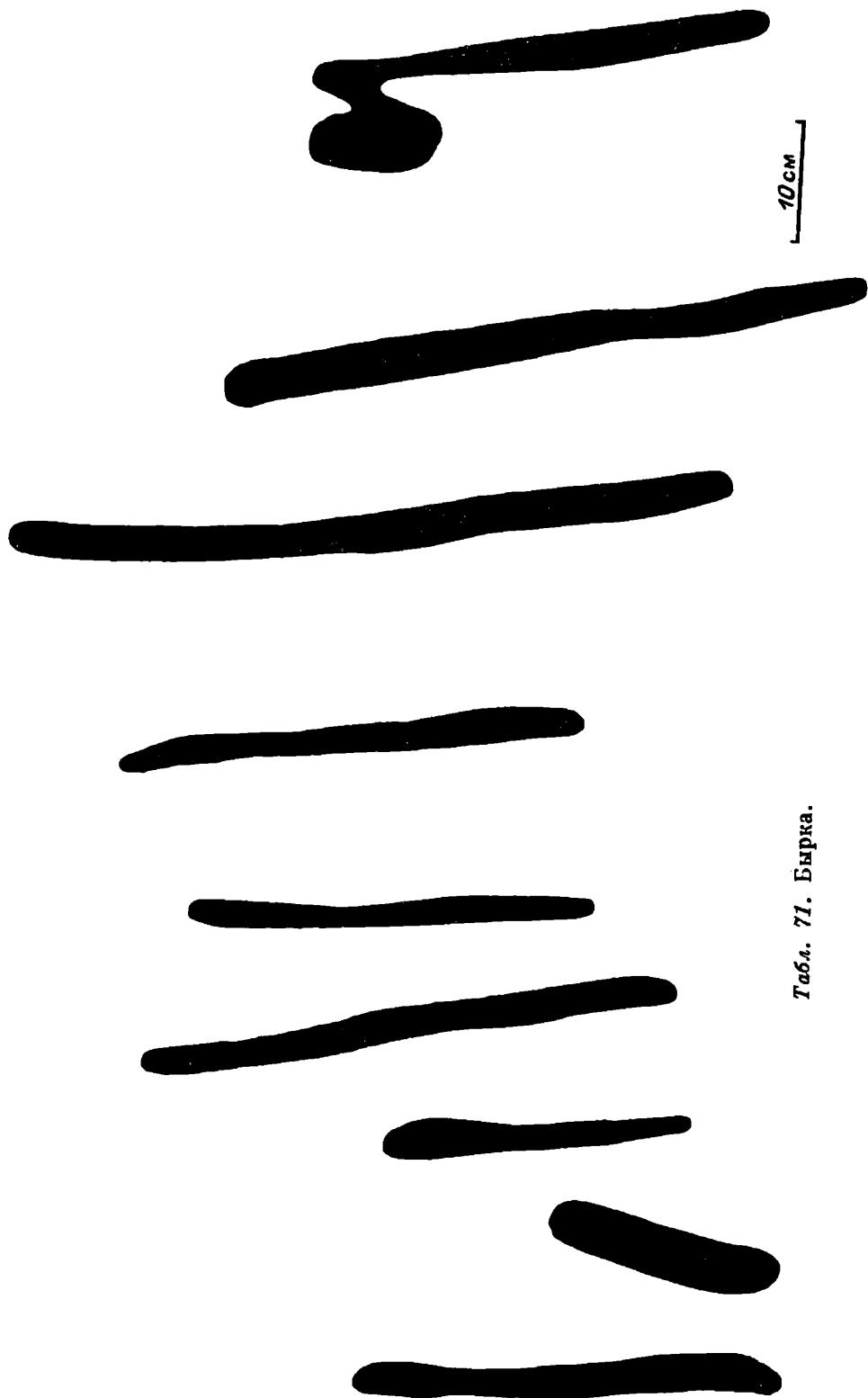

Табл. 71. Бырка.

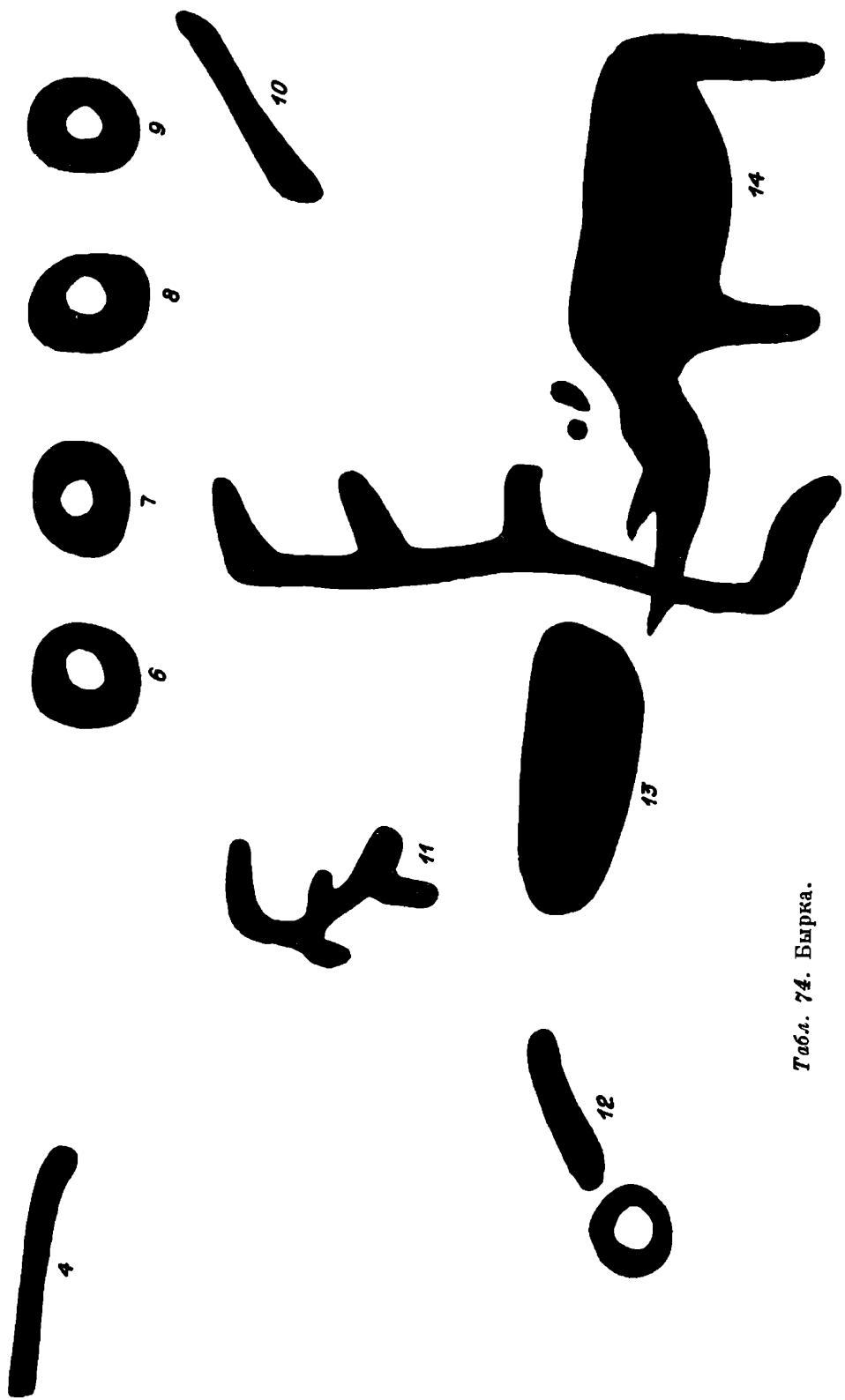

Табл. 72. Бирка.

Tabл. 73. Барка.

Tabl. 74. Бырка.

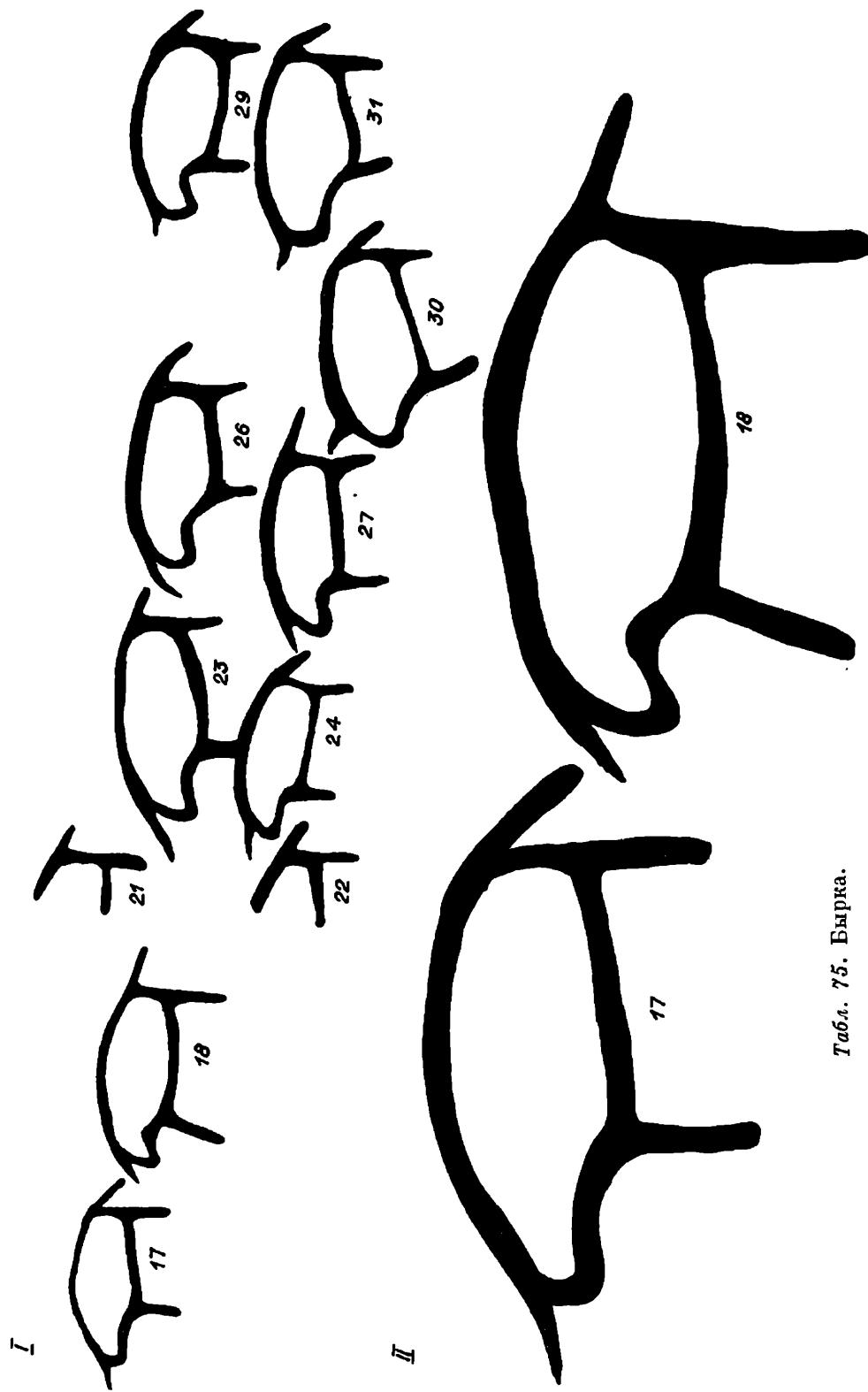

Табл. 75. Бырка.

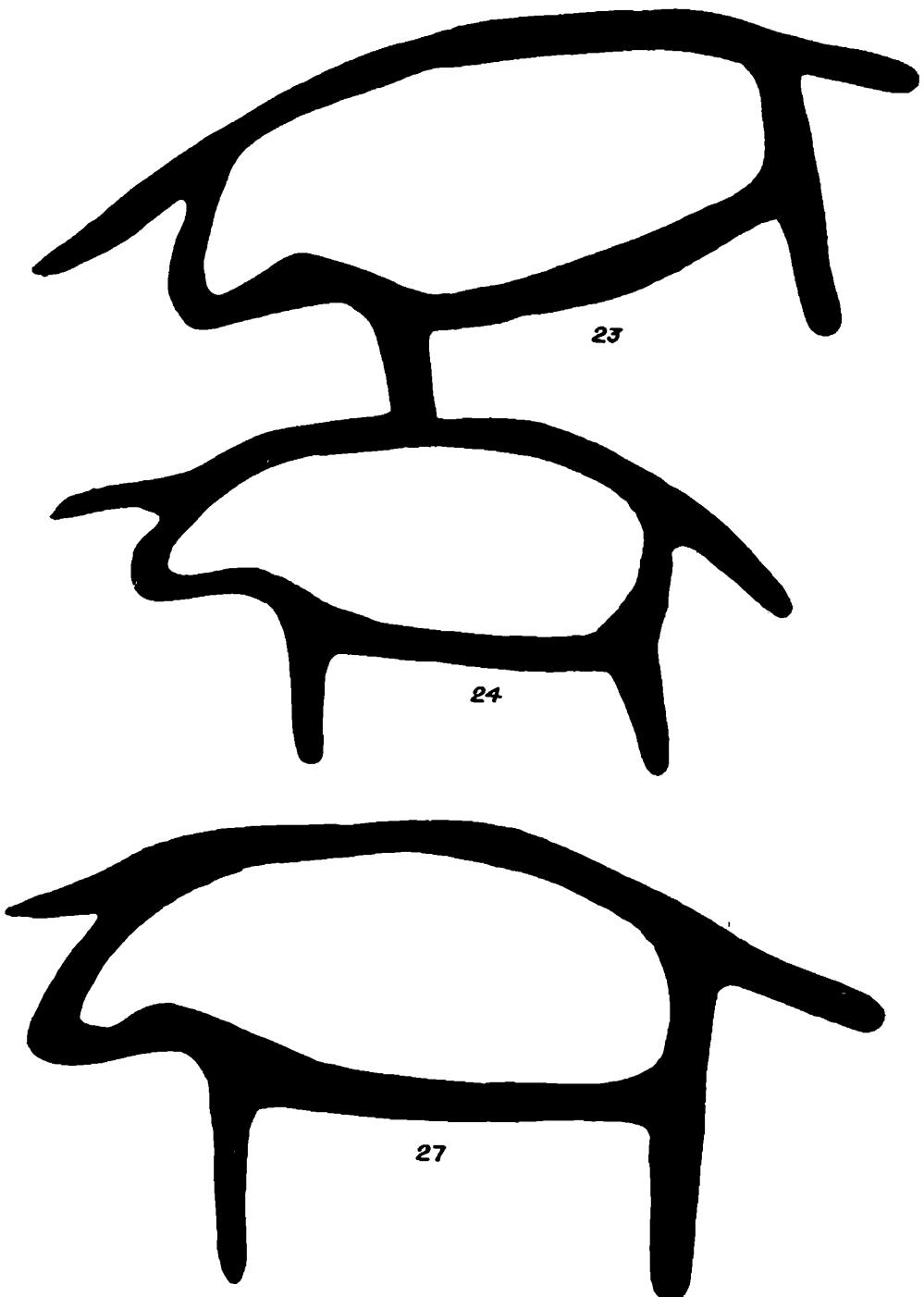

Табл. 76. Бырка.

Табл. 77. Бырка.

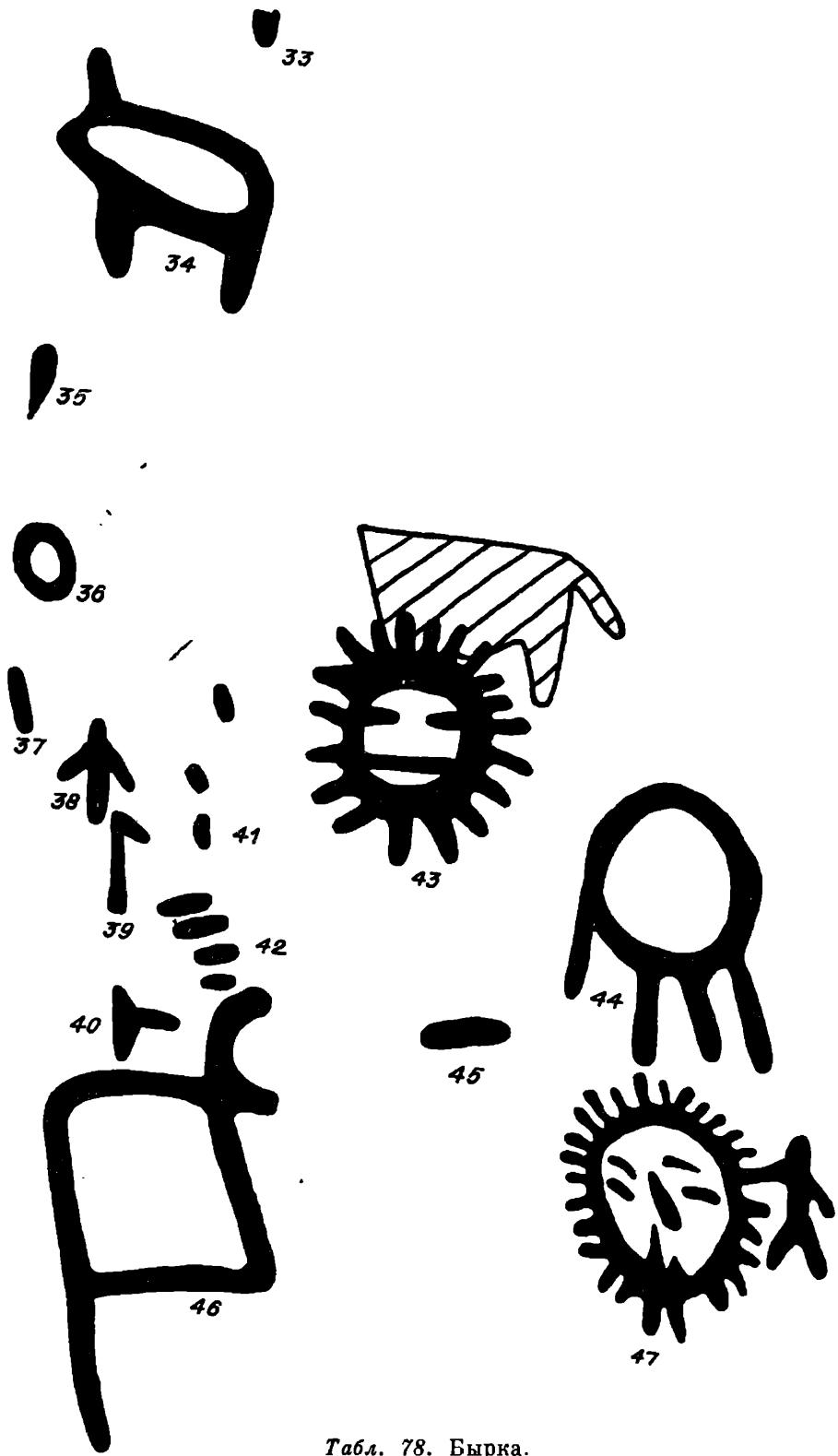

Табл. 78. Бырка.

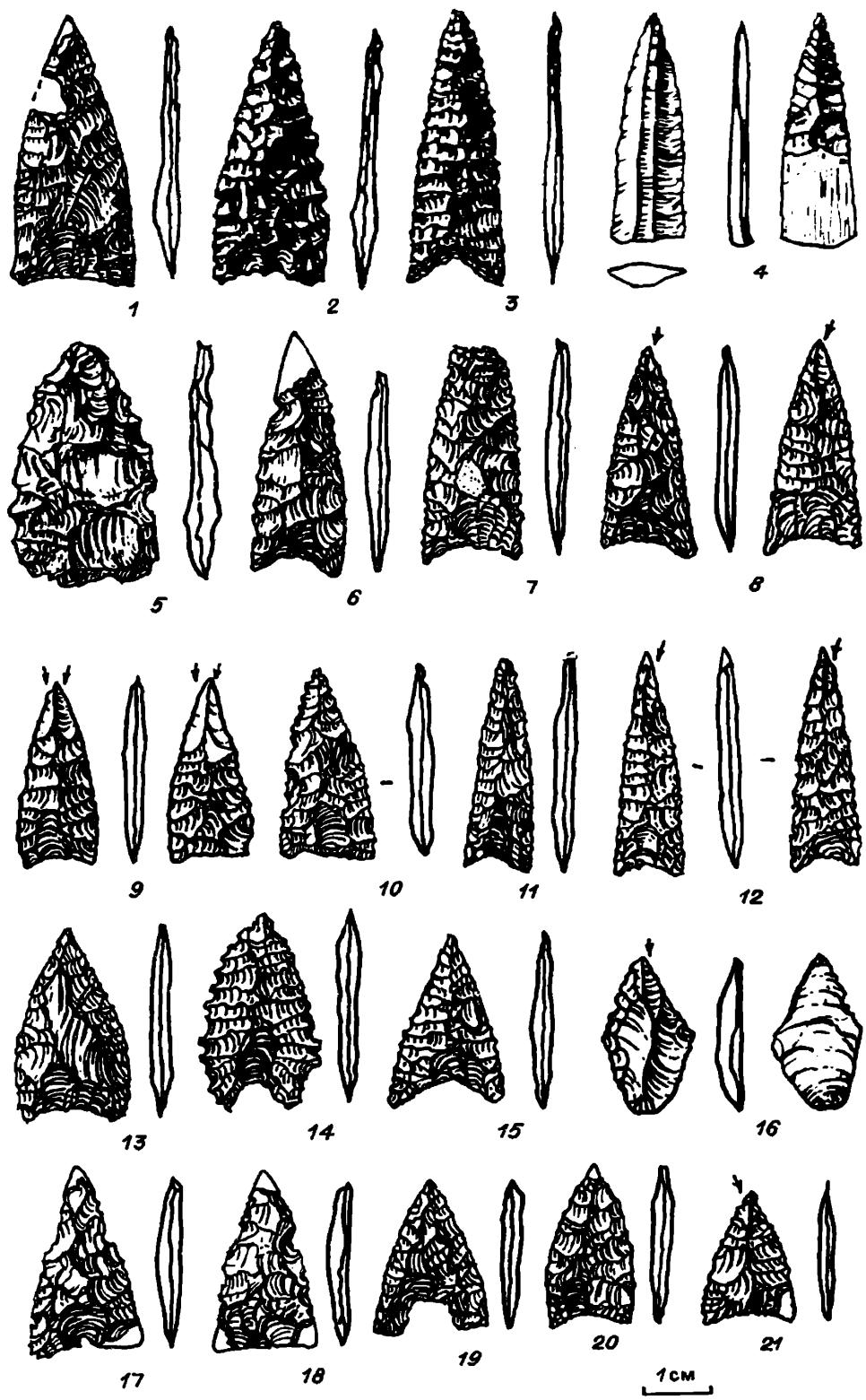

Табл. 79. Материалы из быркинского жертвенника.

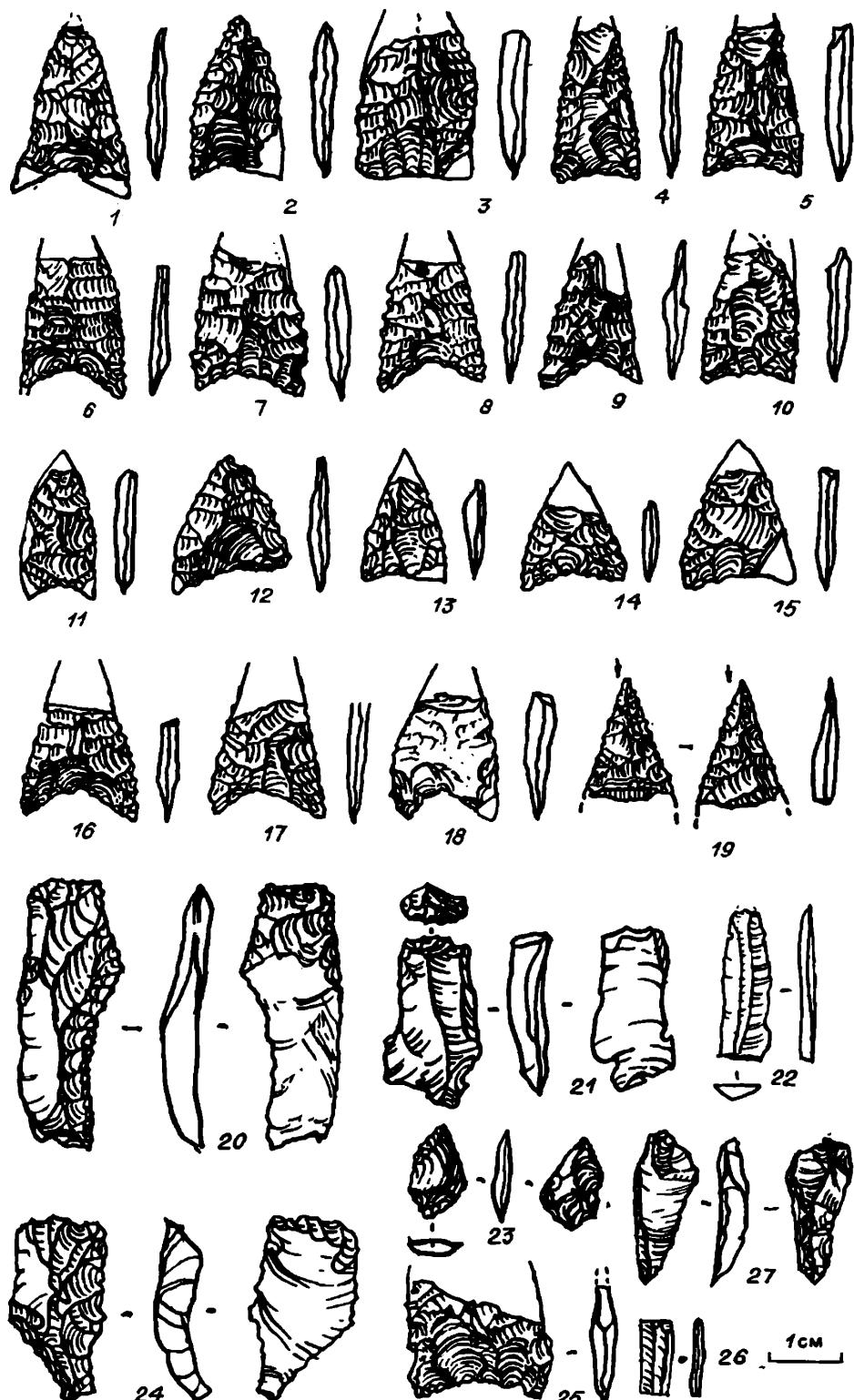
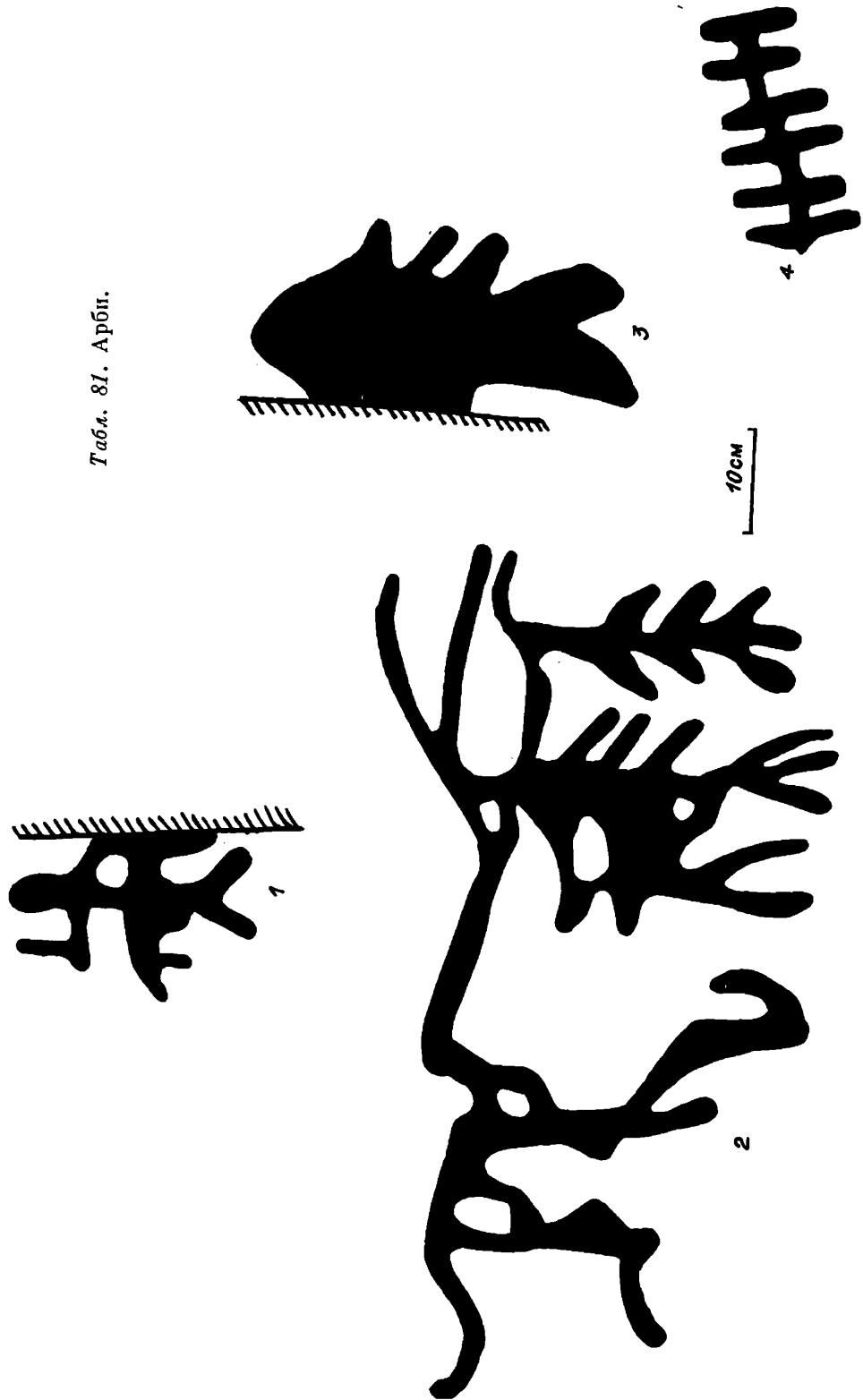

Табл. 80. Материалы из быркинского жертвенника.

Табл. 81. Арбий.

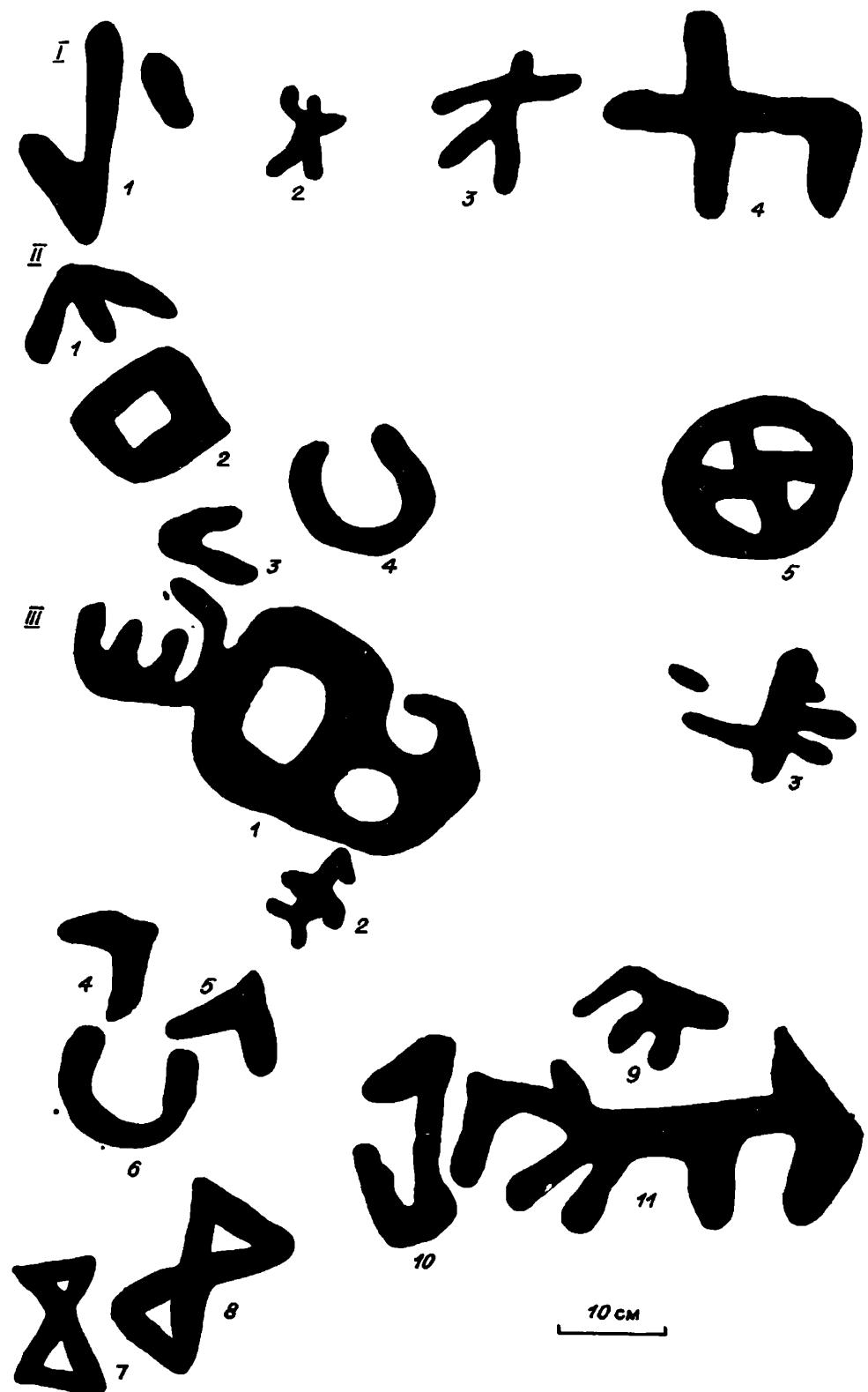

Табл. 82. Архара.

Tafel. 83. Apxapa.

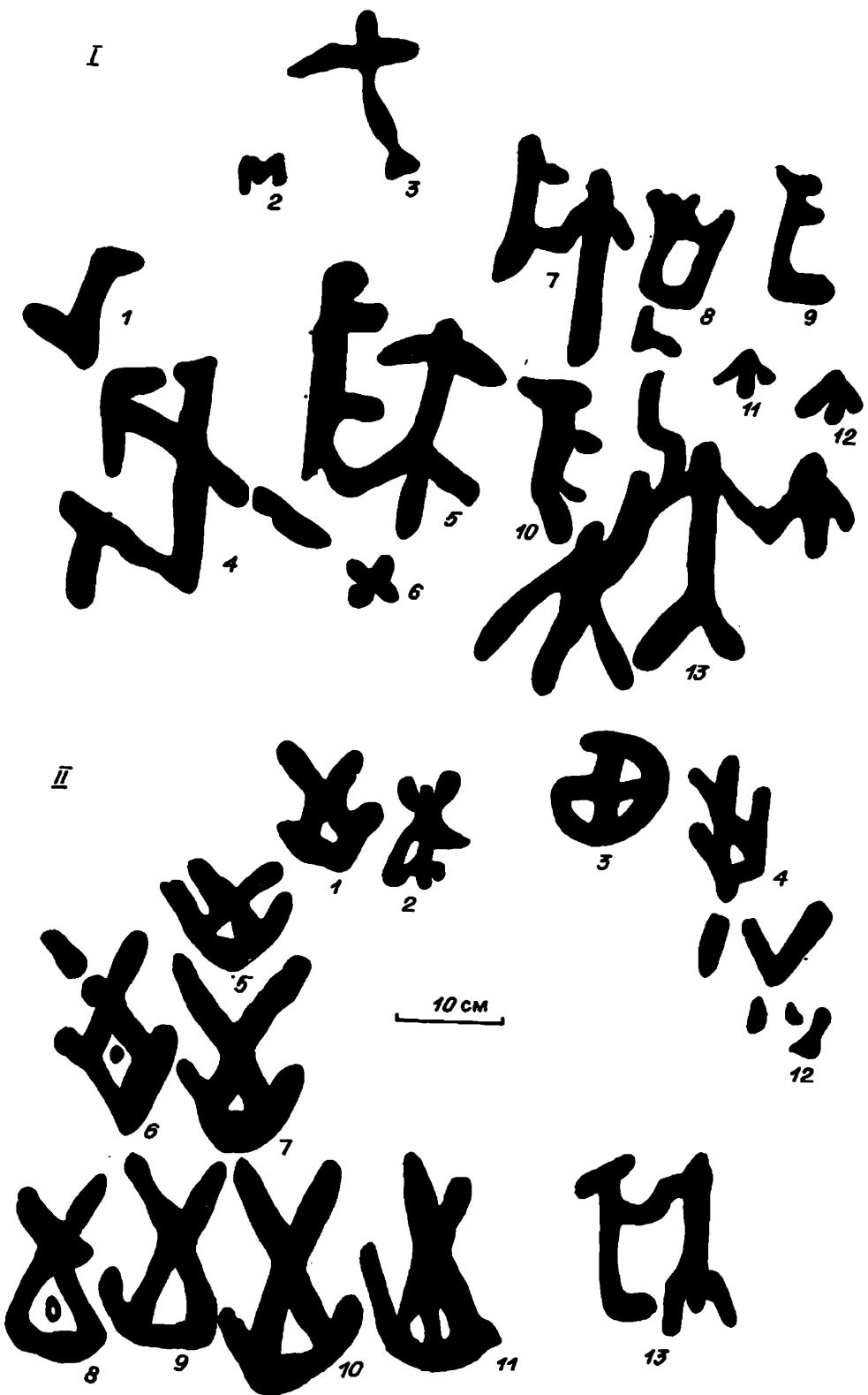
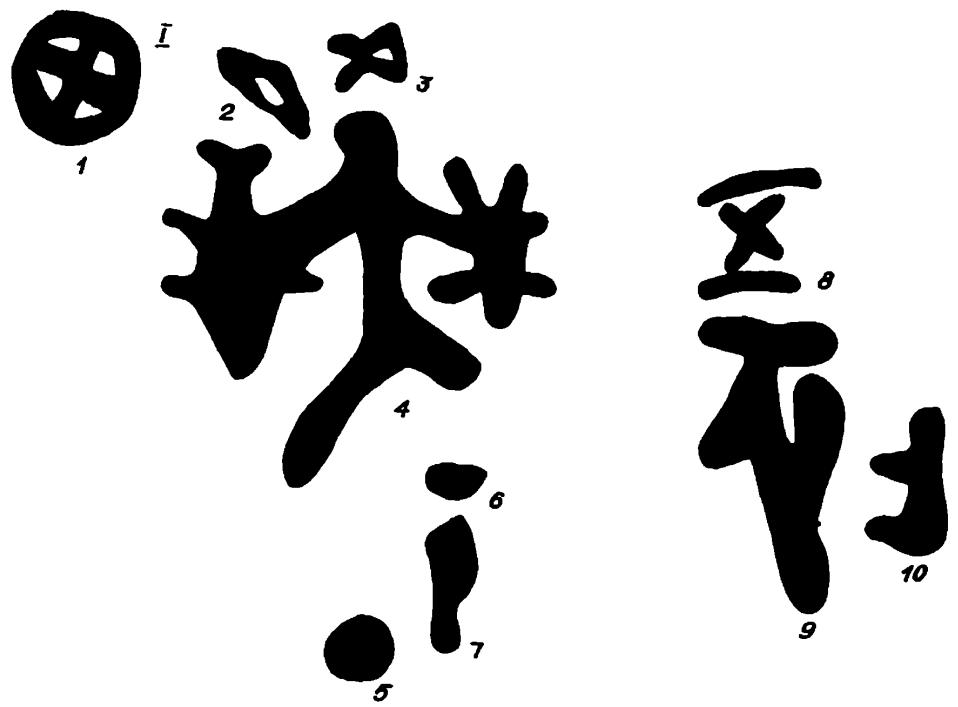
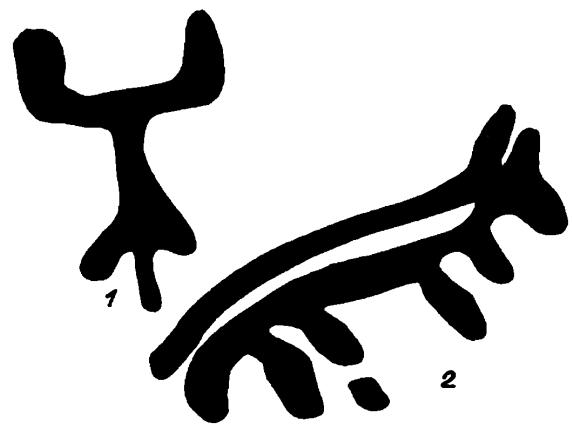

Табл. 84. Архара.

I

10 см

Табл. 85. Архара.

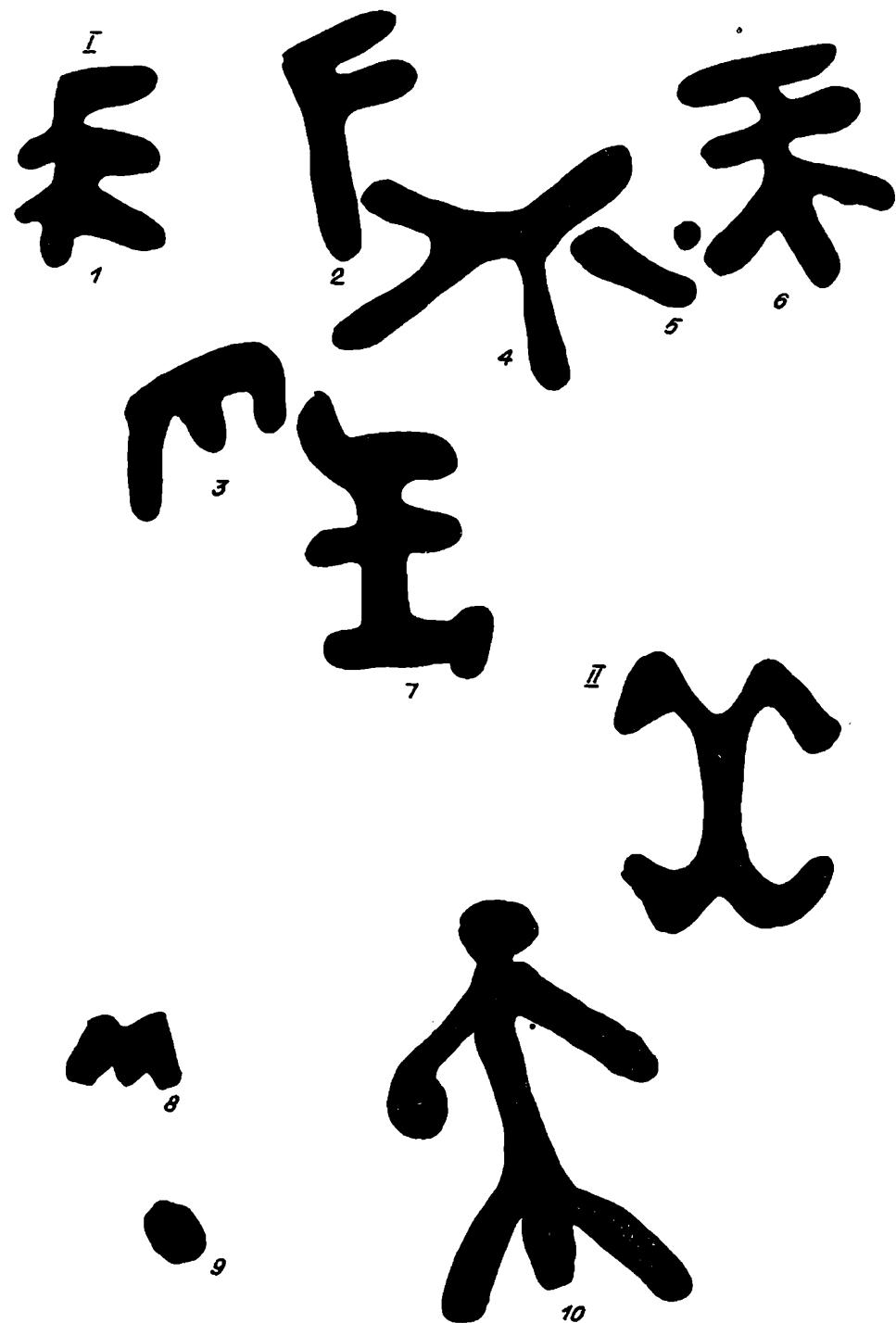

Табл. 86. Архара.

10 см

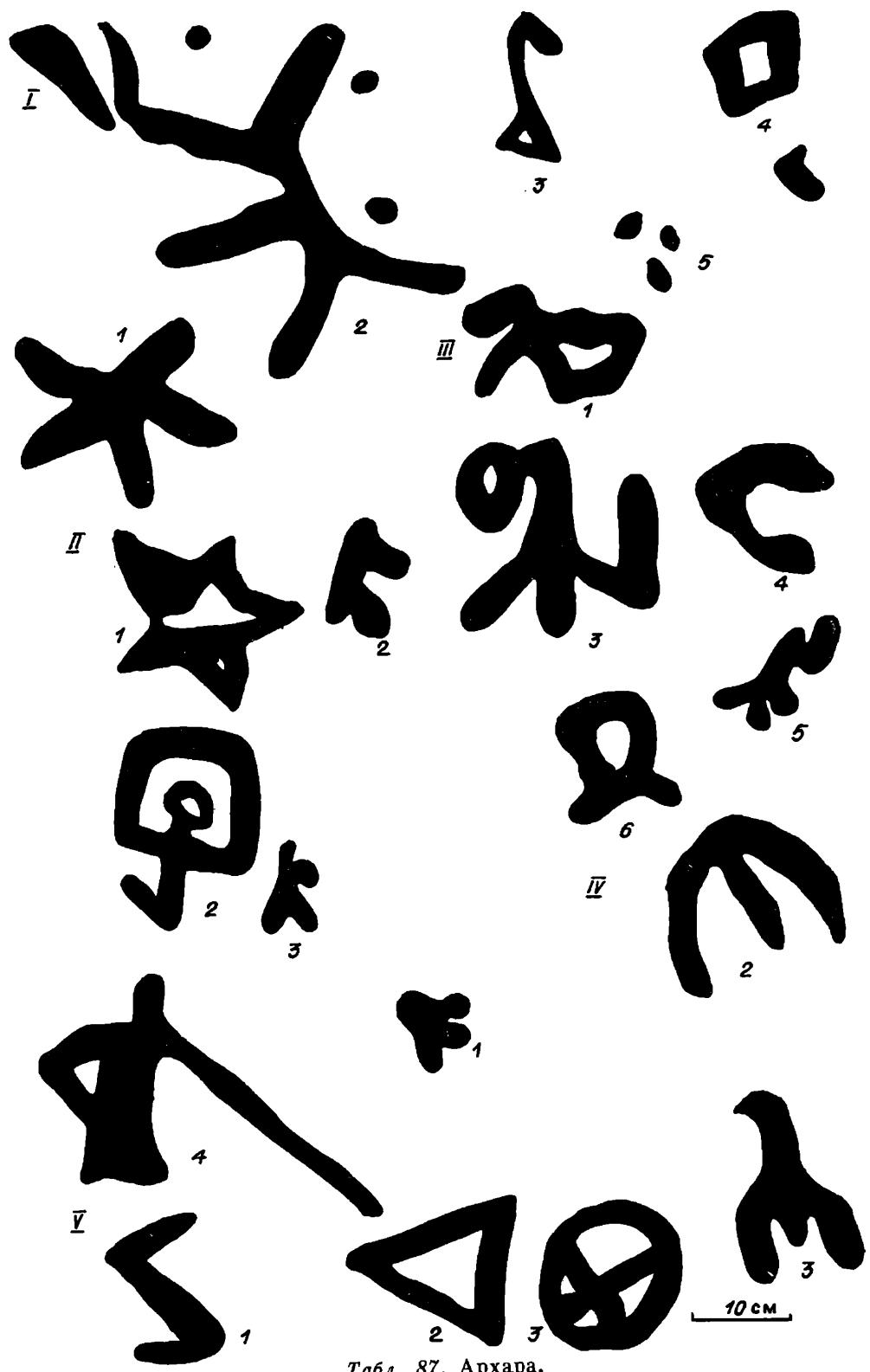

Табл. 87. Архара.

Табл. 88. Архара.

Табл. 89. Аpxapa.

Табл. 90. Архара.

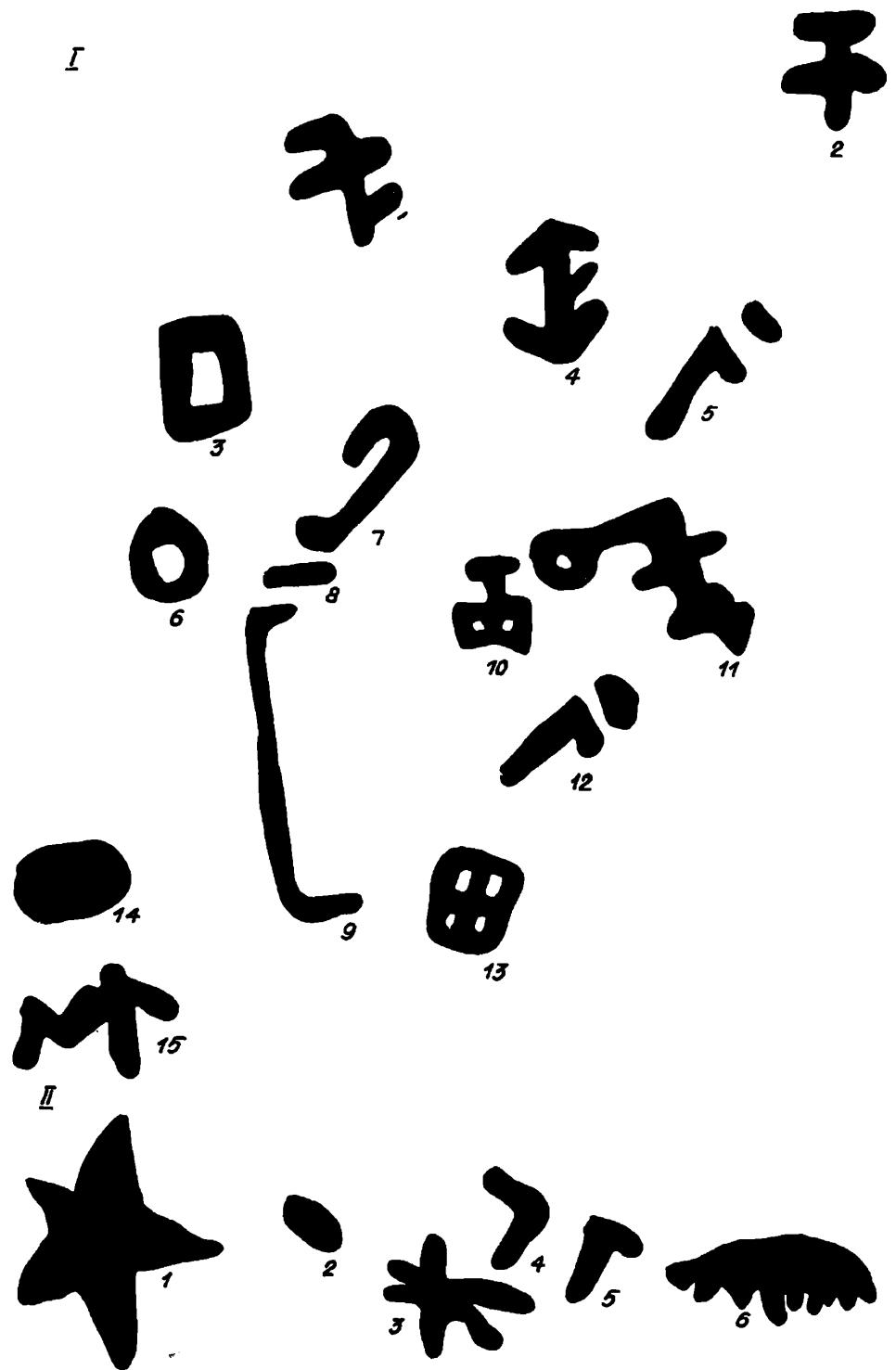

Табл. 91. Архара.

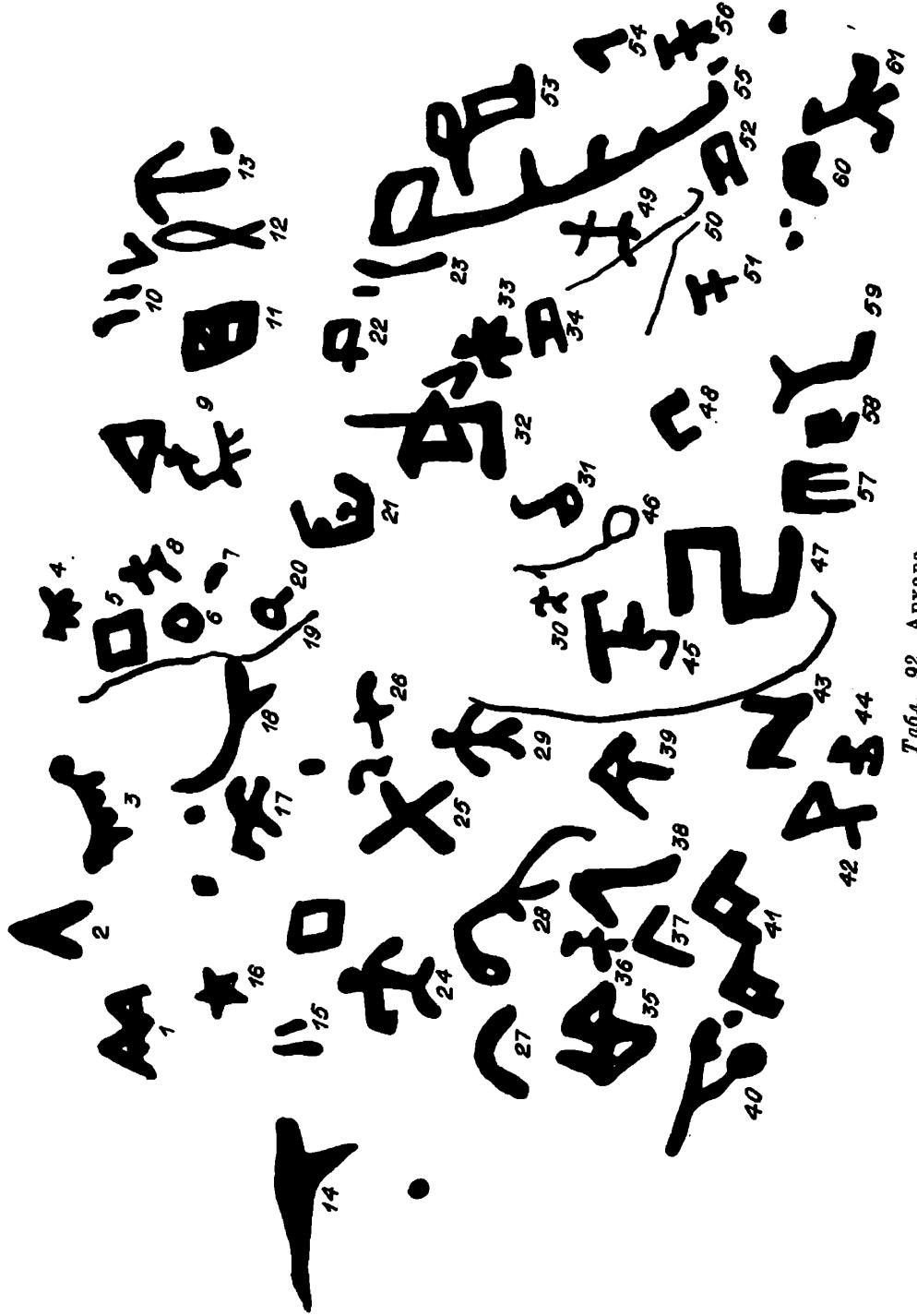

Табл. 92. Архара.

Табл. 93. Архара.

Табл. 94. Архара.

Табл. 95. Архара.

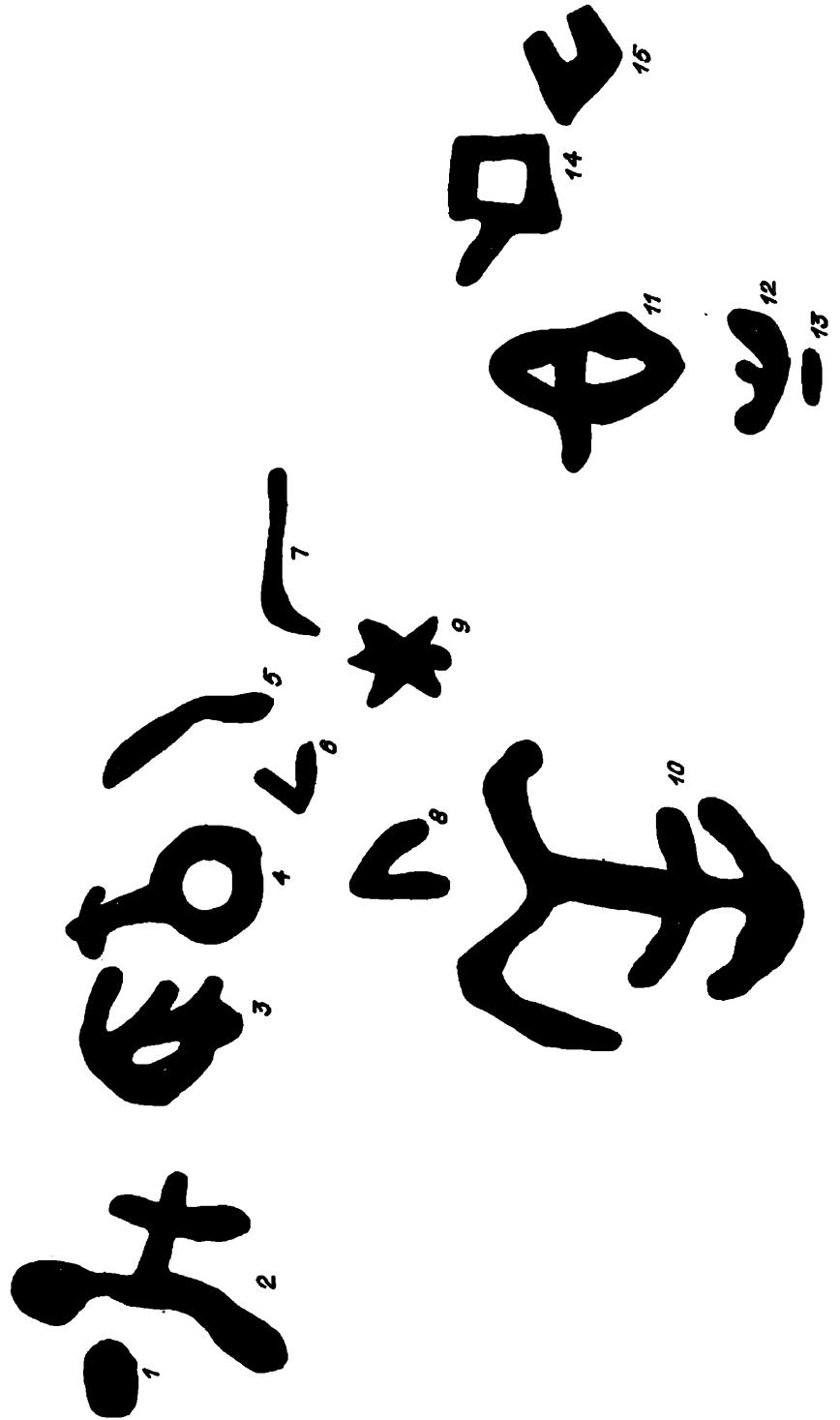

Табл. 96. Архара.

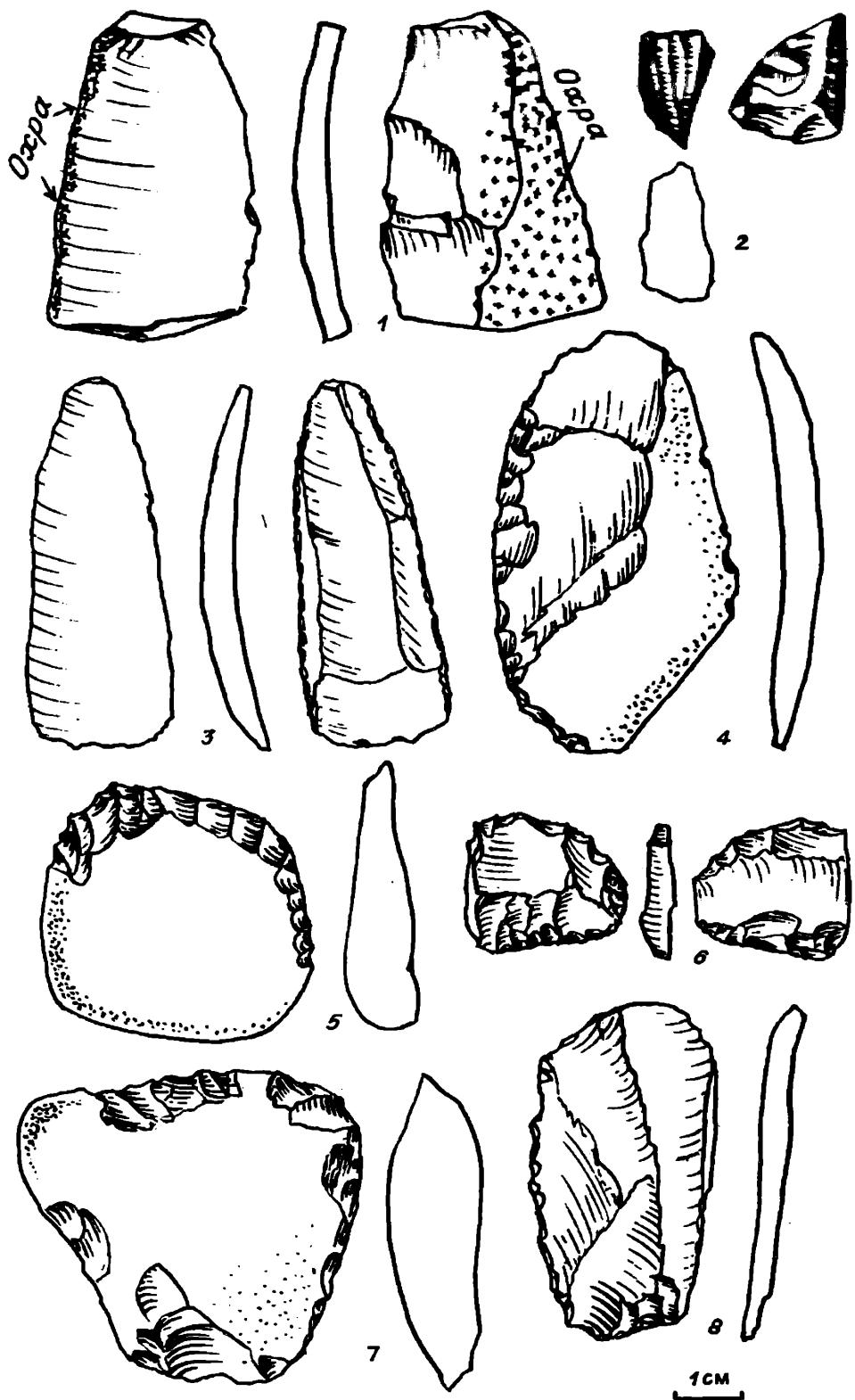

Табл. 97. Материалы из нююкинского жертвеника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. История исследования писаниц Приамурья	5
Глава II. Наскальные рисунки сопредельных территорий и проблемы датировки	12
Глава III. Общее описание таежных писаниц Приамурья	24
Глава IV. Периодизация таежных писаниц Приамурья	99
1. Памятники позднего плейстоцена и раннего голоцен	—
2. Памятники эпохи неолита и раннего металла	105
3. Памятники раннего железного века и средневековья	115
Глава V. Таежные писаницы Приамурья и этнографические параллели в хозяйстве и духовной культуре эвенков-орочонов	122
Заключение	151
Примечания	153
Список принятых сокращений	162
Таблицы	163

Анатолий Иванович Мазин

ТАЕЖНЫЕ ПИСАНИЦЫ ПРИАМУРЬЯ

**Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР**

Редакторы издательства Т. Р. Болдырева, В. И. Смирнова

Художник Н. А. Пискун

Художественный редактор И. В. Краснокутская

Технический редактор А. В. Сурганова

Корректоры В. Е. Рогова, Н. М. Горбачева

ИБ № 30260

Сдано в набор 23.04.85. Подписано к печати 30.09.85. МН-04517. Формат 60×100¹/16. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. л. 16,25. Усл. кр.-отт. 16,25. Уч.-изд. л. 20. Тираж 1000 экз. Заказ № 693. Цена 3 р. 30 к.

**Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.**

4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.